

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Б 64-6
240

Б. СУЛЕЙМЕНОВ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС
В КАЗАХСТАНЕ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX —
НАЧАЛА XX в.
(1867 — 1907 гг.)

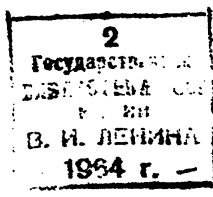
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА • 1963

В монографии освещается история аграрных отношений, территориально-хозяйственное устройство и начало оседания колониального аула, аграрная и переселенческая политика царизма в крае, а также социально-экономический состав переселенцев.

Большое внимание в книге уделено истории земледелия, ирригации, животноводства, сенокошения (у казахов), появлению аренды, развитию капиталистических и разложению феодально-родовых отношений и, вместе с тем, зарождению национальной буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата, развитию классовой борьбы и крестьянского движения в крае.

Книга предназначена для широкого круга партийной, советской, научной общественности, специалистов сельского хозяйства, студентов, преподавателей школ и вузов.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т. ЕЛЕУОВ

1579

ВВЕДЕНИЕ

До революции Казахстан был аграрным придатком Российской империи. Абсолютное большинство казахского населения — 98,8% — к началу XX в. занималось исключительно сельским хозяйством. Подавляющее большинство русского населения края — 63,1% — жило в деревнях и 36,9% — в городах. Значительное количество русского населения городов составляли крестьяне-переселенцы, которые также продолжали заниматься сельским хозяйством.

Между тем, по истории сельского хозяйства дореволюционного Казахстана, хотя бы по одной из его отраслей, до сих пор не создан обобщающий монографический труд. Объектом своего исследования мы избрали важную, но слабо изученную тему — аграрный вопрос. Необходимость в создании данной работы вызвана еще и тем, что все исследования до сего времени были подвержены влиянию культа личности.

Известно, что культ личности Сталина нанес немало вреда делу научной разработки актуальных проблем истории Казахстана, как и других республик Советского Союза, сковывал творческую мысль исследователей. В результате многие вопросы истории аграрных отношений в республике как дореволюционного, так и послереволюционного периодов не подвергались глубокому и всестороннему исследованию. Те немногочисленные работы, в которых в той или иной мере вскользь затрагивался указанный процесс, носили преимущественно описательный, фактографический характер, без обобщений и выводов, и в трактовке ряда важных проблем

нашей историографии имел место субъективизм. Естественно, что при таком подходе не могло быть правдивого освещения общественных явлений.

XX и XXII съезды КПСС развенчали культ личности, создали условия для ликвидации его тяжелых последствий и призвали историков к созданию научных трудов, правдиво освещающих историю трудящихся масс, их роль в развитии общества.

Перед советскими историками стоит повседневная задача — дать сокрушительный удар всякого рода фальсификаторам истории — идеологам империализма, пытающимся опорочить и извратить историю народов СССР.

В настоящее время, когда угнетенные и поработенные народы колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Южной Америки ведут национально-освободительную борьбу против колониализма и неоколониализма, правдивое освещение истории народов национальных окраин дореволюционной России, испытавших жестокий колониальный гнет со стороны царизма и империалистической буржуазии, приобретает особо важное значение.

В настоящей монографии исследуются различные стороны аграрного вопроса в колониальном Казахстане. В ней разоблачается сущность аграрной политики самодержавия и позиции помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий и группировок по аграрному вопросу вообще, в колониальном Казахстане в частности.

Автор поставил перед собой задачу подвергнуть научному анализу историю оседания и хозяйственного устройства казахского аула, уровень развития земледелия, технику полеводства, структуру посевных площадей, урожайность, степень товарности зернового хозяйства и животноводства, рост применения сельскохозяйственной техники, заготовки кормов и т. д.

В его задачу также входило изучение переселенческого движения, социально-экономического положения переселенцев, рассмотрение прогрессивного влияния хозяйственного быта деревни на развитие экономики казахского аула, истоков сотрудничества и дружбы между казахским и переселенческим крестьянством.

В работе ставится цель — исследовать зарождение

и развитие капитализма в сельском хозяйстве Казахстана, классовую структуру, формы и методы эксплуатации, обострение классовой борьбы в ауле.

В настоящем труде исследуются истоки проникновения идей революционного марксизма в Казахстан накануне 1905 г., прослеживается образование и деятельность социал-демократических групп и организаций, расстановка классовых сил, крестьянское движение в годы первой русской революции, роль и значение революции в дальнейшей судьбе народных масс колониального Казахстана.

Хронологические рамки исследования охватывают более сорока лет (1867—1907). Со времени столыпинской реакции начинается новый этап в развитии аграрного вопроса в России вообще, в Казахстане в частности. Поэтому освещение дальнейшего развития аграрного вопроса в Казахстане является самостоятельной темой, требующей специального исследования.

Монография написана на основе литературы и архивных документов.

В дореволюционной литературе по интересующему нас вопросу преобладают труды царских чиновников, изучавших казахский аул, пользуясь методологией дворянско-буржуазной историографии. Многим авторам того времени, исследовавшим казахский колониальный аул, свойственна непоследовательность. Нередко в трудах одного и того же автора по одному и тому же вопросу высказываются противоречивые суждения.

В ходе работы над избранной проблемой мы учитывали эти особенности дореволюционной историографии, оценив их критически. В данном случае мы подвергли анализу лишь основные труды дореволюционных исследователей.

До середины XIX в. Казахстан изучался в основном в плане географического обследования, знакомства с бытом и нравами населения. После завершения присоединения всех казахских земель к России, когда конкретно встал вопрос о законодательном закреплении «приобретенного» края, на первый план исследования выдвигаются уже вопросы экономического изучения казахской степи. Эта сторона вопроса нашла отражение в деятельности «Степной комиссии» по подготовке реформы 1867—1868 гг., что особенно четко выражено в

«Собрании литературных трудов» А. К. Гейнса¹, члена этой комиссии. Из труда А. К. Гейнса можно почерпнуть некоторые интересные сведения о хозяйственной жизни казахской степи конца 60-х годов XIX в.

В послереформенный период начался процесс территориально-хозяйственного устройства аула. Этот процесс отражен в трудах таких исследователей, как А. Е. Алекторов², И. А. Добросмыслова³, Г. Н. Потанина⁴, А. А. Кауфмана⁵, Г. К. Гинса⁶, И. Соловцева⁷, И. В. Аничкова⁸ и др.

Труды этих авторов носят описательный характер. В них показана жизнь казахского аула, его территориально-хозяйственное устройство. Несколько отличаются от них труды И. А. Добросмыслова. Будучи ветеринарным врачом Тургайской области, он систематически посещал казахские аулы, тщательно изучал хозяйственный быт шаруа и впоследствии подробно и правдиво описывал их. Причем, в отличие от других исследователей, к оценке сельского хозяйства в крае он подходил с позиции научных достижений в области сельского хозяйства того времени. В этом заключается достоинство его трудов, не утративших, на наш взгляд, своего значения и поныне.

В конце XIX — начале XX вв. началось оседание

¹ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. I. СПб., 1897.

² А. Е. Алекторов. Образ жизни киргизов. «Оренбургский листок», 1886, № 23; 1887, № 25; 1890, № 16, 17; Скотоводство киргиз. «Тургайская газета», 1895, № 1.

³ И. А. Добросмыслов. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1893; Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1894; Козоводство в Тургайской области. «Тургайская газета», 1895, № 3, 4; Общий вывод о скотоводстве киргиз в Тургайской области. «Тургайская газета», 1895, № 5, 6; «Скотоводство в Тургайской области». Оренбург, 1895.

⁴ Г. Н. Потанин. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири. Журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1883.

⁵ А. А. Кауфман. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910.

⁶ Г. К. Гинс. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. «Исторический вестник», т. 84. СПб., 1813.

⁷ И. Соловцев. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 21. Омск, 1897.

⁸ И. В. Аничков. Упадок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», кн. 5, 1902.

аула. Процесс этот проходил медленно, в зачаточной форме. Этому вопросу в дореволюционной периодической печати посвящено много статей, не имеющих, правда, особой ценности. Заслуживает внимания брошюра Т. Седельникова «Борьба за землю в киргизской степи».

В брошюре Т. Седельникова приведены некоторые сведения о начале оседания казахского колониального аула. Но автор допустил серьезные ошибки. Он, во-первых, обелял царские законы, якобы направленные к переходу казахов-кочевников к оседлости; во-вторых, борьбу за землю в казахской степи он рассматривал не с классовых позиций, а чисто с интеллектуальной стороны, т. е. как борьбу между кочевыми и оседлыми феодалами.

Жизнь казахского аула, аграрные отношения в нем в частности описывались во многих статьях дореволюционных авторов. К их числу можно отнести Я. Польфорова⁹, Н. Дингельштедта¹⁰, Н. Коншина¹¹, Л. Чермака¹², А. Кауфмана¹³, О. Шкапского¹⁴, В. Василь-

⁹ Я. Я. Польфоров. Земледелие в Тургайской области (очерк). Оренбург, 1896; его же. Русская колонизация в Киргизских степях. «Хозяин», 1897, № 49.

¹⁰ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края Сыр-Дарьинской области, ч. I и II. СПб., 1893; его же. Наша колонизация Средней Азии. «Вестник Европы», 1892, т. VI.

¹¹ Н. Коншин. От Павлодара до Каркаралинска; его же. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый. Киргизы на казачьих землях. «Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 г.». Семипалатинск, 1901.

¹² Л. Чермак. «Киргизское хозяйство в Степном крае (район ж. д. Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении)». СПб., 1912; его же. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», 1900, кн. 27; его же. Формы киргизского землепользования. «Сибирские вопросы», 1908, № 23, 24; его же. Переселенцы в Степном крае. «Сибирские вопросы», 1908, № 3, 4.

¹³ А. Кауфман. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910; его же. К вопросу о колонизации Уральской области. СПб., 1903; его же. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903; его же. Отчет по командировке в Тургайскую область. СПб., 1898; его же. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893—1902 гг. На сибирские темы. Под редакцией М. Н. Соболева. СПб., 1905; его же. Переселенцы — арендаторы Тургайской области (2-я часть отчета... по командировке в Тургайскую область). СПб., 1897.

¹⁴ О. Шкапский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). СПб., 1905; его же. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906.

ева¹⁵, Е. Смирнова¹⁶, И. Введенского¹⁷, В. Воронова¹⁸, А. Половцева¹⁹ и многих других.

Основная масса этих авторов — чиновники, изучавшие край по заданию царского правительства. Среди них были люди, связанные с местными научными обществами.

Такие авторы, как Л. Чермак, А. Кауфман, О. Шкапский, В. Васильев, А. Половцев, И. Введенский, исследовали казахский край специально по заданию царского правительства в колонизаторских целях. В их работах преувеличиваются успехи экономического прогресса казахского аула, достигнутые якобы по милости царя-самодержца. Такая идея чиновников закреплена в официальном издании переселенческого управления, посвященном 300-летию дома Романовых в книге «Азиатская Россия» (1914 г.).

Однако в трудах этих авторов подчас встречаются ценные фактические данные, позволяющие судить о развитии земледелия, состоянии скотоводства, процессе сложения капиталистических и разложения феодально-родовых отношений, об усилении классовой дифференциации в ауле, изъятии земель у казахских шаруа, образовании переселенческих и запасных участков.

К другой группе авторов можно отнести Н. Коншина и других, которые подходили к изучению жизни казахского края с позиции мелкобуржуазного объективизма. Н. Коншин, например, будучи одним из руководителей Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, занимался вопросами краеведения Казахстана, изучением аула, его отдельных социальных групп.

Несколько иначе подошли к изучению казахского

¹⁵ В. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915.

¹⁶ Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. СПб., 1887.

¹⁷ И. Введенский. Переселение и аграрный вопрос. «Вопросы колонизации», 1909, № 5.

¹⁸ В. Воронов. К вопросу о поземельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. Верный, 1908.

¹⁹ А. И. Половцев. Отчет чиновника особых поручений при МВД, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898

колониального аула П. П. Румянцев²⁰ и К. О. Валь²¹. Эти историки стремились подвергнуть анализу экономику аула с точки зрения классовой дифференциации. Но их труды отличались мелкобуржуазным объективизмом.

История дореволюционного казахского аула отражена и в произведениях выдающихся казахских просветителей — Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, Абая Кунанбаева, а также ученого-востоковеда А. А. Диваева. Их труды отражали правдивую историю аула, горе и страдания бедноты, призывали народ к экономическому и культурному прогрессу.

По трудам И. Алтынсарина можно судить об обострении аграрных отношений в ауле, о тяге казахских шаруа к оседлости и земледелию.

Труды А. Диваева свидетельствуют о произволе и насилии феодально-родовой верхушки и их ставленников по отношению к народным массам.

Под влиянием революционного движения в стране в конце XIX в. начала издаваться периодическая литература демократического направления на казахском языке. Выходил журнал «Айкап», издателем и редактором которого был ученик и последователь И. Алтынсарина — Мухамеджан Сералин. Его перу принадлежит много статей по аграрному вопросу.

Вся жизнь и литературная деятельность малочисленной казахской демократической интеллигенции на рубеже XX в., в том числе М. Сералина, протекала в острой идейной борьбе с феодально-байской националистической интеллигенцией.

В советскую эпоху изучение истории дореволюционного казахского аула можно условно разделить на два этапа: до Великой Отечественной войны и после нее.

На первом этапе внимание всех историков было приковано, главным образом, к двум проблемам: к вопросу об общественно-экономическом, политическом строе казахского аула, включая период первых лет советской

²⁰ П. П. Румянцев. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. «Вопросы колонизации», 1905, № 5; Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1911.

²¹ К. О. Валь. К истории экономических отношений у киргиз. «Научное образование», 1901, № 1.

власти, и к вопросу о революционном, национально-освободительном движении в начале XX в.

Вокруг этих проблем развернулась широкая дискуссия, особенно по первой из них.

Одна группа участников дискуссии выражала идеологию контрреволюционной Алаш-Орды. Она пыталась «доказать», что у казахов-кочевников господствовал «родовой строй» и поэтому в ауле классовой дифференциации и классовой борьбы не было. Они утверждали, что собственность на землю в дореволюционном Казахстане отсутствовала. Такая их позиция точь-в-точь совпадала с аграрной политикой царизма в Казахстане в прошлом и отвечала кровным интересам крупных скотовладельцев-феодалов в канун предстоящей земельной реформы.

«Теория родового строя» у казахов красной нитью проходит в брошюрах Е. А. Полачанского²² и В. Г. Соколовского²³, а извечность «кочевого быта» у казахов — в статье С. П. Швецова²⁴.

Несколько статей посвящено аграрному вопросу казахского аула. Но их авторы не вскрывали социальных отношений. Так, А. Ашмарин²⁵ описал лишь пути летних кочевок казахских аулов Куландинской и Урда-Кунганской волостей Иргизского уезда.

Н. Мацкевич²⁶ в статье, посвященной истории Семипалатинской губернии, неверно оценил общественный строй прошлого казахского аула.

Против теории «родового строя» выступил ряд историков и журналистов — Г. Тогжанов, С. Асфендияров и другие. Г. Тогжанов в брошюре «О казахском ауле»²⁷ и в книге «Казахский колониальный аул»²⁸ вскрыл ошибоч-

²² За новый аул — кистау. М., 1926, стр. 11—12.

²³ Казахский аул. Ташкент. 1946, стр. 17.

²⁴ Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР. М., 1926, стр. 102—105.

²⁵ Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки (историческое описание). «Советская Киргизия», 1925, № 5, 6.

²⁶ Записки Семипалатинского отделения об-ва изучения Казахстана. Семипалатинск, 1926, т. I (вып. XVII).

²⁷ Кызыл-Орда, 1927.

²⁸ Издание научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. М., 1934.

ность теории «родового строя» у казахов, и на основе экспедиционных и других материалов доказал, что в казахском колониальном ауле существовали классы, велась классовая борьба. Он считал, что в скотоводческо-земледельческой зоне края развивались товарно-денежные отношения и появились баи — аульные буржуа. Но автор несколько преувеличил роль таких баев, сравнивая их с сельской буржуазией типичной русской деревни. Ошибочна и оценка, которую дает Г. Тогжанов степени проникновения товарно-денежных отношений в скотоводческую зону края, а также возникновения и развития капитализма. Вместе с тем выступление Г. Тогжанова в печати, особенно в период коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, сыграло большое значение.

Вслед за работами Г. Тогжанова вышел в свет обобщающий труд С. Асфендиярова²⁹, в котором автор описал историю Казахстана с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Книга показывает эволюцию хозяйства аула, разложение патриархально-родовых и развитие капиталистических отношений, возникновение казахской национальной буржуазии — байства нового типа. Точка зрения С. Асфендиярова в конечном счете не расходится с позицией Г. Тогжанова.

В довоенной историографии Казахстана укоренилось глубоко ошибочное мнение, отрицавшее прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Это же мнение до сих пор отстаивает П. Г. Галузо, который писал об этом в книге «Туркестан — колония» (1935 г.).

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период был издан первый том «Истории Казахской ССР». Книга претерпела три издания, последнее из них вышло в свет в 1957 г.

В первых двух изданиях допущен ряд ошибок: восхвалялись ханы, султаны, положительно оценивались отдельные реакционные движения. В последнем издании эти ошибки устранены.

В конце 40-х и в 50-х годах вышли крупные моногра-

²⁹ История Казахстана с древнейших времен. Алма-Ата, 1935.

фические работы Е. Б. Бекмаханова³⁰, А. Б. Турсунбаева³¹, Н. Апполовой³², посвященные прогрессивному значению присоединения Казахстана к России. В монографии Е. Б. Бекмаханова на большом фактическом материале показано, как под влиянием проникновения товарно-денежных отношений менялась экономика края, усиливался процесс разложения натурального хозяйства шаруа, что вело к дальнейшему обострению социальных противоречий в ауле. В работе освещены вопросы, касающиеся политической, культурной связи Казахстана с Россией, революционной солидарности трудящихся масс.

В монографии А. Б. Турсунбаева анализируется развитие крестьянского переселенческого движения в Казахстан в годы столыпинской реакции, цели и характер переселенческой политики царизма, районы переселения, их социально-экономический тип и хозяйственное положение переселенцев, а также экономическое развитие аула.

В книге Н. Апполовой показано начало присоединения, экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — первой четверти XIX вв. Интересные данные по экономике и классовой структуре дореволюционного казахского аула имеются в работе С. Е. Толыбекова³³, а также в книгах С. Н. Покровского³⁴, А. Н. Нусупбекова³⁵, Т. Е. Елеуова³⁶, С. Зиманова³⁷, А. Еренова³⁸.

³⁰ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

³¹ А. Б. Турсунбаев. К истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

³² Н. Апполова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—первой четверти XIX вв. М., 1961.

³³ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.

³⁴ С. Н. Покровский. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.

³⁵ А. Н. Нусупбеков. Объединение казахских земель в Казахской АССР. Алма-Ата, 1953.

³⁶ Т. Е. Елеуов. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961.

³⁷ С. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.

³⁸ А. Еренов. Возникновение и развитие социалистических земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1963.

Наряду с изучением экономических последствий присоединения Казахстана к России исключительно важное значение имеет анализ процесса зарождения казахской национальной буржуазии и национального пролетариата, выявление особенностей и специфики формирования новых классов в крае. В этой связи особую ценность представляет работа А. Н. Нусупбекова «К вопросу о формировании казахской буржуазной нации»³⁹. Автор доказал, что «вместе с развитием капиталистических отношений шел процесс сложения экономической общности казахской буржуазной нации. Элементы общности языка, территории, культуры развились в общность национального языка, территории и культуры. Таким образом, шел процесс консолидации казахского народа в буржуазную нацию». Вместе с тем, казахский народ не прошел периода промышленного капитализма: в крае до Великой Октябрьской социалистической революции господствовали патриархально-феодальные отношения и «в силу этих обстоятельств исторический процесс образования казахской буржуазной нации не был завершен».

За последние годы также опубликован ряд статей по истории колониального аула и переселенческой деревни, из них отметим статьи О. А. Ваганова⁴⁰ «Царизм и казахское байство» и «Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907—1914 гг.)»; Л. М. Ауэзовой⁴¹ «Развитие земледелия у казахов в последней четверти XIX в.» и «К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия»; И. Ф. Макарова «Казахское земледелие в конце XIX— начале XX вв.»⁴².

В статье И. Ф. Макарова повторяется ошибочное положение о «средней величине» Щербины, которое он допустил в экспедиционных материалах, собранных для книги «Влияние урожаев и хлебных цен». Как известно,

³⁹ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

⁴⁰ «Вопросы истории», 1946, № 5; «Исторические записки», 1950, № 31.

⁴¹ «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», вып. 2 (5). Алма-Ата, 1957; «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», вып. 1 (6). Алма-Ата, 1958.

⁴² Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3, М., 1959.

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» подверг эту книгу острой критике.

Рабочее и крестьянское движение в Казахстане развертывалось в эпоху империализма, в период мощного революционного подъема в России. Союзником рабочего класса к этому времени было не только крестьянство европейской части, но и поработанные массы национальных окраин страны. Между тем, историография рабочего и крестьянского движения в Казахстане, равно как и во всей Средней Азии, противоречива. Некоторые авторы отрицали всероссийский характер буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., игнорировали факт участия в ней поработанных народов окраин царской России. В трудах немногих историков встречались даже необоснованные нападки против народов Средней Азии и Казахстана, поднявших в 1905—1907 гг. на революционно-освободительную борьбу. Так, некто Азиз Нияло, например, писал, что в 1905 г. в Туркестане «брожение среди местного населения... выявлялось там в виде вспышек аграрного бандитизма»⁴³. Явно извращая историю, автор фактически характеризует героическую борьбу городских и сельских трудящихся Средней Азии и Казахстана, как истоки контрреволюционного басмачества.

Не менее парадоксально звучит рассуждение другого автора, П. Алексеенко⁴⁴, который приписывает руководящую роль в революции 1905—1907 гг. национальной буржуазии.

Длительный период стоял на позиции отрицания революции 1905—1907 гг. в Средней Азии и Казахстане Е. Г. Федоров⁴⁵. Но в статье, посвященной 35-летию революции 1905 г., он пересмотрел свои взгляды («Большевик Казахстана», 1940, № 12).

За последние годы изучение истории революции

⁴³ Азиз Н и а л о. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941, стр. 28.

⁴⁴ П. Алексеенко. Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 г. Журн. «Пролетарская революция», 1928, № 8, стр. 127.

⁴⁵ Е. Г. Федоров. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925; 1905 год и коренное население Туркестана. «Новый Восток». М., 1925, № 10, 11; Отзвуки восстания 1905 г. в казахских степях. Газета «Советская степь», 22 января 1930 г.

1905—1907 гг. в Средней Азии и Казахстане продвинулось далеко вперед. Вышел в свет ряд документальных сборников, статей и монографий. Из их числа особо выделяется труд А. В. Пясковского⁴⁶.

В этой большой работе исследованы социально-экономические отношения и выяснена политическая обстановка в Туркестане накануне 1905 г., правдиво освещены вопросы истории рабочего и аграрно-революционного движения накануне и в период революции 1905—1907 гг.

Автор подверг тщательному анализу историю социал-демократического движения в крае со времени появления первых марксистских кружков до создания местных партийных организаций. Он дал правильную оценку революционному, социал-демократическому движению в южных районах Казахстана.

Вышел ряд статей и исследований, к числу которых относится работа А. П. Кияницы⁴⁷. В ней прослеживается история образования большевистских групп и организаций в Северном Казахстане в период первой русской революции, их деятельность в городах и селениях.

В ходе исследования темы автор неоднократно выступал в печати по истории аула и села вообще, по аграрно-революционному движению в начале XX в. в частности, что облегчало написание данной книги⁴⁸.

При изучении истории рабочего и аграрного движения в Казахстане большую ценность представляют документальные сборники, изданные за последние годы Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Ва-

⁴⁶ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958.

⁴⁷ А. П. Кияница. Большевики северного Казахстана в период первой русской революции. Алма-Ата, 1955.

⁴⁸ Б. С. Сулейменов. Подготовка реформы 1867—1868 гг. в Казахстане. «Известия КФАН СССР (серия историческая)» 1946, вып. 2; И. Алтынсарин и передовая общественная мысль в Казахстане во II половине XIX в. «Вестник АН КазССР», 1950, № 5; Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867—1868 гг. «Вестник АН КазССР», 1951, № 2; Казахстан в период первой русской революции. Алма-Ата, 1949; К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Казахстане. «Известия АН КазССР (серия историческая)», 1950, вып. 5; Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1955, № 3; Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах А. А. Диваева. «Известия АН КазССР (серия ист., арх. и этн.)», 1959, вып. 1; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. II. Алма-Ата, 1961.

лиханова совместно с Архивным управлением при Совете Министров Казахской ССР и Институтом истории партии при ЦК КПК⁴⁹.

При написании настоящей монографии были использованы документы, хранящиеся в архивах Алма-Аты, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Оренбурга, Омска и Саратова. Фактические данные взяты из «Материалов по киргизскому землепользованию», собранных и разработанных под руководством Щербины, Палена, Кузнецова, Румянцева, а также статистическими партиями Тургайско-Уральского переселенческого района⁵⁰ и Сыр-Дарьинской области под руководством А. П. Скрыплева⁵¹.

Кроме того, использованы материалы совещаний «по киргизскому землеустройству», проводившихся в 1891—1909 гг. при министерстве внутренних дел и при областных правлениях, исследования В. Тресвятского⁵², обзоры областей и министерства земледелия и государственных имуществ⁵³.

Следует отметить, что в экспедиционных материалах, собранных и разработанных по единой инструкции, содержатся принципиальные ошибки и извращения истории колониального аула. Так, Ф. Щербина и другие исследователи составляли материалы по «средней величине», тем самым затушевывали классовое расслоение аула. По мнению Ф. Щербины, богатые скотовладельцы, так же как бедняки и середняки, отпускали «батраков». На такой же позиции стоял и П. Румянцев⁵⁴.

⁴⁹ «Революция 1905—1907 гг. в Казахстане». Составитель Ф. Киреев. Под редакцией Б. С. Сулейменова. Алма-Ата, 1949; «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.». Алма-Ата 1955; «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.». Алма-Ата, 1957.

⁵⁰ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд. Оренбург, 1909; Темирский уезд Оренбург, 1910.

⁵¹ Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908; Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

⁵² В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Петроград, 1917.

⁵³ Обзор сельскохозяйственной жизни заселенных районов России за 1913 г., СПб., 1914.

⁵⁴ «Вопросы колонизации», 1909, № 5, стр. 116.

Действительностью же этот вывод не подтверждался, так как ни один бай не отпускал батраков.

Наиболее полные данные, казалось бы, можно было получить из материалов Военно-конной переписи и Всеобщей переписи населения Российской империи. Но и здесь допущено много неточностей и извращений. В тщательной проверке нуждаются также сведения, которые можно извлечь из ежегодных обзоров областей, памятных книжек и справочных календарей. Но сами же авторы этих материалов нередко предупреждают о неточностях и условном характере их данных.

Большое значение для написания этой книги имели материалы дореволюционной периодической печати.

В годы первой русской буржуазно-демократической революции в крае издавалось много газет и журналов. Только в Оренбурге, например, выходило свыше 30 газет различных направлений. Каждая политическая группировка старалась иметь свой орган. Ход революционного движения описывался на страницах буквально всех газет и журналов как левого, так и правого направлений. Если судить о содержании опубликованных статей, то, разумеется, правдиво освещались события лишь на страницах социал-демократических газет, а также в отдельных других изданиях прогрессивного направления.

В Оренбурге выходили социал-демократические газеты «Степь» и «Простор» (в 1907 г. они объединились в одну газету под названием «Степь»), как официальные органы Оренбургской группы РСДРП, имевшие корреспондентскую сеть и в казахской степи. Кроме того, судя по политической направленности, газета «Оренбургский вестник» ориентировалась на позицию большевиков, в частности она опубликовала призывы В. И. Ленина «Кого выбирать в Государственную думу», осуждала позицию меньшевиков и открыто пропагандировала идеи большевиков.

На татарском языке в Оренбурге выходила социал-демократическая газета «Урал», редактором которой был большевик Хусаин Ямашев. Ему большевистские газеты «Звезда» и «Невская Звезда» посвятили некрологи, подчеркивая его заслуги перед РСДРП в период первой русской революции.

Газета «Урал» освещала ход революционного движе-

ния, осуждала позицию реакционных сил, призывала к освободительной борьбе угнетенные и поработанные массы национальных восточных окраин страны, в том числе казахских рабочих и шаруа, так как она распространялась и среди казахского населения. В одном из номеров газеты напечатан полный текст «Интернационала».

В г. Ташкенте, центре Туркестанского края и Сыр-Дарьинской бедноты, издавались большевистские газеты «Русский Туркестан», «Солдатский листок — Правда» и др. На страницах социал-демократических газет помещались статьи и корреспонденции о тяжелом положении трудящихся аула и кишлака и об их отношении к революционному движению в стране.

Газеты и журналы прогрессивного направления выходили также в Уральске («Уралец», «Уральский дневник»), Петrspавловске («Степная жизнь»), Семипалатинске («Трудовая жизнь»). Список их может быть продолжен, но для характеристики периодических изданий, выходивших в 1905—1907 гг., достаточно, на наш взгляд, указанных названий. Несомненно одно, что помещенные в социал-демократической печати того времени статьи правдиво освещают историю революционной борьбы, помогают выяснить расстановку классовых сил в крае.

Архивные документы по аграрному вопросу в Казахстане довольно многочисленны. Они сосредоточены в основном в следующих архивохранилищах:

а) Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ);

б) Центральный государственный исторический архив СССР в Москве (ЦГИАМ);

в) Центральный государственный военно-исторический архив СССР в Москве (ЦГВИА);

г) Центральный государственный исторический архив УзССР в Ташкенте (ЦГИА УзССР);

д) Центральный государственный архив КазССР в Алма-Ате (ЦГА КазССР);

е) Государственные архивы Оренбургской, Омской, Саратовской областей РСФСР.

В ЦГИАЛ были просмотрены фонды министерства внутренних дел (8-е делопроизводство Земского отдела),

Комитета сибирской железной дороги, министерства сельского хозяйства и государственных имуществ, Главного переселенческого управления, кабинета министров и т. д.

Из этих фондов выявлены и использованы ценнейшие материалы, позволившие выяснить многогранные стороны аграрных отношений в Казахстане последней трети XIX — начала XX вв.

В ЦГИАМ и ЦГВИА найдены важные сведения по истории крестьянского движения в Казахстане в период первой русской революции. Они взяты из фондов Особого отдела департамента полиции, министерства юстиции, военных ведомств. Большую ценность представляют многочисленные прокламации и листовки Сибирского социал-демократического союза, Омского комитета РСДРП, Оренбургского, Уральского, Ташкентского комитетов РСДРП и др. Интересные данные имеются также о социал-демократическом движении в Казахстане, как-то: материалы о связях местных партийных организаций с центром, следственные дела отдельных членов социал-демократических организаций из коренного населения (например, дело Жан-Шах Альмухамедовича Сейдалина). Интересные материалы обнаружены в Саратовском, Оренбургском, Омском областных государственных архивах. В Саратове, например, найдены новые материалы по истории Уральского комитета РСДРП, об ученической социал-демократической организации в Уральске и участниках этой организации. В Оренбурге хранятся ценные сведения об участии казахского крестьянства Оренбургской губернии и Тургайской области в социал-демократическом движении в период революции 1905 г., а в Омске — материалы по истории революционного движения в Степном крае и деятельности Петропавловской группы РСДРП.

В ЦГИА УзССР выявлены материалы по истории аула и села Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей конца XIX — начала XX вв. Они найдены в богатейших фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, военного губернатора Сыр-Дарьинской области, Туркестанского районного охранного и полицейского уп-

правления, Ташкентской судебной палаты и др. Особую ценность представляют документы по вопросам землепользования, землевладения, водопользования, оседания, скотоводства, арендных отношений, истории земледелия, переселенческой политики царизма, а также по истории революционного и социал-демократического движения.

Основные материалы по истории дореволюционного Казахстана в целом, по аграрному вопросу в частности, сконцентрированы в ЦГА КазССР, в Алма-Ате. Автор изучил богатейшие фонды Степного генерал-губернаторства, Тургайского, Акмолинского, Семипалатинского и Семиреченского областных правлений и статистических комитетов, уездных управлений, документы податных инспекторов, жандармско-полицейских, судебных учреждений, органов надзора и крестьянских начальников.

Автором использованы также многочисленные жалобы, заявления, прошения и петиции шаруа по аграрному вопросу. По этим документам можно судить о степени остроты аграрных отношений в ауле и классовой борьбе вокруг этого вопроса, о росте политического самосознания народных масс, влияния на них революционного рабочего класса и крестьянства центра страны.

Но следует отметить, что в архивных материалах, особенно исходивших из официальных кругов царской власти, подлинный ход событий нередко искажен. Поэтому при использовании такого рода документов применялся сопоставительный метод исследования. Тем не менее, как литературные источники, так и архивные документы служили основным арсеналом данного исследования.

При написании настоящей работы нами использованы некоторые источники, собранные для документального сборника «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства Казахстана (1867—1900 гг.)». В выявлении этих материалов участвовали сотрудники ЦГА КазССР Ф. Н. Киреев, А. К. Алейникова, научные работники Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Ф. Маликов и М. Асылбеков.

Автор выражает признательность этим товарищам за предоставленную возможность использовать часть материалов для написания этой книги.

В процессе работы над монографией автору оказывали товарищескую помощь другие сотрудники Института истории АН Казахской ССР, а также кафедр истории КазГУ им. С. М. Кирова и КазПИ им. Абая. Особенно ценные советы и критические замечания даны доктором исторических наук А. В. Пясковским. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить всех товарищей, принимавших участие в рецензировании и обсуждении рукописи в ходе подготовки ее к печати.

Глава первая

КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Население и территория казахских земель

До завершения присоединения к России, т. е. до реформы 1867—1868 гг., в Казахстане всеобщие переписи населения не проводились. Численность его определялась по неточным донесениям низовой администрации, а также личных наблюдений царских чиновников, побывавших в аулах, и записей о поступлении налогов.

По этим причинам в дошедших до нас материалах встречаются противоречивые данные. Не прибегая к анализу последних, возьмем за основу подсчеты председателя Оренбургской пограничной комиссии известного ученого-востоковеда Григорьева¹, статистика Мейера², исследователя Западной Сибири Завалишина³ и Туркестанского края — Макшеева⁴.

В области оренбургских киргизов, по данным В. В. Григорьева, к 1854 г. насчитывалось 1 млн. человек, а по мнению Мейера (его оценка на 1864 г.) — 800 тыс. По губернским отчетам, к 1860 г. в области сибирских киргизов (при расчете по 6 душ на кибитку) проживало 283 045 человек обоего пола⁵; по И. Завалишину, в Семипалатинской области в 1860 г. — 179 252; и по мнению

¹ Н. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, стр. 135.

² Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 86—87.

³ Описание Западной Сибири. М., 1862, стр. 7.

⁴ Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. СПб., 1868, стр. 54.

⁵ Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. СПб., 1868, ч. I, стр. 323—324.

А. Макшеева, к 1867 г. в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях насчитывалось более 500 тыс. жителей.

Таким образом, накануне реформы 1867—1868 гг. насчитывалось около 2 млн. казахов.

Представляет известный интерес сопоставление предреформенных сведений с данными переписи 1897 г., особенно при определении среднего ежегодного прироста казахского населения.

По переписи 1897 г. казахское население на территории области оренбургских киргизов составляло 1 301 093 чел., а по данным Мейера (1865 г.)—800 тыс.; на территории «Области сибирских киргизов» — соответственно 425 025 и 283 045 чел. (1860 г.), в Семипалатинской — 604 534 и 179 252 чел. (1868 г.); в Сыр-Дарьинской и Семиреченской (исключая население Северной Киргизии) — 1 417 024 и более 500 тыс. человек.

Следовательно, ежегодный прирост казахского населения к 1897 г. на территории области оренбургских киргизов (за 32 года) составил 1,92%; области сибирских киргизов (за 37 лет)—1,36%, в Семипалатинской (за 29 лет)—2,42%; в Сыр-Дарьинской и Семиреченской (за 30 лет)—2,13%.

Таким образом, можно полагать, что среднегодовой прирост местного населения Казахстана в период с 1860 по 1897 г., т. е. за 37 лет, составлял около 2%.

Кроме местных жителей, Казахстан населяли и другие народы: русские, украинцы, немцы, поляки, мордва, татары, уйгуры, дунгане. По материалам первой переписи, на территории шести областей Казахстана, Букеевского ханства и Мангышлакского приставства жило 5 219 347 душ обоего пола; в частности, в Уральской области⁶ (площадь 284 211,8 кв. версты) — 645 121; в Тургайской области (399 789 кв. верст)—453 416; в Акмолинской (397 860 кв. верст)—682 608; в Семипалатинской

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXVIII. «Уральская область». СПб., 1904, стр. 3; LXXXVII. «Тургайская область», 1904, стр. 4—5; LXXXI. «Акмолинская область», 1904, стр. 4 и 1; LXXXIV. «Семипалатинская область», 1905, стр. 1; LXXXV. «Семиреченская область», 1905, стр. 4—5; LXXXVI. «Сыр-Дарьинская область», 1905, стр. 4; «Астраханская губерния», тетрадь I, 1899, стр. 1; тетрадь 2, 1904, стр. VII; LXXXII. «Закаспийская область», 1904, стр. 7.

(445 310 кв. верст)—684 590; в Семиреченской (347,910 кв. верст)—987 863; в Сыр-Дарьинской (452 840 кв. верст)—1 478 398; в Букеевском ханстве (70 781 кв. верст)—214 796 и в Мангышлакском приставстве (площадь 190 200 кв. верст)—68 555.

Следует отметить, что при учете площади областей исключались водные пространства, а также то, что в состав дореволюционного Казахстана из чисто административно-управленческих соображений были причислены некоторые уезды, по существу не относящиеся к территории края. Так, в состав Сыр-Дарьинской области относился Аму-Дарьинский отдел (площадь 97 960 кв. верст, население 194 473 чел.), часть Ташкентского уезда с г. Ташкентом (площадь 38 870 кв. верст, население 249 915 чел., из них казахов —163 105). В состав Семиреченской области включалась территория Северной Киргизии с Пишпекским (площадь 80 480 кв. верст, население 176 577 чел.) и Пржевальским (площадь 47 760 кв. верст, население 147 517 чел.) уездами. В составе Акмолинской области числился Омский уезд (площадь 37 170 кв. верст, население 100 537 чел., из них казахов —39 819).

В описываемый период край в целом оставался редконаселенным. Судя по материалам переписи, плотность населения на одну кв. версту составляла: в Акмолинской области —1,37 чел., в Семипалатинской —1,54, в Уральской —2,27, в Тургайской —1,13, в Семиреченской —2,84, в Сыр-Дарьинской —3,26, в Букеевском ханстве —3,03 и в Мангышлакском приставстве —0,3 чел.

Таким образом, самая большая плотность населения была в Сыр-Дарьинской области — в десять раз выше, чем в Мангышлакском приставстве и в три раза выше, чем в Тургайской области. Это объясняется прежде всего географическими особенностями и хозяйственным укладом жизни населения.

Мангышлакское приставство, вошедшее по административному делению в состав Закаспийской области, характеризовалось суровыми почвенно-климатическими условиями (солончаковые безводные пустыни, бесплодные гористые плато). Прежде всего этим обстоятельством объяснялась редкая заселенность его территории. Здесь жили кочевники адаевцы — один из казахских родов.

Тургайская область занимала северо-восточную часть Арало-Каспийской низменности. На востоке она граничила с Акмолинской, на юге — с Сыр-Дарьинской, на западе — с Уральской областями, а на севере — с Оренбургской губернией.

Северная часть области (Кустанайский и Актюбинский уезды) отличалась плодородием почв и умеренным климатом; южная часть (Иргизский и Тургайский уезды) изобиловала равнинами и песчаными массивами (пески Тауп, Большие и Малые Барсуки, Устюрт), пригодными только для кочевого скотоводства. Разумеется, южные уезды отличались малозаселенностью. Плотность населения на одну кв. версту в Тургайском уезде была 0,61, в Иргизском — 0,77 чел., а в Актюбинском и Кустанайском — соответственно 2,29 и 2,10 чел.

В Сыр-Дарьинской области наибольшая плотность населения приходилась на оседло-земледельческий оазис Ташкентского уезда — 11,54 чел., затем на Аулие-Атинский (4,22), Қазалинский (2,35) и Чимкентский (2,28) уезды. Наименьшая плотность населения отмечалась в уездах, значительная часть территории которых занята солончаковыми и песчаными пустынями, например, в Перовском — 2,08 чел.

В Семиреченской области самая большая плотность населения была в Джаркентском уезде (20,65 чел.), а самая низкая — в Копальском (1,88 чел.)

Основной базой развития кочевого скотоводства севера, северо-запада, северо-востока и юго-востока края были луговые массивы Иртыша, Бухтармы, Ишима, Тургая, Урала, Уила, Эмбы, Сыр-Дарьи, Чу, Или, Сарысу, Таласа, Арыси, Чаяна и других рек. Они имели большое значение для летнего нагула и зимних тебеневок скота. На этих массивах сконцентрировалось большинство казахских аулов.

Кроме скотоводства местное население занималось рыбным и охотничьим промыслом, а также добычей соли из соляных озер. Но в основном оно занималось сельским хозяйством. Об этом можно судить по распределению населения в городах и сельской местности. Исключая Букеевское ханство и Мангышлакское приставство, к началу XX в. в Казахстане жило всего 4 931 286 чел., из которых в городах — 472 822 (9,7%), в аулах и селах — 4 458 464 (90,4%).

Таблица 1

Количество населения в Казахстане к началу XX в.

Области	В городах				В сельской местности			
	Мужчин	Жен- щин	Всего	Соотношение к населению об- ласти, %	Мужчин	Женщин	Всего	Соотно- шение к населе- нию об- ласти, %
Акмолинская	39 383	35 369	74 756	11,0	315 579	292 277	607 856	89,0
Семипалатинская	29 623	24 865	54 488	7,96	335 365	294 737	630 102	92,04
Семиреченская	35 291	27 683	62 974	6,37	493 914	430 965	294 879	93 63
Сыр-Дарьинская	117 259	88 337	205 596	13,9	686 152	596 650	1266 802	86,1
Уральская	28 652	26 830	55 482	8,5	307 320	282 319	5,9 639	91,5
Тургайская	10 079	9 451	19 530	4,3	227 924	205 962	433 886	95,7
Итого	260 287	212 535	472 822	9,6	2 266 254	2 092 210	4458 464	90,4

Количество городского и сельского населения в областях Казахстана распределялось неравномерно. Это видно из таблицы 1, составленной на основании опубликованных материалов «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.».

Из таблицы видно, что Сыр-Дарьинская и Акмолинская области резко отличаются от Семиреченской и Тургайской, хотя в число городов последней не вошел ее административный центр г. Оренбург (он был отнесен к Оренбургской губернии), тогда как в состав городов Сыр-Дарьинской области вошел ее административный центр г. Ташкент с населением 155 673 чел., а в состав Акмолинской — г. Омск (37 376 человек).

Вместе с тем, наиболее густонаселенными были Тургайская и Семиреченская области, где население занималось исключительно сельским хозяйством на собственных и арендованных участках.

Не менее интересно соотношение мужского и женского населения: в дореволюционном Казахстане в городах мужчин жило больше на 11,6%, а в сельской местности — на 6,2%.

Как отмечалось выше, Казахстан был краем многонациональным. Приведенная ниже таблица 2, также составленная по материалам первой всероссийской переписи, характеризует численность и национальный состав населения его областей.

Как видно из данных таблицы, абсолютное большинство населения края составляло казахское (около 70%), затем русское (свыше 12%). Больше всего русских к концу XIX в. жило в Акмолинской, Уральской, Семиреченской и Семипалатинской областях.

Такова была общая численность населения и территория Казахстана накануне и после завершения присоединения края к России.

2. Завершение присоединения казахских земель к России

а) Политический строй

После добровольного принятия Младшим и Средним жузами подданства России в них в течение столетия номинально сохранялась ханская власть. Но постепенно

Таблица 2

Количество населения по национальностям

Области	Казахи	Русские	Узбеки	Татары	Кара-калпак	Мордва	Поляки	Немцы	Евреи	Уйгуры	Прочие
Акмолинская	427 389	225 641	—	10 819	—	8 549	1142	4 791	1 613	—	2 667
в т. ч. в городах	6 758	54 133	—	8 833	—	412	884	700	1 599	—	1 436
Семипалатинская	604 564	68 433	495	9 940	—	392	195	100	287	—	184
в т. ч. в городах	16 030	29 384	344	7 983	—	98	179	71	277	—	122
Семиреченская	794 815	55 465	14 895	8 353	—	—	—	—	—	55 999	18 336
в т. ч. в городах	6 643	28 730	5 889	4 283	—	—	—	—	—	10 772	6 657
Сыр-Дарьинская	952 061	44 342	208 510	5 257	93 215	—	—	—	—	—	174 521
в т. ч. в городах	10 038	25 789	40 979	4 416	45	—	—	—	—	—	117 319
Уральская	460 173	163 910	—	17 805	—	797	250	161	115	—	1910
в т. ч. в городах	3 014	45 946	—	5 715	—	229	192	125	108	—	152
Тургайская	410 904	35 028	—	3 197	—	2132	—	—	—	—	2 155
в т. ч. в городах	1 352	14 885	—	2 063	—	701	—	—	—	—	529
Всего	3 649 906	633 311	223 400	45 371	93 215	11870	1 587	5 052	2 015	55 999	199 773
в т. ч. в городах	43 835	233 877	47 212	32 291	45	1440	1 255	896	1 984	10 772	125 215

царизм прибрал к рукам политическую власть в Казахстане. Уже к концу XVIII в. был отменен прежний порядок выборности ханов на собрании (курултае) султанов и феодально-родовых старшин. Ханская власть в Младшем жузе контролировалась оренбургским генерал-губернатором, а в Среднем — западно-сибирским.

Территория Семиречья, где располагался Старший жуз, до присоединения к России, т. е. почти середины 50-х годов XIX в., находилась под властью Кокандского ханства и управлялась беком, казиями и другими сатрапами. Затем из территории Семиречья и северных районов Киргизии был образован военно-административный Алатауский округ. Местное население этого края до реформы 1867 г. находилось под властью начальника скруга, непосредственно подчиненного генерал-губернатору Западной Сибири; порядок управления оставался таким же, как и при кокандском владычестве.

До реформы 1867 г. население районов нижнего и среднего течения р. Сыр-Дарьи находилось под управлением командующего Сыр-Дарьинской военной линией, подчиненного оренбургскому генерал-губернатору. При командующем военной линией находился чиновник особых поручений, власть которого распространялась только на коренное население края. Здесь также сохранился порядок управления над местным населением, который был установлен при господстве Кокандского ханства.

В это время как в Семиречье, так и на Сыр-Дарье расцветала власть феодально-родовой верхушки над обездоленными. Тяжесть двойного гнета всецело ложилась на плечи народных масс.

Из состава Младшего жуза в результате междоусобной феодальной распри среди потомков хана Абулхаира в районе Нарын-Кума, между Уралом и Волгой, в 1801 г. выделилось Букеевское ханство, именуемое в дореволюционной литературе «Внутренней ордой».

Для управления территорией Младшего жуза при Оренбургском генерал-губернаторстве было образовано специальное колониальное учреждение — так называемая «Пограничная комиссия», а для управления территорией Среднего жуза — «Областное правление сибирских

киргизов»⁷, созданное при Западно-Сибирском генерал-губернаторстве.

Для облегчения управления жузами царизм постоянно прибегал к политике лавирования и разжигания феодально-родовых раздоров, поощрял барымту и т. п. Воспользовавшись феодальными беспорядками, царское правительство отменило ханскую власть и установило в крае свое безраздельное господство.

Ханская власть прежде всего была ликвидирована в Среднем жузе. В своей внешней политике последний хан Валий долгое время ориентировался на Цинскую династию, что, естественно, тревожило царское правительство.

По «Уставу о сибирских киргизах» в 1822 г. территория Среднего жуза была разделена на внешние округа, волости и административные аулы. С 1824 г. по 1844 г. было образовано восемь внешних округов — Каркаралинский, Кошмурунский, Акмолинский, Сергиопольский (Аягузский), Аман-Карагайский, Баян-Аульский, Уч-Булакский, Кокпектинский. Вся территория бывшего Среднего жуза получила название «Область сибирских киргизов» с политическим и административным центром в г. Омске.

Во главе административных аулов стояли аульные старшины, волостей — волостные управители, внешних округов — ага-султаны (старшие султаны), избираемые сроком на три года на собрании султанов округа и волостных управителей. У каждого ага-султана было два помощника: старший назначался из штабных офицеров, младший — из среды влиятельной феодально-родовой верхушки. Избирались также аульные старшины и волостные управители.

Административные аулы, волости, даже внешние округа образовывались не по территориальному, а по родовому принципу, так как сохранение феодально-родового быта в ауле отвечало экспансионистским целям царизма.

Для расширения власти колониальной администрации царское правительство в 1854 г. издало новое положение, по которому из «Области сибирских киргизов»

⁷ До революции царское правительство называло казахов киргизами, а подлинных киргизов — дикокаменными киргизами или кара (черный) киргизами.

была выделена Семипалатинская область, управлявшаяся военным губернатором.

В 1824 г. царское правительство приступило к ликвидации ханской власти и в Младшем жузе. Последний хан Ширгазы был приглашен в г. Оренбург и лишен ханского звания. Ему был присвоен чин «первоприсутствующего в Оренбургской пограничной комиссии», установлено жалованье в размере 150 руб. в месяц с постоянным местом жительства в губернском городе.

Территория Младшего жуза делилась на три административные части: Западную, Среднюю и Восточную. В Западную часть входила территория по течению рек Илек, Темир, до Аральского моря; в Среднюю — район к западу от верховий Тобола, а также рек Тогузак, Аят; в Восточную часть — район, прилегающий к реке Сыр-Дарье и к северо-востоку от нее⁸. Каждая административная часть управлялась султаном.

«Положение» 1824 г. не затрагивало родовой системы управления: каждый обособленный род управлялся через своего родового старшину, который подчинялся султану-правителю. Не изменялась также прежняя система суда биев. Султаны-правители считались главными судьями в степи.

Колониальная политика царизма в казахской степи постоянно менялась в связи с усилением оппозиции, вызванной ущемлением этих прав и привилегий феодально-родовой верхушки. Это тем более было необходимо царскому правительству в период подготовки к присоединению оставшейся территории южных районов Казахстана.

В 1831 г. территория всех трех частей Младшего жуза была разделена на 58 дистанций, управляемых штабными офицерами или влиятельными султанами. Восточная часть была разделена на 28, Западная — на 8, Средняя — на 20 дистанций. В свою очередь, последние делились на административные аулы, старшины которых назначались пограничной комиссией. Этот новый раздел явился выражением колониальной политики царизма. Во Внутренней Букеевской орде ханская власть сохранилась до 40-х годов XIX в., т. е. до смерти последнего хана — Джангира. Власть принадлежала «Совету», во главе которого стоял штабной офицер. «Совет» сохранился

⁸ История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 305.

до революции. Административным центром Букеевского ханства был г. Урда. Ханство делилось на округа и старшинства. «Советом» назначались управляющие округов и старшины из среды влиятельной, преданной царскому самодержавию феодально-родовой верхушки.

Таков краткий обзор политического строя дореволюционного Казахстана до реформы 1867—1868 гг.

К подготовке административных реформ в Казахстане царское правительство приступило сразу же после отмены крепостного права. Проект переустройства Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств был разработан особой комиссией, образованной в начале 60-х годов XIX в. под председательством Буткова, управляющего Сибирским комитетом⁹.

Комиссия признала необходимым ввести единую административную систему в Казахской степи и разделить их на две области: Западную, с центром в г. Тургае, и Восточную, с центром в Сергиополе или Каркалинске. Проект комиссии Буткова в 1864 г. был передан на заключение оренбургскому генерал-губернатору Безаку, который поручил областному правлению написать свои соображения.

Собрав все нужные сведения, Оренбургское областное правление 12 декабря 1864 г. представило доклад о новом управлении казахской степью. В докладе говорилось о создании административной системы обоих генерал-губернаторств, как «сообразной... с общими узаконениями империи и, в частности, не столько отличной от последних, сколько этого требует характер народа, степень его развития и экономические и политические условия...»¹⁰. В заключение высказывалось предостережение от резкого перехода к новой системе управления.

Оренбургское областное правление считало целесообразным разделить всю территорию края на попечительства, а также сохранить и расширить функции суда биев. «В нем заключаются,—говорится в докладе,—прекрасные зародыши обоих начал, принятые в основание для преобразования судебной части империи: гласность суда, словесное производство, чуждое всякой обременительности формальностями, участие в нем всего общества —

⁹ ЦГА КазССР, ф. 5, д. 1155, лл. 1—2.

¹⁰ Там же, л. 6.

обещают в будущем, хотя еще и не близком, возможности учреждения в области такого порядка судопроизводства, который в существенном удобно может быть согласован с общей государственной системой»¹¹.

Таким образом, областное правление, наделенное царским правительством функциями гражданской и судебной власти по отношению к коренному населению, укрепляло военно-оккупационную систему управления и одновременно искало опору в крае в лице феодально-родовой верхушки аула.

На такой политической основе было окончательно завершено присоединение Казахстана к России.

б) Подготовка реформы

Административно-колониальную реформу в Казахстане царское правительство решило провести сверху, без участия коренного населения. С этой целью 2 февраля 1865 г. была образована «Степная комиссия» под председательством полковника Гирса. Ее членами были: от военного министерства полковник генерального штаба Гейнс, от Оренбургского областного правления капитан Проценко и председатель «Областного правления сибирских киргизов» полковник Гутковский.

Придавая большое значение деятельности «Степной комиссии», 5 июля 1865 г. Александр II «повелевал» министерствам военному и внутренних дел разработать программу «вопросов для разрешения комиссией, командированной в Киргизскую степь для обсуждения начал будущего устройства управления»¹². В программе определялись цели и задачи комиссии:

1) выяснить возможности введения новой системы управления в Степном крае на основе общих начал гражданской администрации в империи и изучить вопросы о том, «... следует ли предоставить возможно больший простор для внутреннего самоуправления киргизов, не вмешиваясь в их народный быт, и ограничить деятельность правительственных учреждений или лиц правильным сбором податей и охранением спокойствия в степи

¹¹ Там же, л. 9.

¹² Там же, лл. 11—14.

вообще, отказавшись от введения чуждых их быту административных учреждений»;

2) определить, какие органы власти могут быть приемлемы для управления краем, причем подыскать способы упрощения делопроизводства судебных и следственных учреждений, а также возможности сокращения чинов «туземного» управления и тем самым принять «за неперменное правило нераздельность власти и ответственность правительственных лиц». Формы местного управления, следовательно, должны соответствовать духу самодержавно-монархического строя;

3) изучить вопрос и дать заключение о целесообразности набора рекрутов в армию из местного населения, или же воздержаться от этого, чтобы «отучить» его от оружия и «приучить» к покорности власти;

4) представить соображения по судоустройству в степном крае;

5) определить возможность взимания налогов и повинностей с населения;

6) изучить и описать возможности использования земель и высказать соображения о прекращении перекочевок «киргизов» за пределы края от недостатка земель;

7) в кругу колониальных чиновников обсудить возможности массовой колонизации казахской степи.

Следовательно, политика самодержавия в Казахстане сводилась к захвату ключевых позиций, т. е. к созданию военно-оккупационной системы управления, узаконению грабежа земель шаруа, превращению края в сырьевой придаток империи, подготовке условий для осуществления массовой колонизации края, проведению миссионерской политики, ограждению интересов феодально-родовой верхушки аула, как своей социальной опоры, консервированию феодально-родовых порядков землепользования.

Военное министерство, на которое возлагалось решение судеб внешней политики царизма на Востоке, обязало командующих войсками Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств собрать для «Степной комиссии» необходимые сведения и обеспечить ее подводами, вооруженной охраной, проводниками, переводчиками и т. д.¹³.

¹³ Там же, лл. 6—8.

Перед началом обследования в г. Омске вместе с генерал-губернатором Дюгамелем и членами совета главного управления Западной Сибири с 19 по 25 июля 1865 г. «Степная комиссия» обсуждала вопрос о переустройстве управления Степным краем. На совещании была высказана возможность образования нового генерал-губернаторства — Туркестанского, с центром в г. Туркестане, Чимкенте или Ташкенте.

«Степной комиссией» было решено, что «...суд для киргиз должен быть их собственный, исключая преступления, наносящие убыток интересам собственно русских людей или ведомств, или вредящие государству... киргизский народ должен содержать всю администрацию, поставленную для управления им на свой счет. Расход по управлению степью в военном и административном отношении и содержание пограничных войск определяют цифру податей, которые разлагаются на уезды по количеству кибиток»¹⁴.

Обследование края началось с 25 июля. Конечным пунктом был намечен г. Верный. Члены комиссии побывали в аулах Семиречья и собрали сведения по вопросам экономики, культуры, быта, обычаев и обрядов населения.

Следует отметить, что члены комиссии уклонялись от встреч с трудовым народом и собирали сведения лишь из уст представителей правящей феодально-родовой верхушки (например, таких, как крупные феодалы Чормановы) — носителей консервативных патриархально-родовых устоев.

Последние, в угоду своим классовым интересам, подтасовывали факты, прилагали все усилия к тому, чтобы «убедить» членов царской комиссии в сохранении прав и привилегий господствующей верхушки аула.

Закончив объезд Оренбургского края и Туркестанской области, комиссия представила правительству «мотивированную докладную записку», которая должна была лечь в основу колониальной реформы.

При обсуждении основных положений записки мнения членов комиссии разделились. Председатель комиссии Гирс вместе с капитаном Проценко, при поддержке

¹⁴ Собрание литературных трудов А. К. Гейнса, т. I. СПб., 1897, стр. 210—212.

генерал-губернатора Дюгамеля, отстаивали вывод об укреплении власти царизма в Казахстане через установление военно-оккупационного режима. Гейнс и Гутковский, возражая Гирсу, предложили придерживаться в Казахстане умеренного курса. Отсюда вовсе не вытекает, что царские чиновники, находившиеся под влиянием либеральных буржуа, стояли за демократизацию политического строя в Казахстане.

Идею демократического преобразования в России, в том числе и на ее окраинах, проповедовала разночинная интеллигенция России на страницах бесцензурной общедемократической печати, особенно в журнале «Колокол». Она восставала против самодержавно-крепостнических порядков, указывая при этом на необходимость преобразования политического строя всей многонациональной Российской империи на демократических началах.

Революционно-демократическая волна, охватившая всю страну, оказывала влияние и на передовые умы национальных окраин, в том числе казахского народа. Примером в этом отношении служит Ч. Валиханов — выдающийся ученый-просветитель. Его передовые демократические воззрения сложились под животворным влиянием передовой общественной мысли России.

В 1864 г. Ч. Валиханов выступил с проектом судебной и административной реформ в Западно-Сибирском ведомстве. Он писал, что «Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей инородческих и иноверческих, которые ведут образ жизни, диаметрально противоположный образу жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи, диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени... Понятно, что преобразования, — продолжал он, — проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам европейской и азиатской России»¹⁵. По существу он стоял за перестройку политического строя в казахской степи на началах самоуправления. Правда, здесь сказывалась ограниченность его мировоззрения.

Ч. Валиханов открыто критиковал работу комиссии

¹⁵ Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 196—197.

Буткова. Эта комиссия, по словам Валиханова, учитывала мнение только лишь привилегированного класса. «На мнение же привилегированных классов общества,— писал он,— следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебные интересам масс большинства»¹⁶. По мнению Ч. Валиханова, могло случиться, что названная комиссия составит проект судебной и административной реформы в ненужном и даже вредном направлении.

Ч. Валиханов стремился приобщить казахский край к передовой экономике и культуре России. Касаясь сущности реформы, он подчеркивал, что «в наше время нет вопроса общественного, который был бы так важен, как вопрос о народных реформах. От удачных и неудачных реформ зависит вся будущность народа, в них заключается его «быть или не быть»¹⁷.

В выработке проекта реформы для казахской степи Ч. Валиханов требовал от царских властей края большой осторожности и обоснованных соображений. Он отказался помочь советнику областного правления Яценко в разработке проекта положения о суде биев. Больше того, Валиханов подал главному начальнику края «Записку о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», в которой протестовал против проекта судебной реформы, составляемого без участия представителей самого казахского народа.

Вместе с тем, Ч. Валиханов, как и другие прогрессивные люди того времени, не верил в решающую силу народных масс в преобразовании политического строя снизу, т. е. революционным путем. Но это не умаляет его достоинства в истории общественной мысли Казахстана. В лице Ч. Ч. Валиханова русская разночинная демократическая интеллигенция видела передового сына степи, борца за ее процветание.

Члены «Степной комиссии», занимаясь разбором и изучением делопроизводства канцелярии Западно-Сибирского генерал-губернаторства, нашли вышеупомянутую «Записку о судебной реформе у киргиз Западно-Сибир-

¹⁶ Там же, стр. 197.

¹⁷ Там же стр. 198.

ского ведомства» Ч. Ч. Валиханова. Гейнс, глубоко сожалея по поводу неудачи «гениального молодого человека»¹⁸, писал, что «к несчастью не поняла Чокана Валиханова администрация Сибири, обиженная на его действия, нанесла ему ряд оскорблений и придинок, уложивших его в том же году в гроб»¹⁹.

Демократические идеи Валиханова оказали существенное влияние на взгляды Гейнса и Гутковского. Так, если при составлении проекта реформы Гирс и Проценко отрицали сохранение элементов самоуправления, то Гутковский, при активной поддержке Гейнса, настаивал частично сохранить внутреннее самоуправление у казахов на выборных началах. Они же обратились к редактору «Военного сборника» Менкову с письмом, в котором подробно изложили свои взгляды о политическом строе казахов. Об этом в своем дневнике Гейнс пишет следующее:

«Факты, впоследствии изученные нами, только подтвердили и укрепили наши убеждения... Мы все сознаем, как безалаберна и бестолкова наша администрация. Мы не знаем, как освободиться от нее...

По отношению к правительству само чиновничество вредно тоже. Лучше энергичная сила, не имеющая права вмешиваться в порядок внутреннего управления народом, чем слабое управление, только и имеющее настолько силы, чтобы отравлять жизнь народа и ронять правительство. Во всяком случае нужно употребить все усилия, чтобы отстоять то, что я считаю наилучшим, как для правительства, так и для киргиз»²⁰.

Гейнс и Гутковский, как видно, нисколько не оправдывали принцип административного устройства местного управления даже в центральной России. Такие убеждения вызвали возражения со стороны остальных членов «Степной комиссии», а также администрации Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств.

Наконец, после долгих и довольно бурных дискуссий, члены комиссии написали «Доклад», в котором были отражены взгляды сторон, и подали его министерствам — военному и внутренних дел.

¹⁸ Собрание литературных трудов А. К. Гейнса, т. I. СПб., 1897, стр. 340—341.

¹⁹ Там же, стр. 237.

²⁰ Там же, стр. 540—541.

Для выработки окончательного текста проекта положения об управлении Степным краем был образован «Особый комитет» под председательством военного министра Милютина.

В функцию «Особого комитета» входила обязанность выработки единой точки зрения членов «Степной комиссии» и составление положения об управлении Степным краем.

На заседаниях комитета обсуждались три проекта об управлении Туркестаном: Холодковского, Романовского и «Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях», разработанный «Степной комиссией». Первые два проекта были пропущены без особых дискуссий, но при обсуждении третьего разгорелся спор. Все же «Особый комитет» принял проект «Степной комиссии», по которому было образовано Туркестанское генерал-губернаторство.

Территория Туркестанского генерал-губернаторства была разделена на две области — Семиреченскую с центром в г. Верном и Сыр-Дарьинскую с центром в г. Ташкенте.

Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» вместе с докладом «Особого комитета» и объяснительной запиской «Степной комиссии» поступил на утверждение в кабинет министров, а затем к царю. 11 июля 1867 г. Александр II подписал указ об утверждении «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях»²¹.

21 октября 1868 г. царское правительство обнародовало «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств».

Таким образом, реформа 1867—1868 гг. подготавливалась сверху, без участия самого казахского народа. Она определила колониальное положение Казахстана, его административное, судебное устройство и законодательную основу дальнейшей аграрной политики самодержавия, стремившегося превратить край исключительно в сырьевой район и аграрный придаток Российской империи. Если завершение присоединения Казахстана к Рос-

²¹ Второе полное собрание законов, т. XVIII, 1868, № 463881.

сии явилось важнейшим фактором, способствующим консолидации казахского народа, то реформой 1867—1868 гг царизм стремился помешать развитию этого процесса.

в) Административное и судебное устройство

По новой колониально-административной реформе вся территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Генерал-губернаторы сосредоточивали в своих руках полноту военной и гражданской власти.

Каждое генерал-губернаторство делилось на области. Так, в Оренбургское входили области Уральская и Тургайская, в Западно-Сибирское — Акмолинская и Семипалатинская, в Туркестанское — Семиреченская и Сыр-Дарьинская. Территория бывшего Букеевского ханства в 1872 г. вошла в состав Астраханской губернии, а Мангышлакское приставство в 1870 г. отошло в ведение Кавказского военного округа, а несколько позже — в состав Закаспийской области.

Во главе областной администрации стоял губернатор, наделенный военной и гражданской властью. Он же считался наказным атаманом казачьих войск, расположенных на территории области. В «Положении» указывалось, что военные губернаторы степных областей приравниваются к командирам строевых дивизий.

Военные губернаторы Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей занимались и пограничными делами. Они назначались и увольнялись царем по представлению военного министерства, а военные губернаторы остальных областей — по представлению министерства внутренних дел, с согласия военного министерства.

При военных губернаторах учреждались областные правления. Председателем правления считался вице-губернатор.

Областное правление состояло из трех отделов: распорядительного, хозяйственного и судебного; каждый возглавлялся старшим советником.

Области в свою очередь делились на уезды. В Семиреченскую область входили: Сергиопольский, Копальский, Верненский, Иссык-Кульский и Токмакский, несколько позже был образован Джаркентский уезд; в

Сыр-Дарьинскую — Казалинский, Перовский, Туркестанский, Чимкентский, Аулие-Атинский, Ташкентский, Ходжентский и Жизакский; в Уральскую — Уральский, Гурьевский, Калмыковский, Эмбенский (Темир); в Тургайскую — Илецкий (Актюбинский), Николаевский (Кустанайский), Иргизский и Тургайский; в Акмолинскую — Акмолинский, Кокчетавский, Омский и Петропавловский уезды.

В 1869 г. в составе Акмолинской области был образован новый, Сары-Суйский уезд с управлением в г. Атбасаре (позже уезд был переименован в Атбасарский).

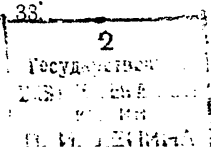
Семипалатинская область была разделена на Семипалатинский, Кокпектинский, Зайсанский, Баян-Аульский и Каркаралинский уезды. Затем в области прибавился Усть-Каменогорский уезд.

Уездные начальники назначались генерал-губернаторами по представлению военных губернаторов областей. Каждый имел двух помощников — старшего и младшего, назначаемых из лиц феодально-родовой верхушки и султанской знати.

По новой административной системе вся полнота власти сосредоточивалась у одного уездного начальника. Ликвидировалась та форма чиновничьей «коллегиальности», которая существовала в окружных приказах. Интересны в этой части мотивы, которыми руководствовалась «Степная комиссия». В «Объяснительной записке» к проекту «Положения» она писала: «Коллегиальное устройство уездного управления неудобно по следующим соображениям: деятельность уездного управления преимущественно полицейская. Для такого рода деятельности главное условие — быстрота распоряжений, а коллегиальное устройство, ослабляя силу и значение местной полицейской власти, по самому духу учреждения, парализует действия управления. Если коллегия вредит полицейским учреждениям в коренных русских провинциях, то тем вреднее будет она в стране с кочевым населением, на преданность которого нельзя вполне надеяться, и где потому действия полицейской власти должны считаться особенною энергиею и быстротою»²².

Такова была политика царизма в казахской степи, направленная на сосредоточение полноты власти в низо-

²² ЦГА КазССР, ф. 5, д. 1155, л. 33.

вых звеньях колониального управления и установление военно-оккупационного режима на местах.

Уездные начальники одновременно совмещали обязанности полицейской власти на правах уездных исправников центра страны. Кроме того, всем уездным начальникам Туркестанского края, Уральской области, двух уездов Тургайской области — Иргизского и Тургайского, а также начальнику Кокпектинского приставства Семипалатинской области было предоставлено право подчинить расположенные в уездах воинские части, учреждения и укрепления. Сохранились существовавшие до реформы полицейские учреждения в городах Уральске, Омске, Петропавловске и Усть-Каменогорске, а в Акмолинске была учреждена должность полицейского пристава. По реформе 1867—1868 гг. уделялось особое внимание местному управлению. Каждый уезд делился на вслости, а последние — на административные аулы, которые объединяли несколько хозяйственных аулов и состояли из 100—200 кибиток, а волости имели от 1000 до 2000, иногда до 3000 кибиток.

Кстати заметим, Е. Г. Федоров писал, что по реформе якобы специально предусматривалось дробление аульного общества²³. С этим нельзя согласиться, так как Министерство внутренних дел опасалось дробить административные аулы. Оно считало, что в степи хозяйственные аулы нередко «...зимуют совершенно отдельно» и что «они останутся без всякого полицейского надзора»²⁴. Поэтому местные власти стремились административные аульные общества концентрировать.

Переход кибиток из аула в аул в той или другой волости, равно как их зачисление, разрешался с согласия кибитковладельцев аулов, но с ведома соответствующих аульных старшин и волостных управителей.

Порядок образования волостной и аульной администрации служил также целям окончательного порабощения казахского народа, которые преследовала вся реформа. Волостным управителем и аульным старшиной

²³ Е. Г. Федоров. Казахстан — колония царизма в конце XIX и в начале XX столетия. Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая, т. 2. Алма-Ата, 1941, стр. 149.

²⁴ ЦГА КазССР, ф. 544, д. 204, л. 8.

мог быть «выбран» только ставленник феодальной верхушки.

«Выборы» волостных управителей, аульных старшин и их кандидатов на волостных съездах и аульных сходах проводились через каждые три года. Получивший простое большинство голосов (посредством баллотирования шарами) считался избранным на должность, а следующий за ним по числу шаров — кандидатом.

Волостные управители и их кандидаты назначались «по выбору» военным губернатором области, а аульные старшины и их кандидаты — начальником или исправником уезда — по результатам выборов на волостных съездах и аульных сходах «выборщиков». По реформе 1867—1868 гг. начальству областей и уездов предоставлялось полное право утверждать или отменять результаты выборов.

В пределах волости управитель сосредоточивал в своих руках распорядительную и полицейскую власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за сбором податей и т. д. В его обязанность входило приведение в исполнение решений суда биев. Волостному управителю предоставлялось право подвергать аресту сроком на три дня и денежному штрафу.

В пределах своего административного аула старшины имели такие же права, какими пользовались волостные управители.

В кишлаках Сыр-Дарьинской области полицейская и распорядительная власть осуществлялась аксакалами. Каждым большим селением управлял аксакал. С разрешения военного губернатора аксакал управлял двумя мелкими селениями.

Аксакалы избирались на сходах выборщиков на три года и утверждались военным губернатором области. Выборы аксакалов производились таким же путем, как и выборы волостного управителя.

Города и большие селения разделялись на кварталы, число которых, в соответствии с размером города или селения, определялось военным губернатором по представлению уездных начальников. На каждый квартал выбирался один аксакал, который в полицейском отношении пользовался правом волостного управителя.

В городах и кишлаках Сыр-Дарьинской области на сходах выборщиков были учреждены также «Обществен-

ные хозяйственные управления». Члены управления, состоявшего из 3—5 человек от каждого квартала, периодически переизбирались через три года и утверждались уездными начальниками. Исключение составлял г. Ташкент, где члены «Общественного хозяйственного управления» утверждались городским начальником. Из членов управления выбирался его председатель, утверждаемый военным губернатором области.

В круг обязанностей «Общественного хозяйственного управления» входили «производство взимания государственных податей и земских сборов, раскладка податей и всяких сборов на общество и заведывание общественным хозяйством городов и селений»²⁵.

Все распоряжения этого управления выполнялись при содействии аксакалов, но последние не имели права вмешиваться во внутренние дела членов управления.

За деятельностью как отдельных членов, так и всего управления осуществляли общий контроль только уездные начальники, в Ташкенте — городской начальник, «не вмешиваясь во внутреннюю их раскладку сборов». Члены управления получали процентные вознаграждения со сборов.

Аксакалы и «общественные хозяйственные управления» явились таким же аппаратом угнетения коренного населения края, каковым они были при Кокандском ханстве.

Реформой 1867—1868 гг. были учреждены новые судебные органы: военно-судные комиссии и уездные суды, действовавшие на основании общеимперских законов. Кроме того, в аулах сохранился институт суда биев, а в кишлаках Сыр-Дарьинской области — суд казиев. При решении споров суд биев руководствовался нормами обычного права и шариатом, а суд казиев — только правилами шариата.

Новая реформа предоставляла право суда общим присутствиям областных правлений. Высшей судебной инстанцией считался правительствующий сенат.

Представители коренного населения края подлежали военному суду за измену, возбуждение к сопротивлению против правительства, нападение на почту и казенные

²⁵ «Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях». Ташкент, 1880, стр. 48.

транспорты, повреждение телеграфа, за убийство должностных лиц. В целях поощрения миссионерской политики царское правительство вменяло в обязанность военно-судным комиссиям привлекать к суровой каре виновных в попытке «убийства лиц, изъявивших желание принять христианство». Обычно «за убийство, разбой, грабеж, барымту, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, делание и перевод фальшивой монеты, похищение казенного имущества, нарушение уставов казенных управлений и преступления по должности местных киргизских властей» коренное население края привлекалось к судебной ответственности по общим уголовным законам империи.

Общее присутствие областного правления, «пользуясь правами палаты гражданского и уголовного судов,— записано во «Временном положении»,— рассматривает и решает все дела, как уголовные, так и гражданские, не подсудные военному суду и уездным судьям... и разрешает жалобы, приносимые в установленном порядке на уездных судей».

На заседаниях общего присутствия обычно председательствовал сам военный губернатор, а в его отсутствие — вице-губернатор.

На основании общеимперских судебных уставов уездный судья, совмещающий обязанности мирового судьи и судебного следователя, рассматривал дела по преступлениям, за которые не следовало «лишения прав состояния и длительного тюремного заключения». Уездные судьи назначались и увольнялись министерством юстиции по представлению генерал-губернаторов.

Решение уездного судьи считалось окончательным по гражданскому иску на сумму до 100 руб., а решение общего присутствия областного правления — до 2 тыс. руб.

Царское правительство постоянно заботилось о дальнейшем укреплении низовых административных и судебных звеньев. Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем», утвержденному 12 июня 1886 г., на всей территории Казахстана был введен институт мировых судей, пользовавшихся правами, предусмотренными общеимперским судебным уставом от 20 ноября 1864 г.

Мировые судьи учреждались во всех уездах. Они подчинялись окружным судам и разбирали дела о не слишком тяжких уголовных преступлениях, но при рассмотре-

нии гражданских дел их права были шире, чем уездных судей. Назначение и увольнение мирового судьи производилось в таком же порядке, как уездного судьи. Устанавливалась система прокурорского надзора и учреждались следственные органы.

Частичная перестройка колониальных органов суда в Казахстане происходила и в канун XX в. 2 июня 1898 г. царское правительство издало закон «об устройстве судебной части степных областей», по которому учреждались институты окружных судов. Они рассматривали дела по уголовным преступлениям на основании общеимперских законов, с той лишь разницей, что в судебных заседаниях участвовали присяжные. Решение окружного суда вступало в силу по утверждении его судебной палатой. Окружные суды Тургайской и Уральской областей подчинялись Саратовской судебной палате, окружные суды Акмолинской и Семипалатинской областей — Омской судебной палате, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей — Ташкентской судебной палате, Букеевского ханства — Астраханской судебной палате.

По реформе 1867—1868 гг. в каждой волости выбирались от 4 до 8 биев (в зависимости от количества кибиток). Обычно на должность бия проходил бай или его ставленник. Бии утверждались военными губернаторами.

Суды биев и казиев по-существу являлись низовыми органами колониальной судебной системы царизма в Казахстане. Биям и казиям не устанавливалось жалование, но им было дано право «получать за решение дела особый штраф с виновного (бийлик), установленный народными обычаями». Приведение в исполнение решений суда биев возлагалось на волостных управителей.

«Временным положением» предусматривался созыв волостных и чрезвычайных съездов биев. Время и место созыва определялось волостным управителем.

Волостные съезды созывались в том случае, когда в канцелярии волостного управителя накапливались дела, ожидавшие рассмотрения и решения съезда биев. На съезде разбирались исковые дела на сумму более 300 руб. Съезд считался неправомочным, если собиралось менее половины выборных биев волости. В «Положении» говорилось, что на волостных съездах биев разбираются иски и на небольшие суммы (меньше 300 руб.), если иск

предъявляется во время работы съезда. Решение съезда биев считалось окончательным по исковым делам на сумму 500 руб. Исковые дела на 500 руб. и более, а также земельные вопросы передавались на утверждение уездному начальнику.

Итак, реформа 1867—1868 гг. определила положение Казахстана как поставщика сырья для развивавшейся капиталистической промышленности царской России, как арену грабежа земель казахских шаруа.

Реформа содержала тщательно продуманную программу укрепления органов колониальной власти. Она вводила в систему управления так называемую «туземную» аульно-волостную администрацию, а в систему царского суда — так называемый «народный» суд биев. Это укрепляло социальную опору царизма в ауле-байстве, способствовало более широкому применению всех феодальных форм экономической и внеэкономической эксплуатации народных масс.

Вместе с тем, независимо от политики царизма, после реформы 1867—1868 гг. экономическое и общественно-политическое развитие аула шло по пути дальнейшего проникновения и развития капиталистических отношений, разложения феодально-родовых порядков. Реформа дала толчок территориально-хозяйственному устройству аула, переходу шаруа к постоянным стойбищам с жилищными и хозяйственными строениями, сокращению меридиональных летних кочевок аулов, развитию земледелия и заготовки корма для скота.

Глава вторая

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО КОЛОНИАЛЬНОГО АУЛА

1. Территориальное устройство аула

Многие исследователи истории дореволюционного Казахстана не всегда учитывали специфику хозяйственного быта населения, жившего на определенной территории, влияние на него географической среды, значение окружающих районов и городов на развитие его экономики. Некоторые авторы, оперируя материалами, характерными лишь для редконаселенных, пустынных и полупустынных (с чисто кочевым типом хозяйства) районов, распространяли эти же материалы и на местности, в которых преобладал скотоводческо-земледельческий тип хозяйства.

Таким образом, история всего Казахстана, большинство населения которого занималось скотоводческо-земледельческим типом хозяйства, подменялась историей меньшинства населения, занимавшегося кочевым скотоводством.

С учетом естественно-географических и почвенно-климатических условий всю территорию Казахстана в конце XIX и начале XX вв. следует примерно делить на две зоны: а) первая — северные, северо-западные, юго-восточные районы, где население преимущественно занималось скотоводством и земледелием; б) вторая — большая часть территории центральных, южных и юго-западных районов, где население занималось скотоводством.

Изучение хозяйственной жизни колониального аула имеет важное значение не только при выяснении степени развития материального производства коренного населения, но и с точки зрения обоснования правомерности

революционно-освободительного движения в крае в начале XX в.

В экономическом быту колониального аула огромное значение имело его территориально-хозяйственное устройство. Для проведения в жизнь колониально-административной реформы 1867—1868 гг. в каждом уезде были учреждены специальные «организационные комиссии» под председательством уездных начальников. В обязанность комиссии входило образование волостей, которые состояли из нескольких административных аулов, определение их территориальных границ. Комиссии было поручено составить записку, в которой изложить «благо-состояние населения», расположение зимних стойбищ (кстау), характеристику летних кочевков (жайлау) аула, а также составить карту административного деления всего уезда.

Административный аул, образованный по территориальному принципу, состоял в свою очередь из нескольких мелких хозяйственных аулов, устройство которых носило довольно своеобразный характер. Количество кибитководладельцев в ауле не предусматривалось как законоположением правительства, так и обычным правом. Кроме того, почти все авторы либо обходили, либо вскользь затрагивали этот вопрос.

Надо отдать должное в этой части Г. Тогжанову, который посвятил этому вопросу брошюру «Казахский колониальный аул»¹. Правда, в ней территориально-хозяйственное устройство выяснено недостаточно. Автор прав в том, что «хознаулы были разные». В то же время он явно преувеличивает данные о количестве кибитководладельцев хозяйственных аулов северных районов, отождествляя их с русской деревней. Он пишет: «Хознаул в северных скотоводческо-земледельческих районах Казахстана приближается к русской деревне,— в хознауле... насчитывалось от 26 до 100 хозяйств».

Корень ошибок автора кроется, по-видимому, в том, что он построил изучение истории дореволюционного хозяйственного аула по своим наблюдениям устройства аулов советского периода.

Ошибка допущена Г. Тогжановым также при определении размеров дореволюционных казахских хозяйствен-

¹ Г. Тогжанов. «Казахский колониальный аул». М., 1934.

ных аулов, расположенных на юге края. Автор пишет, что «хознаул в южных полукочевых районах во многом стличается от хознаулов северных районов. В южных хознаулах количество хозяйств, как правило, не превышает 2—5 хозяйств».

Действительно, в поливно-земледельческих оазисах по Сыр-Дарье хозяйственные аулы были мелкими. Вместе с тем нельзя согласиться с автором, когда это обстоятельство он распространяет на весь Юг Казахстана. В силу естественно-географических и почвенно-климатических условий значительная часть коренного населения этого края была вынуждена заниматься исключительно кочевым скотоводством. Упустить это обстоятельство при исследовании истории дореволюционного казахского аула — значит впасть в явное заблуждение.

О размерах дореволюционных хозяйственных аулов имеются сведения в официальных документах царских правительственных органов. Так, в заключении совещания, созванного в 1907 г. при министерстве внутренних дел, отмечалось, что хозяйственные аулы, особенно в скотоводческо-земледельческих районах, были мелкими «вследствие невозможности для кочевников выпасать значительное количество скота на ближайшем к зимовке пространстве»².

Определение численности дореволюционного хозяйственного аула было весьма условным: мелкие состояли примерно из двух-трех (редко пяти-семи), а крупные — из десятка и более кибиток. Сбор кибитковладельцев во время летних кочевок проходил по мотивам экономической, хозяйственной, а также патриархально-родовой зависимости. «Киргизы редко живут большим числом в одном месте: стадам их очень было бы тесно; составляют, так сказать, — писал А. Е. Алекторов, — небольшие общества, общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами; их маленькие селения называются аулами; количество кибиток в ауле бывает различно: иногда две-три кибитки, а иногда пятнадцать-двадцать. Аул всегда называется по имени главного человека; кибитки разных друг от друга не за-

² «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907, стр 6.

висящих людей, хотя бы и совершенно близкие одна к другой, считаются разными аулами»³.

В северных скотоводческо-земледельческих районах и оазисах по Сыр-Дарье мелкие аулы составляли средняцкие и бедняцкие хозяйства. Ядром больших хозяйственных аулов были крупные бай-скотовладельцы, вокруг которых концентрировались, особенно во время летних кочевок, семьи батраков и полузависимые шаруа (крестьяне). Жатаки также образовывали большие хозяйственные аулы.

О дореволюционных хозяйственных аулах наиболее полные сведения даны в материалах экспедиций по казахскому землепользованию под руководством Щербини, Палена, Кузнецова, Румянцева, а также переселенческих управлений.

В скотоводческо-земледельческой части Атбасарского уезда Акмолинской области хозяйственные аулы состояли из восьми, а в южной части — из четырех кибиток⁴. Средний размер аула в Павлодарском уезде Семипалатинской области составлял 7,5 хозяйства.

Размер аулов зависел от почвенно-географических условий и хозяйственной целесообразности. Например, средний размер хоз. аула в Атагозинской волости Павлодарского уезда составлял 4,2 кибитки. В горной местности этой же волости было 178 аулов, из них в семи было по одному и в 28 — по два хозяйства, 219 аулов Кылтауской волости были расположены также в горной местности, средние размеры 13 из них составляли 1,22 или две кибитки⁵. Аулы Семипалатинского⁶ и Атбасарского уездов состояли из пяти кибиток, Кустанайского — из девяти, Актюбинского — из 14, Кокчетавского — из восьми кибиток каждый⁷.

Таким образом, по своим размерам хозяйственные аулы, расположенные в горной местности, были меньшими, чем в степных районах, а в скотоводческих райо-

³ А. Е. Алекторов. Образ жизни киргизов. «Оренбургский листок», 1890, № 16.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, стр. 5.

⁵ Там же, «Павлодарский уезд», т. IV, 1903, стр. 10—11.

⁶ Там же, «Семипалатинский уезд», т. X. СПб., 1909, стр. 4.

⁷ Там же, «Тургайская область. Актюбинский уезд». Т. VII. Воронеж, 1903, стр. 5.

нах — более мелкими, чем в скотоводческо-земледельческих.

Выше речь шла о размерах хозяйственных аулов летнего периода. Аулы зимнего периода были еще меньшими: они состояли из одного, двух и трех хозяйств. По материалам известного статистика Л. Чермака, исследовавшего степной край в составе экспедиции Щербины, в Каркаралинском уезде величина зимнего аула колебалась «между 2 и 3 хозяйствами... мы находим аулы в одно хозяйство — 826; в 2 хозяйства — 1465; в 3 хозяйства — 1077»⁸.

Коренное население края в основном имело свои постоянные зимние жилища, кроме населения 11 волостей Мангышлакского приставства, трех южных волостей Темирского уезда Уральской области⁹, а также отдельных аулов Сарысуйской волости Атбасарского уезда Акмолинской области, где скотоводы в зимнее время кочевали среди песков на юге.

Скотоводы Мангышлакского приставства массами ежегодно в летнее время перекочевывали на пастбища Темирского и Уральского уездов Уральской области, а зимой уходили со скотом на юг, а также в пределы бывшего Хивинского ханства, платя там местным властям и аксакалам за пастьбу скота деньгами или скотом. Отдельные же аулы этих волостей, например, Оймаут-Желтауской, оставались на Мангышлаке, приспособляясь к суровым условиям зимы.

Представляет известный научный интерес и история образования хозяйственных аулов. Примером может служить Актюбинский уезд Тургайской области, где из 973 аулов образовалось 20 (2%) в течение 10 лет, 33 аула (3,4%) — в течение 20 лет, 55 аулов (5,7%) — 30 лет, 146 аулов (15%) — 40 лет, 199 аулов (20,5%) — 50 лет, 256 аулов (26,3%) — 100 лет, 162 аула (16,6%) — 150 лет, 80 аулов (8,2%) — 200 лет, 22 аула — в течение 300 лет и более (Материалы экспедиции, т. VII: 1903, стр. 7, 8).

Экспедиция Ф. Щербины исследовала историю образования 247 хозяйственных аулов соответственно по поколениям. Оказалось, что 7 аулов (2,8%) существует на

⁸ Там же, «Семипалатинская область. Каркаралинский уезд». Т. VI. СПб., 1905, стр. 19.

⁹ «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907.

протяжении двух поколений, 17 (6,9%) — на протяжении трех, 18 (7,3%) — четырех, 52 (21%) — пяти, 136 (55,1%) — десяти и 17 аулов (6,9%) — свыше десяти поколений. Экспедиция пришла к заключению, что основной причиной укрепления хозяйственных аулов и перехода их в поселочную форму может быть «при неперемнной замене одних форм хозяйства другими, чем характеризуется Актюбинский уезд, отличающийся значительным развитием земледелия наряду со скотоводческими занятиями».

Под влиянием российской экономики произошла эволюция в хозяйственной жизни колониального аула. Зимние аулы скотоводческих районов несколько отличались от аулов скотоводческо-земледельческих районов: в них жило меньшее количество кибитковладельцев, а строения были скудными. Одно или несколько хозяйств образовывали кстау (зимнее стойбище).

В хозяйственной жизни скотоводов возникал целый ряд трудностей, особенно при переделе перешедших в наследство зимних пастбищ. Кстау как по размерам, так и по качеству не годилось для разделения и образования новых. К тому же вопрос о выделении новых участков на право подворно-наследственной собственности рассматривался администрацией чрезвычайно долго. Поэтому каждый аул охранял свои пастбища от погравы, защищал их от насильственной узурпации баев. Аграрный вопрос был после реформы самым важным и основным вопросом в казахской степи: в колониальном ауле царил грубый произвол и насилие вообще и в аграрном вопросе — в особенности.

В жизни шаруа были свои особенности. Они имели такое количество скота, которое едва обеспечивало их прожиточный минимум. Поэтому они не могли оплачивать наем. Но в свою очередь они не обходились без посторонней помощи и составляли как бы хозяйственные союзы: близко друг от друга строили постоянное зимнее жилье, сообща пасли скот. Тем не менее у них сенокосные и пахотные участки не были общими.

Каждое байское хозяйство имело свое кстау. Возле него зимовали некоторые зависимые шаруа, семьи батраков и пастухов.

В скотоводческих районах зимовки обычно располагались гораздо реже, чем в скотоводческо-земледельческих, причем на защищенных от ветра и буранов участках — в

ущельях гор, холмов, в низинах луговых ложин, сравнительно богатых естественными кормами. Исследователь Потанин писал: «Места для зимовок избираются с большим вниманием, и в выборе их кочевники обнаруживают много наблюдательности и сметливости...»¹⁰. По его словам, казахские шаруа учитывали при этом, что наиболее благоприятными для зимовки мелкого скота были те, «на которых при сильных ветрах снег сдувается с почвы, обнажая оставшуюся от лета растительность». Для верблюдов лучшими зимовками служили пространства, покрытые зарослями чия, кияка, кокпека и других солончаковых трав, «составляющих главную продовольственную статью этого неприхотливого животного». Для примера возьмем несколько различных по своим природным условиям районов. Одним из наиболее пустынных являлся район Большие и Малые Барсуки (на запад от Аральского моря). Здесь содержались сотни тысяч голов скота. Этот район назван «Борсык» из-за обилия и близости подземных вод, разнообразия растительного покрова. Здесь каждое самостоятельное хозяйство (реже — два-три) имело свои постоянные зимовки, сравнительно богатые сенокосными участками и выпасами. Почти такими же качествами отличались районы Нарын-пески, Тауп-Кум, Кара-Кум, Кызыл-Кум, Саратау-Кум.

Другим типичным скотоводческим районом была Тургайская степь, климатические условия которой несколько отличаются от условий района Больших и Малых Барсуков: зима здесь гораздо продолжительнее и суровее, часты сильные ветры и бураны. Каждое хозяйство стремилось построить постоянное жилье и хозяйственные помещения на участке, выгодно отличающемся обилием выпаса, сенокоса, естественной защитой от ветра, а также обеспеченностью водопоем. Из-за таких мест повсюду в крае, в том числе в Тургайской степи, испокон веков шли споры, нередко доходившие до ожесточенной борьбы и вооруженного столкновения.

В скотоводческо-земледельческих районах выбор участка для постоянных зимовок определялся еще тем, что вблизи имелась площадь, пригодная для посева, а на Юге и в Семиречье — для поливного земледелия.

¹⁰ Г. Н. Потанин. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири. Журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», январь 1883, стр. 40.

Чиновник для особых поручений И. Соловцев в «Путевых записках, веденных во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г.» писал: «Вообще киргизские зимовки чаще всего располагаются одиночно, рядами или группами; при выборе места принимаются в соображение близость небольших речек, пресных озер, густого леса, защищающего скот и население от зимних буранов, сопочник и тучная растительность, обещающая хорошие сенокосы и т. п.»¹¹. Автор изучил хозяйство колониального аула. Характеристика, данная им, вполне соответствует истине.

В хозяйственной жизни аула большое значение имело также наличие кузеу, т. е. территории для осенних стоянок, с обильным травостоем и обеспеченных водой. Каждый аул, а иногда несколько мелких аулов, возвратившись с джайляу, останавливались на кузеу, находившемся в общинном или подворно-наследственном пользовании. Некоторые группы хозяйств Атбасарского уезда Акмолинской области из летних пастбищ прямо возвращались к своим зимовкам глубокой осенью, а часть — через осенние стоянки — кузеу.

Перекочевка на зимовку обычно проводилась при наступлении холодов. Переезд к зимовкам вызывал немало хлопот. Каждый хозяин заблаговременно и тщательно готовился к зиме: заготавливал корм для скота, ремонтировал жилище, хозяйственные постройки, запасал топливо и пищу.

В исследуемый период в основной массе коренное население колониального аула уже имело свои постоянные зимовки с жилыми и хозяйственными строениями. В том же Атбасарском уезде, в северной части, было зарегистрировано всего 12 837 хозяйств, с населением 72 991 чел., имевших 13 515 юрт, кибиток и 10 554 домов (из них 141 деревянный). Следовательно, абсолютное большинство населения имело собственные жилища. Лишь 82 семьи не имели никаких строений и 63 семьи — юрт¹². Бедные семьи, не имевшие жилищ, зимовали у соседей, знакомых, а батраки — у баев.

Иная картина сложилась в южной части уезда. Здесь

¹¹ «Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО», кн. XXI. Омск, 1897, стр. 16.

¹² Материалы по киргизскому землепользованию..., т. 2. Воронеж, 1902, стр. 345.

насчитывалось 7654 хозяйств с населением 43 044 чел. Они имели 8031 юрту и 4868 домов (из них 24 деревянных)¹³.

Таким образом, и в южной скотоводческой зоне зимними строениями обзаводилось значительное большинство семей.

И еще один пример. В 12 волостях Актюбинского уезда Тургайской области числилось 17 689 хозяйств с общим количеством населения 104 441 чел., которые имели всего 18 741 юрту и 17 880 домов, из них 244 деревянных¹⁴.

Следовательно, все население севера, в частности Актюбинского уезда, стремилось к строительству зимовок. Исследователи отмечают, что «на северных окраинах степей, под влиянием суровых зим и примера кочевавших здесь остяков, ранее всего появились зимовки, распространяющиеся отсюда постепенно все далее на юг»¹⁵.

В целом жилые дома колониального аула выглядели невзрачно: строения состояли из мазанок и землянок. Такое положение объясняется объективными условиями: экономической несостоятельностью абсолютного большинства шаруа, недостаточностью, а в большинстве районов — отсутствием строительных материалов, удаленностью аулов от городов и торговых пунктов, трудностью путей сообщения и транспортировки, а также недостаточностью навыков местного населения к строительному искусству.

В «Путевых записках» Соловцев описывает зимовку бая Тотанова (Кокчетавский уезд), представлявшую «небольшую деревеньку из 24 жилищ, расположенных группой и обнесенных кругом изгородью. Правильности в построении домов и в их расположении нельзя было и ожидать. Форма построек самая разнообразная: здесь есть три-четыре жилища, в которых видно желание владельца подражать городским домам, несколько четырехстенных хат, без крыш (с одной земляной насыпью), похожих на крестьянские избы, много землебитных построек». Были и такие жилища, которые выкопаны «в

¹³ Там же, стр. 382—383.

¹⁴ Материалы по киргизскому землепользованию..., т. VII. Воронеж, 1903, стр. 154—155.

¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 316—325.

земле с небольшим бревенчатым срубом, покрытым жердями с земляной насыпью и дымовым отверстием»¹⁶. Такие зимние жилища казахи называли «жертоле».

Казахи аула № 4 Айртауской волости Атбасарского уезда Акмолинской области в 1897—1899 гг. показали, что «землянки ранее устраивались наполовину в ямах, но потом устройство их постепенно совершенствовалось: богатые люди стали делать постройки из сырцового кирпича и деревянные, стараясь приблизить их к городским зданиям»¹⁷.

А. Е. Алекторов делил зимние жилые постройки казахских шаруа на три разряда¹⁸. К первому разряду он относил деревянные дома, ко второму — дома из сырцового кирпича и к третьему — землянки двух видов: со стенами из пластов земли и из плетней, обмазанных глиной.

Деревянные дома строили купцы, баи и отчасти крупные родовитые скотовладельцы — феодалы. Землянки второго разряда строили среднесостоятельные шаруа, а третьего — бедняки, батраки.

Такой точки зрения о домостроениях казахских шаруа придерживался Г. Н. Потанин. «Свои собственные жилые строения, — писал он, — киргизы возводят, смотря по состоянию, или из строевого леса, на манер русских домов, или из плетняка, или даже из землебитного кирпича»¹⁹.

Недостаток строительных материалов также лимитировал возведение животноводческих помещений. Загоны для скота строились в различных районах Казахстана по-разному, в зависимости от местных условий. Как правило, не строились загоны для лошадей²⁰, а только для овец и коз (вместе), рогатого скота и отчасти для верблюдов. «При каждой зимовке (имеется в виду на севере Казахстана. — Б. С.) устраиваются теплые дворы из

¹⁶ «Записки Западно-Сибирского Отдела ИРГО», кн. XXI. Омск, 1897, стр. 16.

¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 25, 1496, лл. 316—325.

¹⁸ А. Е. Алекторов. Образ жизни киргизов. «Оренбургский листок», 1890, № 17.

¹⁹ Журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», январь 1883, стр. 40.

²⁰ Разумеется, исключение составляет наезжий конь, причем не всякий, а иноходец — на котором всегда ездили на охоту. Иноходцы обычно зимою содержались при особом уходе.

плетня,— писал Г. Н. Потанин,— плитового камня и дерна; они бывают или крытые, или представляют простые загородки из жердей»²¹.

Итак, строительство постоянных жилищ и животноводческих помещений имело основное значение для перехода к оседлости и хозяйственной жизни казахов шаруа.

2. Скотоводство

Наряду с земледелием, скотоводство оставалось основным средством существования местного населения Казахстана. «Скот,— писал Кауфман,— *сравнительно* (курсив наш — Б. С.) прочный источник средств существования: у кого имеется достаточно скота, тот не только сыт сегодня, — он наверно будет сыт и через неделю, и через несколько недель. Но все-таки скот у скотовода — лишь сравнительно прочный источник средств существования».

На вопрос о том, почему скот является «лишь сравнительно прочным источником средств существования», автор отвечает: «Скот содержится исключительно на подножном корму. Уродился корм — скот сыт, сыт и его хозяин; случилась засуха, или гололедица, или выпал глубокий снег, вообще нет или мало подножного корма, скот пропадает массаами, многие скотовладельцы остаются вовсе без скота, значит — без средств существования»²². Этим не заканчивается мысль автора. По существу он дает понять: земля кормит и поит животных. Следовательно, земля является основным средством производства, прочным источником существования человеческого общества. «В скотоводческом быту человек живет от скота, скот — как мы видим, — от подножного корма»²³. Скотовод-степняк постоянно прилагал огромные усилия на уход, содержание и сбережение своего стада. «Киргизы — народ трудолюбивый и полный энергии»²⁴, — подчеркивал А. Е. Алекторов. Прав и советский историк Л. П. Потапов, заметивший, что в прошлом

²¹ Журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», январь 1883, стр. 40.

²² А. А. Кауфман. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910, стр. 18—19.

²³ Там же.

²⁴ «Оренбургский листок», 1886, № 23.

«труд кочевника-скотовода был очень тяжелым трудом, как тяжелой и трудной была вся его жизнь»²⁵.

Скотовод-степняк в своей хозяйственной деятельности пользовался многовековым опытом ведения животноводства, приспособлялся к местным природным условиям. Он внимательно изучал как двенадцатилетний цикл, так и двенадцатимесячный, чтобы предугадать, какова будет погода в зимние месяцы. В этом вопросе он редко ошибался, так как вел счет совпадения дней летних и зимних месяцев. Он великолепно знал, что если лето было изменчивым и ветренным, то и зима будет суровой.

Казахские шаруа разводили в основном четыре вида скота: лошадей, верблюдов, овец и рогатый скот. Каждый вид скота в уходе и содержании, как известно, имел свои особенности, и шаруа хорошо знали, какова должна быть зимовка каждого вида скота в предстоящий период.

С наступлением морозов они возвращались к своим зимовкам, производили соответствующий ремонт как жилых, так и хозяйственных помещений. Казахские шаруа называли хозяйственные помещения «кора» или «азбар». Как правило, строили теплые помещения для овец, коз, рогатого скота, а для верблюдов — открытые загоны, за исключением только северной и северо-западной части края.

Там, где кочевки продолжались и зимой (на юге Устюрта и т. п.), устанавливались временные открытые тростниковые стены (ишкора, камыскора), снеговые стены (ыктырма, аккала) для прикрытия скота от зноя, буранов и метели.

В северных, северо-западных и северо-восточных районах края помещения для скота строились гораздо более прочными, чем на юге: из дерна или сырцового кирпича, и покрывались камышом или соломой. Там, где росли тальники, жиде, чилик, камыш и другая древесная растительность, зимние загоны для скота строились из этих материалов. Они были различных размеров — в зависимости от количества поголовья скота в стаде.

²⁵ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 137.

Основную массу скота казахи содержали на подножном корму. Лишь молодняк, сильно похулавший, больной и молочный скот содержался в стойлах и подкармливался. Ветеринарный врач Тургайской области И. Добросмыслов писал, что «все заботы киргиза заключаются в том, чтобы как можно меньше кормить животных зимою сеном»²⁶.

Самым выносливым в зимнее время года животным считалась лошадь местной казахской породы. «Киргизская лошадь,— пишет Добросмыслов,— крайне неприятна на корм и очень вынослива. Единственную пищу ее зимою и летом составляет подножный корм, сеном подкармливают только в чрезвычайных случаях; об овсе же она понятия не имеет; попав в руки к русским, киргизская лошадь вначале с крайним недоумением смотрит на предлагавший ей овес и долго не решается его попробовать. Несмотря на скудный корм большинство киргизских лошадей отлично держат тело; исхудалый за время зимнего голодания конь киргизов вообще скоро поправляется весною»²⁷. Далее автор подчеркивает, что «выносливость киргизской лошади очень велика; она легко проходит под верхом без отдыха до ста верст, при средней скорости 7—8 верст в час. Киргиз свободно делает верхом на одной лошади тысячу верст, причем во время пути лошадь его довольствуется одним подножным кормом».

Основная масса лошадей принадлежала к местной породе. Вместе с тем в конце XIX — начале XX вв. в Сыр-Дарьинской, Тургайской, Уральской и других областях уже культивировались так называемые карабаиры (помесь туркменской породы и местной, а также, местной с башкирской, монгольской, калмыцкой и донской породами).

Наличие карабаиры в казахской степи, в частности у рода шекты, оспаривал И. В. Шумаков (в статье, опубликованной в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» за май 1892 г.), его опроверг А. И. Добросмыслов в статье по истории коневодства Тургайской области²⁸.

²⁶ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 19.

²⁷ А. И. Добросмыслов. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1894, стр. 31.

²⁸ Там же, стр. 4.

Карабаиры разводились не только адаевцами, табынцами, но и чеклинцами.

О преимуществе лошадей степной породы говорил один из специалистов военного ведомства, командированный для покупки лошадей в 1894 г. в Кустанайский уезд Тургайской области подполковник Скорин. Он писал, что казахские лошади ростом в среднем по 2 аршина и 5—6 вершков, «чудно сложены. Спина и ноги не оставляют желать ничего лучшего. Кость широкая и очень крепкая. Несмотря на некоторую короткость передних ног и тяжесть головы, они необыкновенно поворотливы. Рог на копыте великолепен, да и немудрено, если принять во внимание постоянные тебеневки лошадей... Нечего и говорить об их прославленной выносливости и неприхотливости»²⁹. Автор соглашается с мнением корреспондента главного управления коннозаводства И. А. Хантинского о пригодности лошадей степной породы для кавалерийских частей.

Распространенным видом выпаса лошадей в казахской степи является отгон табунов на подножный корм на участок, богатый травостоем. Богатые хозяева нанимали одного-двух и более табунщиков (жилкиши) в один или несколько косов³⁰. Среднесостоятельные шаруа нанимали табунщиков сообща.

Кос составлялся заранее, перед переходом на зимовку, а распускался по окончании его. «У богатых киргиз большие табуны зимою разделялись для удобства тебеневки на партии, например, владелец 1000 голов лошадей делит их на 3—4 партии, почему и пастухов держит больше»³¹.

Труд пастухов-табунщиков в зимний период был каторжным. Они отдыхали поочередно, буквально по несколько часов, постоянно находясь вблизи табуна, охраняя его от хищных зверей, конокрадов, в период метели, пурги и буранов.

Табуны паслись и вблизи зимовок их владельцев. Пастухи этих табунов «никакого прикрытия от непогоды не получают,—пишет Добросмыслов,—и почти целые сутки остаются под открытым небом и только утром, на заре

²⁹ «Тургайская газета», 1895, № 1.

³⁰ Кос—небольшая легкая войлочная юрта.

³¹ А. И. Добросмыслов. Цитированная работа о коневодстве, стр. 15—16.

приезжают на несколько часов в зимовку своего хозяина, кое-как поест и немного соснуть. На такой убийственный труд, как труд конского пастуха, когда и во время бурана, наравне с лошадьми, он должен оставаться в открытой степи..., получая за это от 40 до 60 рублей в год».

Скотоводы придавали исключительное значение организации выпаса, выбору отгонных пастбищ. Отгонные участки менялись в зависимости от местных условий. Там, где растительность богаче и сочнее, смена производилась реже, а на пастбищах, скудных травостоем, — чаще.

Зимнее содержание верблюдов и крупного рогатого скота в различных зонах края производилось также по-разному.

Крупный рогатый скот (кара-мал) доставлял скотоводам много хлопот. Степные породы рогатого скота, акклиматизировавшиеся в суровых условиях казахской степи, были более выносливыми, по сравнению с привыкшей к стойловому содержанию шведской породы. С конца прошлого столетия начали разводить в крае коров астраханской породы, называвшихся «саранау сиыр» (породистая корова). В северных, северо-восточных и северо-западных районах края крупный рогатый скот содержался в стойлах, в южных — большей частью на подножном корму.

Казахские шаруа, готовясь к зимовке, запасали соль для подкармливания рогатого скота, так как без этих веществ скот падал от особенно распространенных заболеваний — лизухи, остеомалации и др.

Степные овцы, акклиматизировавшиеся в суровых условиях, отличались выносливостью. Прав А. И. Добросмыслов, который признал, что местные овцы «легко переносят жару и холод, жажду и голод, едят всякую траву и в состоянии делать очень большие переходы»³².

Таков был уход и содержание скота в казахской степи.

Самым тяжелым для шаруа был период гололедицы, который они умели предугадывать заранее. Джут давал

³² А. И. Добросмыслов. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1893, стр. 5.

знать, так как ему обычно предшествует очень знойное лето, выгорание растительности, пролеты саранчи и кобылки. Об опустошительных вредных насекомых А. Е. Алекторов сообщает следующее: «Как летние пастбища, так и тебеновочные места уничтожаются иногда целыми полосами — на более или менее значительном протяжении: первые саранчою, а последние — гололедицей. Эти два бича кочевого народа до того ему страшны, что пострадавшие от них встречают общее народное сочувствие, а по мере возможности и помощь»³³.

Будучи свидетелем гололедицы в зиму 1879/1880 г., И. Алтынсарин писал, что «в предыдущие три года, сряду, летом стояла одна знойная жара и, можно сказать, не было зим; снегу выпало так мало, что зимой не было сносной санной дороги, и местами предпочиталась езда в летних экипажах. Конечно, не было и разлива рек. Последнее же лето с своими огненными ветрами выжгло к осени все степные растения, которыми вообще не обильно бедный, а теперь еще более бедный — Тургай... Еще не наступила осень; а бедные киргизы встреपнулись, засуетились. Их степной инстинкт чуял собирающуюся грозу; своеобразные местные астрономы («эсепши») предсказывали суровую зиму»³⁴.

Джут начался 24 ноября, выгоревшие летом скудные растения покрылись льдом. Худой скот с декабря начал падать стадами. Джут начал свирепствовать повсеместно: на севере, западе и востоке, начиная с конца ноября, а на юге края — с середины зимы, т. е. с января — февраля.

По словам И. Алтынсарина, с декабря 1879 г. и до конца февраля 1880 г. продолжались сильные снежные бураны. «Легко сказать слово «буран», — пишет он, — но почувствовать это явление ужасно, когда оно продолжается почти три месяца!»

Летом 1878 г. в Тургайской степи сильные пожары целиком опустошили пастбища на Бескопинских и большей части Сары-Копинских лиманов, сгорело множество зимовок с жилами, хозяйственными строениями, оставленным там всем имуществом, материалами и запасами сена. «Таким образом, зиму встретили мы, — пишет Ал-

³³ «Оренбургский листок», 1887, № 25.

³⁴ «Оренбургский листок», 1880, № 16.

тынсарин,— без сена, без тебеневки, без убежища для скота и для себя и в довершение всего с необыкновенно истощенною скотиной, почти не выдавшей зеленой травы в течение всего минувшего года»³⁵.

Многие шаруа зиму встретили и провели в войлочных юртах. Свирепствовали снежные бури. «Представьте себе,— пишет он далее,— эти жестоко расхोдившиеся бури давят, ломают и уничтожают все живое и неживое в степи. И все-таки ужасное положение киргизов и их худого еще с лета скота вполне неизобразимо. Нарисуем еще картину. Вот кибитка, плохо укутанная камышом, в ней на одной стороне помещалось семейство хозяина, состоящее из четырех малолетних детей, хозяина, хозяйки и старушки... часть кибитки занята была съестными припасами; в середине оставлено место для огня; все остальные места заняты худым скотом: двумя верблюдами и тремя телятами... На дворе оглушительно выл и свистел на разные тона ветер, стремительно прорываясь сквозь щели кибитки и безжалостно ломая неказистое жилище. Не было возможности выйти даже за дверь, так как буря положительно сбивала с ног и не давала открыть глаза, моментально засыпаемые снегом. Отовсюду чувствовался пронзительный сквозной ветер; стонь задувало».

Казахский просветитель описал нескончаемое горе и страдания степняка-скотовода вследствие сурового джута. В это время он был инспектором школ Тургайской области, жил в г. Тургае, ездил по аулам, интересовался бытом шаруа, заботился о них.

Джут иногда охватывал столь большие пространства, что из тех местностей перегон скота в другие места оказывался бессмысленным, ибо обессиленные от гололедицы животные не преодолевали тяжелые и длительные переходы в суровых зимних условиях.

По данным А. Добросмыслова, в зиму 1879/1880 г., например, из Тургайской области 216 167 голов скота было размещено на тебеневку в пределах Перовского уезда Сыр-Дарьинской области, а скотоводы Кустанайского и Актюбинского уездов арендовали земли у крестьян и ка-

³⁵ Там же.

заков Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии³⁶.

В период гололедицы падеж скота достигает значительных пределов, особенно ранней весной, когда иссякают запасы корма. В «Обзоре Тургайской области» отмечено, что «убыль скота в марте и апреле месяцах достигла значительных размеров, чему способствовали холода и вьюги, почти непрерывно свирепствовавшие с половины марта до половины апреля и замедлившие таяние снега неимоверно долгое время. Лишь только в самых последних числах апреля степь освобождалась от зимнего покрова»³⁷.

В «Обзоре» далее отмечалось, что к весне даже сурrogаты иссякали: плетни, из которых устраивались помещения для скота, разбирались; «даже сгнившие, пролежавшие, может быть, десяток лет и те не уцелели; все пошло на корм скота. Разумеется, все кормовые сурrogаты могут способствовать поддержанию жизни только тогда, когда они прибавляются к капитальному корму в известном количестве: в противном же случае они могут способствовать скорейшей гибели животных».

Было немало также человеческих жертв в связи с поиском корма во время джута. По неполным данным, например, в зиму 1879/1880 г. в Тургайском уезде, как указывал И. Алтынсарин, было «известно о замерзших до 35 с лишним человек»³⁸. Люди погибали от недостатка пищи. Всей семьей казахские шаруа были заняты уходом за животными: сколько могли, очищали от ледяного покрова пастбища, так как вследствие гололедицы овцы становятся не в состоянии добывать себе корм; «осенних запасов здесь нет, и если не помочь овцам достать себе корм, то им грозит голодная смерть»³⁹.

Казахские шаруа несли огромные потери скота, некоторые лишались всего стада. По данным О. Шкапского и И. Аничкова, во время джута 1879/1880 г., например, скотоводы Тургайского и Иргизского уездов Тургайской области потеряли 59% всех своих стад, а в среднем по области потеря скота достигла около 42%. После джута

³⁶ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 26—27.

³⁷ «Обзор Тургайской области за 1892 г.» Оренбург, 1893.

³⁸ «Оренбургский листок», 1880, № 16.

³⁹ Там же.

хозяйство скотоводов поправлялось медленно. Если каждый кибитковладелец этой области в 1878 г. имел в среднем по 56 голов скота, то после гололедицы, например, в 1882 г. — только 30 голов, в 1891 г. — 27, а в 1899 г. — 42 головы⁴⁰.

В зиму 1879/1880 г. в Уральской области погибло около $\frac{4}{5}$ всего количества лошадей, рогатого скота и овец⁴¹. Большие потери скота понесли шаруа и в южных уездах. Например, в Сыр-Дарьинской области (Перовском, Туркестанском, Чимкентском, Аулие-Атинском уездах) погибло 56% всего скота⁴².

По данным ежегодных обзоров, в Тургайской области погибло лошадей — 47,76%, крупного рогатого скота — 32,12%, верблюдов — 22,13%, овец — 33,21%, коз — 32,76%, в переводе на деньги убыток составлял 11 млн. 477 тыс. руб.; в Акмолинской области — лошадей — 107 398, крупного рогатого скота — 29 580 голов, верблюдов — 9 606, овец и коз — 217 470; в Семипалатинской области — лошадей — 30 031, крупного рогатого скота — 8560 голов, верблюдов — 3650, овец и коз — 150 260. Понесли огромные потери и южные уезды края. За зиму 1891/1892 г., например, в одном Казалинском уезде Сыр-Дарьинской области, по подсчетам Аничкова (см. его ст. в журнале «Русская мысль», кн. V. М., 1902, стр. 62) скотоводы, зимовавшие в Каракумах, потеряли 90% лошадей, 80% баранов и 60% верблюдов.

Во время зимовок 1879/1880 и 1891/1892 гг. больше погибло лошадей и овец, меньше — верблюдов. Это объясняется, конечно, характером выпаса, а также выносливостью этих видов животных. К тому же, по сравнению с другими видами, верблюды составляли небольшой процент, особенно в северных районах края.

В Казахской степи скот ежегодно погибал не только от периодических джутов, но и от бескормицы, вызванной другими причинами. Так, в зиму 1888/1889 г. в Казалинском уезде Сыр-Дарьинской области во время буранов погибло 10% всего скота. Если по всей Сыр-Дарьинской области⁴³ количество скота в 1870 г. составляло

⁴⁰ «Русская мысль», кн. V. М., 1902, стр. 62—63.

⁴¹ «Обзор Уральской области за 1880 г.» Уральск, 1881.

⁴² «Русская мысль», кн. V. М., 1902, стр. 62.

⁴³ «Русская мысль», кн. V. М., 1902, стр. 62.

6 988 220 голов, то спустя 7 лет, в 1877 г. оно сократилось до 4 113 999, а в 1885 г. — до 2 751 700 голов.

Факты говорят о том, что джут и различные эпизоотии разрушали хозяйственный быт колониального аула. Оправиться после таких бедствий казахским шаура было очень трудно.

После изнурительной зимы весна приносила скотоводам радость. Образую хозяйственный аул, они переходили со скотом на джайляу. Стада обычно двигались медленно: вначале — на близкое расстояние, 5—10 км, а через 10—15 дней — на 10—15 км.

А. И. Добросмыслов справедливо замечал, что «все вообще киргизы, до спада внешних вод, далеко от зимовок не отходят и держатся на возвышенных местностях, в виду того обстоятельства, что во время весеннего разлива все реки и даже маленькие ручьи и овраги представляют для их передвижений непреодолимые препятствия. Как только вода спала, южные киргизы начинают трогаться с места, медленно двигаясь на север вместе со своими стадами»⁴⁴. Другой исследователь, Потанин, говорил, что «кочевки с зимовых мест совпадают обыкновенно с началом весны; начало их зависит от многих условий, в числе которых главное место занимает количество оставшегося запаса корма. Если корма еще достаточно, а погода стоит холодная, то киргизы отлагают время снятия с зимовки до тех пор, пока или не выйдет весь запасный корм, или не наступит тепло. Далее принимается в расчет состояние, в котором находится скот,— продолжает он,— который нередко после зимней бескормицы еле волочит ноги..., приходится, не трогаясь с места, выжидать выхода в степи первой травы, на которой скот мог бы несколько отдохнуть и оправиться. Как только трава показалась — скот немедленно угоняется с зимовки, на самом месте которой молодая весенняя трава никогда не стравляется скоту, из опасения повредить будущие зимние запасы ее»⁴⁵.

В статье «Образ жизни киргизов». Алекторов пишет: «каждый род или аул следует... по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей и колодцев, по которым

⁴⁴ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 14.

⁴⁵ Г. Н. Потанин. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири. «Сельское хозяйство и лесоводство». Январь 1883, стр. 42—43.

шли и у которых останавливались их предки сотни лет тому назад... Многие аулы, зимующие всегда по соседству, каждым летом удаляются друг от друга на целые сотни верст. Эти переходы до того регулярны и точны, что можно было заранее предсказать, где можно будет найти какой-нибудь из этих кочевых аулов в любой день в году».

Говоря о кочевых направлениях хозяйственных аулов, Алекторов отмечает, что «можно было бы составить карту пустыни, указывающую пути всех аулов; она представила бы самую переплетенную сеть тропинок, которые будут встречаться и пересекать друг друга во всевозможных направлениях, представляя страшную запутанность и беспорядок невообразимый, а между тем ни один аул никогда не сбивается с своего пути и не позволяет другому вступить на него»⁴⁶. Причем «малейшее уклонение какого бы то ни было аула или рода от пути, по которому проходили его предки,—указывает далее Алекторов,—уже считается достаточным предлогом для ссор; на деле так и оказывается, что основанием почти всех распрей и побоищ между киргизами служит то, что один какой-нибудь род завладел дорогою другого рода или аула»⁴⁷.

В изучаемый нами период протяженность путей летних кочевков казахских шаруа гораздо сократилась, кроме Мангышлака, частично Перовского, Казалинского уездов Сыр-Дарьинской области, шести южных волостей Атбасарского уезда Акмолинской области и отчасти Иргизского и Тургайского уездов Тургайской области, нескольких южных волостей Темирского уезда Уральской области, где кочевые пути составляли около 500 км. Сокращение расстояния кочевков объясняется прежде всего экономическими сдвигами края: развитием земледелия, сенокосения, товарностью скотоводства и т. д. Например, говоря о радиусах летних кочевков двух северных уездов Тургайской области — Актюбинском и Кустанайском, где успешно развивалось земледелие, А. И. Добросмыслов пишет, что казахские шаруа «по спаде вешних вод кочуют не слишком далеко от зимовок, занимаясь приготовлением земли для посева и, затем, самим посевом. Когда к концу апреля или началу мая по-

⁴⁶ «Оренбургский листок», 1890, № 16.

⁴⁷ Там же.

сев окончен, они начинают откочевывать на более далекие расстояния, но таковые, как уже выше было сказано, в настоящее время, за редкими исключениями, не превышают 40 верст»⁴⁸.

Примерно таким же образом кочевали шаруа на свои летние пастбища и других северных, северо-западных, северо-восточных районов края.

Шаруа, зимовавшие в районе Больших и Малых Барсуков и отчасти в Устьюрте, к началу XX века сократили радиусы кочевок до 100 км, а скотоводы подножий Улу-тау — до 100—150 км.

Обыкновенно шаруа со своими стадами на джайляу двигались медленно, но стремились до наступления жары преодолеть труднопроходимые пустынные пространства, пока еще не выгорела растительность и не высохли мелкие весенние снежные озера.

На летовку шаруа кочевали со всем своим имуществом, т. е. с юртой, предметами домашнего обихода и другим инвентарем. Подробно описывая устройство летних войлочных кибиток казахских шаруа, А. Е. Алекторов заключает: «Кибитки простых киргизов делаются обыкновенно из серого войлока. Богатые киргизы употребляют для этого белый войлок: у некоторых знатных и богатых киргизов кибитки отличаются, можно сказать, положительно, роскошью, тогда как у бедных, в противоположность этому, они покрываются камышом, рогожами и всякою рванью»⁴⁹.

При кочевках кибитка и все остальное домашнее имущество перевозилось на верблюдах, а в северных районах — на телегах. По словам А. И. Добросмыслова, «одежда, домашняя утварь, кошмы, ковры складываются в сундуки и тюки, а деревянные громоздкие части кибитки связываются веревками. Когда все вещи сложены, их навьючивают на верблюдов, а за неимением таковых накладывают на телеги, запряженные лошадьми или быками»⁵⁰.

День откочевки на джайляу был своего рода праздником. А. И. Добросмыслов пишет, что «мужчины и жен-

⁴⁸ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 15.

⁴⁹ «Оренбургский листок», 1890, № 16.

⁵⁰ А. И. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 12—13.

щины в первый день выкочевки надевают лучшее платье и вообще все имеет торжественный вид»⁵¹.

Летние пастбища, как отмечалось выше, выбирались шаруа на значительном расстоянии от зимовок, на которых травостой сохранялся для зимнего выпаса. «Остановившись на одном каком-либо месте,— пишет Г. Н. Потанин,— киргизы пускают скот на окрестную растительность. Постояв на месте два-три дня, аул поднимается и перекочевывает несколько далее, на новое место, на котором опять-таки остается два-три дня, вновь поднимаясь по истечении этого времени. С первого взгляда кажется странною такая непоседливость. Часто киргизы бросают прекрасное, тучное пастбище, отличный водопой и идут дальше»⁵².

На это у шаруа были свои расчеты. Они оставляли хорошие пастбища на осеннее время, шли вперед, стремясь раньше других захватить лучшие пространства. Кроме того, тучная на вид растительность иногда оказывается не совсем пригодной для нагула всех видов скота. «Если, например,— продолжает Потанин,— вставший рано утром, киргиз находит весь скот в куче пасущимся около самой ставки, то это служит для него ясным признаком, что травы хороши; скот сам по своей воле неохотно отходит от жилища человека и любит держаться тесною кучкою. Если же животные отошли далеко от юрт и разбрелись в разные стороны, то ясно, что трава не подходит под вкус; тут скотине приходится бродить за кормом из стороны в сторону. В последнем случае аул не остается на месте ни одного лишнего часа: снимается и перекочевывает дальше».

Для правильной организации нагула скота большое значение имел регулярный водопой. В этом отношении в летнюю жару самым слабым животным считалась лошадь, за ней — рогатый скот, а самым выносливым — верблюды, который переносит жажду в течение нескольких дней, тогда как лошадь не выдерживает и одного дня.

Потребность организма животных в воде меняется не только и не столько в зависимости от возраста, но, главным образом, в зависимости от температурных условий местности, от характера кормов. Приятная на вкус, хо-

⁵¹ Там же.

⁵² «Сельское хозяйство и лесоводство». Январь 1883, стр. 43.

лодная вода из колодцев считалась самой лучшей. Дождевая и снеговая вода по качеству ниже, чем колодезная. Вода из болот и лужаек считалась непригодной.

Водопой скота всегда был самой трудной проблемой. Во многих районах края, особенно на Мангышлаке, Устюрте, Сарыарке и на Юге, подземные воды добывались из глубины около 50 м. Следовательно, строительство колодцев, подъем воды на поверхность всегда вызывали у шаруа постоянную тревогу; скотовод тратил на водопой своих животных огромный труд. Он доставал воду из глубоких колодцев примитивным способом: ведром и мескауга (кожаным черпаком емкостью около трех-четырех ведер).

Чтобы представить тот большой труд, который прилагал скотовод-степняк при водопое, достаточно привести несколько цифр. Потребность воды для лошади в день составляет 30—40 л, для одной головы крупного рогатого скота — 40—50 л, для верблюда 20—30 л, для овцы — 5 л. Спрашивается, сколько воды в день надо доставить из глубины для своего стада среднесостоятельному скотоводу, сколько труда он должен вложить на строительство колодцев?

Следовательно, кто считал степняков-скотоводов людьми пассивными, не прилагавшими больших усилий в скотоводстве и земледелии, тот впадал в непоправимую ошибку. Бездельничали только богачи, эксплуатируя батраков.

Во многих районах летний режим выпаса и водопоя скота был таков: лошади паслись ночью, вдали от стоянки аула, следовательно, от источника водопоя; к середине дня прибывали на водопой, до спада жары стояли или паслись вблизи, и к вечеру, после водопоя, опять направлялись на выпас. Водопой коров производился три раза в день — утром, днем и вечером (ночью они находились в ауле, паслись днем); овец и коз — три раза: утром, днем и вечером.

Был и иной порядок режима выпаса и водопоя животных. Так, пастухи рядом расположенных двух-трех мелких хозяйственных аулов возвращали скот на водопой с наступлением жары, т. е. к середине дня; до спада жары скот оставался в ауле. Верблюды в летние месяцы паслись днем и ночью, на водопой возвращались иногда к вечеру, иногда утром.

Вечерний и ночной выпасы считаются казахскими шаруа самым рациональным способом нагула и откорма.

Казахские шаруа постоянно и внимательно следили за здоровьем животных: лечили их от разного рода заболеваний. Скотоводы тратили немало труда на содержание молодняка. Много времени шаруа уделяли также при приучении молодняка лошадей и верблюдов к хозяйственной работе и езде.

Таким образом, казахские шаруа на скотоводство вкладывали огромный труд, при этом страдали от метелей, пурги, буранов, летнего зноя. Труд казахских скотоводов был своеобразным, многогранным, довольно сложным, кропотливым. Привыкая к суровым степным природно-климатическим условиям, шаруа терпеливо преодолевали эти трудности.

3. Классовое расслоение

Экономика колониального аула развивалась неодинаково: в скотоводческо-земледельческой зоне более интенсивно, чем в скотоводческой. К сожалению, многие исследователи не учитывали этих особенностей.

В скотоводческой зоне эволюция экономики шаруа проходила очень медленно, так как развитие российского капитализма не оказывало на нее заметного влияния. В Казахстане сохранялись средневековые порядки нормы обычного права. В скотоводческо-земледельческой зоне проникали и развивались капиталистические отношения. В связи с этим шло разложение патриархально-феодалного быта аула. Шаруа стремились приспособить свое хозяйство к потребностям рынка: развивали товарное животноводство и земледелие. «Среди киргиз натуральное хозяйство начинает сменяться денежным, а вместе с тем незаметно меняются и нормы обычного права... современный киргиз без денег обойтись не может,— писал Н. Коншин,— он связан многими нитями с русским рынком»⁵³.

В. И. Ленин указывал, что сущность классового расслоения крестьянства в эпоху пореформенной России лежит не в «простой дифференциации». В этой связи, воз-

⁵³ Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск, 1901, стр. 154

ражая народникам, В. И. Ленин писал, что «...возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством»⁵⁴.

Вследствие такого процесса развития экономики усиливалось классовое расслоение в ауле.

Прежде чем рассматривать экономические факторы, приведшие к социальному расслоению казахских шаруа, вскрыем классовую структуру аула и попытаемся охарактеризовать классы и отдельные социальные прослойки казахского общества.

В конце XIX — начале XX вв. в казахском ауле существовало два основных антагонистических класса: феодалы (баи) и крестьяне (шаруа). Помимо них, в скотоводческо-земледельческой зоне, где развивались капиталистические отношения, зарождались два новых класса: баи (кулаки) и наемное батрачество (сельскохозяйственный пролетариат).

К классу баев С. Е. Толыбеков относит (например, в кочевых аулах Перовского и Казалинского уездов Сыр-Дарьинской области) хозяйства, имевшие не менее 200 голов мелкого и 50 голов крупного рогатого скота; к середнякам — имевших не менее 100—150 овец и 20—25 голов крупного скота, а к беднякам — ниже этого минимума.

Автор делит баев на три категории: крупных, средних и мелких. Крупные баи — те, которые имели 2000 и более овец и свыше 400 голов крупного скота; к средним он относил тех, которые имели 500 овец и 100 голов крупного скота, к мелким он относил имевших не менее 200 овец и 50 голов крупного скота⁵⁵.

В скотоводческо-земледельческой зоне дореволюционного Казахстана П. П. Румянцев считал хозяйства,

⁵⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 142.

⁵⁵ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 131.

имевшие до 10 лошадей — бедняцкими, от 11 до 25 — середняцкими, до 100 — зажиточными, от 100 и более — байскими хозяйствами⁵⁶.

При такой классификации хозяйства автор учитывал также бюджет семейств степных областей, где преобладал скотоводческо-земледельческий тип хозяйства. В таких аулах середняцкими считались хозяйства, имевшие не менее 25 голов скота (в переводе на лошадь), при этом учитывался доход от земледелия.

К баям-феодалам относились султаны, крупные скотовладельцы, часть мусульманского духовенства (содержатели мечетей, богатые муллы и ходжи).

При определении социальной структуры дореволюционного казахского аула более правильной точки зрения придерживается проф. Е. Б. Бекмаханов. Он пишет: «К группе феодалов казахского общества следует отнести также мусульманскую знать — ходжей и мулл»⁵⁷.

Следует отметить, что в литературе довольно упрощенно толкуется социальная природа ходжи. Дело в том, что арабы-колонисты (VII—IX вв.) образовали в Средней Азии и Казахстане особый род ходжи, выдававший себя за потомков пророка Мухамеда. В последующее время они ассимилировались с местным населением. Род ходжи в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области занимал определенную территорию. Среди ходжей были бай-феодалы, были муллы — содержатели мечетей, медресе. Но наряду с ними были середняки и бедняки, занимавшиеся земледелием и скотоводством, а также пастухи, батраки, ремесленники, купцы. В аулах рода ходжи существовали два основных класса докапиталистической эпохи: бай-феодалы (к ним же относилась мусульманская знать) и крестьяне.

Следовательно, без всякой оговорки весь род ходжи отнести к феодальной знати и, таким образом, свести на нет грани между феодально-байской верхушкой и крестьянством было бы непростительной ошибкой.

Все слои населения рода ходжи, независимо от их имущественного состояния, назывались с прибавкой ти-

⁵⁶ П. П. Румянцев. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. Вопросы колонизации, 1909, № 5, стр. 113.

⁵⁷ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России М., 1957, стр. 40.

тула «ходжи». Этим подчеркивалось их «особое» происхождение. Дореволюционные авторы ошибались, когда относили весь род ходжи к господствующей верхушке казахского аула.

Неверное мнение сложилось также об отнесении батыров к феодальной верхушке. Известно, что слово «батыр» происходит от слов «баһадур», «бакһадур», что означает «бесстрашный», «храбрый», «герой». Этот термин впоследствии вошел в лексикон многих народов (например, русское — «богатырь», монгольское — «батор» и т. д.).

Батыры происходили не только из феодальной знати, но и из крестьян. Так, известен, например, батыр Есет Кутебаров. Он был крупным владельцем земли и скота. Рядом с его аулом был расположен бедный аул, где жили батыры Азберген и Карагул. Оба они происходили из бедной семьи. Следовательно, последние не принадлежали к господствующей феодально-байской верхушке аула. Вместе с тем ясно, что слово батыр никак не может считаться социальным термином.

Необходимо пересмотреть вопрос о социальной природе некоторых других групп населения, как например, байгуши, жатаки, консы и др.

Справедливо берет под сомнение точку зрения дореволюционных авторов Е. Б. Бекмаханов о наличии многочисленных групп крестьян (байгуши, жатаки, консы, егенши, бахташи и др.).

Напрасно автор дальше не пытался раскрыть ошибочное мнение дореволюционных дворянско-буржуазных исследователей; сожалея, что «поскольку в дореволюционной литературе и в архивных источниках укоренились указанные выше термины, при анализе положения различных групп казахского шаруа волей или неволей придется упоминать термины байгуши, жатаки и др.» (указанная работа, стр. 38).

Здесь чувствуется осторожность автора. Тем не менее не будет преувеличением, если скажем, что в исторической литературе Е. Б. Бекмаханов впервые берет под сомнение выводы дореволюционных авторов по этому вопросу. Безусловно, это уже шаг вперед, в противовес всем нашим исследователям, специально изучавшим общест-

венно-экономический и политический строй дореволюционного Казахстана.

Казахские шаруа делились на середняков и бедняков. Последние были полузависимыми и зависимыми от баев-феодалов. Бедняков дореволюционные исследователи называли байгушами. Слово байгуш (по-казахски «байгус») означает сочувствие, сожаление. Бедняков также называли кедей и жарлы.

В исторической литературе укоренился термин консы, которым назывались обездоленные шаруа, полностью зависимые от баев-феодалов.

Но в изучаемый нами исторический период этот термин утратил свое первоначальное значение: не только бедноту, но и богатых шаруа, покинувших свой род и перешедших на территорию другого рода также называли консы.

Слово егинши означает пахарь, «земледелец», «хлебопашец».

В конце XIX — начале XX вв. в казахских аулах скотоводческо-земледельческой зоны зарождалось кулачество, которое приспособляло свои хозяйства к потребностям рынка за счет эксплуатации батраков, живших продажей своего труда. Многие баи — кулаки сочетали товарное земледелие и скотоводство с торговлей, устраивая иногда в аулах или на джайляу ярмарки. Г. К. Гинс по этому поводу в своем дневнике пишет: «10 июля мы собрались обратно в Приилийскую долину, но так, чтобы выехать в нее верст на шестьдесят восточнее того селения, из которого уехали. По дороге мы посетили кочевую ярмарку. Ярмарка была небольшая, в одну улицу. По обе стороны бок о бок по двадцать — двадцать пять юрт, обращенных в лавки. Тут все, что нужно для киргизского обихода. Посреди красуется двухцветный флаг. В одной из юрт играет гармошка. В другой таранчинец устроил «ашь-хана» и угощает пельменями по копейке штука»⁵⁸.

Города и железные дороги (Сибирская, Оренбургско-Ташкентская, Уральско-Рязанская) сыграли большую роль в проникновении капиталистических отношений в казахскую степь. На ярмарки в Казахстан съезжалось большое количество купцов и промышленников. Они сбы-

⁵⁸ «Исторический вестник», т. 84, СПб., 1913, стр. 318.

вали свои товары и покупали скот, продукты животноводства (шерсть, кожи, сало и др.).

Вывоз сырья и скота из Казахстана к концу XIX — началу XX вв. значительно возрос. Так, в 1894 г. только на одной Акмолинской ярмарке было куплено и отправлено в Центральную Россию свыше 9 тыс. лошадей, 13 тыс. голов крупного рогатого скота, 142 тыс. баранов, около 50 тыс. пудов овечьей и козьей шерсти, тысячи пудов конского волоса, 573 тыс. овчин, 94 тыс. кож⁵⁹.

В докладе, прочитанном А. Н. Нусупбековым на научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, на тему: «К вопросу о формировании казахской буржуазной нации» приведены следующие цифры⁶⁰. Оборот ярмарок в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях с 16,7 млн. руб. в 1896 г. возрос до 89 млн. руб. к 1900—1902 гг., т. е. более чем в 5 раз.

В Тургайской области в 1900 г. и в Уральской — в 1901 г. было продано скота и продуктов животноводства на 16,5 млн. руб., а в конце десятилетия — уже более чем на 20 млн. руб.

В 1911 г. в Акмолинской области было более 200 ярмарок и торжков, обороты которых достигли 16 млн. руб., а в 1912 г. — 23,5 млн. руб.

Вывоз скота и сырья из Казахстана быстро увеличился после постройки железных дорог.

Средняя годовая перевозка мяса из Казахстана по Сибирской магистрали в 1901—1904 гг. составила 1,7 млн., в 1907—1910 гг. — около 2 млн. и в 1912 г. — 1,5 млн. пудов. По Ташкентской ж. д. в 1907—1910 гг. ежегодно отгружалось 466 тыс. пудов, а в 1911 г. — 1,1 млн. пудов мяса.

Средняя годовая отгрузка кож по Ташкентской ж. д. составляла в 1906—1910 гг. около 540 тыс. пудов шерсти, 816 тыс. пудов мяса.

Мясо и скот обычно везли в Москву и Петроград, сало — на свечные и мыловаренные заводы Казани и

⁵⁹ «Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая», т. II. Алма-Ата, 1941, стр. 181—182.

⁶⁰ Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 170—171.

Москвы, кожи — в Либаву, Ревель и Владимирскую губернию, кишки — в Берлин, Вену и другие города.

Ссылаясь на материалы повторного обследования под руководством Кузнецова, А. Н. Нусупбеков далее указывает, что в Кустанайском и Актюбинском уездах насчитывалось 849 скупщиков и перекупщиков с доходом в 223 тыс. руб.

По подсчетам авторов сводного курса «Истории Казахской ССР», к концу XIX в. в Казахстане насчитывалось около 40 тыс. торговцев⁶¹, многие из них были крупными баями, имевшими в среднем по 500 голов скота в переводе на лошадь.

Купцы-казахи вели специализированную торговлю. Например, Жиенкулов, имевший оборот торговли свыше 50 тыс. руб., занимался перепродажей скота и продуктов животноводства, Ибрагимов — хлеба, зерна и муки, Куробаев — скупал и продавал кошмы⁶².

Судя по неполным архивным данным⁶³, с каждым годом росло количество купцов. Так, в 1899—1900 гг. в Аулие-Атинском уезде Сыр-Дарьинской области по патенту числилось купцами 257 чел., из них 171 казах, 3 русских, 2 татарина и остальные были узбеки. В 1905 г. количество купцов удвоилось. Почти вдвое увеличилось количество лавок и скупочных пунктов — всего их было 2156, из них в аулах и кишлаках уезда — 1009, а в г. Аулие-Ате — 1147.

Купцы делились по количеству оборота на четыре разряда. Первый разряд присваивался тем, у которых оборот превышал 500 тыс. руб.; второй — до 200 тыс. руб.; третий — 50 тыс. руб.; четвертый — ниже 50 тыс. руб.

По патентам, выданным податными инспекторами, к 1909 г. числилось скупщиков скота и продуктов животноводства в Лепсинском уезде 99 чел., из них 40 казахов; в Копальском — 90 чел., из них 15 казахов; в Семипалатинском — 52 чел. казахских купцов, из них второго разряда — 5 чел., третьего — 22 чел., четвертого — 25 чел.; в Каркаралинском — 72 чел., из них 36 казахов; в Атбасарском — 59 чел., из них 14 казахов; в 1910 г. в том же уезде — 101 чел., из них 37 казахов; в Акмолинском —

⁶¹ История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 408.

⁶² ЦГА КазССР, ф. 510, св. 1, д. 1, лл. 1—51.

⁶³ Там же, ф. 175, св. 1, лл. 1—165.

99 чел., из них второго разряда 17 чел., третьего — 82 чел.; в Петропавловском уезде — 99 чел.

Казахские купцы жили в аулах, городах, станицах, селениях переселенческого крестьянства, вели стационарную и разъездную торговлю в аулах. Например, в 1901 г. в Верненском уезде в селении Зайцевском⁶⁴ жили 4 казахских купца, в Казанско-Богородском — 2, в гор. Верном — 17 чел.⁶⁵ и т. д.

Конечно, один податной инспектор для всего уезда не мог выявить всех купцов, живших не только в далеких аулах, но даже и в городах. Судя по документам, купцы среднего, тем более низшего разряда в аулах, избегая налогов, уклонялись от податных инспекторов. Можно предпологать, что количество купцов и скупщиков значительно превышало число выданных патентов.

Баи, занимавшиеся товарным земледелием, скотоводством и торговлей, происходили не только из среды зажиточных шаруа, но и из обуржуазившихся феодалов, таких, как Чормановы (Баян-Аульский уезд, Семипалатинской области), Шангирей Букеев (Букеевское ханство). Последний заседал 700 десятин земли и разводил скот для продажи (он имел 250 лошадей и 300 голов крупного рогатого скота, в том числе 200 рабочих быков; нанимал 20—30 постоянных и 300—400 сезонных рабочих)⁶⁶.

Таким образом, под влиянием экономики России в колониальный казахский аул проникали капиталистические отношения и зарождался новый класс — кулачество, наживавшееся за счет прибавочного труда наемных рабочих.

Казахская буржуазия выходила из ростовщиков-сэудегеров, многие из которых превращались в купцов-предпринимателей, концентрировавших в своих руках большую часть предприятий по первичной переработке животноводческого сырья и других продуктов сельского хозяйства.

Наряду с крупными купцами, в казахских аулах, отдаленных от городов и железных дорог, все еще господ-

⁶⁴ ЦГА КазССР, ф. 175, св. 1, д. 1, лл. 217—283.

⁶⁵ Там же, св. 2, д. 12, лл. 1—165.

⁶⁶ Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 173.

ствовало ростовщичество. Этому способствовали отсталость и окраинное положение Казахстана.

«Необходимой принадлежностью мелких местных рынков кроме примитивных форм ремесла, — писал В. И. Ленин, — являются также примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»⁶⁷.

Ростовщики разоряли трудящиеся массы казахского аула. Они торговали промышленными товарами, чаем, сахаром, конфетами, махоркой, меняя их на кожи, шерсть, козлий пух, меха, скот и при этом получали большие прибыли. О сзудегерах, разъезжавших по отдаленным аулам, корреспондент газеты «Русская жизнь» некий В. О. в заметке «Из Тургайской области» писал: «Сзудегер обменивает свой товар на домашних животных и их продукты (шерсть, кожа), причем цены их товаров удваиваются, а цена продуктов, предлагаемых киргизами, наполовину уменьшается, не говоря уже об обычных приемах сзудегеров, заключающихся в обмивании, обвешивании»⁶⁸.

Ростовщики выполняли также посредническую роль. Они скупали у шаруа скот, продукты животноводства и перепродавали их купцам и скотопромышленникам Центральной России и Поволжья, извлекая при этом значительную выгоду. К. Маркс в «Капитале» дает четкое определение посреднической роли торгового капитала. Он пишет: «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обчета и обмена, но по большей части и действительно из них происходит»⁶⁹.

Ростовщики раздавали в аулах свои товары казахской бедноте с условием возврата продуктами животноводства, мехами, скотом. Это усиливало зависимость шаруа от ростовщиков. Отсюда у казахов пошла пого-

⁶⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 333.

⁶⁸ Газета «Русская жизнь», 1893, № 26.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. 1, стр. 358.

ворка: «Сэудегер есеппен байиды» (торговец богатеет расчетом).

Проникавшие в экономику Казахстана товарно-денежные отношения способствовали усилению товарности сельского хозяйства, ускоряли разложение патриархально-феодалного быта, усиливали имущественное неравенство и классовую дифференциацию в ауле.

В начале XX в. усиливалась товарность зернового хозяйства и животноводства, особенно в хозяйствах крупных баев. Они разводили такой скот (овец, лошадей), который мог проводить зиму на подножном корму, быстро размножаться и, таким образом, дать большие прибыли. В семи уездах Тургайской и Уральской областей (Кустанайском, Актюбинском, Ирғизском, Тургайском, Темирском, Лбищенском, Уральском) свыше 60% проданных лошадей и 58% баранов и коз принадлежало баям⁷⁰.

Таковы данные о природе казахской национальной буржуазии. Переходя к анализу социальной дифференциации казахского аула, проанализируем сведения экспедиционных материалов «по киргизскому землепользованию», собранные под руководством Щербины, Палена, Кузнецова, Румянцева, переселенческими управлениями, а также другие данные, сохранившиеся в архивах.

Возьмем несколько уездов скотоводческо-земледельческой зоны дореволюционных областей Казахстана и проследим, как протекало социальное расслоение населения в колониальном ауле. Степень классового расслоения в ауле рассмотрим по количеству поголовья скота в переводе на лошадь (табл. 1). Что же касается размеров посевной площади на хозяйство, то они будут показаны в главе «Развитие земледелия в ауле».

В колониальных аулах абсолютное большинство составляли бедняцкие и середняцкие хозяйства.

Из таблицы 1 видно, что самый бóльший процент бедноты падает на Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской области (89%), а наименьший — на Омский уезд (66,5%). Наибольшее количество середняков было в Омском (21,5%) уезде и наименьшее — в Усть-Каменогорском (9,7%); байских — соответственно больше в Омском (12%) и меньше в Усть-Каменогорском (3,1%).

⁷⁰ Ученые записки КазПИ им. Абая, т. II, 1941, стр. 181—182.

Таблица 1
Классовое расслоение населения десяти степных областей по имущественному положению, %⁷¹

Группировка хозяйств по количеству лошадей	Уезды									Итого
	Омский	Атбасарский	Акмолинский	Кустанайский	Павлодарский	Кокчетавский	Каркаралинский	Петропавловский	Актюбинский	Усть-Каменогорский
Имеющие до 10 лошадей	66,5	70,8	72,3	74,0	76,0	74,5	83,2	82,5	86,2	89,0
• 11—25	21,5	10,5	18,3	16,7	15,6	17,7	11,3	12,7	9,8	7,9
• 26 и более лошадей	12,0	9,7	9,4	9,3	8,4	7,8	6,5	4,8	4,1	3,1
										7,2

⁷¹ П. П. Румянцев. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. «Вопросы колонизации», СПб., 1909, № 5, стр. 113.

В целом по этим десяти уездам бедняцкие хозяйства составляли 78,2%, середняцкие — 14,6%, байские — 7,2%.

По мнению Румянцева, хозяйства, имевшие до 100 лошадей, с учетом бюджетных данных, нельзя считать крупными байствами; они могут быть отнесены в группу зажиточных хозяйств. По его данным, крупными байствами нельзя считать даже хозяйства, имевшие до 200 лошадей⁷².

Выше мы привели точку зрения С. Е. Толыбекова, который относит хозяйства, имевшие от 26 до 100 лошадей, к мелким байствам, а Румянцев причисляет такие хозяйства к зажиточным. Видно, что точки зрения двух авторов расходятся.

Можно полагать, что в скотоводческо-земледельческой зоне скотовладельцы, имевшие 100—200 лошадей, считались крупными баями.

В Семипалатинской области количество таких хозяйств составляло 1%. Но следует учесть, что были хозяйства, имевшие 300, 500, 1000 и более лошадей. Если допустить, что крупными байствами считались хозяйства, имевшие по 300 и более лошадей, то такие в Кустанайском уезде⁷³ составляли всего лишь 0,3%, а в Кокчетавском — 0,2%. Такая же картина была в Семиречье и на юге края, исключая Чимкентский и Аулие-Атинский уезды.

По материалам П. А. Скрыплева, в Перовском уезде (т. IV, стр. 31) бедняцких хозяйств было 68,7%, середняцких — 17,6%, зажиточных — 8,8%, а богатых — 4,9%. Такая же была картина в Казалинском уезде (там же, стр. 55), где бедняцкие хозяйства составляли 65,3%, середняцкие — 19,5%, зажиточные — 10,1% и богатые — 5%.

Иначе следует подходить к определению классового расслоения в казахском ауле Чимкентского и Аулие-Атинского уездов. Здесь большее значение имело товарное земледелие: имущественное положение населения определялось не только количеством скота, но и посевной площадью. На этом вопросе мы более подробно остановимся в главе, посвященной истории развития зем-

⁷² Там же, стр. 115.

⁷³ Там же, стр. 117.

леделия. Тем не менее рассмотрим на примере этих уездов вопрос о классовом расслоении казахского аула с точки зрения группировки хозяйств по поголовью скота в переводе на лошадь (табл. 2, 3)⁷⁴.

Таблица 2

Классовое расслоение населения Чимкентского уезда			
Группировка хозяйств по количеству лошадей	К-во хозяйств к общему числу, %	Площадь посева на одно хозяйство, десятин	Количество скота на одно хозяйство
Безлошадные	20,52	6,85	1,95
С 1 лошастью	37,28	9,46	5,55
С 2-3 лошадьми	21,35	11,22	10,79
С 4-5 "	6,82	12,97	16,25
С 6-8 "	5,59	13,79	21,35
С 9-13 "	4,41	15,82	30,52
С 14-22 "	2,50	18,57	46,90
С 23-50 "	1,30	18,57	75,84
С 51-100 "	0,21	36,55	150,94
Свыше 100 лошадей	0,02	53,80	302,29

Таблица 3

Классовое расслоение населения Аулие-Атинского уезда ⁷⁵			
Группировка хозяйств по количеству лошадей	К-во хозяйств к общему числу, %	На одно хозяйство приходится посева, десятин	Количество голов скота на одно хозяйство
Безлошадные	12,80	2,50	2,0
С 1 лошастью	33,70	3,70	5,30
С 2-3 лошадьми	22,10	4,60	9,70
С 4-5 "	7,80	4,80	13,50
С 6-8 "	6,20	4,90	16,60
С 9-13 "	6,50	5,00	21,20
С 14-22 "	5,90	5,60	32,70
С 23-50 "	3,80	6,50	58,40
Свыше 50 лошадей	1,20	9,80	131,80
	100,00	4,30	13,40

⁷⁴ Материалы по киргизскому землепользованию... Чимкентский уезд, т. I. Ташкент, стр. 74.

⁷⁵ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область, Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 68.

Следовательно, в Аулие-Атинском уезде классовое расслоение аула по количеству скота выглядит более ярче.

Из таблиц видно, что если в степных уездах бедняцкими считались хозяйства, имевшие до 10 голов скота в переводе на лошадь, то в названных двух южных уездах—только до трех голов. К тому же в упомянутых нами южных уездах абсолютное большинство хозяйств состояло из бедняцких, а в степных их было меньше. В Чимкентском уезде, например, безлошадные хозяйства составляли 20,52%, с одной лошадью — 37,28%, с двумя-тремя лошадьми—21,35%, а всего—79,15%; середняцкие хозяйства — около 20% и байские — 1,5%. Почти такая же картина была в Аулие-Атинском уезде: безлошадных—7,9%, с одной лошадью—33,7%; середняцкие хозяйства, имевшие до 8 лошадей,—36,1%, и хозяйства зажиточные и байские вместе взятые, имевшие свыше 8 лошадей, составляли 17,4%. Следует отметить, что большая часть поголовья была сконцентрирована в руках баев. В десяти названных уездах степных областей от 88 до 91% лошадей принадлежали зажиточным шаруа и баям⁷⁶. Так, по данным Переселенческого управления, в начале XX века в Павлодарском уезде Семипалатинской области 12 500 бедняцких хозяйств имели 63 500 лошадей, тогда как 800 байских хозяйств — 172 700 лошадей. Хозяйства мелких и крупных баев в Кокчетавском и Кустанайском уездах составляли от 7,7% до 11,1%, но на их долю приходилась почти половина лошадей — 47,7%, крупного рогатого скота — 22%, овец и коз — 34,5%. Бедняцкие и середняцкие хозяйства в Омском уезде (84%) имели столько же скота, сколько 16% байских хозяйств.

Классовое расслоение казахского аула определяется не только по количеству скота, но и по количеству наемных рабочих. В таблице 4 приводим данные о количестве хозяйств, которые пользовались трудом наемных рабочих.

Судя по таблице, можно думать, что некоторые байские хозяйства не прибегали к найму батраков. Но здесь, по нашему мнению, вкралась явная ошибка, так как все феодалы и баи пользовались чужим трудом. В

⁷⁶ К. О. В а л ь. К истории экономических отношений у киргиз. «Научное обозрение». СПб., 1909, № 1, стр. 52.

Таблица 4

Количество хозяйств, которые пользовались трудом наемных рабочих, %⁷⁷

Уезды	Количество хозяйств, %	
	зажиточных шаруа	байских
Атбасарский	23,3	71,1
Акмолинский	49,6	82,3
Кустанайский	48,2	87,8
Павлодарский	31,6	80,6
Каркаралинский	40,7	80,2
Петропавловский	52,9	88,7
Актюбинский	78,5	96,2
Усть-Каменогорский	43,3	83,5
Омский	40,0	71,9

силу живучести родовых отношений, они эксплуатировали бедноту под видом «родовой помощи», что не учитывалось участниками царских экспедиций.

Баи занимались главным образом торговым промыслом, гораздо больше там, где сравнительно быстрее развивались капиталистические отношения. Этим объясняется большой процент байских хозяйств, пользовавшихся наемным трудом: в Актюбинском уезде — 96,2%, Петропавловском — 88,7%, Кустанайском — 87,8% и т.д.

Еще показательнее процент промысловых хозяйств, отпускающих батраков, что видно из таблицы 5.

Из данных таблицы 5 видно, что в ауле шло классовое расслоение шаруа, так как процент промысловых хозяйств, отпускающих батраков, был высоким.

Почти такое же положение было и в Кокчетавском уезде, где количество хозяйств, отпускавших батраков, составляло 72,3%, и в Аулие-Атинском уезде таких хозяйств насчитывалось 87,5%.

В Семиреченской области количество хозяйств, отпускавших батраков, было меньшим. Так, в Верненском уезде их было 15,73%, в Джаркентском — 11,4%, в Копальском — 17,65% и в Лепсинском — 14,05%.

Аульные буржуа (кулаки) действовали капиталистическими и докапиталистическими методами эксплуата-

⁷⁷ «Вопросы колонизации». СПб., 1909, № 5, стр. 116.

Таблица 5

Количество промысловых хозяйств, отпускавших батраков, %

Уезды	Бедняцкие	Средняцкие
Атбасарский	70,0	51,9
Акмолинский	67,3	26,3
Кустанайский	69,2	13,5
Павлодарский	85,0	53,7
Каркаралинский	77,8	38,2
Петропавловский	83,3	46,9
Актюбинский	63,3	4,5
Усть-Каменогорский	89,3	68,9
Омский	60,6	26,7

ции, присваивая себе прибавочный труд батраков и обездоленной бедноты. В 1905 г. газета «Уралец» писала о неимоверно тяжелом положении батраков в казахском ауле: «Грубая, невежественная степная администрация и богач-кулак выжимают последний сок из бедного киргиза, выбрасывая ежегодно на произвол судьбы тысячи неимущих пролетариев. Бедного киргиза обируют и волостной управитель, и аульный старшина, и народный судья, и мулла; его эксплуатирует богач, заставляя работать в день по 14—15 часов, а труд его оплачивая грошами; его эксплуатирует торговец, давая в кредит и накладывая на свой товар сказочные проценты; на линии его эксплуатируют так называемые «пикетчики» и поселковые атаманы. А бедный киргиз стонет, жалуется на свою горькую судьбу, но его стоны не доходят до лучшей прогрессивной части русского общества»⁷⁸.

Таких батраков и пастухов в семи уездах Тургайской и Уральской областей (Кустанайском, Актюбинском, Иргизском, Тургайском, Темирском, Лбищенском, Уральском) в то время насчитывалось 38 тыс.⁷⁹

В эксплуатации батраков аульные буржуа широко

⁷⁸ Газета «Уралец», 1905, № 226.

⁷⁹ Ученые записки Казахского государственного педагогического института им. Абая, т. 2. Алма-Ата, 1941, стр. 170.

пользовались методами средневековья, родовых связей и т. п. Они шли как бы навстречу к бедноте, уступая на временное пользование рабочих и дойный скот и т. д. Еще более грубую форму принимала эксплуатация батрачества и бедноты со стороны баев-феодалов, которые опутывали бедняков также феодально-родовыми отношениями.

Тяжелый труд и страдания бедноты и батрачества в казахском ауле описывались на страницах периодической печати того времени. «Богатый киргиз,— писала «Сибирская газета», — имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джилкичи), овец (койчи), коров (сиирчи), верблюдов (тюечи), и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди работают неустанно целый день, и в сильный мороз и в солнечный зной... смотря на жизнь такого работника,—жизнь, полную труда, крайней нищеты и беспрекословного повиновения своим хозяевам, невольно соглашаешься, что название их кул—раб, которым величают хозяева своих работников, вполне определяет рабскую их жизнь»⁸⁰.

«Мне становится и грустно, и досадно, чувствуя свое бессилие, когда вижу их (пастухов.—Б. С.),— писал один из корреспондентов газеты «Уралец», — киргизам становится теснее и теснее, жить все труднее и труднее, и народ год от году беднеет все больше и больше, а кругом невежество и произвол»⁸¹.

Тяжелое положение трудящихся масс аула нашло свое отражение в произведениях классика казахской литературы Абая Кунанбаева. Он писал:

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану.
Жена, бедняга, ткёт чекмен, от холода дрожа,
И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло.
А старикам совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.
Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?

⁸⁰ «Сибирская газета», 1886, № 51.

⁸¹ «Уралец», 1905, № 226.

Коль даст богатый полмешка сухого кизяка, —
Благодари скорей его, семью его и род⁸².

Трудящиеся массы аула испытывали тяжелый гнет и со стороны царских властей. Волостные управители, аульные старшины и бии обирали население под разными предлогами. Исследователь обычного права казахов А. И. Добросмыслов называл биев судьями «неправыми и нескорыми, лицемерными и лихоимными»⁸³. Такого же мнения придерживался и другой исследователь обычного права казахов, Н. Максимов. Он писал: «Суд биев стал неправым судом, несправедливо решал вопросы», причем в решениях его торжествовала «случайность», особенно тогда, когда она была на стороне баев⁸⁴.

Немало страданий приносили бедноте и батрачеству прожорливые аткаминеры, распространявшие склоки и подстрекавшие население к разбою. Востоковед Диваев в 1894 г. дал им следующую характеристику: «аткаминер — это паразит, живущий в наши дни на теле киргизского народа и глубоко пустивший в его недра свои ядовитые корни. Тщательно скрывающийся от всякого постороннего взора... хищник этот, — писал он, — не только причиняет серьезные материальные расстройства в хозяйстве степняка, но принижает и развращает его личность своим прикосновением»⁸⁵.

Автор дает перевод слова «аткаминер» и раскрывает его социальное содержание. «Слово «аткаминер» в буквальном переводе означает «ездивший верхом», а в переносном смысле у кочевников так принято называть влиятельных и почетных киргиз, принимающих участие в агитации во время выборов туземной администрации. По бытовой роли их в жизни населения всего правильное слово «аткаминер» заменить словом «мирод».

Ярко и убедительно показывает А. Диваев истоки происхождения и мироедскую сущность аткамнеров. «Изменившиеся и ни к чему негодные аткамнеры, по отзывам киргиз, исключительно живут обиранием наро-

⁸² А бай Кунанбаев. Лирика и поэмы. Алма-Ата, 1940, стр. 102.

⁸³ А. И. Добросмыслов. Суд у киргиз Тургайской области в конце XVIII и в XIX вв. Казань, 1904, стр. 92.

⁸⁴ «Журнал юридического общества при Санкт-Петербургском университете», 1899, т. VII, отд. II, стр. 62—86.

⁸⁵ «Украина», 1894, № 66.

да; другие честные и мирные занятия становятся им чужды. Оно и понятно, чтобы заниматься честным делом, нужно прежде всего трудиться, а ремесло аткаминера легкое и удобное. Он не печется на солнце, не мерзнет на холоде, не трудится в поту, а лежа в прохладе обделяет свои плутовские делишки».

А. Диваев с острым сарказмом разоблачил действия аткамнеров. Он писал: «Этот своеобразный тип киргизского общественного деятеля новейшей формации выступает на сцену в жизни туземца в четырех различных видах: как агитатор при выборах туземной администрации, как посредник между выборщиками и народом в хлопотах по возврату затрат на выборы, как пособник сбора податей и, наконец, как интриган при смещении туземной администрации».

Острота классовой борьбы в ауле проявлялась и вокруг налоговой политики самодержавия.

4. Налоговой гнет царизма

Взимание налогов и повинностей с подвластных народов, в том числе с казахского, стояло в центре внимания царского правительства.

До завершения присоединения Большого жуза с населения остальных двух жузов — Младшего и Среднего налоги взимались по-разному.

Так, по «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., население Среднего жуза платило царской казне ясак по одной голове со ста голов скота, за исключением верблюдов. В Младшем жузе в 1837 г. царское правительство ввело покибиточную подать в размере 1 р. 50 к. серебром в год. Кроме прямых налогов население этих двух жузов несло различного рода повинности: дорожную, гужевую, расходы по содержанию джигитов, охраняющих главные дороги и торговые караваны, проходившие из России в Среднюю Азию через казахскую степь и т. д. Царское правительство освобождало от уплаты налогов султанов и старшин, служивших колониальным властям.

Такова была налоговая политика царского правительства в Казахстане до реформы 1867—1868 гг.

По «Временному положению» 1867—1868 гг. кибиточный сбор с казахского населения увеличился с

1 р. 50 к. до 3 руб. в год, а по «Степному положению» 1891 г. до 4 руб.

В налоговой политике самодержавия прослеживается классовый характер. Например, по этим же «Положениям» официально освобождались от уплаты прямых налогов и всякого рода повинностей потомки ханов — Валия (в Среднем жузе), Айчувака и Букея (в Младшем жузе).

Кроме кибиточной подати население платило земскую повинность: содержало аульно-волостную администрацию (волостного управителя и его писаря, рассыльного, аульного старшину), вносило средства на строительство и исправление мостов, грунтовых дорог. Эти повинности составляли до 3 руб. в год с кибитки.

Шаруа бесплатно предоставляли подводы аульным старшинам, волостным управителям, писарям и рассыльным, а также разъезжавшим по аулам колониальным чиновникам.

Кроме налогов и повинностей казахские шаруа облагались сборами на открытие и содержание школ, оспопрививание, содержание больничных коек, наем ветеринарных фельдшеров, оплачивали расходы по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и др. Размер таких сборов определялся по-разному в каждой волости, уезде и области — от 50 коп. до 3 руб. с кибитки.

Царскими законами особо подчеркивалось имущественное положение населения, точнее оно должно было платить налоги и повинности по благосостоянию. По существу это была формальная отписка. Прямые и косвенные налоги платили богатые и бедные, исключая совершенно обнищавшие семьи. Так, по данным ревизии податного инспектора Акмолинского уезда за 1901 г. видно, что из 28 093 кибиток от уплаты налогов и повинностей освобождалось 351 «как не имеющие скота»; подлежали к оплате: 18 046 кибиток, с числом баранов от 1 до 25, по 4 р. 07 к. каждая; 6410 кибиток (от 25 до 100 баранов) — по 10 р. 86 к.; 596 кибиток — по 32 р. 09 к.; и лишь 26 кибиток, имеющих каждая более 400 баранов, — по 199 р. 50 к. Таким образом, большинство кибиток должны были вносить по 4 р. 07 к., т. е. немногим меньше того, чем при раскладке по «благосостоянию»⁸⁶.

⁸⁶ Рукописный фонд ИИАЭ АН КазССР, инв. 1755 а.

Но это был только простой расчет. На деле баи платили налоги наравне с остальными шаруа. Вся тяжесть налоговой политики самодержавия ложилась на плечи бедняцких и середняцких слоев населения.

Царские власти не только попустительствовали, но и подталкивали аульно-волостную администрацию на произвол в сборе податей и повинностей. Например, повинность «карашигын» аульно-волостная администрация собирала с населения по своему усмотрению. Из многочисленных архивных материалов видно, что «карашигын», т. е. «черная подать», взимался аульными старшинами, волостными управителями и биями при каждой ссоре, драке, родовых распрях, при выборах самой аульно-волостной администрации и т. д. Это был незакононый налог, а по-существу самая тяжелая повинность, устанавливаемая по адату.

Шаруа оказывали сопротивление и жаловались царской администрации на волостных управителей и аульных старшин, произвольно собиравших «карашигын». Так, доверенные от населения Атагозинской волости Павлодарского уезда в 1889 г. подали жалобу военному губернатору Семипалатинской области. Они писали, что управитель Тайчик Ногаев в феврале 1888 г. собрал по 15 коп. с каждой юрты, в июне — с населения аулов № 6 и № 7 — 70 руб., в ноябре — 100 руб. Плюс к этому он же собрал 500 руб. с аула № 4. Мотивировал он это тем, что якобы 800 руб. расходовал на каких-то съездах, а 200 руб. истратил на содержание заключенных.

Если кто-либо оказывал сопротивление, то управитель насильственно уводил скот или доносил царской администрации о сопротивлении властям. «Народ находится в крайнем опасении, — говорилось в жалобе, — и киргизы рода Урманчи... не могут уплатить противозаконные сборы»⁸⁷.

Шаруа Түркестанского уезда в 1876 г. подали жалобу военному губернатору Сыр-Дарьинской области о насильственных поборах волостных управителей. Они писали, что волостной управитель Чурин отбирает скот у населения и собирает средства произвольно, «подстрекает людей жаловаться друг на друга, подавать неправильный иск, и таковые дела он решает через биев, выб-

⁸⁷ ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 191, лл. 24—25.

ранных им самовольно, присуждает деньги с подателя жалобы»⁸⁸.

В жалобах шаруа говорилось, что аульно-волостная администрация при сборе налогов и повинностей организовывала барымту (угон скота), нередко доходившую до увечий и убийств, наказывала розгами. Например, в 1875 г. жители Сарыевской волости Туркестанского уезда писали, что волостной управитель Бекбулат Хусейнбаев «собрал 1612 руб. безосновательно в свою личную пользу и при отказе от уплаты сбора наказал одного из жителей 70 ударами розг»⁸⁹.

Беднота жаловалась на баев и их ставленников, допуская произвол при раскладке покибиточных сборов и земских повинностей. В телеграмме Семиреченскому областному правлению бедняки Аягузской волости Лепсинского уезда в 1893 г. писали: «Прошлый год подать, земский сбор взысканы с нас, бедных киргиз, наравне с богатыми киргизами — по 5 р. 50 к., ныне по примеру прошлого года требуют с нас уплату также наравне с богатыми»⁹⁰.

Итак, положение шаруа, особенно бедноты и батрачества, было неимоверно тяжелым. Они претерпевали гнет со стороны баев-феодалов, аульных буржуа и царской администрации. Бесчинствовали в ауле также приспешники феодально-байской верхушки — «аткаминеры», жившие за счет народа.

Под влиянием проникновения капиталистических отношений в колониальном ауле происходили экономические сдвиги, разлагался феодально-родовой быт, зарождались и развивались новые классы: аульные буржуа и сельскохозяйственный пролетариат, усиливалась классовая дифференциация.

Большинство бедняков (безлошадных, однолошадных) превращались в пауперов. Они попадали под власть аульных буржуа и феодалов-баев, в методах эксплуатации которых было много общего. Если бай-феодал эксплуатировал бедноту старыми методами, присущими феодально-родовому быту, то буржуа сочетал капиталистический и феодально-родовой методы.

⁸⁸ ЦГА КазССР, ф. 119, оп. 1, д. 164, лл. 29—30.

⁸⁹ ЦГА КазССР, ф. 119, оп. 1, д. 607, л. 85.

⁹⁰ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 1346, лл. 1—2.

Под влиянием проникновения капиталистических отношений происходили сдвиги в экономике и в хозяйственном устройстве аула. В связи с этим изменился хозяйственный быт шаруа, постепенно тяготевших к оседлости.

Экономические и политические изменения в ауле происходили вопреки воле царизма под прогрессивным влиянием общероссийской экономики.

Глава претвѣ

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. Аграрная политика самодержавія

«Вся история самодержавія, — писал В. И. Ленин, — есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель...»¹. Этой характеристикой В. И. Ленин вскрывает реакционную сущность аграрной политики самодержавія, которая отвечала интересам крепостников-помещиков и буржуазии.

Политика самодержавія менялась в зависимости от конкретной исторической обстановки в стране. Вначале царизм ограничился казачьей колонизацией казахского края. В середине 60-х годов XIX в. из центральной России в Казахстан началось переселение состоятельных крестьян. Это нашло свое отражение в постановлении совета главного управления Западной Сибири от 20 октября 1866 г. В постановлении говорилось: «Водворение в киргизской степи дозволяется преимущественно многим рабочим семействам, которых нравственные качества и материальные средства могут служить достаточным ручательством в их благонадежности»².

Царские власти Семиречья стояли на той же позиции. В докладах начальника Алатауского округа читаем, что «для успеха русской колонизации края необходим обеспеченный хозяйственно и нравственно личный состав колонистов»³.

Царское правительство рассчитывало на то, что обеспеченные «хозяйственно и нравственно» крестьяне будут

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 305.

² ЦГИАЛ, ф. 30, МВД, 8, 1866, д. 23, л. 4.

³ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 3954, л. 16.

проводить руссификаторскую политику в крае и служить источником пополнения колониальных войск.

По мнению Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана, «устраиваемые в крае русские поселения тогда лишь могут получить настоящее значение и силу..., когда они разовьются и будут иметь непосредственную связь между собой, будут расположены по линии удобных сообщений. На этом основании было бы признано необходимым расположить вновь устраиваемые русские селения в области (Семиреченской. — Б. С.) таким образом, чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную, по возможности, сеть оседлых поселений»⁴.

Царское правительство искало юридическую основу для расхищения казахских земель. Оно издавало «законоположения», ущемляющие коренные интересы казахских шаруа. Одним из таких «законоположений» явилась колониально-административная реформа 1867—1868 гг.

В ст. 210 «Временного положения по управлению Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей», утвержденного царем 21 октября 1868 г., говорится, что «земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизам».

Следовательно, вся земля казахских шаруа, которой они владели испокон веков, объявлялась государственной собственностью. В дальнейшем это «Положение» послужило юридической основой для насильственной ее экспроприации.

Во «Временном положении об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» земли, занимаемые казахскими шаруа, также объявлялись государственной собственностью. Что же касается кишлаков, то порядок землевладения, установленный при Кокандском ханстве, здесь сохранялся.

В «законоположениях» царского правительства были отражены также вопросы землевладения. В ст. 211, например, говорится, что «признаются земледельцами на праве полной собственности лица, коим высочайше были

⁴ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 57.

пожалованы земли, и лица, имеющие на владение землею узаконенные акты».

Далее в примечании к этой статье специально оговаривалось по поводу ранее выданных отдельным лицам актов на право личной собственности на землю. «Для разбора выданных в Западной Сибири местными приказами и областными правлениями актов, или охранительных листов на поземельные участки, имеющие таковые акты, обязаны представить их к назначенному главным начальником сроку в областное правление. По рассмотрению представленных актов областное правление постановляет заключение о действительности и законности оных и представляет их на утверждение генерал-губернатора»⁵.

Таким образом, «Временное положение» подтверждало законность документов на право поземельной собственности. Правда, оно создавало волокиту, мытарства, злоупотребления и применения насилия к казахским шаруа со стороны колониальных властей. Это положение распространялось также на остальные области Казахстана.

Царское правительство искало способ, «основания» правомерности издаваемых им актов по поводу объявления казахской земли государственной собственностью. Таким основанием, по мнению царских колонизаторов, могло служить «доказательство» отсутствия у казахов частной собственности на землю, и они стремились убедить в этом, прежде всего, самих шаруа. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт в директиве местным органам в 1853 г. писал: «Все земли киргизов, состоящие в подданстве России, не составляют их собственность, а принадлежат правительству, которое позволяет киргизам на оных кочевать, охраняет их своими войсками от иноземцев»⁶.

Несомненно, что Гасфорт, являвшийся видным сановником, выражал мнение самодержавия и в аграрном вопросе.

Об ухищрениях самодержавия по поводу отсутствия собственности на землю у казахов, как «бродящих инородцев», говорилось в докладной записке исследователя

⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 246, лл. 1—17.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 115, л. 157.

дореволюционного Семиречья Аристова. «При признании земель собственностью киргиз, — писал он, — невозможно ни увеличение русских поселений за отсутствием для них земель, ни самое существование скотоводства у киргиз, так как стада их на каждом шагу будут встречать собственность пастбища, на котором и самый прогон скота становится запретным»⁷.

При разработке «Временного положения» царское правительство считалось только с интересами баев-феодалов, не учитывая интересов трудового крестьянства.

Так, по статьям 213, 215, 216 зимовка (кстау) предоставлялась в пользование каждого кибитковладельца «по количеству имеющегося скота и размерам хозяйства». А согласно ст. 214, земельные споры решались биями, представителями феодальной верхушки, по обычному праву. Значит, всегда и почти во всех случаях земельные споры решались в пользу родовой верхушки и баев-феодалов.

«Временным положением» также предусматривались права на владение землями, жилыми и хозяйственными строениями на зимовых, пахотных и сенокосных участках.

Царское правительство осторожно и тонко подходило к экспроприации казахских земель. В ст. 217 записано, что «каждый киргиз, на отведенном участке для зимового стойбища, имеет право заводить жилые и хозяйственные постройки, и общества не могут требовать сноса оных. Означенные постройки составляют частную собственность и могут быть продаваемы другим. Земли, занятые постройками, переходят в наследственное пользование, доколе существуют строения: с уничтожением оных земли возвращаются обществу»⁸. Передача земельных участков «в наследственное пользование», т. е. из поколения в поколение, означала владение землей.

Определив конечную цель своей аграрной политики в Казахстане, царское правительство приступило к ее осуществлению. На местах подготавливался ряд мероприятий по колонизации казахской степи и заселению ее состоятельными крестьянами из центральных губерний России. Эту инициативу первым взял на себя военный

⁷ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 56, лл. 21—98.

⁸ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 246, лл. 1—17.

губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский, под руководством которого в 1868 г. были разработаны «Временные правила о крестьянских переселениях в Семиречье», действовавшие до 1883 г.

По «Временным правилам» переселенцам определялся ряд льгот, наделение земель в размере 30 дес. на душу (мужскую), освобождение переселенцев от налогов и всякого рода повинностей, в том числе от рекрутской, сроком на 15 лет, выдача ссуд (не более 100 руб.) нуждающимся семьям «на обзаведение»⁹.

В 1883 г., в связи с переходом Семиреченской области в состав Степного генерал-губернаторства, местная администрация разработала «Правила о поземельном устройстве оседлого населения области», т. е. старожилов, новоселов, а также уйгуров и дунган, переселившихся из Восточного Туркестана. Новый документ был утвержден генерал-губернатором 1 июля 1885 г. По сравнению с предыдущими, новые «Правила» урезывали привилегии переселенцев: земельный надел определялся в 10 десятин на мужскую душу, переселенцы освобождались от налогов и повинностей только на 3 года, а в последующее трехлетие вносили их в половинном размере.

Условия переселения крестьян в Туркестанский край, в том числе в Сыр-Дарьинскую область, предусматривались «Положением об управлении Туркестанским генерал-губернаторством», разработанным в 1886 г. По этому положению устанавливался пригодный для хлебопашества земельный надел в размере 10 десятин на мужскую душу, переселенцы полностью освобождались от налогов и повинностей на пять лет, а в течение последующего пятилетия — в половинном размере¹⁰.

Сокращение земельного надела в Семиречье объяснялось прежде всего отсутствием свободной земли. В свое время обмежеванный Колпаковским 81 земельный участок был отведен переселенцам с Украины, а также из Воронежской и других губерний. Ввиду этого в 1891 г. министерство внутренних дел до особого распо-

⁹ ЦГИАЛ, ф. 391 (ПУ), оп. 3, д. 880, лл. 1—70.

¹⁰ ПСЗ Российской империи. 1886, ст. 3814 (закон от 12 июля 1886 г.).

ряжения официально закрыло Семиречье для переселения.

Царское правительство разработало и утвердило 13 июля 1889 г. специальное положение: «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время»¹¹. По этому положению переселение допускалось с предварительного разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ. «Лица, предпринявшие переселение без сего разрешения,—отмечалось в «Положении»—возвращаются в места приписки распоряжениями административных властей». Министрам поручалось давать разрешение на переселение лицам, «заслуживающим уважения», и направлять их туда, где «имеются свободные участки казенной земли, предназначенной для заселения...». В свою очередь, местные власти должны были представлять сведения «об имущественном и хозяйственном положении просителей», а также обстоятельные заключения по этому поводу.

В «Положении» конкретно определялись районы переселения. «Для водворения лиц, желающих переселиться, министерству государственных имуществ представляется право образовывать из казенных земель в Европейской России, губерниях Тобольской и Томской, равно как в областях Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской, особые участки там, где по состоянию этих земель и местным с/х условиям, нарезки таких участков признаны будут возможны без ущерба для выгод казны».

На новом месте земельные наделы отводились на мужскую душу «в размере, определяемом... условиями земледелия и производительностью почвы». Следовательно, «Положение» не устанавливало определенных норм надела, а представляло право местным властям устанавливать ее по своему усмотрению.

Характерно, что условия наделения земельными участками для переселенцев в районах Европейской части страны отличались от условий надела в казахской степи. В положении отмечалось: «Казенные земли Евро-

¹¹ ПСЗ Российской империи. Собр. третье, т. IX, 1889, СПб., 1891, стр. 535—538.

пейской России отводятся переселенцам первоначально, во временное арендное пользование, по письменным договорам, заключаемым сроком на 6—12 лет, а по истечении оных — могут быть оставляемы за нанимавшими их лицами в бессрочное пользование на одинаковых основаниях с бывшими государственными крестьянами тех местностей. В губерниях Томской и Тобольской, равно как в областях Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской, казенные земли предоставляются переселенцам прямо в постоянное (бессрочное) пользование, с соблюдением условий, на которых такие же земли отдаются сибирским крестьянам-старожилам, и с выдачей притом особых актов, в коих означаются пространство и границы земельных участков, а также следующие за ними казна и платежи. Отведенные переселенцам участки лица сии не могут ни отчуждать, ни обременять долгами».

Следовательно, крестьянам-переселенцам на окраине Европейской части страны ставились известные ограничения, которые не распространялись на переселенцев названных трех областей Казахстана.

«Положением» устанавливался порядок землепользования, который мог быть общинным или подворным — это зависело от «приговора» собрания переселенцев мужчин. «В случае установления общего (общинного. — Б. С.) пользования землей, — сказано в положении, — переселенцы обязываются круговой друг от друга поручкой, в исправном взносе всех следующих с них в казну сборов и наемной (арендной) платы за землю, а также земских и общественных повинностей». При индивидуальном землепользовании каждый хозяин вносил плату самостоятельно.

Придавая особое значение переселению крестьян из центральных губерний на окраины, царское правительство решило также учредить при земском отделе Министерства внутренних дел шесть штатных должностей чиновников особых поручений, «с присвоением сим должностным лицам городского оклада содержание в 2 тыс. руб. с VII класса по чинопроизводству, того же размера по мундиру и 5 разряда пенсий».

Таким образом, положение «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан» 1889 г. открыло свободный доступ переселенческому движению из цент-

ральных губерний России в Сибирь и Казахстан и явилось одной из важных сторон общей аграрной политики самодержавия в условиях взаимоотношения метрополии и колоний.

В обсуждении проекта «Степного положения» 1891 г. снова поднимался вопрос о праве шаруа на землепользование. В ст. 119, например, говорилось: «Земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности сих земель, в том числе леса, признаются государственной собственностью». Из этой формулировки видно, как уточнялись и развивались царские законы, направленные на грабеж казахских земель. Новую редакцию получила и ст. 120: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основе обычаев и правил сего положения»¹².

Так царское правительство старалось активизировать свою колонизаторскую политику в казахской степи. Одним из проводников этой политики был Комитет Сибирской железной дороги.

Кстати, отметим, что вопрос о строительстве транссибирской магистрали возник еще в конце 50-х годов XIX в. Проекты ее строительства составлялись и обсуждались долгие годы. Наконец, в 1891 г. вышел царский указ о ее строительстве. Для общего руководства сооружением дороги был учрежден комитет, существовавший до 15 декабря 1905 г., т. е. до окончания строительства.

В «Журнальном постановлении» особого совещания, утвержденном царем 10 декабря 1892 г., было записано: «Учредить особый комитет под наименованием Комитета Сибирской железной дороги из министров: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственного контролера под председательством лица, назначаемого высочайшею властью»¹³.

Несколько позже в состав «Комитета» были введены военный министр и управляющий морским министерством. Председателем Комитета Сибирской железной дороги был назначен статс-секретарь кабинета министров А. Куломзин.

Кроме вопросов, связанных со строительством желез-

¹² Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1891, ст. 469 (25 марта).

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, 1893, д. 27, л. 35.

ной дороги, на «Комитет» возлагалась обязанность руководства переселением крестьян из центральных губерний вдоль этой дороги. С этой целью при «Комитете» была образована специальная «Подготовительная комиссия», а также «Особые межевые партии для заготовления из казенных земель переселенческих участков».

Перед межевыми партиями Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области стояла задача: в течение ближайших 3—4 лет в 200-верстной полосе вдоль линии Сибирской ж. д. сделать отвод до 11 млн. десятин земли.

В трех уездах Акмолинской области — Петропавловском, Кокчетавском и Омском было намечено обмежевать 2 421 503 десятины лучшей земли, куда предполагалось переселить 160 тыс. крестьян. В названных уездах и в Алтайском горном округе предполагалось разместить 700—800 тыс. переселенцев.

В марте — апреле 1893 г. отряды межевых партий в Западной Сибири были сформированы и снаряжены. Они приступили к работе со второй половины мая. Так, межевая партия Акмолинской области приступила к съемочным работам в Петропавловском уезде. К концу 1893 г. она образовала 23 участка (общей площадью около 280 тыс. дес.), которые были разрешены «Временной комиссией» к зачислению в «переселенческий фонд».

Согласно «Временным правилам для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги», утвержденным 13 июня 1893 г., на местах учреждались «Временные комиссии». Они решали вопрос об изъятии земли под переселенческие и запасные участки, разбирали жалобы и протесты местного населения. В их состав входили старший производитель работ (председатель), производитель работ — составитель проекта образования участков, лесничий, податной инспектор, уездный начальник (или его помощник) «или иные должностные лица, по назначению степного генерал-губернатора».

«Временные правила» 1893 г. конкретизировали отдельные статьи положения «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан» 1889 г. Например, учитывались интересы переселенцев-старожилов, наделенных землей в размере 15 десятин на мужскую душу. «Для образования участков,— говорится в «Правилах», —

предназначаются преимущественно земли, ранее отделенные в непосредственное распоряжение казны, а затем прочие казенные земли, состоящие в нераздельном пользовании казны и крестьян. Образование участков из последних земель допускается лишь в тех волостях, в коих на каждую наличную душу мужского пола причитается свыше 15 дес. удобной земли»¹⁴.

Межевая партия была наделена правами изъятия лучших земель коренного населения под переселенческие и запасные фонды.

Еще в 1885 г. царским правительством был образован «Западно-Сибирский переселенческий отряд», который в 1893 г. заготовил под переселенческие участки в Семипалатинской области 33 тыс. десятин земли, а в Акмолинской области — до 280 тыс. десятин земли, куда к тому времени переселилось 12400 крестьян¹⁵.

С середины 90-х годов XIX в. началось массовое крестьянское переселение в Сибирь и Казахстан. Изъятые Акмолинской межевой партией земли не отвечали потребностям новоселов. Поэтому уже в 1894—1895 гг. в Комитете Сибирской ж. д. остро встал вопрос о необходимости повсеместного обследования территории степных областей (Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской) с точки зрения выявления «излишков» земли и зачисления ее в «переселенческий фонд». На необходимость такого обследования первым обратил внимание степной генерал-губернатор в своем «Всеподданнейшем отчете» за 1894 г., на полях которого царь Николай II сделал одобрительную пометку «совершенно верно».

В первой половине 1895 г. проходили совещания в министерстве земледелия и государственных имуществ, а также в Степном генерал-губернаторстве, где обсуждались методы выявления излишков земли в казахской степи. Летом этого года в Сибирь и Степное генерал-губернаторство специально выезжал министр земледелия и государственных имуществ А. Ермолов с директором департамента этого министерства И. Тихеевым. В своих отчетах они также поддерживали точку зрения естественно-исторического и хозяйственно-статистического обследования степных областей.

¹⁴ Там же, лл. 33, 38, 177, 216, 295, 296, 297.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, 1893, д. 276, л. 34.

Наконец, было решено обследовать Акмолинскую и Семипалатинскую области, а также два северных уезда Тургайской области — Актюбинский и Кустанайский. Работа экспедиции, руководимой статистиком Ф. Щербиной, началась с 1896 г. и продолжалась до 1902 г. Она произвела естественно-исторические и хозяйственно-статистические исследования всех 12 уездов вышеназванных трех областей Казахстана.

Не менее активно вело царское правительство свою колонизаторскую политику на юге Казахстана и в Средней Азии. Так, 10 июня 1903 г. были утверждены правила «О добровольном переселении на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую», по которым предусматривалось изъятие «излишних» земель коренного населения, включая оросительные системы и водные источники¹⁶; 6 июня 1904 г. оно издало «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев»¹⁷. По этим правилам местным властям предоставлялось право давать крестьянам разрешение на переселение, а также вводился ряд льгот для переселенцев: снижение тарифа на переезд по железной дороге, освобождение новоселов от всякого рода налогов и повинностей на 5 лет, а в последующие 5 лет — платить в половинном размере; освобождение на 3 года от призыва в армию лиц, достигших 18-летнего возраста, выдача ссуд на переезд и хозяйственные надобности, бесплатный отпуск лесоматериалов и т. д.

Годом раньше, 25 июня 1903 г. были утверждены «Правила о пособиях от правительства переселяющимся в Сибирь (кроме Алтайского округа) и степное генерал-губернаторство»¹⁸. По ним разрешалось выдавать семействам переселенцев «путевые ссуды» в размере не более 50 руб. и на хозяйственное устройство — до 100 руб., сроком на 5 льготных лет, а ходакам — на 1 год.

В 1904—1906 гг. царское правительство разделило территорию Казахстана на четыре переселенческих района: Тургайско-Уральский, Акмолинский, Семипалатинский и Сыр-Дарьинский. На переселенческие управления,

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 444, лл. 365—368.

¹⁷ Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб., 1907, ст. 23, 24.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 439, лл. 145—148.

которые были образованы в каждом таком районе, возлагались обязанности выявления новых «излишков» земель и создание «переселенческого фонда». Во «Временных правилах», а затем в «Инструкции о порядке определения государственного земельного фонда в областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской для переселения, а равно иных государственных надобностей», одобренных кабинетом министров 9 июня 1909 г., говорилось: «предназначенные для хозяйственных потребностей или временного проживания постройки киргиз не служат препятствием для изъятия»¹⁹.

Следовательно, царское правительство предоставляло переселенческим управлениям право изымать земли у коренного населения по своему усмотрению и выселять его в пустынные и полупустынные районы. Этим правом царские чиновники пользовались весьма широко. Так, заведующий Сыр-Дарьинским переселенческим районом Понятовский в директиве местным переселенческим управлениям писал: «В интересах государства необходимо оставить в пользование чистых кочевников только те площади земель, которые пока оживлены быть не могут, или те, которые для земледелия непригодны»²⁰.

Директивы Понятовского по содержанию не расходятся с указаниями одного из инициаторов колонизации окраин Пыльца, который писал туркестанскому генерал-губернатору Гродекову о том, что «в Туркестане нужно искать не свободные земли, а наоборот, занятые населением. Земель, годных к культуре, так сравнительно мало, что ...они добываются все с большим и большим трудом и часто путем насилия над волею того кочевого населения, в пользовании которого земли эти находятся»²¹.

Вопросы колонизации Казахстана и Средней Азии оставались в центре внимания царского правительства и местных колониальных органов власти и после окончания строительства Сибирской ж. д. Одно совещание по вопросам колонизации сменяло другое как в Петербурге, так и на местах. При министерстве внутренних дел, например, вопрос по «землеустройству киргиз»

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1908, д. 156, л. 41.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 3, д. 849, л. 13.

²¹ ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 3, д. 5040, л. 58.

обсуждался 16, 22, 23, 30 марта; 4, 6, 11, 17 апреля; 7, 12, 16 мая и 26 ноября 1907 г. На отдельные заседания были приглашены военные губернаторы Лосевский (Акмолинская обл.) и Абаза (Семипалатинская обл.), а также присутствовал депутат Государственной думы от Уральской области Б. Каратаев. «Частное совещание», посвященное «нуждам киргиз», было созвано 20 мая 1907 г. при степном генерал-губернаторе, в феврале 1908 г. — в Петербурге при главноуправляющем землеустройством и земледелием.

На совещаниях обсуждался вопрос о том, какими методами следует проводить колонизацию края в ближайшее время. Что же касается «поземельного устройства» казахских шаруа, то их интересы совершенно не учитывались. «Окончательное поземельное устройство всего киргизского населения, — говорится в «Журнале совещания о землеустройстве киргиз», — будет возможно только тогда, когда оно само и все поголовно перейдет от кочевого быта к оседлому»²².

Такое заключение «Совещания» вело к тому, чтобы отобрать «излишки» земель у казахских шаруа, оставив в их пользовании только до 15 десятин на одну мужскую душу.

В журнале «Совещания» далее сказано: «Совещание признало необходимым наделить окончательно землей, по возможности на равных с переселенцами основаниях, всех киргиз, переходящих к оседлому быту». Только при таких условиях правительство «отнимает у киргиз почву для жалоб».

Такие условия по поземельному устройству ставились только для бедняцких и середняцких слоев коренного населения. Что же касается феодально-байской верхушки аула, то совещание защищало их интересы.

Таким образом, переселенческая политика царизма, являвшаяся одним из важных звеньев его аграрной политики вообще, в национальных районах страны в особенности, была направлена на расхищение земель бедняцких и середняцких слоев коренного населения. «...переселенческая политика правительства, — писал В. И. Ленин, — руководилась лишь одними интересами

²² Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907, стр. 36—38.

кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов, угнетающих рабочие массы и трудящееся крестьянство»²³. В. И. Ленин вскрывает политическую сущность переселенческой политики царизма: «Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»²⁴.

2. Аграрный вопрос в Государственной думе

В Государственной думе довольно четко определились позиции отдельных классов и их политических партий по аграрному вопросу вообще, и переселенческому в частности. Представители правых партий защищали частное землевладение, но в условиях развития буржуазной России они видели коренное решение аграрного вопроса в колонизации окраин, в создании там хуторов. Оценив *«верно условия сохранения своего господства в капиталистической обстановке»*, они отстаивали «свои интересы беззастенчиво, — писал В. И. Ленин, — хотя бы это стоило ускоренного вымирания, забивания, выселения миллионов крестьян. Реакционность черносотенной программы состоит не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков (в этом отношении все партии в эпоху второй Думы стоят уже, в сущности, на почве признания капитализма, как данного), а в развитии капитализма по *юнкерскому* типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения нового, более прочного, фундамента под здание самодержавия»²⁵.

В. И. Ленин приводит выдержки из выступлений октябристов и правых, в частности помещика Ветчинина. «Я думаю, — говорил он в 39-ом заседании, 16 мая

²³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 76—77.

²⁴ Там же, стр. 74.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 339.

1907 г., — что вопрос о принудительном отчуждении должен быть решен в отрицательном смысле с точки зрения правовой. Сторонники этого мнения забывают, что нарушение прав частных собственников присуще тем государствам, которые стоят на низкой ступени общественного и государственного развития. Стоит только нам вспомнить московский период, когда нередко отбирались земли у частных собственников на царя и передавались затем приближенным царя и монастырям. К чему привело такое отношение правительства? Последствия были ужасны»²⁶.

Другие представители правых и октябристов повторяли эту же точку зрения. Они отстаивали мнение о развитии России по прусскому пути, решительно выступая против американского пути, тем более — против революционного разрешения аграрного вопроса. Плеханов и другие меньшевики по-существу находились у них на поводу, высказываясь за муниципализацию земли, против ее национализации.

До сих пор речь шла о позициях представителей правых и октябристов и вместе с тем меньшевиков по аграрному вопросу в центре страны. Что же касается национальных окраин, то все представители контрреволюционных партий придерживались иной точки зрения. Они предлагали объявить землю на окраинах государственной собственностью, предоставлять ее во временное пользование коренному крестьянству с сохранением безраздельных прав местных властей на отчуждение и создание «переселенческого и запасного фонда».

Выступления всех представителей дворян в Государственной думе были проникнуты духом великодержавного шовинизма. Так, помещик Червинский недвусмысленно сказал: «Здесь один из депутатов подметил в политике переселенческого управления национальную черту. Если это так, то я приветствую такую черту в действиях правительства и полагаю, что всякий шаг правительства должен быть проникнут национальным духом»²⁷.

Еще более отчетливо выражена политика правитель-

²⁶ Там же, стр. 339—340.

²⁷ Государственная дума, II созыв. Стенографический отчет, ч. III. СПб., 1909, стр. 1030.

ства в выступлении черносотенца Тимошина: «Я считаю, что вообще с государственной точки зрения с вопросом о переселении на окраины правительство должно иметь и наверное имеет в виду такую идею, что все окраины, которые находятся под державой русского государства, должны охраняться именно русским народом... все границы России с другими государствами должны быть заняты коренным, национальным русским народом». Точка зрения выступавших в Думе представителей правых и октябристов не расходилась с мнением участников вышеупомянутого первого совещания, созванного при министерстве внутренних дел в 1907 г. Участник совещания, директор департамента земледелия Н. А. Крюков откровенно заявил, что «развитие сельского хозяйства России требует организации переселения русского народа и распространения таких культурных растений, которые питают нашу промышленность; но развитию переселений и культур ставит непреодолимое препятствие кочевой быт инородцев Сибири, поэтому с этим тормозом надо покончить: кочевой быт должен быть уничтожен, и все кочевники должны быть выдвинуты в определенные границы земельных владений.

Вот какой принцип должен лечь в основу государственной политики в наших азиатских владениях. Вот что должно быть руководящей идеей русских государственных людей, если они хотят быть полезными Отечеству»²⁸.

Как видно, переселенческая политика царского правительства в Казахстане сводилась к тому, чтобы отнять земли у шаруа и выселить их в непригодные для организации сельскохозяйственного производства пустынные и полупустынные территории.

Вскрывая реакционную сущность аграрной политики царизма, В. И. Ленин писал: «Что у представителей правительства и более дальновидных политиков, например, из октябристов, на уме, то у таких неприкрытых реакционеров, как курский зубр Марков 2-ой, на языке. И этот депутат откровенно, с похвальной прямою, заявил при обсуждении переселенческого вопроса в Думе: «Да, правительство должно разрешить аграрный вопрос именно переселением»... В. И. Ленин далее отмечает, что цар-

²⁸ Журнал совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907, стр. 115.

ское правительство поощряет крестьян «к переселениям и выселениям», «чтобы избавить от соблазна созерцания помещичьих латифундий»²⁹.

По аграрному вопросу кадеты шли в одной шеренге с черносотенцами. Раскрывая реакционную сущность аграрной политики кадетов, В. И. Ленин пишет: «Официальный оратор кадетской партии по аграрному вопросу, бывший министр Кутлер, сразу перешел к критике левых (12 заседание, 19 марта 1907 г.). «Раз никто не предлагает уничтожения собственности вообще, — восклицал этот достойный коллега Витте и Дурново, — необходимо во всей силе признать существование собственности на земли»... Этот довод целиком совпадает с рассуждениями черносотенцев. Черносотенец Крупенский так же, как кадет Кутлер, кричал: «если делить, то делить все...»³⁰.

Кадеты боялись революционных выступлений пролетариата вообще, крестьянского движения в частности. По аграрному вопросу их объединяла с черносотенцами общность классовых интересов. Но кадеты, как партия либеральной буржуазии, отличаются от черносотенцев лишь тем, «...что представляют интересы буржуазии, которой *необходим* прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы.

Но эта прогрессивная буржуазия еще более боится демократии и движения масс, чем реакции, — писал В. И. Ленин. — Отсюда вечные стремления либералов к уступкам старому, к соглашениям с ним, к защите многих коренных устоев старины. А это все ведет к полному бессилию либерализма, к его робости, половинчатости, вечным колебаниям»³¹.

В отношении переселенческой политики самодержавия кадеты занимали в Государственной думе либеральную позицию и вместе с тем поддерживали политику правых и октябристов о массовом изъятии насиженных земель коренного населения национальных окраин. Упрекая переселенческие управления, представитель кадетов Виноградов, например, заявил в Думе: «... прин-

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 74.

³⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 342.

³¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 206—207.

цип, взятый переселенческим управлением, «отвести хоть плохо, да много», — является страшным вредом в деле колонизации Сибири и влечет за собой в будущем очень скверные и печальные последствия. Я думаю, что единственно правильный путь в деле колонизации — это «отвести хоть мало, да хорошо»³².

Кадеты советовали царскому правительству заботливо относиться к религиозному воспитанию переселенческого крестьянства, чтобы притупить его политическое сознание и отвлечь от классовой борьбы. Они настойчиво предлагали строить церкви в переселенческих районах. «В этом отношении мы встречаем самую заботливую предусмотрительность со стороны переселенческих управлений, которые знают, «что для переселенца значит храм божий и всячески старается удовлетворить его, дать религиозное утешение»³³.

В Думе по аграрному вопросу выступали представители партий и групп, выражавших интересы различных слоев крестьянства, главным образом его зажиточной части и кулачества: правые крестьяне, беспартийные крестьяне, народники-интеллигенты, трудовики (народники), социалисты-революционеры. В их позициях чувствовались непоследовательность и разноречивость. Если представители правых крестьян ратовали «за батюшку царя», за помещиков, то представители левых групп стояли на иных позициях: за конфискацию помещичьих земель и передачу их крестьянам на уравнительных началах. Вместе с тем, они активно не выступали против переселенческой политики царизма, а упрекали лишь переселенческие управления в плохой организации устройства новоселов.

В Думе выступали также «националы». Каждый оратор излагал свою точку зрения по аграрному вопросу с позиции «защиты интересов» своего района и не касался коренного решения аграрного вопроса в общероссийском масштабе. В. И. Ленин подверг критике выступление некоторых представителей национальных меньшинств, в том числе депутата от Уральской области Б. Каратаева. Он писал: «От имени киргиз-кайсацкого народа говорил

³² Государственная дума, III созыв. Стенографический отчет, сессия II, ч. III. СПб., 1909, стр. 401.

³³ Там же, стр. 984.

во II Думе деп. Каратаев (Уральской области): «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших крестьян, мы готовы с охотой потесниться» (39 заседание, с. 673), но «излишних земель очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа»... «выселяют киргизов не с земель, а из жилых их домов» (675). «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям» (675)»³⁴. Далее, сочувственно относясь к выступлению представителей национальных меньшинств, В. И. Ленин сделал серьезное замечание об узости их взглядов по аграрному вопросу в стране вообще, в каждом национальном районе в частности. Он отметил: «Националы» стоят несколько в стороне от *нашего* аграрного вопроса. У многих ~~нерусских~~ народных нет самостоятельного крестьянского движения в центре революции, как у нас. Поэтому вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от *русского* аграрного вопроса. Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии и мелкой буржуазии такая точка зрения неизбежна.

Со стороны пролетариата она недопустима, а наша программа именно в этот недопустимый буржуазный национализм *на деле* и впадает. Как «националы» в лучшем случае только примыкают к движению всероссийскому, не задаваясь целью удесятерить его силы объединением, концентрированием движения, так меньшевики строят программу, *примыкающую* к крестьянской революции, вместо того, чтобы дать программу, руководящую революцией, спланированную ее и толкающую дальше. Муниципализация — не лозунг крестьянской революции, а выдуманный план мещанского реформизма, со стороны прилаживаемый в закоулке революции»³⁵.

В противовес меньшевикам, стремившимся к свертыванию революции, большевики во главе с В. И. Лениным разработали и по аграрному вопросу стратегию, рассчитанную на развертывание революции. Они выдвинули программу максимума, где говорится о национализации всей земли.

³⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 375.

³⁵ Там же, стр. 378.

Абсолютное большинство членов социал-демократической фракции в Государственной думе (шесть ораторов) поддерживали ленинскую постановку решения аграрного вопроса в стране, и только двое (меньшевики) стояли на позициях муниципализации земли.

Большевики продолжали решительную борьбу за разрешение аграрного вопроса в ленинском плане и в III Государственной думе. «Мы считаем, — заявил член социал-демократической фракции Белоусов, — что современное землеустройство... в руках правительства играет только политическую роль. Своим землеустройством правительство желает отделить от огромной массы крестьянской бедноты значительный консервативный слой.

Осуществление землеустройства передано в руки бюрократии и в руки дворянства, защищающих интересы лишь сильных, а не слабых... и единственно приемлемой для крестьянской бедноты и пролетариата аграрной программой является наша программа — безвозмездное отчуждение земель частновладельческих, удельных и кабинетских»³⁶.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о реакционной сущности колонизаторской политики самодержавия, направленной на притупление классового самосознания крестьянства, на отвлечение его от революционной борьбы, социал-демократическая фракция Государственной думы голосовала против проекта резолюции контрреволюционных партий об утверждении переселенческой сметы. Кроме того, социал-демократическая фракция выставила свой проект, отвергнутый реакционным большинством. В этом проекте говорится:

«Принимая во внимание:

1) что единственным средством удовлетворить земельную нужду крестьянства является безвозмездная передача крестьянам всех земель помещичьих, государственных, кабинетских, удельных, монастырских;

2) что правительство, желая отвлечь внимание крестьян от борьбы за указанное разрешение аграрного вопроса, подстрекает малоземельных крестьян к переселению;

³⁶ Государственная дума, III созыв. Стенографический отчет, III сессия, ч. III. СПб., 1910, стр. 635.

3) что при современной бюрократической организации переселенческого дела переселение грозит крестьянам тяжелыми страданиями в пути, на местах и часто ведет их к окончательному разорению;

4) что при этом правительство, столь заботливо охраняющее интересы помещиков, насильственно отнимает землю у инородцев и нарушает интересы старожилов;

5) что в некоторых местах правительство своими переселенческими мероприятиями преследует чисто политические цели, как-то: возбуждение национальной розни между переселенцами и туземным населением, насильственную руссификацию окраин и проч.;

6) что, таким образом, переселенческие мероприятия русского правительства, как и вся его аграрная политика, преследуют не интересы малоземельных крестьян, а интересы крупных землевладельцев — дворян — Государственная дума отвергает переселенческую смету и переходит к очередным делам»³⁷.

Таким образом, аграрный вопрос вообще и переселенческий в частности был в центре внимания каждой политической партии. Черносотенцы отчаянно защищали сохранение помещичьего землевладения и отстаивали решение аграрного кризиса в стране переселением безземельных крестьян на окраины. Либеральная буржуазия, по-существу, по аграрному вопросу встала на их точку зрения, «...пытаясь предать мужика в руки помещика посредством самых презренных и лицемерных приемов, — писал В. И. Ленин. — Народнические интеллигенты вносили в крестьянские программы привкус бюрократизма и мещанского резонерства. Крестьяне самым бурным и непосредственным образом выразили стихийную революционность своей борьбы против всех остатков средневековья и всех форм средневекового землевладения, не вполне отчетливо сознавая политические условия этой борьбы и наивно идеализируя «обетованную землю» буржуазной свободы. Буржуазные националы примыкали к крестьянской борьбе более или менее робко, будучи в значительной степени проникнуты узкими взглядами и предрассудками, порождаемыми обособленностью мелких народностей. Социал-демократы ре-

³⁷ Государственная дума, III созыв, II сессия. Стенографический отчет, ч. III. СПб., 1909, стр. 581—582.

шительно защищали дело крестьянской революции, выясняли классовый характер современной государственной власти, но не были в состоянии последовательно руководить крестьянской революцией, вследствие ошибочности партийной аграрной программы»³⁸.

Далее В. И. Ленин вскрывает сущность переселенческой политики самодержавия. Он писал: «...вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию»³⁹.

3. Переселенческое движение

Реформа 1861 г. не затрагивала феодальных устоев аграрных отношений в стране: сохранились помещичьи, удельные, церковные и другие виды землевладения. Освободившиеся из-под власти помещиков-дворян крестьяне опять попадали в их руки. В статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» В. И. Ленин писал: «Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп*, то есть *дань* вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только нагнали себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то

³⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 385—386.

³⁹ Там же, стр. 388—389.

водопоя. Крестьяне в *большинстве* губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире, — продолжал В. И. Ленин, — крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»⁴⁰.

Из такого критического положения крестьяне искали выход. Таким выходом было бегство на национальные окраины и в Сибирь. Следовательно, стремление обезземеленных крестьян к переселению не было продиктовано, как заметил В. Вошинин, «своиственными в натуре русского человека бродячими инстинктами»⁴¹; так могли считать только дворянские писатели. Например, в статье «Крестьянская колонизация в Семиречье» некто Зенков писал: «Из тридцатилетних моих наблюдений по России, Сибири и Туркестану я убедился и много лет уже доказывал в печати, что переселениями руководит у нас на Руси не одна неисходная потребность улучшения быта (хотя это и самое главное), но и традиции бродяжничества»⁴².

Безусловно, в своих классовых интересах автор явно извратил факты. Стихийное бегство крестьян на окраины было продиктовано невыносимо тяжелыми условиями жизни обездоленной бедноты. Этого не мог скрыть сам автор указанной статьи, который вынужден был написать и такое: «Ну, разве это не «бродячая Русь!» Бродячая-то она бродячая, да на уме-то, в большинстве случаев, не худое дело... «землицы бы нам, пахать бы надо», вот это в основе и прежде всего».

Стихийное переселенческое движение в Сибирь и в казахскую степь из центральных губерний страны началось сразу же после отмены крепостного права, т. е. с 60-х годов XIX в., а с 90-х годов, особенно с начала

⁴⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 65.

⁴¹ В. Вошинин. Переселенческий вопрос в Гос. думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912, стр. 3—4.

⁴² «Восточное обозрение», 1884, № 11.

XX в., оно нарастало с каждым годом все больше и больше, принимая массовый характер.

На пути следования обездоленные крестьяне испытывали невероятные трудности, о которых писали дореволюционные исследователи истории переселенческого движения в стране. Исследователь истории переселения крестьян в Казахстан и Среднюю Азию И. Гейер следующим образом описывал страдания переселенцев на пути следования в Сибирь: «Каждую весну через Уральский хребет тянется нескончаемая вереница русских повозок, запряженных в перемежку, лошадьми и быками. Подобный обоз со всех сторон окружен густой толпой усталых, запыленных и загорелых спутников, а в дыры полотняных и рогожных кибиток выглядывает целый ряд «голубеньких», «синеньких», «сереньких» глазок — то идет разношорстная армия переселенцев, влекомых с далекой родины-мачехи заманчивыми слухами о широком земельном раздолье и баснословных урожаях хлебов там где-то далеко, в неведомой стране, лежащей за пределами узких горизонтов знания деревенского русского жителя. Измотав свою душу в бессильной борьбе с суровыми, со дня на день усложняющимися экономическими условиями родины, потеряв надежду хоть когда-нибудь получить столько хлеба, чтобы его хватило на все потребности семьи, до подошвы вывернув культурный слой кормилицы земли, бросили они, с болью в сердце, старые пепелища и пошли искать вольной земли и дешевого хлеба»⁴³.

О том, как крестьяне-самовольцы толпами отправлялись в поисках свободной земли и дешевого хлеба в далекие окраины, писал и другой исследователь переселенческого движения А. Глебов. Переселение — это «поистине какая-то огромная людская река, — писал он, — устремляющаяся по коренной России в Зауральский горный хребет. Как птицы перелетные, которые с наступлением холодов без удержки тянутся огромными стаями в теплые заморские края, так точно крестьянство, наголодавшееся и обнищавшее на родине, ищет себе простора и достатка в неведомом крае»⁴⁴.

⁴³ И. Гейер. Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1892, стр. 1.

⁴⁴ А. Глебов. Что могут дать переселения крестьянству. СПб., 1907, стр. 2.

Разоблачая политику царского правительства, намеренно допускавшего самовольное переселение крестьян из Центральных губерний страны на окраины, в статье «Переселенческий вопрос» В. И. Ленин отметил со слов одного переселенческого чиновника, протестовавшего против «выселения» бедняков, которые «... образуют партии совершенно нищих, нуждающихся с места в путевом пособии, в ссуде не на домообзаводство, а на прокормление...

И эти «слабые» пасынки земельной политики, объявившей своим девизом «ставку на сильных», целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах (с знаменитой надписью 40 человек, 8 лошадей) переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные, которых переселенцы имеют обыкновение скрывать, из боязни, что их высадят и они отстанут, таким образом, от партии»⁴⁵.

Зная о трудностях, ожидающих их в пути, крестьянская беднота все же массами шла в Сибирь и другие окраины. Крестьянская колонизация началась в Акмолинской, затем в Семиреченской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской областях. Переселенческое движение в казахскую степь нарастало из года в год, начиная с 70-х годов, т. е. до образования Комитета Сибирской железной дороги; это видно из следующих данных по Петропавловскому и Кокчетавскому уездам Акмолинской области⁴⁶.

Годы	Семей	Душ
1860—1875	30	150
1875—1878	287	1700
1879—1881	304	1800
1881—1884	375	2200
1885—1887	418	2500

Переселение в Тургайскую область началось с 70-х годов XIX в., когда 133 семейства изъявили желание

⁴⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 81.

⁴⁶ А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 24.

переселиться в укрепленный пункт Ак-Тобе; затем, в 1881 г., до 1200 семей переселились в Кустанайский уезд.

Массовые переселения крестьян в Уральскую область проходили с 1884 по 1891 г. За этот период из центральных губерний страны переселилось 2299 семейств, из них в Темирский уезд — 703, Уильское укрепление — 237, в Чингирлау — 158, на берега р. Хобды — 120, в Джамбейтинскую волость — 140, на берег оз. Челкар — 25 и на территории других уездов — 916 семейств⁴⁷.

Особенно большой поток переселенцев шел в Семиреченскую область. Сюда за 12 лет (с 1868 по 1880 г.) переселились 3324 семьи, из них 2099 семей образовали селения, а 1225 семей поселились в городах. К ним были приписаны еще 242 семьи отставных и запасных солдат Семиреченского войска⁴⁸. В 1883 г., когда Семиреченская область вошла в состав Степного генерал-губернаторства, число крестьян в области составляло 15 тыс. душ обоего пола и насчитывалось уже 29 крестьянских селений. К тому же времени в городах области было приписано около 190 купеческих семейств и 1400 мещанских⁴⁹.

Количество новых селений в Семиреченской области с 1868 по 1880 г. распределяется следующим образом: в 1868 г. — 5, в 1869 г. — 3, в 1870 г. — 3, а 1871 г. — 4, в 1872 г. — 3, в 1873 г. — 3, в 1874 г. — 1, в 1879 г. — 1. В 1891—1892 гг. в Семиреченскую область переселилось еще 1769 крестьянских семей, из них в Лепсинский уезд — 410, в Верненский — 314, в Копальский — 98, в Пишпекский — 913 и Пржевальский — 34 семьи⁵⁰.

Крестьянская колонизация охватила также Сыр-Дарьинскую область, главным образом Чимкентский, Ташкентский и Аулие-Атинский уезды.

После образования Комитета Сибирской ж. д. начался новый этап переселенческого движения. Чтобы отвлечь крестьянские массы от революции, царское правительство призывало крестьян переселяться в Сибирь и

⁴⁷ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области за 1900 год. Уральск, 1901, стр. 178.

⁴⁸ В. А. Васильев. Семиреченская область, как колония и роль в ней Чуйской долины. Петроград, 1915, стр. 67.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 296, л. 1.

⁵⁰ О. А. Шкапский. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906, стр. 66.

др. окраины. В связи с этим оно издало и распространило брошюру под названием «Сибирское переселение»⁵¹, в которой приукрашивало жизнь переселенцев. Кроме того, местным властям были даны соответствующие директивы о развертывании агитации среди крестьян на переселение.

Такие мероприятия царского правительства дали свои результаты. Продав свои клочки земли или передав их общине, крестьянская беднота центральных губерний страны хлынула в Сибирь и в казахскую степь. С 1893 по 1896 г. число переселенцев в Актюбинском уезде достигло 2500 чел., а в арендаторских поселках Кустанайского уезда — 9173 чел., или на 1418 чел. больше, чем в 1890 г.⁵² К 1894 г., по сравнению с 1868 г., в Акмолинской области русское население увеличилось на 75 тыс. чел., а в Тургайской области количество крестьян-переселенцев достигло 16 тыс. чел., в Сыр-Дарьинской области — 12 тыс. чел., из них 8807 чел. в Аулие-Атинском уезде⁵³.

Следует отметить, что уже к 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей (Акмолинском, Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском, Омском, Павлодарском, Каркаралинском и Усть-Каменогорском) было образовано 43 волости переселенческого крестьянства с населением около 150 тыс. чел. В их пользовании находилось почти 1,4 млн. десятин земли; кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у шаруа более 88 тыс. десятин земли⁵⁴.

Огромные площади земель под переселенческие участки отводились в 12 уездах Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей, где работала экспедиция под руководством Ф. Щербины.

В Тургайской области, например, экспедиция обследовала два северных уезда — Актюбинский и Кустанайский. Только в одном Кустанайском уезде она изыскала 50 переселенческих участков с площадью 382 475 десятин земли, рассчитанных на 25 256 семей. Кроме того,

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, 1909, д. 362, лл. 2—9.

⁵² Там же, д. 432, л. 6.

⁵³ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 168.

⁵⁴ А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 29.

было отведено в земельные наделы 10 арендаторским поселкам 127 588 десятин земли, рассчитанных на 8578 душ мужского пола⁵⁵. Таким образом, под переселенческие участки в Кустанайском уезде было изъято из пользования шаруа 510 063 десятины земли.

Переселенческое движение на новые земли с каждым годом нарастало. Если в Тургайскую область в 1898 г. переселилось 232 семьи, то в 1899—731, в 1900—744 и за первую половину 1901 г.—506 семей переселенцев и 1823 ходока⁵⁶. В Акмолинскую область с 1900 по 1905 г. переселялось ежегодно по 11 800 чел., а с 1906 по 1909 г.— по 63 тыс. душ в год⁵⁷, т. е. за последние четыре года по сравнению с предыдущим шестилетием приток переселенцев в область увеличился более чем в 5 раз.

Ход переселенческого движения в 1896—1905 гг. в четыре области Казахстана можно проследить по следующим данным⁵⁸.

Области	К-во переселенцев	К-во ходоков
Акмолинская	163 033	40 293
Семипалатинская	11 047	2 392
Тургайская	60 018	14 287
Уральская	36	8
Итого	234 134	56 980

Таким образом, самый большой приток переселенцев наблюдался в Акмолинской и Тургайской областях.

Дело по устройству новоселов местной администрацией этих областей было поставлено плохо. Поэтому многие из переселенцев, особенно ходоков, ушли обратно, в центральные губернии России, что видно из следующих данных.

⁵⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2682, л. 246.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. I, д. 432, лл. 14—15.

⁵⁷ Азиатская Россия, т. II. СПб., 1914, стр. 531.

⁵⁸ В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. 1. Петроград, 1917, стр. 37.

Области	К-во переселенцев	К-во ходоков
Акмолинская	35 064	23 030
Семипалатинская	2 370	903
Тургайская	13 409	12 280
Уральская	6	5
Итого	50 849	36 218

Следовательно, из этих четырех областей возвратилось около 21,7% переселенцев: из Акмолинской области—21,5%, Тургайской—22,3%, Семипалатинской—21,3% и Уральской—14%; вернулось ходоков: из Акмолинской области—57,2%, Семипалатинской—37,7%, Тургайской—85,4% и Уральской—62,5%.

Таким образом, наибольший процент возвратившихся переселенцев падает на Тургайскую и Акмолинскую области (22,3% и 21,5%), наименьший—на Уральскую область (14%), а ходоков, соответственно, больше на Тургайскую (85,4%) и меньше на Семипалатинскую (37,7%).

Еще больший рост переселенческого движения происходил в период 1906—1907 гг. Для примера возьмем три перечисленных района и проследим, как увеличивалось в них количество семей новоселов в 1907 г. по сравнению с 1906 г. (табл. 1).

Таблица 1

Рост переселенческого движения в 1906—1907 гг.

Год	Переселенческие районы			Всего	% к общему количеству переселенцев
	Акмолинский	Тургайско-Уральский	Семипалатинский		
1906	16 700	6 000	2 400	215 100	5
1907	29 759	46 209	4 392	80 360	13
Итого	46 459	52 209	6 792	105 460	18

Из таблицы видно, что в 1907 г., по сравнению с 1906 г., прилив переселенцев в Казахстан увеличился почти вдвое.

История переселенческого движения в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области довольно подробно описана в материалах обследований под руководством К. Палена, П. Румянцева, П. Скрыплева, а также в трудах В. Васильева и О. Шкапского.

Начало крестьянской колонизации в Сыр-Дарьинскую область относится к 1876 г. В этом году в Аулие-Атинском уезде образовались села Чалдаровское, Сарыкамарское, Акчийское, в которых имелось до 200 хозяйств. О быстром росте крестьянского переселения в область можно судить по тому, что если в 1891 г. имелось всего 27 селений, состоявших из 1607 дворов с населением 7702 чел., то уже в 1894 г. было 48 селений, где жило 15 461 чел.⁵⁹

Судя по материалам экспедиции статистической партии Сыр-Дарьинского переселенческого района под руководством П. А. Скрыплева⁶⁰, в 1906 г. только в Чимкентском уезде имелось 18 крестьянских селений, образованных за период с 1887 по 1899 г. Они состояли из 1189 хозяйств с населением 8062 чел.

Количество переселенцев (в %), прибывших в уезд, распределяется по годам следующим образом: до 1890 г.—16,43; 1891—1893 гг.—57,14; 1894—1896 гг.—5,31; 1897—1899 гг.—2,28; 1900—1903 гг.—9,99; 1904—1905 гг.—1,14; 1906 г.—0,38; в другие годы—7,33.

Таким образом, высокий процент переселенческого движения падает на период 1891—1893 гг.—57,14%.

Кроме того, самовольное переселение крестьян не приостановилось и после временного запрещения⁶¹: с 1897 по 1899 г. прибыло в уезд 2,28%, с 1900 по 1903 г.—9,99%, с 1904 по 1905 г.—1,14% от общего числа переселенцев.

В уезде образовалось шесть крестьянских волостей. Данные о количестве населения по волостям приведены в таблице 2.

⁵⁹ Л. М. Ауэзова. К вопросу о переселении крестьян и их роль в развитии земледелия. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», вып. 1(6), Алма-Ата, 1958.

⁶⁰ Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909, стр. 11—16, 24—31.

⁶¹ Инструкцией министерства внутренних дел в 1897 г. Сыр-Дарьинская область временно была закрыта для крестьянского переселения.

Население вновь образованных волостей Чимкентского уезда

Волости	Кол-во селений	Кол-во хозяйств	Количество населения		
			мужчин	женщин	всего
Беловодская	5	245	897	830	1727
Высокинская	1	177	634	591	1225
Ванновская	2	187	612	593	1205
Тамерлановская	7	262	957	898	1855
Дорофеевская	1	103	381	357	738
Георгиевская	2	196	662	650	1312
Итого	18	1170	4143	3919	8062

Из данных таблицы 2 видно, что количество населения в волостях Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области было неравномерным: одни состояли из одного (Высокинская, Дорофеевская), двух сел (Ванновская, Георгиевская), другие — из пяти (Беловодская), семи (Тамерлановская).

Почти такими же темпами шло образование крестьянских сел и в Семиреченской области. Здесь они начали возникать с 1869 г.

На 1 апреля 1898 г. в области насчитывалось 31 село, из них в Верненском уезде — шесть, входивших в состав двух волостей; Пишпекском — девять (три волости); в Копальском — два (одна волость); в Лепсинском — восемь (две волости); Пржевальском — шесть (две волости). Всего в области насчитывалось 16 179 мужчин⁶². Как отмечалось выше, крестьянские селения в области стали возникать с 1869 г.

По данным сенатора К. К. Палена, к 1906 г. в Сыр-Дарьинской области проживало крестьян-переселенцев 27 221 чел., в Семиреченской — 39 751 чел.⁶³ И в эти области, несмотря на временное запрещение, из года в год увеличивалось самовольное переселение. Так, если

⁶² ЦГА КазССР, ф. 41, д. 466, л. 10.

⁶³ К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане, СПб., 1910, стр. 17.

в Сыр-Дарьинскую область в 1905 г. самовольно переселилось всего 36 чел., то в 1907 г.—1214, в 1908—3225, в 1909—4553 чел.⁶⁴

Так проходило переселение крестьян в Казахский край в конце XIX—начале XX вв., до периода столыпинской реакции.

4. Социально-экономическое положение крестьян-переселенцев

Территориально-хозяйственное устройство крестьян-переселенцев являлось для них самым жизненным вопросом. Израсходовав все средства существования в пути, крестьяне испытывали на новых местах горькую нужду. Колониальные власти нередко отказывали переселенцам в помощи средствами на хозяйственное устройство и приобретение орудий труда. Сохранились многочисленные «прошения» крестьян-новоселов, адресованные местным и центральным властям, в которых они изливали свою горькую нужду и просили оказать им помощь в виде ссуд, хотя бы на первое время.

Так, крестьяне-переселенцы села Рождественского Акмолинского уезда 20 августа 1895 г. жаловались военному губернатору области о том, что они «истощив все свои силы и средства, надеялись, наконец, найти пристанище», а их «гонят, лишают последнего достоинства и надежды»⁶⁵.

О том, что крестьяне-переселенцы в первое время ощущали острую нужду, говорили сами царские чиновники, а также современники, описывавшие экономическое положение новоселов. 23 октября 1891 г. туркестанский генерал-губернатор сообщил военному министру, что в течение года в Сыр-Дарьинскую область прибыло 1000 семей переселенцев, или 5000 чел. «К Казалинску по Оренбургскому тракту движется еще около 1000 семейств, а по Закаспийской дороге направлено в Сыр-Дарьинскую область из Узун-Ада от 14 сего октября 305 семейств переселенцев. Такой чрезвычайный наплыв русских переселенцев без средств, нуждающихся в крове, в пропитании и денежной помощи на крайние, не-

⁶⁴ «Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1914 год», ч. I. СПб., 1910, стр. 50; ч. 2, 1916, стр. 50.

⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4594, л. 17.

терпящие отлагательства, нужды нарушает правильно сложившуюся уже и единственно возможную организацию переселенческого дела». Генерал-губернатор просил министра внутренних дел, чтобы «не допускали движения в степь людей несостоятельных, не имеющих средств на передвижение и пропитание в течение долгого и трудного следования до местностей, где устраиваются поселения»⁶⁶. Начальник Верненского уезда Семиреченской области 27 сентября 1872 г. сообщал, что «пришедшие поселяне из России, в наибольших случаях истратившись за дорогу, не могли завести правильного хлебопашества... нуждались в скоте»⁶⁷. Подробно исследовавший экономическое положение арендаторских поселков Кустанайского уезда, С. Н. Севастьянов писал, что были «случаи голодовки людей», крайне нуждавшимся «в помощи отказано»⁶⁸. Известный статистик Сыр-Дарьинского переселенческого района И. Гейер, обследовавший положение крестьян села Терез Аулие-Атинского уезда, описывает исключительно тяжелое положение жителей этого села. «Кровью обливается сердце, — пишет он помощнику военного губернатора Сыр-Дарьинской области в 1891 г., — когда войдешь в его (переселенца.— Б. С.) избу, выстроенную лишь только осенью. Со стен буквально струится сырость, с потолка капает, в редкой избе есть стол, обыкновенно его заменяет куча кирпичей, покрытая сверху чистой пестряжновой скатертью и при всем этом, какой бодрый вид у всех, какая глубокая вера в будущее счастье»⁶⁹.

О тяжелом положении крестьян-новоселов можно судить по материалам Л. Чермака⁷⁰. В обследованных им 37 поселках Кокчетавского уезда Акмолинской области, состоявших из 6189 дворов, к 1907 г. проживало 37 121 чел., из них 38% были русские, 36% — украинцы, 5% — мордва и 1% — белорусы, чуваша, татары. До

⁶⁶ ЦГВИА СССР в Москве, ф. 400, д. 122, л. 9.

⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 10, д. 16, л. 31.

⁶⁸ «Тургайские областные ведомости», 1892, № 21.

⁶⁹ ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 8, лл. 4—7.

⁷⁰ Л. Чермак. Переселенцы в степном крае. «Сибирские вопросы», 1808, № 3—5.

90% переселенцев составляли крестьяне, из них 60% бывшие государственные и 28% —освободившиеся из-под власти помещиков, 7,7%, или 477 хозяйств, — семьи демобилизованных солдат. Автор писал, что переселенцы прибыли из 40 губерний страны, главным образом из Европейской России, а часть из Финляндии, Кавказа и Сибири. Большинство переселенцев прибыло из Полтавской (17%), Самарской (15,15%), Пермской (13%), Тобольской (9%), Черниговской (9%), Саратовской (7%), Харьковской (4%), Пензенской (4%) губерний.

Начало крестьянского переселения в Кокчетавский уезд относится к 1870 г., когда сюда прибыла одна семья, затем сюда ежегодно приезжало от 2 до 34 семей. В 1896 г. в уезде насчитывалось 37 поселков, а в 1900 г.—57.

Большинство крестьян-переселенцев были безземельные и малоземельные. Из числа переселившихся в Кокчетавский уезд крестьян 13,5% не имели на родине земли, 61% имели от 1 до 5 десятин, около 18% —от 5 до 10 десятин, 5% —от 11 до 15 десятин, 2% —от 16 до 25 десятин и только около 0,5% —свыше 25 десятин на семью; около 65 семей из 100 существовали за счет постороннего заработка. Из каждых 100 семей были обеспечены хлебом на весь год 37 семей, на 4—7 месяцев —34 семьи, и 10 семей совершенно не имели хлеба.

Экономическое положение переселенцев на родине (по количеству имевшегося у них скота) выглядело так: 38% семей имели по одной лошади или паре волов, 28% —2 лошади или пару волов и только 5% —больше пяти лошадей.

Из прибывших переселенцев 62% привезли плуги, сохи и другой сельскохозяйственный инвентарь, из 6180 семей только 3359 имели в среднем по 75 руб. денег, почти все нуждались в помощи. Но ее получали лишь немногие. Так, на «домообзаведение» по 45 руб. получили только 1632 семьи. «В отдельных случаях,—пишет Л. Чермак,—пособие колебалось от 50 коп. до 118 руб. Кроме денежного пособия, переселенцам было выдано 1294 лошади для 1259 семей. Вот и все, что было у переселенцев в момент водворения их на новых местах, в новом крае... Несомненно,—продолжает автор,—этого было слишком мало, чтобы мало-мальски прилично

обставить свое хозяйство и вообще устроиться в первое же время по приходу на новое место»⁷¹.

Большинство семей не смогли построить себе землянок: многие ютились по две-три семьи в одной. «Скота у таких семей было не более одной головы на две семьи, и главным образом лошадей, значит ребятишки были без молока; обсеяться им удавалось весьма плохо — 553 семьи имели всего по 7 десятин посева, а к будущему году они успевали приготовить по 1 десятине на семью».

О тяжелых жилищных условиях крестьян-новоселов еще более убедительно писал врачебный инспектор Акмолинской области, надворный советник, доктор медицины Н. Е. Франовский⁷², детально обследовавший 16 селений Петропавловского уезда в 1896 г.: «Переселенцы вырывали землянки такого типа: землянка — это яма в 1½ аршина глубины, на ней возвышаются стены на 1 аршин над поверхностью земли, сверху сделан потолок, заваленный землей, без крыши; эти помещения в отличие от землянок, не углубленных в землю и сделанных из дерна или сырого кирпича, я называю земляными норами. Весной, когда началось таяние снега, землянки превратились в банные помещения, переполненные зловонием от скопления людей, тем более, что за неимением даже таких землянок, семьи скучивались иногда. В такой норе я находил 19 душ жильцов. Только очень немногие построили деревянные дома, но они были сыры, холодны. Все помещения крестьян переполнены паразитами до такой степени, что дети от укуса блох и клопов кажутся покрытыми сыпью».

Жилые строения можно разделить на шесть различных типов: 1) шалаши и сараи; 2) земляные норы; 3) дернухи-мазанки; 4) дернухи-плетенки-мазанки; 5) плетенки-мазанки и 6) обыкновенные деревянные бревенчатые избы. Интересна характеристика типов таких жилых строений.

По описанию того же Н. Франовского, земляные норы представляли собой ямы глубиной от 2 до 2,5 аршина,

⁷¹ Там же. Автор приводит интересные факты из истории переселения немцев из Поволжья, где им отводилось по 60 десятин лучшей земли на каждое хозяйство и выдавалось по 300 руб. ссуды деньгами.

⁷² ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 4614, лл. 3—8, 31, 52—86.

они имели по два, а в большинстве случаев по одному отверстию, заменявшему окно. Световая площадь этих «окон» не превышала полутора четверти аршина.

Дернухи-мазанки выкладывались из дерновых пластин, нарезанных наподобие кирпича. Толщина стен была различная: 1—3 аршина. Для крепости стены прокладывались тонкими деревянными брусками. Крыши также были дерновые или из глины вперемежку с соломой или тростником.

Дернухи-плетенки-мазанки отличались от дернух-мазанок тем, что строились сначала плетневые стены, которые изнутри обмазывались глиной, а снаружи обкладывались толстым слоем дерна. Стены плетенок-мазанок состояли из двух плетней, пространство между плетнями засыпалось сухой землей. Такие жилища, по признанию областного врачебного инспектора, считались «гигиеничными, и в них можно было применять и вентиляцию, и дезинфекцию».

Наблюдая деятельность крестьян пос. Полтавский, Н. Франовский заметил: «У всех поселенцев кипучая работа по устройству жилища на зиму. Нужно быть очевидцем, чтобы глубоко почувствовать всю их энергию, неустрашимость, изобретательность, с какими этот народ — полтавцы хлопочут об устройстве своего теплого гнездышка. Весь материал ограничивается мелким хворостом, землей и глиной... Все говорят, если бы дали им лесу, то через три недели мы выстроили бы целый город Петропавловск.

Женщины ходят босые, ноги по колено запачканы глиной, которую они месят ногами. Малые дети от 7—10-летнего возраста носят воду ведрами с озер. Если ребенку ведро нести не под силу, то он тащит его повешенным на длинном шесте, один конец которого более длинный, тащится по земле, а другой конец держится руками». Труд переселенцев поистине был каторжным.

Недостаток строевого леса в уездах создавал дополнительные трудности. Крестьяне-переселенцы не смогли доставлять лесоматериалы за 10—20 верст, ибо у них не было лошадей. «Купить лошадей они не могли потому, что пособие» отпускалось им «в ограниченном размере и частями».

Постоянное недоедание привело к истощению уже замученных в пути переселенцев. Свирепствовали вся-

кого рода болезни: цинга, дизентерия, тиф, малярия и другие, которые приводили к большой смертности. Только в одном селении Михайловском, состоявшем из 363 семей, в 1895 г. умерло от различных болезней до 100 человек.

От бескормицы и болезней наблюдался массовый падеж рабочего скота. По данным того же Н. Франовского, в 1895 г. в селении Ново-Архангельском, состоявшем из 174 хозяйств, пало более 50 лошадей.

Установленные царским правительством ничтожные ссуды на новом месте часто не выдавались или долго задерживались. Это признавали сами колониальные власти. Туркестанский генерал-губернатор, например, сообщал начальнику главного штаба о том, что «крестьянам, переселившимся в край, пособий доселе не выдавалось»⁷³.

Ссуды нередко расхищались колониальными чиновниками. А. Турсунбаев⁷⁴ приводит интересные факты из записок к проекту сметы расходов переселенческого управления на 1907 г., в которых говорится, что «гонимый за Урал земельной нуждой, без сомнения уходящий с родины не от довольствия и хорошей жизни, отправляющийся в глухую тайгу, в пустынную степь переселенец несет с собой только жажду земли. Средств у него ровно столько, чтобы не умереть с голоду... Без помощи ему на новом месте среди земельного простора будет еще хуже, чем дома. Каковы же размеры помощи переселенцу со стороны правительства?..

Переселенцев прошло в текущем (1906) году 150 тыс., а отпущенный врачебно-продовольственный кредит составляет 690, т. е. менее 5 руб. на каждого, включая сюда и строительный кредит на постройку и оборудование новых пунктов.

В пути переселенцы находятся в среднем месяца полтора, т. е. 40—45 дней, следовательно, в день на медицину, на продовольствие переселенца правительство расходует всего 10 коп., а так как 60% врачебно-продовольственных кредитов уходит на поселковую медицину, то в пути на переселенца приходится около 4 коп. в день.

⁷³ ЦГВИА СССР в Москве, ф. 400, 1870, д. 47, л. 10.

⁷⁴ А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 50—51.

Цифра эта настолько мала, что при такой помощи едва ли можно удивляться высокому проценту смертности на пунктах, особенно среди детей».

Следует отметить, что до начала 90-х годов XIX в. мизерные ссуды выдавались только тем переселенцам, которые имели официальное разрешение на выезд, а переселенцам-самовольцам вообще не оказывалось никакой помощи.

Со времени же образования Комитета Сибирской железной дороги стали выдавать ссуды всем переселенцам в размере до 100 руб., часто расхищаемые чиновниками переселенческих управлений.

Теперь перейдем к характеристике экономического положения переселенцев по районам выхода и поселения. По данным переселенческого управления, переселенцы в четыре степные области — Акмолинскую (52,6% к общему числу), Семипалатинскую (53,9%) и Уральскую (41,7%), были жителями восьми южнороссийских губерний: Воронежской, Волынской, Полтавской, Саратовской, Харьковской, Херсонской, Киевской, Черниговской, а остальные из других губерний.

Экономическое положение переселенцев по районам выхода характеризуется следующими данными⁷⁵.

Губернии	Площадь посе- ва на 1 хозяй- ство, дес.	Безлошадные хозяйства, %
Харьковская	7,6	35
Полтавская	5,1	48
Черниговская	6,4	28
Воронежская	9,5	42
Киевская	6,1	59
Херсонская	9,1	34
Подольская	4,8	54
Екатеринославская	11,5	28
Курская	7,3	25
Тульская	6,4	27

Следовательно, наименьшая площадь посева на двор приходилась в Подольской (4,8 дес.) и Полтавской (5,1 дес.) губерниях, а самый высокий процент безлошадных хозяйств падает на Киевскую (59%) и Подольскую (54%) губернии.

⁷⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2892, л. 82.

Материалы подворного обследования экономического положения новоселов свидетельствуют о наличии резкой классовой дифференциации в переселенческой деревне. Возьмем данные обследования Тургайско-Уральского переселенческого района (табл. 3). Для удобства хозяйства, образовавшиеся до 1902 г., обозначим в таблице буквой *А*, в 1902—1903 гг. — буквой *Б*, в 1904—1905 гг. — буквой *В*. На каждые 10 переселенческих дворов приходилось в среднем следующее количество лошадей, крупного рогатого скота и площади посева⁷⁶.

Таблица 3

Классовая дифференциация в деревне
Тургайско-Уральского переселенческого района

Группы поселков	Лошади		Волы		Коровы		Площадь посева, дес.	
	1904 г.	1907 г.	1904 г.	1907 г.	1904 г.	1907 г.	1904 г.	1907 г.
<i>А</i>	17,3	20,4	18,5	21,0	14,0	17,4	100,0	136,0
<i>Б</i>	18,4	20,4	15,0	18,0	12,0	16,7	69,2	122,5
<i>В</i>	18,0	16,2	8,7	14,6	10,4	14,8	31,4	86,1

Из таблицы видно, что переселенческое крестьянство накапливало средства существования медленно и неравномерно. Проследим это по данным третьего подрайона Кустанайского уезда. Для примера возьмем поселок Туфановский, социально-экономическое положение переселенцев которого характеризуется следующим образом.

В 1905 г. на каждый двор приходилось в среднем по 4,8 головы скота, в 1907 г. — только по 1,86. Если в 1905 г. одна четвертая часть дворов не имела рабочего скота вообще, то в 1907 г. таких дворов не было. В 1905 г. хозяйств, в которых было по одной голове скота, числилось 33,3%, в 1907 г. — 48,5%; по две головы соответственно — 15,5% и 17,1%; по три-шесть голов 38,9% в 1905 г., и вообще не было таких хозяйств в 1907 г.

Таким образом, в с. Туфановском в 1907 г. не имели

⁷⁶ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2289, лл. 82, 83, 87, 88. Из этих же архивных материалов приводим в разделе другие таблицы — 4, 5, 6, 7.

вообще скота 23% дворов. Процент не имеющих скота жителей увеличился за счет прибывших переселенцев.

Возьмем еще несколько селений Кустанайского уезда: в поселке Богдановском было 52,8% хозяйств, не имевших более одной головы рабочего скота, в Ольгинском — 75,9%, Тургеневском — 56,1%, в Антоновском — 48,8% и в Спиридоновском — 60,5%.

Обращает на себя внимание социально-экономическое положение поселков подрайона I, образованного в 1901—1902 гг., и подрайона III, образованного в 1905—1906 гг. Для сравнения возьмем три худших поселка подрайона I и пять лучших подрайона III. Количество скота по дворам в этих поселках распределялось следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Социально-экономическое положение поселков подрайонов I и III Кустанайского уезда

Подрайоны, посел- ки	Среднее ко- личество скота на двор	Процентное соотношение дворов к их общему числу					
		не имевших скота		имевших рабочий скот, голов			
		рабо- чего	вооб- ще	1	2	3-6	7 и более
Под район I							
Давыдовский	10,00	3,2	1,6	14,5	12,8	21,0	46,9
Воробьевский	6,24	6,6	2,8	16,8	33,2	21,8	19,8
Федоровский	8,06	1,7	2,7	2,3	16,3	47,2	30,0
Под район III							
Ливановский	9,80	8,3	9,3	19,4	33,3	23,2	6,5
Адамовский	5,77	7,2	1,1	22,7	12,3	24,3	32,0
Денисовский	5,62	5,1	4,2	27,1	22,0	31,3	10,3
Максимовский	5,25	10,0	8,5	12,9	20,0	42,9	5,7
Львовский	4,58	5,0	1,7	16,7	25,0	43,3	8,3

Из таблицы видно, что экономическое положение трех худших поселков подрайона I было выше, чем самых лучших поселков подрайона III.

Социально-экономическое положение крестьян-переселенцев зависело не только от того, сколько они имели

скота и других средств к существованию, но и от количества рабочих рук на хозяйство. Так, семьи, которые имели от 150 до 300 руб. и одного работника, в первый год поселения могли купить четыре головы крупного рогатого скота и обработать по 0,5 десятины ярового клина и 2 десятины зяби; семьи же с двумя работниками — шесть голов крупного рогатого скота, 0,7 десятины яровых и более 2,5 десятины зяби. На второй год после поселения такие семьи с одним работником имели в среднем по 9,5 головы крупного рогатого скота, 4,8 десятины посева и 1,5 десятины зяби, а с двумя работниками — 14 голов крупного рогатого скота, 6,5 десятины посева и 3 десятины зяби.

Выше речь шла о социально-экономическом положении переселенцев в степных областях. Теперь перейдем к характеристике экономики крестьянских поселений юга Казахстана. Для примера возьмем Чимкентский уезд Сыр-Дарьинской области, сравним экономическое положение переселенцев на родине и на месте поселения. По этому вопросу интересные данные сообщает в своей статье чиновник переселенческого управления И. Введенский⁷⁷.

По его данным, в Чимкентский уезд переселились крестьяне из 28 губерний европейской России. По количеству посевной площади на родине их положение складывалось следующим образом:

Посевная площадь, дес.	Количество хо- зяйств, %
Не имели посева	14,01
До 1	3,04
1—3	26,01
3 или 5	18,58
5—10	19,19
10—15	5,42
Более 15	6,19

На родине переселенцы в среднем имели по 5,98 десятины на хозяйство. Кроме того, самостоятельно зани-

⁷⁷ И. Введенский. Переселение и аграрный вопрос. «Вопросы колонизации», СПб., 1909, № 5.

малось земледелием 82,29%, промыслом — 3,06%, работали по найму 2,8%.

На новом месте каждая семья засекала в среднем по 14,1 десятины. Но за этой средней цифрой скрывается нищенское положение переселенцев-бедняков, которые не имели своего рабочего скота и поэтому не могли обработать необходимую для своего существования площадь земли.

Во всех 18 крестьянских селениях Чимкентского уезда в 1906 г., например, насчитывалось 25 дворов, не имевших скота вообще, что составляло 2,1% от общего числа хозяйств.

Обращает на себя внимание группировка переселенческих дворов уезда по поголовью рабочего скота (быки, лошади), что видно из таблицы 5.

Таблица 5

Группировка переселенческих дворов Чимкентского уезда по количеству голов рабочего скота

Подрайоны	Процентное соотношение дворов к их общему количеству								
	не имевших скота		имевших скот, голов						
	вообще	рабочего	1	2—3	4—5	6—7	8—9	10—12	12 и более
I	32,6	16,3	18,6	25,6	4,6	2,3	—	—	—
II	2,6	9,9	30,9	32,9	17,8	3,9	2,0	—	—
III	2,1	2,1	11,9	29,6	29,6	19,5	4,5	0,7	—
IV	0,4	0,4	2,7	13,8	29,5	28,1	17,9	5,4	1,8
V	—	—	0,6	5,5	20,8	31,3	26,4	12,9	2,5
VI	—	—	0,8	5,0	13,4	18,5	34,5	20,2	7,6
VII	—	—	—	—	10,5	12,3	17,5	39,5	20,2
VIII	—	—	—	1,4	—	4,1	9,4	32,4	52,7

Данные таблицы свидетельствуют о резком классовом расслоении в этом уезде переселенческого крестьянства: в среднем 13% хозяйств не имели вообще или имели одну голову скота и вынуждены продавать свою рабочую силу кулакам. В 18 селениях Чимкентского уезда уже к 1906 г. имели наемную рабочую силу 8% хозяйств.

Или возьмем крестьянские селения Семиреченской

области, описанные О. А. Шкапским⁷⁸. Из 38 хозяйств с. Герасимовки Лепсинского уезда занимались земледелием 27 дворов (71,1%), а остальные 11 крестьянских семей работали по найму. Соответственно автор группирует жителей этого селения по количеству скота: 7 хозяйств (18,8%) не имели скота вообще, по одной голове скота имели 4 двора (10,4%), по две — 17 дворов (44,8%), по три — 6 дворов (15,8%), по четыре — 1 двор (2,6%), по шесть — 2 двора (5,2%) и 7 голов скота — 1 двор (2,6%).

Таким образом, абсолютное большинство переселенцев этого села были батраками (92%). Почти такое же социально-экономическое положение крестьян-переселенцев было и в других селениях этого уезда — в Колпаковском, Осиновском, а также в с. Гавриловском Копальского уезда.

В своей книге В. А. Васильев приводит интересные сравнительные данные о состоянии переселенческих хозяйств Семиреченской области и Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области⁷⁹. Автор за основу берет площадь земли, которую имело каждое хозяйство, и делит их на группы по благосостоянию (табл. 6).

Таблица 6

Группировка переселенческих хозяйств Семиреченской области и Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области по благосостоянию

Группы	Семиреченская область		Чимкентский уезд	
	Группы хоз-в по площади посева, дес.	% хоз-в к общему числу	Группы хоз-в по площади посева, дес.	% хоз-в к общему числу
I	Без посевов	4,8	Без посевов	3,7
II	До 3	11,9	До 4	12,9
III	3—5	11,6	4—8	24,3
IV	5—10	27,5	8—12	19,1
V	10—15	19,0	12—16	13,9
VI	15—25	17,4	16—20	10,1
VII	25—50	7,1	20—30	9,7
VIII	50—100	0,6	Свыше 30	6,3

⁷⁸ О. А. Шкапский. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906, стр.100—116.

⁷⁹ В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и в ней роль Чуйской долины. СПб., 1915, стр. 106.

Переселенцы, имевшие до 1 десятины посева, относились к батракам, до 4 десятин — к беднейшим крестьянам, до 5—8 десятин — к беднякам, до 10 десятин — к маломощным середняцким хозяйствам, до 15 десятин — к крепким середняцким хозяйствам, свыше 15 десятин посева — к кулакам. При этом классовая дифференциация в переселенческой деревне Чимкентского уезда была выражена более резко, чем в Семиреченской области. В Чимкентском уезде сельский пролетариат (батраки) вместе с бедняками составлял свыше 40% и кулачество — 26%, а в Семиреченской области батраков и бедняков было 28,3% и кулаков — 25,2%.

О наличии резкой классовой дифференциации в переселенческой деревне можно судить также по стоимости всего имущества, скота и строений, имевшихся у крестьян. Так, в с. Михайловском Петропавловского уезда Акмолинской области⁸⁰ из 277 дворов только семь оценивались от 200 до 500 руб., 45 — от 100 до 150 руб., 163 — от 50 до 85 руб., 45 — от 15 до 25 руб. и 17 дворов — до 5 руб.

Характерно, что расчет производился так: имущество семьи, имевшей мазанку, одну лошадь или корову, оценивалось в сумме 15 руб.; избу, лошадь и корову — до 25 руб.; избу, две лошади и корову — до 50 руб.; избу, две головы рабочего скота, одну корову — до 85 руб.; избу, три головы рабочего скота, одну корову — до 100 руб.; избу, четыре головы рабочего скота, одну корову — до 150 руб.; избу, пять голов рабочего скота, две коровы — до 200 руб. и т. д.

Следовательно, из 277 дворов с. Михайловского батрацкими были 29, бедняцкими — 199, середняцкими — 30 и кулацкими — 22 двора.

Абсолютное большинство батрацких и бедняцких семей составляло и в других переселенческих поселках Акмолинской области. Так, в с. Владимирском Михайловской волости Петропавловского уезда в 1897 г. числилось всего 133 двора. Здесь стоимость имущества лишь одной семьи определялась до 200 руб., 12 семей — 100 руб., а у остальных семей — 50—80 руб.⁸¹

Или другой пример, свидетельствующий об острой

⁸⁰ ЦГА КазССР, ф. 562, д. 3, лл. 1—12.

⁸¹ Там же.

классовой дифференциации в переселенческой деревне дореволюционного Казахстана.

К 24 ноября 1894 г. у крестьян Кокчетавского уезда Акмолинской области образовались недоимки в сумме 9867 руб. 10 коп. Эти недоимки остались невзысканными из-за крайней бедности их⁸².

Крестьяне-переселенцы наделялись пригодной к хлебопашеству землей в размере 15 дес. на мужскую душу, исключая менее пригодные окрестные территории, предназначенные для выпаса скота. Степень развития земледелия у крестьян была различной, она зависела от экономического благосостояния хозяйств, особенно от наличия усовершенствованной сельскохозяйственной техники.

Обеспеченность переселенческого крестьянства сельскохозяйственными орудиями во многих дореволюционных официальных изданиях трактовалась односторонне и тенденциозно. К числу таких книг относится «Азиатская Россия», изданная в 1914 г. переселенческим управлением главного управления землеустройства и земледелия. Книга иллюстрирована многочисленными портретами царя, Столыпина и других носителей колонизаторской политики самодержавия. В ней говорится о том, что крестьяне азиатской части страны снабжены сельскохозяйственными орудиями в $1\frac{1}{4}$ раза лучше, чем крестьянское население Европейской России: на одно хозяйство за Уралом приходилось в среднем около $2\frac{1}{4}$ орудий, а в Европейской России — только $1\frac{4}{5}$ орудия⁸³.

В крестьянских хозяйствах в Зауралье наблюдалось и качественное превосходство сельскохозяйственных орудий и машин по сравнению с крестьянскими хозяйствами Европейской России. На 100 орудий и машин в Сибири и Степном крае усовершенствованные орудия составляют 76,6, а в Европейской России — только 51,1. Причем это соотношение по отдельным группам орудий колебалось следующим образом: на каждые сто усовершенствованных орудия для подъема почвы в Зауралье приходилось в среднем 37,5, в Европейской России — 32; орудий для рыхления почвы соответственно — 94,5 и 70,9, уборочных машин — 99 и 98,1.

⁸² ЦГА КазССР, ф. 8, оп. 1, д. 242, л. 4.

⁸³ Азиатская Россия. СПб., 1914, т. II, стр. 406—407.

Далее в книге говорится, что железных плугов у крестьян в Европейской России насчитывалось 29,6% из общего числа земледельческих орудий, в губерниях Западной Сибири — 31,1%, а в Степном крае — 81,7%. У крестьян Западной Сибири было зарегистрировано 36519 сенокосилок, а во всей Европейской России — 66 381, т. е. лишь в два раза больше, конных граблей соответственно — 38 627 и 73 427 штук; из молотилок в Сибири были известны преимущественно конные, а в Европейской России многие молотят еще ручными приводами и т. д.

Мы отнюдь не отрицаем, что среди переселенцев степных областей из года в год все больше и больше распространялись различные сельскохозяйственные орудия.

Но возникает вопрос о том, среди каких социальных слоев переселенцев прежде всего и больше всего распространялась сельскохозяйственная техника? Царские чиновники рассматривали переселенческое крестьянство в едином потоке, а мы подходим иначе, т. е. с точки зрения уровня их экономического положения.

Сельскохозяйственными орудиями, разумеется, скорее всего и больше всего обеспечивалось кулачество, состоятельная часть середняков. Что же касается бедняков, то абсолютное большинство их такой возможности не имело, так как сельскохозяйственные орудия были дорогостоящими. По данным П. Скрыплева⁸⁴, в 1906 г., например, в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области цены на них выражались следующим образом: плуги — от 30 до 40 руб., бороны с железными зубьями — от 3 до 5 руб., серпы — от 35 до 60 коп., косы — от 60 коп. до 1 руб. 20 коп., сенокосилки — от 200 до 240 руб., молотильные катки — от 6 до 9 руб., веялки — от 40 до 60 руб.

Крестьянин-бедняк купить такие дорогостоящие сельскохозяйственные орудия не мог. В редких случаях бедняки приобретали сообща лишь отдельные их виды, но в большинстве случаев они применяли в земледелии примитивные орудия, затрачивая при этом огромный труд. Для характеристики приводим несколько данных

⁸⁴ П. А. Скрыплев. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909, стр. 92.

за 1905 г. из подворной переписи податного инспектора⁸⁵. Из 312 дворов крестьян с. Дмитриевского Петропавловского уезда Акмолинской области вообще не имели плугов 125 дворов, борон — 48, косилок — 273, жаток — 173. Напротив, 16 дворов имели по два плуга, два двора — по три, один двор — четыре, остальные 168 дворов имели по одному плугу; только один двор имел две косилки, а жаток в селе не было вообще; 14 дворов имели по одной молотилке и 13 — по одной мельнице.

Таким образом, почти весь сельскохозяйственный инвентарь был сосредоточен в руках кулаков, а бедняки попадали к ним в кабалу, владели жалкое существование.

Итак, переселенцы-бедняки колониального Казахстана испытывали немало трудностей, особенно в первые годы переселения. Многие из них попадали в зависимость от кулака, власть которого в колониальных окраинах была сильнее, чем в центре страны. Колонизаторская политика самодержавия способствовала еще большему закабалению крестьянских масс.

Вместе с тем необходимо отметить, что хозяйственный быт крестьян-переселенцев ускорил проникновение капиталистических отношений в край, оказал прогрессивное влияние на эволюцию экономики колониального аула и способствовал началу перехода казахов от кочевого быта к оседлости, развитию у них земледелия, заготовки кормов и развитию торговли.

⁸⁵ ЦГА КазССР, ф. 562, оп. 1, д. 31, лл. 1—77.

Глава четвертая

НАЧАЛО ОСЕДАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО АУЛА

1. Политика царизма

Проблема оседания колониального аула стояла в центре внимания прогрессивных деятелей казахского общества, исследователей истории и экономики края. Ею по-своему занимались все звенья царского правительственного аппарата.

Прежде чем приступить к разбору затрагиваемого вопроса, необходимо выяснить степень его изученности в литературе.

Как известно, почти все дореволюционные авторы, будучи представителями чиновничье-бюрократического аппарата, писали об оседании казахских шаруа, тонко и отчетливо проповедуя колонизаторскую политику царизма.

Вопрос об оседании казахских шаруа рассматривался и в трудах прогрессивно настроенных авторов. В этой связи следует особо выделить Т. Седельникова, выступавшего против колонизаторской политики царизма в казахской степи, одного из известных знатоков истории дореволюционного аула. Он написал брошюру «Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства)»¹, посвященную истории аграрных отношений в казахском ауле. Брошюра вышла в свет в период подъема первой русской буржуазно-демократической революции в национальных окраинах.

Правда, автор допустил некоторые ошибки в освещении вопроса об оседании аула.

¹ СПб., 1907.

Он, однако, прав, когда пишет, что царское правительство «явилось полным хозяином киргизских земель». В то же время нельзя согласиться с ним, когда он ищет причину оседания казахов в «культурно-просветительном» духе времени² и либерализме колонизаторов.

«Администраторы 60-х годов,— пишет Т. Седельников,— настроенные под влиянием духа времени, вырабатывали основы дальнейшей гражданско-общественной и хозяйственно-экономической жизни киргизского народа. Они полагали вполне правильно, что настоящими русскими подданными киргизы будут только в том случае, если каждого из них привязать к определенному клочку земли, где бы у него было постоянное жилище и постоянные угодья: пашни, сенокосы и пастбища. Следовательно, в глазах таких администраторов наиболее благонадежным и желательным элементом явились оседлые киргизы, а никоим образом не киргизы-кочевники, с их неискоренимой и беспокойной склонностью к вечному «бродяжничеству». Ошибочность взглядов Т. Седельникова по вопросу оседания казахов вскрывается и дальше. «Именно желанием закрепить и усилить переход киргизов к более или менее оседлому образу жизни и было проникнуто положение 1868 г., разделившее степь и ее население не на родовые единицы, а на территориальные волости, общественная и хозяйственная жизнь которых должна была происходить под неослабным и ближайшим надзором русских чиновников и русских бюрократических учреждений. И на самом деле в истории киргизской оседлости это положение было одним из решающих поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим, и это не могло не быть понятно тогда еще сильными и сравнительно независимыми киргизами».

Верно, конечно, что реформой 1868 г. завершилось превращение Казахстана в колониальную окраину царской империи. Однако утверждение о том, что царская реформа якобы предусматривала оседание шаруа и, следовательно, не может служить, как ошибочно полагает автор, «одним из решающих поворотных моментов» в истории оседания казахского аула. Неправ автор так-

² Имеется в виду, что в прошлом оренбургские генерал-губернаторы запрещали казахам «заниматься земледелием и вообще бросать свой традиционный кочевой образ жизни».

же и в том, что причины оседания он пытается вывести из территориального принципа деления административных волостей. На самом деле, сущность реформы 1867—1868 гг. заключалась в том, что царское правительство объявляло всю казахскую землю государственной собственностью, чтобы свободнее разбазаривать ее.

Вызывает возражение и дальнейшее рассуждение Т. Седельникова. Он пишет: «Оседлые киргизы, получая по этому закону (по положению 1868 г.— Б. С.) земельные наделы в более или менее определенных границах для пашни, сенокоса и зимнего пастбища, тем самым оказывались вполне законными хозяевами значительной и лучшей части прежних общих летовок, при полной свободе для них захватывать и в дальнейшем то, что им нравилось на этих летовках».

Следует отметить, что брошюра Т. Седельникова в целом была направлена против колонизаторской политики царизма в Казахстане. На его глазах царизм изымал насиженные земли оседлых казахов, сносил их дома и хозяйственные строения, сгонял их в пустынные и полупустынные районы. Политика царизма отнюдь не способствовала, а по-существу мешала оседанию казахского аула.

Говоря о серьезных ошибках Т. Седельникова, в то же время нельзя отрицать ценности его работы с точки зрения изучения истории аграрных отношений в крае в начале XX в.

Напротив, специально изучавший положение оседлых аулов Семиречья О. Шкапский³ обошел этот вопрос молчанием.

В советской историографии до сих пор, к сожалению, нет ни одной книги, или даже статьи, специально посвященной изучению проблемы оседания дореволюционного аула. Процесс оседания вскользь затронут в трудах Е. Бекмаханова⁴, А. Турсунбаева⁵, а также в последнем издании «Истории Казахской ССР». В этих исследованиях дается правильная оценка общему курсу политики

³ О. Шкапский. Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). «Известия РГО», 1905, т. 41, № 4.

⁴ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 186—193.

⁵ А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 83—90.

царизма в колониальном Казахстане, но вместе с тем не вскрыта сущность политики царизма по поводу оседания шаруа. В них приводятся лишь некоторые данные о процессе оседания казахов, о тяжелом положении трудящихся жатаков. Царское правительство свою политику по отношению к казахскому колониальному аулу строило, взвешивая все выгоды от перехода казахов к оседлости не только с экономической, но и с политической точки зрения. Судя по документам, политика колониального господства получила отражение в ряде законодательных актов и распоряжений царского правительства, как-то: в указах коллегии иностранных дел от 11 февраля 1759 г. о том, чтобы на степной стороне р. Яик «устроить дворы для зимования киргизского скота и для первой зимы заготовить на казенный счет до 20 стогов сена для корма скота»⁶, от 21 марта 1762 г. разрешено было построить в степи «покой» для султана Аблая и знатнейших старшин, а для скота их — дворы; в указах царского правительства от 23 мая 1808 г.⁷ о наделении землей казахов, желающих перейти к оседлости; от 29 мая 1834 г. — об освобождении от рекрутской повинности оседлых казахов; от 21 января 1835 г.⁸ о дозволении казахам, «записавшимся в купечество», жить в городах и селениях; от 28 ноября 1842 г.⁹ разрешено казахам возводить постоянные жилища на земле, изъятой у шаруа в пользу оренбургского казачьего войска; от 14 августа 1848 г. — «О правилах, на основании коих разрешается принимать в казачье сословие Оренбургского и Уральско-го казачьих войск башкирцев, киргиз и других азиатцев»; от 23 декабря 1852 г. — «О дозволении строить постоянные дворы в киргизской степи»: от 24 марта 1859 г. — «О переселении кочующих на землях Уральского казачьего войска киргизов во Внутреннюю и Зауральскую орды», где разрешалось желающим остаться и зачислиться в казачье сословие; от 25 июля 1861 г.¹⁰ — «О развитии между оренбургскими киргизами оседлости и земле-

⁶ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 37—40.

⁷ ПСЗ, т. XXX, № 23039.

⁸ 2-е ПСЗ, т. IX, № 7141; т. X, № 7782.

⁹ И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 185—186.

¹⁰ 2-е ПСЗ, т. XXIII, № 22497; т. XXVII, № 26891; т. XXXIV, № 34271; т. XXXVI, № 37286.

пашества», где поручалось оренбургскому генерал-губернатору разработать и представить на рассмотрение «проект правил» о переходе казахов к оседлости и т. д.

Из этих «мероприятий» царского правительства видно, что оно в течение своего почти полуторавекового господства в Казахстане даже не пыталось принимать кардинальные меры, направленные на массовый переход коренного населения к оседлости.

К концу XIX в. в Комитете Сибирской ж. д. возник вопрос об оседании казахов. Образованная при нем подготовительная комиссия, обсуждая вопросы колонизации Сибири, Средней Азии и Казахстана (журнал заседаний 1—19 ноября 1896 г.), затрагивала вопросы оседания казахского аула и изъятия у них «излишков» земли. Комиссия констатировала, что переход кочевogo населения к оседлости «принесет немалую пользу делу колонизации Степного края, освободив много земель для переселенцев». Члены Комитета Сибирской ж. д. «находили, что вопрос этот должен подлежать серьезному и всестороннему рассмотрению».

Присутствуя на заседании комитета, 7 декабря 1896 г. Николай II распорядился «предоставить министру внутренних дел, по предварительном с кем следует сношении, озаботиться разработкою в возможно непродолжительном времени предположений о мерах, способствующих переходу кочевников-киргизов в оседлое состояние».

Министерство внутренних дел, со своей стороны, требовало от степного генерал-губернатора, а также от губернаторов областей представить соображения по вопросу оседания казахов. На основании сведений военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей степной генерал-губернатор Таубе сообщил министру внутренних дел, что в крае наблюдается даже «обратный переход из оседлого в кочевое состояние», так как, согласно временному положению 1868 г., при переходе к оседлости казахи «теряют право пользования простором, меньшим податным обложением и личным и потомственным освобождением от воинской повинности». Далее он возражал против предоставления казахским шаруа, желающим перейти к оседлости, особых льгот, превышающих те, которыми пользуются крестьяне-переселенцы, и настаивал на том, что «киргизское оседлое население

должно устраиваться... по тем же правилам, какие установлены для крестьянских поселений как относительно нормы надела, так и относительно управления и выдачи ссуд и пособий». Таубе подчеркивал, что «наиболее подготовленным к переходу в оседлое состояние следует признать киргизов, принявших православие», и поэтому считал необходимым сохранить право освобождения от воинской повинности и «за переходящими в православие или оседлое состояние киргизами, с их сыновьями и внуками»¹¹.

Степной генерал-губернатор подходил к вопросу оседания казахов с точки зрения руссификаторской политики самодержавия, руководствовался советами и пожеланиями миссионеров, проповедовавших «высоту христианского учения и привлекавших к себе заблудившихся во тьме невежества — киргиз»¹².

В канцелярии генерал-губернатора разрабатывались также временные правила, по которым разрешалось переходить к оседлости тем, кто желает жить на своей насиженной земле, но на основании «правил, действующих при отводе участков для русских переселенческих поселков».

По мнению военного губернатора Тургайской области, «одним из действительных средств к тому, чтобы заставить кочевников сделаться оседлыми, будет, несомненно, развитие русской колонизации в степи с отобранием у киргизов находящейся в их пользовании земли, удобной для сельского хозяйства. Когда киргизы увидят, что им, как кочевникам, оставляется хотя и достаточное для скотоводческого хозяйства количество земли, на малопригодной для земледелия, они, с уверенностью можно сказать, будут просить о причислении их к оседлым поселениям, чтобы удержать за собою землю, необходимую при будущем изменении их образа жизни». При этом он предостерегал «держаться прежней осторожности по отношению к землям, занимаемым киргизами Тургайской области», ибо «они (казахи.—Б. С.) сильно дорожат землею, хотя и знают, что она объявлена государственной собственностью»¹³.

¹¹ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 34, 35, 40, 46.

¹² «Оренбургские епархиальные ведомости», 1913, № 47; 48.

¹³ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1471, лл. 1—16.

На одном из заседаний Комитета Сибирской железной дороги был заслушан отчет военного губернатора Семипалатинской области Карпова¹⁴, который подробно остановился на вопросе оседания казахского аула. Он подчеркнул, что «стремление к такому переходу (к оседлости — Б. С.), по крайней мере среди киргизов Семипалатинской области, замечается и ныне... администрации приходится руководствоваться действующими положениями о переселениях, хотя положения эти далеко не исчерпывают всех деталей данного вопроса».

Далее Карпов указал на важность дальнейшего развития кочевого скотоводства. «Большинство киргизов — исконные кочевники-скотоводы и принудить их перейти к земледелию невозможно никакими искусственными мерами, пока к этому их не побудит непреодолимая сила экономических условий».

В ходе обсуждения проекта «Временных правил об устройстве быта кочевников, переходящих к оседлости» возник целый ряд сложных с точки зрения самодержавия вопросов, например, о перспективах кочевого скотоводства, об использовании «огромных пространств по физическим условиям совершенно непригодных для земледельческого хозяйства и оседлой жизни», о способах изъятия из пользования коренного населения плодородных земель и т. п. Карпов «совершенно непригодной для земледельческого хозяйства и оседлой жизни» считал «Голодную степь в Акмолинской области, песчаные пустыни Кара-Кум и др., а также солончаковые безводные степи всей южной части территории областей». Как опытный колониальный чиновник он считал, что «благодаря выработанной веками приспособленности к местным условиям, киргизы эксплуатируют в известное время года для довольствия своих стад и ту скудную растительность, которая иногда появляется на песках и солончаках». Следовательно, «использование вышеуказанных громадных пространств, составляющих значительную часть территории степных областей, возможно лишь при кочевом образе жизни, — заявил он, — какой ведут киргизы и при том с сохранением установившегося по обычаю права пользования летовками в способной для земледельческой культуры части степных областей»¹⁵.

¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 40—46.

¹⁵ Там же.

В обсуждение вопроса об оседании аула было втянуто большое количество чиновников правительственных и колониальных учреждений. Все их рассуждения в основном сводились к тому, что только при условии сохранения кочевого образа жизни «огромные пространства, занятые сыпучими песками и солончаками, могут приносить пользу обитателям степей и *в интересах государства гораздо выгоднее* поступиться для скотоводства сравнительно небольшою площадью так называемых летовок, в виде дополнительных угодий, и тем самым сохранить для нужд скотоводства непригодные для других отраслей сельского хозяйства земли, *чем обращая кочевников к оседлости, для чего пришлось бы поселить их на удобных землях, оставить мертвую полосу в киргизской степи, заключающую в себе, как выше сказано, огромные пространства. Несомненно поэтому, что очень большое количество киргизов останется кочевниками и как таковые они будут полезны для государства в качестве скотоводов и исправных плательщиков государственных податей за право пользования, главным образом, неудобными для сельского хозяйства землями*» (курсив наш.— Б. С.).

Вместе с тем, чиновники признавали, что «в смысле развития сельского хозяйства в степных областях и в целях поднятия производительности земли ныне, почти исключительно для скотоводства, имеет немаловажное значение содействие развитию оседлости между кочевниками, обитающими в культурной части киргизской степи. Значение этой меры еще более устанавливается тем обстоятельством, что под влиянием изменяющихся экономических условий кочевая среда начинает постепенно выбрасывать из своего строя слабый элемент, отставший от кочевания и не пристроившийся к оседлости». Они предвидели, что «люди эти, так называемые *джатаки*, при отсутствии поддержки, обречены на существование пролетариев и со временем могут сделаться опасными для общественного спокойствия и порядка» (курсив наш.— Б. С.).

Таким образом, создавшееся положение в казахской степи тем более вызвало беспокойство и тревогу со стороны царского правительства, оно ощущало не только остроту классовой борьбы во всей стране, но и предчувствовало надвигавшуюся угрозу со стороны пролетариа-

та и трудового крестьянства, т. е. предвидело близость буржуазно-демократического переворота.

Перед царским правительством встала сложная задача — либо поощрять оседание казахского колониального аула, разработав и издав «Правила об устройстве быта кочевников, переходящих к оседлости», в которых следовало предусмотреть особые привилегии для коренного населения, либо придерживаться своей прежней политики, направленной на сохранение патриархально-феодального быта и кочевого скотоводства.

В итоге обсуждения царское правительство решило придерживаться старого курса своей колониальной политики, т. е. стремилось сохранить кочевой образ жизни казахов, кочевое скотоводство, патриархально-феодальный быт. Вместе с тем оно учитывало положение обездоленных шаруа, «со временем могущих сделаться опасными для общественного спокойствия и порядка». Отказавшись от предоставления особых льгот оседающим шаруа ввиду «неосуществимости практически по отсутствию средств на домообзаводство и заведение хозяйственного инвентаря», царское правительство намеревалось ограничиться лишь предписанием колониальным органам на местах «позаботиться в землеустройстве» жатаков по норме, установленной для переселенческого крестьянства.

Однако решение вопроса в этом направлении затягивалось. Это видно из доклада главного управления землеустройства и земледелия от 13 мая 1908 г., представленного в кабинет министров. В докладе говорилось: «в интересах переселенческого дела необходимо приступить к ограничению участков, не выжидая утверждения законодательною властью упомянутой выше общей меры (по землеустройству казахов.— Б. С.), то здесь взамен сплошного землеустройства киргизского населения следует приступить лишь к первому опыту этого дела, ограничиваясь отводов земельных наделов только тем киргизам, которые сами того пожелают»¹⁶. По заключению главного управления, которое ссылалось на «Положение об инородцах» 1892 г.¹⁷, «переход в оседлое состояние сопровождается для киргизов уравниванием с крестьянским сословием в правах, а также в порядке

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1908, д. 156, л. 4.

¹⁷ Свод законов Российской империи, т. II, разд. 4, изд. 1892 г.

управления, и каждому кочевнику, пожелавшему обрабатывать землю, предоставляется отводить, на одинаковых с крестьянами основаниях, по 15 дес. на душу. Такое поземельное устройство киргиз, как сопутствующее землеотводным работам, естественно возложит на переселенческих чинов, производящих изъятие из землепользования соответствующей общины. Тогда у киргиз не будет уже повода жаловаться на игнорирование их интересов, на невозможность получить хотя бы клочок земли, не подлежащий отобранию»¹⁸.

На такой же точке зрения стояли члены особого совещания, происходившего в министерстве внутренних дел в 1907 г. и посвященного вопросу о поземельном устройстве казахов.

Главное управление землеустройства и земледелия заверило царское правительство, что эта мера, «соответствующая общим пользам и нуждам государства», в сущности не противоречит интересам крупных скотовладельцев, так как «по ныне действующему порядку земли по скотоводческим нормам оставляются во временном пользовании не отдельных хозяев, а целых обществ или аулов, вследствие чего земельными излишками крупные хозяйства пользуются за счет целых аульных общин. При отводе из киргизской общинной земли по 15 дес. на душу каждому хозяйству, при современных условиях фактически не пользующемуся таким количеством, порядок этот должен измениться и площадь занимаемых крупными скотоводами земель сохранится».

Вместе с тем главное управление признавало, что «в обеспечение интересов означенной, хотя немногочисленной части населения и в предупреждение расстройства крупных скотоводческих хозяйств необходимо принять особые меры». Такой особой мерой оно считало сохранение за крупными феодалами отчужденных переселенческими партиями «излишков» земли, а также предоставления их в аренду «нуждающимся» феодалам и баям. Члены главного управления рассуждали так: «Для обеспечения беспрепятственного и безубыточного перехода зажиточных хозяйств от современного безграничного земельного простора к границам, в которые их поставит предстоящее поземельное устройство, известные площа-

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1908, д. 156, лл. 4, 5.

ди излишков... будут оставлены во временном пользовании нуждающихся в нем отдельных киргизских общин или хозяйств, а из части пространств, подлежащих изъятию по новым нормам от киргиз под переселение, будут заготавливаться особые оброчные статьи для сдачи их в аренду...»

Таким образом, царское правительство придерживалось определенной политики, угодной господствующим слоям казахского общества. Оно прибегало также к своей излюбленной политике лавирования и обмана.

2. Казахские просветители об оседании шаруа

Выдающиеся казахские просветители прошлого столетия Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, Абай Кунанбаев придавали исключительно важное значение оседанию шаруа.

Ч. Валиханов с одобрением относился к оседанию, считал его ступенью к цивилизации. По его мнению, кочевые народы могут сохранить свое политическое существование путем оседания. Ибо «одного только страшного набега достаточно,— писал он,— чтобы обессилить навсегда кочевой народ, лишить его скота, т. е. силы, обезоружить»¹⁹.

Абай Кунанбаев связывал значение оседания шаруа с экономическими сдвигами аула, с развитием земледелия²⁰.

Особого внимания заслуживают взгляды И. Алтынсарина, который, по свидетельству современников, «живя среди народа своего в глубокой степи, в Тургае, и пользуясь поездками по службе», постоянно интересовался судьбами казахского народа. Он опубликовал несколько статей, в которых поднимал вопросы оседания шаруа. Описывая жизнь скотоводов-кочевников Тургайской степи в тяжелый 1880 г., он говорил о необходимости и неизбежности перехода шаруа к оседлости²¹.

По его мнению, побуждение шаруа к оседанию должно производиться путем всемерного поощрения и содей-

¹⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 346, 347, 361.

²⁰ Абай Кунанбаев. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

²¹ «Оренбургский листок», 1879, № 49; 1880, № 17.

ствия со стороны государства, а не через насильственное изъятие у них «излишков земли». Он решительно выступил также против тех, кто хотел «обресть киргизов на вечную кочевую жизнь, так как каждый народ, развиваясь прогрессивно, непременно должен в конце концов перейти от кочевого быта к оседлости, с которою тесно соединено просвещение». Выступая против политики самодержавия по вопросу оседания, Алтынсарин писал:

«В самом деле: не разумнее ли прежде, нежели решаться перевернуть искусственным образом народную жизнь степняков, изучить сначала этот народ и эту жизнь, узнать — есть ли в народе этом зачатки агрикультурного развития, насколько принял он воздействие непосредственных сношений своих с оседлым господствующим народом, в каких условиях окружающей природы этот народ находится и т. д. и т. д., дабы не сделать опасной ошибки, так как принудительная ломка быта целой нации способна бывает превратить нацию, иногда самую способную, в апатичную, как это, говорят, и случилось с башкирским народом, и так как в законах природы нет примера, чтобы возможно было враз превращать малолетнего ребенка во взрослого мужа».

«По нашему убеждению,— писал далее И. Алтынсарин,— киргизы дойдут до оседлости сами и сами же сольются, рано или поздно, с русскими. Остается беречь для них землю, на которой рядом с скотоводством появится и земледелие, хотя и скотоводство само по себе должно поощряться не меньше земледелия в интересах общегосударственной экономики. Если Россия справедливо гордится тем, что юго-восточные губернии ее служат житницей даже Европы, то киргизская степь не меньшую службу сослужит, если будет скотным двором хотя бы для одной России. Никакие премии, никакие сельскохозяйственные академии,— продолжал просветитель,— не сделают такого пастуха, каков есть киргиз. Этот пастух составляет предмет тайной зависти для европейской дипломатии, сознающей силу России именно в том, что в ней есть и воин хороший, и земледелец искусный, и пастух природный».

В этих словах выдающегося просветителя высказана идея дружбы, братства и сотрудничества между казахским и русским народами.

Далее он обращается с призывом к великому русско-

му народу: «Поддержите же киргиза на пути его естественного стремления (оседлости.—Б. С.); оберегайте его благовременными заботами от случайных хозяйственных потрясений, какие испытывает он теперь; развивайте среди киргиз русское образование, действуйте на юный даровитый и поэтически впечатлительный народ мерами нравственного сближения, и киргизский народ скоро сольется с государством русским, сам увидит счастье в этом сближении и будет не только скотоводом, но и земледельцем и даже воином под дорогим для него знаменем России, которым он уже и теперь гордится».

Таким образом, выдающийся казахский просветитель, глашатай передовой русской культуры в казахской степи И. Алтынсарин далеко вперед предвидел будущее своего родного народа. По его мнению, оседание шаруа произойдет под влиянием экономики и культуры России, русского народа.

В этой связи нельзя пройти мимо вопроса о том, что представляли собой в условиях дореволюционного Казахстана полуоседлость и оседлость. Этот вопрос до настоящего времени остается неизученным. Во всей дореволюционной литературе казахские шаруа, исключая малочисленную группу жатаков, были отнесены к категории «бродячих инородцев», т. е. «чистых» кочевников-скотоводов.

Больше того, некоторые советские историки²² до сих пор отстаивали ошибочную точку зрения многих дореволюционных авторов о застойности экономики аула даже на рубеже XX в.

Против таких неверных положений многих дореволюционных авторов в свое время решительно выступали выдающиеся казахские просветители. Осуждая реакционную сущность колонизаторской политики самодержавия, И. Алтынсарин считал, что прогрессивность присоединения Казахстана к России видна именно в сдвигах в экономике, быту и культуре казахского аула. «Киргизы,— писал он,— уже на пути к оседлости... Пятнадцать лет тому назад в степных уездах киргизской области не существовало ни одной землянки. Прямо на наших глазах, киргизы сначала стали устраивать себе на зиму

²² Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

теплые кибитки, т. е. в кибитку ставили чугунные или железные печки, а потом принялись строить землянки и дерновые избы, а теперь строят даже порядочные дома в несколько комнат. В настоящее время редкий киргиз не имеет землянки или избы, а местами образуются на зимовках целые маленькие деревни. С устройством же постоянных мест жительства, вследствие построек недвижимых зданий, стали пристраиваться к последним довольно прочные карды для скота, степняки начали косить сено и делать запасы, иногда даже в значительном количестве»²³.

Перемены в хозяйственном быту аула в то время были весьма существенны. Казахские шаруа зимой жили на постоянном месте. Следовательно, Алтынсарин был прав, заметив стремление шаруа к переходу от кочевого образа жизни к полuosедлому. В этом-то и заключается одна из прогрессивных сторон присоединения Казахстана к России.

Отрицать это — значит искажать историческую действительность. Историки-марксисты призваны исключить последствия ошибочных взглядов дореволюционных авторов — носителей идеологии крепостников-помещиков, империалистической буржуазии и баев-феодалов.

О массовом переходе казахских шаруа из кочевого на полuosедлый и частично оседлый образ жизни говорится, например, в докладе военного губернатора Тургайской области от 23 апреля 1897 г., адресованном министру внутренних дел. Губернатор писал: «Наибольшие успехи в Тургайской области замечаются в отношении перехода киргизов от чисто кочевого образа жизни к кочевому-полuosедлому. Киргизов, не имеющих постоянных жилищ и постоянно перемещающих места кочевки, в настоящее время из общего числа 70 134 кибиток имеется только 7297 кибиток, или 13%»²⁴.

Процесс оседания казахского аула проходил медленно, феодально-байская верхушка препятствовала этому прогрессивному явлению, стремилась повернуть аул к средневековому прошлому. Против перехода к оседлости она агитировала казахских шаруа на страницах своей

²³ «Оренбургский листок», 1880, № 17.

²⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 84, ед. хр. 6, лл. 8—17.

газеты «Казах», доказывала преимущество кочевого образа жизни по сравнению с оседлым, кочевого скотоводства по сравнению с земледельческим производством.

Реакционная сущность взглядов казахской феодально-байской интеллигенции в лице Букейханова, Байтурсунова, Дулатова была замечена даже на страницах газеты татарской буржуазии «Вахт». В статье буржуазного публициста Максудова утверждается, что в переживаемую эпоху «даже и в Африке и в Австралии тоже кочевые народы оседают, организуют города, селения и т. д. То же самое должны делать башкиры и казахи. Очень странна, дика и реакционна позиция некоторой части казахской интеллигенции (см. Букейханова, Дулатова и др.), агитирующей против оседания казахов. Эту позицию никак нельзя понять. Либеральная интеллигенция защищает отсталое, отмирающее старое бытие»²⁵.

Таким образом, реакционная сущность взглядов казахской феодально-байской интеллигенции вскрывается их же единомышленниками.

Против феодально-байской интеллигенции выступила малочисленная казахская демократическая интеллигенция, выражавшая идеологию шаруа. Она защищала кровные интересы народа через свой легальный печатный орган — журнал «Айкап», издававшийся на средства, собранные с населения. На страницах журнала, в противовес феодально-байскому органу — газете «Казах», демократическая интеллигенция агитировала казахских шаруа переходить от кочевого образа жизни к оседлости. В передовой статье, написанной издателем и редактором этого журнала Мухамеджаном Сералиным, определялись задачи по вопросам оседания, говорилось о преимуществе оседлого образа жизни по сравнению с отсталым кочевым²⁶.

В одной из своих статей М. Сералин писал, что «50—60 домохозяев», осев на одном месте и образовав кишлаки, «совместными усилиями строили бы большие арыки, сеяли бы хлеб, клевер, садили бы дыни и стали бы собственниками земли. Не оселимое четырьмя — пятью домохозяевами, всегда оселимо совместными силами многих».

²⁵ «Вахт», 1916, № 4.

²⁶ «Айкап», 1912, № 1.

Далее он советовал шаруа строить города, селения, открывать школы (мектебы), обучать детей, пользоваться техническим прогрессом. «Только тогда будешь человеком. Иначе бесследно будешь стерт с лица земли»²⁷.

В некоторых статьях М. Сералин настаивал на созыве Всеказахстанского съезда шаруа, который был бы специально посвящен обсуждению вопросов оседания колониального аула. Феодално-байская интеллигенция, угодливо служившая самодержавию и империалистической буржуазии, также выступала в печати против созыва такого съезда, боясь перевеса на нем сторонников оседания. Съезд не состоялся в силу ряда причин, в частности из-за обострения внутривластного кризиса во всей стране и в ее международных отношениях. Однако сама постановка вопроса, т. е. идея сплошного перехода шаруа к оседлости, все шире и шире развивавшаяся с каждым годом, была большой победой казахской демократической интеллигенции.

3. Начало оседания аула

Процесс оседания казахского аула происходил в своеобразных исторических условиях. Самым решающим фактором этого процесса явилось прогрессивное влияние передовой экономики России. Об этом писали почти все современники, следившие за ходом экономического и культурного преобразования казахской степи. Один из чиновников Степного края в 1899 г. в «Записке по вопросу о содействии кочевникам-киргизам к переходу в оседлое состояние» писал, что такой переход «совершается естественным путем, под влиянием экономических причин, но, вместе с тем, нельзя отрицать и того, что естественный процесс оседания кочевников можно ускорить путем мероприятий, способствующих без потрясения хозяйственного быта населения переходу его к высшей культуре»²⁸. Военный губернатор Уральской области придерживался такой же точки зрения. Он подтвердил, что в его области «совершается естественный переход кочевников к оседлому состоянию» именно «под влиянием экономических условий».

Специально наблюдавший за оседанием шаруа Т. Тихонов писал: «Прирост населения, изменения форм зем-

²⁷ «Айкап», 1913, № 15.

²⁸ См.: ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 34—46.

леделия и землепользования, развитие разных форм хозяйства, расширение потребностей перемены в бытовой обстановке и особенно в формах поселений, в жилищах и в пищевых средствах — все это только различные признаки и, притом, признаки в свою очередь меняющиеся, на основании которых можно судить об общих условиях, как способствующих развитию разных форм оседлости, так и задерживающих это развитие».

Касаясь далее особенностей развития хозяйства шаруа, автор отмечает, что «внимательное изучение существующих форм киргизского хозяйства, из коих каждая соответствует определенной стадии его развития, позволяет восстановить картину его эволюции и проследить основные причины, управляющие ею... В чем же заключается процесс развития киргизского хозяйства?... В постепенном падении примитивных, чисто кочевых форм и приближении к формам оседлой жизни. Первым шагом в этом направлении было устройство постоянных зимних жилищ (кстау), вторым — развитие сенокосения, третьим — и быть может самым важным — занятие земледелием. В тесной связи с этим находятся сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинение срока пользования призимовочными пастбищами, более интенсивное зимнее содержание скота».

Следовательно, шаруа стали переходить от кочевого в оседлый образ жизни под влиянием эволюции в экономике и быту колониального аула. Таких шаруа в литературе называли «жатаками», что означало в буквальном переводе «лежащими», т. е. не кочующими.

Следует отметить, что в исторической литературе бытует ошибочная точка зрения о классовой однородности жатаков, как обездоленной бедноты. Сохранились многочисленные архивные документы, которые отрицают такую точку зрения. Например, вопрос о классовой природе жатаков²⁹ обсуждался на особых совещаниях, созданных при Семипалатинском областном правлении в 1891 и 1902 гг. Характерно, что на эти совещания приглашались лица, хорошо знающие быт казахского народа. «Джатак, — говорилось в протоколах совещаний, — это пеший, безлошадный, или лежащий степняк. Киргиз, лишившийся скота и не имеющий ни возможности, ни надобности кочевать, называется «джатаком». Отсюда все

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 2, л. 109.

киргизы, как бедные, так равно богатые, удалившиеся вследствие экономических условий их жизни из степи (курсив мой.—Б. С.), проживающие оседло в городах или в селениях, именуются джатаками».

Далее уточняется положение по поводу классовой неоднородности жатаков: среди них имеются люди, живущие «припеваючи», т. е. в достатке, занимающиеся торговлей, товарным земледелием и скотоводством, а подавляющее большинство жатаков — батраки, бедняки, середняки.

Такое определение классовой неоднородности жатаков подтверждалось материалами экспедиции «по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования» в Семиреченской области под руководством П. П. Румянцева. «Оседлое земледельческое хозяйство с крупной запашкой и соответственно этому достаточно обеспеченное скотом,— сказано в материалах экспедиций,— конечно, резко отличается от джатака старого типа, которые не кочуют потому, что ему незачем да и не на чем кочевать. Джатаки первого рода — это крепкие, прогрессивные хозяйства крестьянского типа; джатаки же второго рода представляют из себя экономически слабый элемент, это самая подлинная киргизская беднота, «кара-букара», которая, не имея самостоятельных средств существования, живет поденной работой и милостью богатых родичей»³⁰.

Имеются и другие многочисленные архивные и литературные источники. Но эти два обобщающих документа убеждают нас в том, что слово «жатак» утратило свое бывшее значение, как термин, которым называлась обездоленная беднота.

В конце XIX — начале XX вв. оседали не только бедняки, но и зажиточные шаруа, стремившиеся приспособить свое хозяйство к потребностям рынка, развивать его по капиталистическому пути. Среди жатаков интенсивно происходило классовое расслоение на баев (кулаков), середняков, бедняков и батраков.

Между тем многие дореволюционные авторы полагали, что «киргиз-джатак, оправившийся в материальном

³⁰ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева». Верненский уезд. Т. IV. СПб., 1913, стр. 205.

положении, всегда будет стремиться в степь к ее привольной и спокойной жизни, освобождающей от всяких помыслов о необходимости заработка».

В изучаемую нами эпоху такая тенденция среди жатаков стала редким явлением. По мнению советника Семипалатинского областного правления Морозова, изложенному на совещании 1902 г., уменьшение числа «джатаков, помышляющих о преимуществе кочевой-степной жизни» происходит в результате значительного сокращения расстояния летних кочевок, а также роста сознания шаруа «об удобстве и выгоде оседлой жизни».

По мере того, как экономика колониального аула втягивалась в водоворот российского капитализма, его облик стал заметно меняться, шаруа стремились развивать свои хозяйства по капиталистическому пути, извлекая из него выгоду. Повсюду разгоралась борьба за пахотные и пастбищные участки, «приносящие доход», на которых они оседали³¹.

Процесс оседания шаруа проходил одновременно во всех уголках Казахстана. «Оседание кочевников происходит с каждым годом все интенсивнее не только у нас в Туркестане,— писал в газете «Окраина» некто И. А.,— но и в соседней Тургайской области, где тоже так называемое кочевое население стало почти уже полукочевым»³².

Однако процесс оседания шел сравнительно медленно, так как жатаки составляли незначительный процент населения края. Так, в Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском уездах Акмолинской области зарегистрировалось всего 2222 семей жатаков и 2880 семей, ушедших на заработки.

Одни жатаки занимались промыслом, другие — земледелием. Для сравнения возьмем два типичных для всей казахской степи уезда Акмолинской области: Атбасарский, в котором преобладало кочевое скотоводство, и Кокчетавский, где наряду со скотоводством развивалось и земледелие³³.

К общему количеству хозяйств в Атбасарском уезде оседлых было 6,4% и ушедших на заработки 4%, в

³¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 2, лл. 109, 110, 111.

³² И. А. Оседание кочевников и наше законодательство. «Окраина», 1896, № 62.

³³ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 316—325.

Кокчетавском уезде, соответственно, 4,6 и 2,6%. Характерно также, что в Атбасарском уезде, где площадь земли была в два раза большей, хотя и менее плодородной, чем в Кокчетавском уезде, здесь земледелием было занято жатаков влвое больше, чем промыслом. В южной части Атбасарского уезда, где население занималось кочевым скотоводством, жатаков было 7,9%, а в северной, где начало развиваться земледелие, жатаков было лишь 5,3%.

Иначе говоря, чем больше хозяйств занималось промыслом, тем меньшее количество их было занято земледелием. В Атбасарском уезде земледелием занималось 30,7% хозяйств жатаков, тогда как в Кокчетавском уезде — 22,2% хозяйств. Промыслом же занималось 38% хозяйств в Кокчетавском уезде и 15,2% в Атбасарском.

Такое несоответствие объясняется тем, что Кокчетавский уезд подвергся влиянию российской экономики раньше, чем Атбасарский, так как первый расположен ближе к крупным городам и промышленным предприятиям Сибири. Это обстоятельство в значительной степени повлияло на развитие здесь промысла среди жатаков.

Следовательно, в Кокчетавском уезде наиболее характерным занятием жатаков был промысел, а в Атбасарском — земледелие. Но это не значит, что земледелие развивалось в Атбасарском уезде интенсивнее, чем в Кокчетавском. Наоборот, в Атбасарском уезде, особенно в его южной части, оно развивалось медленно: на каждое хозяйство, занимавшееся земледелием, в среднем приходилось по 1,2 десятины посева, в то время как в Кокчетавском — по 2 десятины. Наиболее полное представление о состоянии жатаков характеризуют данные таблицы 1.

Из таблицы видно, что жатаки приспособляли свои хозяйства к местным природным условиям. В Кокчетавском уезде, например, жатаки были менее обеспечены скотом, поэтому больше занимались промыслом. Жатаки южной части Атбасарского уезда, наоборот, наиболее обеспечены скотом, они занимались земледелием и промыслом. Жатаки северной части этого уезда, хотя по количеству скота стоят ближе к жатакам Кокчетавского уезда, но занимались в основном земледелием и меньше — промыслами.

Таблица 1

Состояние жатаков Кокчетавского и Атбасарского уездов

Уезды	Количество хозяйств жатаков	% их к общему числу хозяйств	% жатаков занимающихся		Площадь посева на хозяйство, дес.	Количество скота (в переводе на лошадь) на хозяйство, голов
			промыслами	земледелием		
Кокчетавский	581	4,5	75,7	16	2,0	6,3
Атбасарский						
а) северная часть	385	5,3	46,2	70,5	1,0	7,6
б) южная часть	443	7,9	22,2	12,8	0,5	12,4

Примерно тем же занимались жатаки и других областей края. Так, по данным 1902 г. в Семипалатинской области оседлые казахи по роду занятий делились следующим образом (табл. 2)³⁴.

Таблица 2

Количество семей жатаков в Семипалатинской области по роду занятий

Уезды	Торговцы	Перекупщики	Ремесленники	Извозчики	Батраки и пастухи	Поденщики	Земледельцы	Без опред. занятий	Всего	
									семей	душ обоого пола
Семипалатинский	84	88	33	66	120	206	—	36	633	3340
Усть-Каменогорский	8	4	6	11	12	1	2	6	56	294
Павлодарский	30	10	9	—	30	16	—	2	97	507
Каркаралинский	28	30	30	14	16	8	1	11	138	727
Зайсанский	29	20	14	10	46	26	264	4	175	918
Кокпектинский	2	9	2	6	23	—	10	—	52	273
Семипалатинская заречная слобода	104	112	46	34	65	94	45	—	500	2625
Итого:	181	273	140	141	312	351	84	59	1651	5584

³⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 84, 1900, д. 2, л. 116.

В эту таблицу не вошли данные о жатаках, живших в русских переселенческих деревнях, казачьих станицах, а также жатаки, кочевавшие летом вокруг своих кстау. Цифры показывают, что жатачество было более развито в Семипалатинском уезде, менее — в Кокпектинском и Усть-Каменогорском. Большинство жатаков жило за счет продажи своего труда баям, а меньшинство занималось земледелием. Характерно также и то, что жатаки занимались торговлей.

В целом, по данным экспедиционных материалов, жатаки составляли абсолютное меньшинство населения края. Например, в трех уездах степных областей — Атбасарском, Кокчетавском и Павлодарском 4,7% хозяйств составляли жатаки, тогда как егинши было 25,4% к общему числу хозяйств.

Шаруа, переходя на оседлость, обычно образовывали свои селения. Но некоторые казахские шаруа, отколовшись от своих родичей, жили в русских селениях и казачьих станицах. В том же 1902 г. в переселенческих деревнях и станицах Семипалатинской области жило следующее количество жатаков (табл. 3)³⁵.

Таблица 3

Количество семей жатаков, живших в русских селениях
Семипалатинской области по роду занятий

Уезды	Торговцы	Перекуп- щики	Ремеслен- ники	Извозчики	Батраки и пастухи	Поденщики	Земледель- цы	Без опред. занятий	Всего	
									семей	душ обоего пола
Семипалатинский	1	—	10	48	150	—	6	8	223	1170
Усть-Каменогор- ский	—	4	4	7	70	1	2	25	113	593
Павлодарский	—	—	34	26	200	—	—	20	280	1470
Каркаралинский	—	—	—	—	30	—	—	—	30	157
Зайсанский	—	4	—	—	46	—	—	—	50	262
Итого:	1	8	48	81	496	1	8	53	696	3652

³⁵ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 84, 1900, д. 2, лл. 116, 117 (таблицы 2, 3, 4, 5).

Из таблицы 3 видно, что абсолютное большинство жатаков также жили продажей своего труда кулакам и офицерской верхушке, а земледелием и торговлей занималось меньшинство. Следует отметить, что большинство ремесленников были сапожники, черники, зергеры (ювелиры), кузнецы и плотники.

Кроме жатаков неkochующих были и такие, которые в течение двух-трех летних месяцев кочевали вокруг своих кстау, т. е. окончательно все еще не оторвались от кочевого быта. В Семипалатинской области по роду занятий их насчитывалось (табл. 4):

Таблица 4

Количество семей жатаков, окончательно не оторвавшихся от кочевого быта Семипалатинской области по роду занятий

Уезды	Торговцы	Перекуп- щики	Ремеслен- ники	Извозчики	Батраки и пастухи	Поденщики	Земледель- цы	Без опред. занятий	Всего	
									семей	душ обоого пола
Семипалатинский	—	30	20	20	35	66	28	216	415	2179
Усть-Каменогор- ский	—	6	—	8	3	20	9	8	54	287
Павлодарский	13	17	3	14	13	18	7	9	94	493
Каркаралинский	—	20	20	6	8	6	30	26	116	609
Зайсанский	2	4	3	3	20	4	4	8	48	252
Кокпектинский	—	2	—	2	8	—	2	2	16	84
Семипалатинская заречная слобода	9	16	12	2	3	6	9	30	87	461
Итого	24	155	58	55	90	118	89	299	830	3965

Данные таблицы 4 также говорят о том, что большинство таких жатаков продавали свой труд баям. Среди них было больше перекупщиков, поденщиков и людей без определенных занятий. Данные о количестве семей ремесленников оказались почти такими же, как и в предыдущих таблицах.

Этого как раз нельзя сказать о жатаках, живших в переселенческих деревнях и казачьих станицах. Количество их (по роду занятий) для той же области приведено в таблице 5.

Таблица 5

Количество семей шаруа, живших в русских селениях
Семипалатинской области

Уезды	Торговцы	Перекуп- щики	Ремеслен- ники	Извозчики	Батраки и пастухи	Поденщики	Земледель- цы	Без опред. занятий	Всего	
									семей	душ обоого пола
Семипалатинский	—	—	3	—	—	—	—	26	29	152
Усть-Каменогор- ский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Павлодарский	—	—	4	20	106	30	—	32	242	1170
Каркаралинский	—	—	—	—	—	—	—	16	16	84
Зайсанский	—	—	—	—	—	—	3	6	9	47
Итого	—	—	7	20	106	80	3	80	296	1453

Из данных таблицы 5 видно, что таких шаруа, живших в русских селениях, насчитывалось незначительное количество и они были батраками и пастухами у кулаков.

Таким образом, обездоленные казахские шаруа, которые в силу своей экономической нужды оставили кочевой быт и поэтому жили в своих небольших селениях, а также в городах, переселенческих деревнях и казачьих станицах, занимались различным промыслом, батрачили и пасли скот баев и кулаков, и только незначительное их количество были земледельцами.

Количество обездоленных шаруа, переходивших от полукочевого образа жизни к оседлому, постоянно увеличивалось. В первые годы оседлости они сочетали земледелие со скотоводством, затем большое внимание стали уделять земледелию, а скотоводство стало служить подспорьем к нему. В летнее время они переезжали в поле, к пастбищам, распложенным вблизи своих пашен. В конце XIX — начале XX вв. такой образ жизни вели жатаки Кустанайского, Актюбинского уездов Тургайской области, Уральского, Темирского уездов Уральской области, Атбасарского, Петропавловского, Акмолинского, Кокчетавского уездов Акмолинской области, Семипалатинского, Павлодарского, Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области и др.

Против оседания шаруа выступала феодально-родовая верхушка аула. Прикрываясь пережитками патриархально-феодальных отношений и используя свое господствующее положение в ауле, она стремилась во что бы то ни стало помешать переходу шаруа к оседлому быту, к земледелию.

Тенденция феодала-скотовладельца была ясна: к этому он подходил из своих личных побуждений и классовых интересов. Массовое оседание шаруа принесло бы ему большой экономический ущерб и падение политического престижа. При оседании обездоленной бедноты он также терял дешевую рабочую силу. Крупный феодал был заинтересован в сохранении прежнего простора и неопределенности в землепользовании. Для того, чтобы присвоить лучшие пахотные и пастбищные земли, принадлежащие шаруа, феодал вынужден был прибегать теперь к помощи аткамнеров, биев, аульно-волостной администрации и использовать явное попустительство колониальных органов царизма.

В докладе Главного управления землеустройства и земледелия от 13 мая 1908 г., адресованном в кабинет министров, приведены интересные данные по поводу произвола, насилия и надругательства феодально-родовой верхушки над оседающими шаруа. В докладе говорилось, что все попытки шаруа перейти к оседлости «до настоящего времени подавлялись богатыми киргизами. Когда несколько лет тому назад, в Семиреченской области, 150 кибиток выбрали двух доверенных для подачи прошений военному губернатору о причислении в казаки и наделении по 20 десятин на мужскую душу, то на первом же чрезвычайном съезде народных судей против этих доверенных было возбуждено ложное обвинение в краже, и оба они присуждены к 12 месяцам тюремного заключения и уплате штрафа».

Далее в докладе указывалось, что в волостях Пишпекского уезда Семиреченской области «в течение 1907 года к начальнику той же области и заведывающему переселенческим делом обратились с ходатайством о землеустройстве 4222 кибитковладельца... указывая, что они живут земледельческим трудом, а между тем, в силу необходимости, подчиняются всем условиям кочевой жизни, находясь в полной зависимости от небольшой группы манапов и султанов, которые свободно распоря-

жаются их достоянием. В целях противодействия возникшему движению манапы Пишпекского уезда начали предъявлять к его инициаторам фиктивные обвинения в народном суде. В результате многие из просителей были вынуждены подать заявления об исключении их из списков пожелавших перейти в оседлое состояние»³⁶.

Выборные представители шаруа зачастую возбуждали перед царскими властями ходатайства об изъятии тяжёлых дел по этому вопросу из функции суда биев и передаче их в ведение мировых и окружных судов. Однако царское правительство затягивало пересмотр функций суда биев и, вместе с тем, продолжительное время оставался без последствий вопрос о правах шаруа, переходящих к оседлому образу жизни.

Напуганные феодалами шаруа подавали колониальным властям прошения о возврате ими поданных жалоб на биев. В своем докладе, переданном 26 октября 1909 г. в кабинет министров, военный министр Сухомлинов писал, что в селе Тас-Тюбе Пишпекского уезда Семиреченской области крупные баи и манапы при поддержке аульно-волостной администрации «понудили в 1897 году 94 кибитковладельцев ходатайствовать об исключении их из состава кочевого населения с образованием из них оседлого поселения на правах сельских обывателей в Алаарчинской долине. Но к 1898 г., под давлением однообщественников, 61 кибитковладелец отказался от первоначального своего ходатайства и остался на прежнем кочевом положении»³⁷.

Один из колониальных чиновников Туркестанского края О. Шкапский в своем отчете о поездке в Семиреченскую область рассказывает об одной встрече с шаруа, которые заявили, что они «перешли бы на оседлость и подали бы списки желающих, но их уездный начальник узнает и скажет султанам и баям, а султаны и баи нас засудят»³⁸.

Этот пример свидетельствует о все более и более крепнувшем союзе царских колонизаторов с феодально-байской верхушкой аула, которые на деле совместно высту-

³⁶ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 84, 1908, д. 156, л. 4.

³⁷ ЦГИАЛ СССР, ф. 1291, оп. 84, 1908, д. 156, л. 43.

³⁸ О. А. Шкапский. Отчет о поездке в Семиреченскую область. СПб., 1906, стр. 184.

пали против проявления всякого рода прогрессивных течений, в том числе против массового оседания шаруа.

Господствующая верхушка казахского аула была неоднородна. Наряду с хранителями консервативных традиций средневековья — феодалами-скотовладельцами, зарождались аульные буржуа, стремившиеся к оседлому образу жизни. Они разделяли взгляды оседания шаруа.

Шантаж и насилия, устраиваемые феодально-родовой верхушкой аула, не смогли приостановить переход казахских шаруа к оседлости. Этот процесс с каждым годом происходил все более интенсивнее.

По словам ревизовавшего Туркестанский край сенатора К. К. Палена, «в Семиречье, в местах, пригодных для земледелия, они (казахские шаруа.— Б. С.) ведут оседлое хозяйство, обрабатывая, главным образом, прилегающие к зимовым стойбищам земли и отгоняя на летнее время свой скот для выпаса в горы. Многие зимовки по типу своему напоминают обычные для нашего юга крестьянские мазанки»³⁹.

По материалам, собранным канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, относящимся большей частью к 1900—1905 гг., в Семиреченской области «из общего числа 126 киргизских волостей в 29-ти переход киргизов к оседлому хозяйству выразился достаточно определенно в развитии посевов на площадях от 2 до 8 десятин на хозяйство, а, следовательно, в обработке площади не менее 3 десятин поливной земли на хозяйство. В 36 волостях площадь посевов выше десятины, в 52-х — выражается в долях десятины и лишь в 8 волостях запашек не имеется вообще»⁴⁰.

В «Краткой записке по вопросу о киргизских землях Западной Зауральской Орды», написанной 18 октября 1906 г. и адресованной председателю кабинета министров, генерал Н. С. Кулчанов писал, что в Зауральской степи казахские шаруа, «применяясь к требованиям обстоятельств, стали постепенно оседать и в короткое время из кочевников превратились в «джатаки» оседлые, и как видим теперь, эти киргизы уже не кочуют, привязаны к своей земле, летом живут постоянно возле зимовок, занимаются хлебопашеством и земледелием»⁴¹.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1907, д. 28, л. 83.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. ПУ, 1912, д. 5851, л. 22.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1906, д. 117, л. 76.

Даже выборные доверенные первой и второй кочевых адаевских волостей Темирского уезда Уральской области в 1905 г. указывали «на невозможность продолжать прежний кочевой образ жизни, благодаря стеснению со стороны оседлых волостей, препятствующих адаевцам пользоваться степью, просили об отводе им летовочных и зимовочных мест»⁴².

По данным переселенческого управления, количество ходатайств шаруа, желавших перейти к оседлости, поданных на имя уездной и областной администрации, из года в год увеличивалось⁴³. Так, по трем уездам Уральской области — Уральском, Темирском и Лбищенском в течение десяти лет было зарегистрировано свыше 12 тыс. прошений; по Тургайской области — более 11 тыс., из них по Актюбинскому уезду — около 6400, по Кустанайскому — более 4700; по Семипалатинской области только в 1912 г. — более 15 тыс.

Из общего количества 1582 кибитковладельцев Тургенской волости Верненского уезда Семиреченской области 1153 пожелали перейти к оседлости. Однако под давлением феодально-байской верхушки 319 кибитковладельцев заявили об аннулировании своих прошений, а остальные 834 хозяйства образовали селение. Таким образом, Тургенская волость была разделена на две волости: Верхне-Тургенскую, где жили жатаки, и Нижне-Тургенскую, где шаруа вели кочевой образ жизни⁴⁴.

По подсчетам М. Э. Сахарова⁴⁵, в четырех уездах Семиреченской области — Верненском, Джаркентском, Копальском и Лепсинском насчитывалось всего 20 905 оседлых хозяйств, что составляло 25,2% к общему числу всех хозяйств казахов этих уездов, из них в Копальском — 9001 (28,2% к общему количеству казахских хозяйств), Лепсинском — 7883 (28,1%), Верненском — 4092 (15,3%), Джаркентском — 629 (3,6%).

Итак, стремление казахских шаруа к оседлости явилось объективно-прогрессивным последствием присоединения Казахстана к России. Начало оседания имело свои переходные ступени: от сплошного перехода шаруа к

⁴² Там же, л. 99.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. ПУ, 1912, д. 5851, л. 22.

⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 41, д. 558, лл. 118—119.

⁴⁵ М. Э. Сахаров. Оседание кочевого хозяйства Киргизии. М., 1934, стр. 14.

постоянным зимним стойбищам, по существу явившимся поворотом в жизни казахского аула к их оседанию.

Политика царизма в колониальном Казахстане, проводимая в интересах помещиков, буржуазии и феодально-байской верхушки аула, вовсе не способствовала, как лицемерно заявляли сами же ее проводники, а по существу являлась тормозом массового оседания казахских шаруа. Иначе и нельзя расценивать почти повсеместные в колониальном Казахстане действия царских колонизаторов, которые разрушали очаги оседлости и насильственно выселяли местных жителей в пустыни и полупустыни. В этой связи достаточно сослаться на откровенное признание сенатора К. К. Палена. Он писал, что чиновники переселенческого управления насильственно «разрушили в одном Семиречье свыше 5100 очагов оседлости с населением более 30 000 человек»⁴⁶. В остальных четырех областях — Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской — таких случаев было больше, так как они являлись центрами массового переселения. Начало оседания шаруа проходило под влиянием Российской экономики, хозяйственной жизни и быта переселенческого крестьянства, а также экономики и культуры городов. Начало оседания шаруа в целом происходило в связи с усилением процесса проникновения капиталистических и разложения патриархально-феодальных отношений, особенно с конца XIX и начала XX вв. Жатаки — обездоленные шаруа явились пионерами оседлости в крае. Слово «жатак» потеряло свое прежнее значение как социальный термин. Жатаками назывались все оседлые жители, независимо от их имущественного состояния.

Выдающиеся казахские просветители прошлого столетия и их последователи — демократическая интеллигенция боролись против феодально-байской верхушки, мусульманского духовенства и их интеллигенции. Они пропагандировали идеи перехода шаруа от кочевого быта к оседлости, видя в этом процессе прогресс в экономической, культурной жизни и в быту колониального аула.

Процесс оседания в целом происходил очень медленно. Этому процессу мешала реакционная политика само-

⁴⁶ «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный сенатором Паленом». СПб., 1910, стр. 57.

державия, феодально-родовая верхушка аула, отсталость и забитость самих шаруа, опутанных пережитками средневековья и догмами мусульманского духовенства.

В целом же оседание шаруа имело громадное значение в развитии товарного земледелия и животноводства.

Казахский колониальный аул переживал переходную ступень от кочевого быта к оседлости. Массовое же оседание казахских шаруа происходило после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Глава пятая

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АУЛЕ

1. Стремление шаруа к земледелию

Состояние земледелия казахского аула изучаемого периода описано в трудах многих дореволюционных авторов. Среди них выделяется Султан Тлеу Сейдалин, который в 1870 г. опубликовал статью «О хлебопашестве на реке Тургае»¹. В ней описывается история возникновения и развития земледелия в Тургайской степи, способы возделывания полей, состояние сельскохозяйственных орудий, приводятся интересные данные о количестве егинши (земледельцев), о перспективах дальнейшего развития земледелия, об урожайности, сбыте продукции и т. д.

Следует отметить, что автор избрал объектом своего исследования определенный район казахской степи. Тем не менее многие авторы в последующие годы², включая даже советский период, опирались на статью Сейдалина и нередко приходили к ошибочному заключению. Они распространяли этот факт на весь дореволюционный Казахстан и, следовательно, относили начало распространения земледелия в крае лишь к 30-м годам XIX в., связывая его с именем кипчака Сейткула. Кипчаку Сейткулу посвятил рассказ И. Алтынсарин³, который пишет, что Сейткул с 30 бедняками посе-

¹ «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. 1. Казань, 1870, стр. 234—257.

² Я. Я. Пальферов. Земледелие в Тургайской области (очерк). Оренбург, 1896, стр. 9—11, 23.

³ И. Алтынсарин. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 81—83.

лился на берегу р. Кабырги (приток Тургая). Поселенцы занялись земледелием: сеяли пшеницу, ячмень и просо, по примеру дехкан Туркестана строили арыки, установили чигирь, снимали богатый урожай, излишки хлеба продавали кочевавшим вблизи аулам. После окончательного устройства на новом месте Сейткул и его односельчане из года в год старались увеличить урожайность своих полей, а за счет продажи излишков хлеба — поправить свое хозяйство.

Беднота из разных местностей стала тяготеть к этому аулу, который в течение каких-нибудь пяти-шести лет вырос до четырехсот хозяйств. Пахари прочно осели здесь и ежегодно, ко времени уборки урожая, устраивали базары, где продавались промышленные товары, продукты скотоводства и хлеб. «По совету этого выдающегося человека, приучившего своих соплеменников к земледелию, — заключает Алтынсарин, — много народа проживает до настоящего времени по течению речки Кабырги».

И. Алтынсарин, как страстный поборник прогресса казахского народа, взял этот факт в целях пропаганды идеи перехода шаруа от кочевого скотоводства к земледелию. Он утверждал, что «киргизы проявляют уже стремление к земледелию и там, где это возможно, занимаются им в значительных размерах»⁴. Сановники царского правительства, составившие в 1899 г. специальную «Записку по вопросу о содействии кочевникам-киргизам к переходу в оседлое состояние» и передавшие ее на рассмотрение подготовительной комиссии Комитета Сибирской железной дороги, недвусмысленно констатировали, что «не переходя в оседлое состояние, киргизы до появления русских переселенцев в степи засеивали такое количество земли, которое могло удовлетворять их собственным потребностям»⁵. Такой же точки зрения придерживался известный исследователь истории прошлого Казахстана, особенно истории Большого жуза, Н. Аристов в своей обширной «Записке о землеустройстве в Семиреченской области»⁶, составленной и переданной на рассмотрение генерал-губернатору Туркестанского края в 1871 г.

⁴ «Оренбургский листок», 1880, № 17.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 34—46.

⁶ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 56, лл. 21—98.

В Тургайской степи Сейткул действительно был зачинателем земледелия. Его заслуга в этом вопросе была достойно оценена Т. Сейдалиным, И. Алтынсариным и многими их современниками. «Обедневшие, не находящие работы люди в Тургайской степи, — писал Алтынсарин, — становятся хлебопашцами и если трудятся не лениясь, то через несколько лет становятся по достатку равными другим людям»⁷.

Говоря о перспективах развития земледелия в Тургайской степи и стремлении ее населения заниматься хлебопашеством, выдающийся просветитель вынужден был отметить, что они, «не имея плодородной земли, все-таки занимаются хлебопашеством, сопряженным здесь с необыкновенным трудом и терпением»⁸.

И. Алтынсарин считал, что земледелие служит важнейшим и надежным источником существования местного населения. В этой связи он писал: «байлық қанағат пен адал еңбекте... жерде» («богатство — в честном труде и земле»). Значение труда он пропагандировал словами знаменитого чешского философа-педагога Яна Амоса Каменского: «Истинно счастливые те..., которые могут себе сказать: мы живем своим личным честным трудом»⁹.

Касаясь состояния земледелия в Тургайской области (Николаевском и Илецком уездах), Алтынсарин отмечал, что «уже и теперь многие прилинейные киргизы знают земледельческое искусство не хуже русского мужика, а с течением времени по свойственной молодому народу восприимчивости и смывленности киргизы наверное и вообще не отстанут от коренных земледельцев»¹⁰. Вместе с тем он говорил: «На русских поселян мы полагаем всю надежду, как на учителей по части культуры и преобразователей киргизской степи».

Взвесив природно-климатические условия казахской степи, громадные ее перспективы с точки зрения развития земледелия, И. Алтынсарин с горечью восклицал: «К прискорбию, в некоторых степных уездах положительно не предвидится никакой земледельческой будущ-

⁷ И. Алтынсарин. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 83.

⁸ «Оренбургский листок», 1880, № 17.

⁹ И. Алтынсарин. Указанные сочинения, стр. 405.

¹⁰ «Оренбургский листок», 1880, № 17.

ности. Почва здесь глинисто-солонцеватая или чисто песчаная, вся растительность заключается в горькой полыни. Климат сухой до невероятности, реки год от году мелеют, так что в последние годы многие опасались, как бы незначительные сами по себе речки и вовсе не испарились».

Последователи идей Алтынсарина — казахская демократическая интеллигенция в лице мугалимов и прочих — в начале XX в. развернула пропаганду развития земледелия в ауле, ведя борьбу с представителями феодально-байской интеллигенции. Прогрессивный журнал «Айкап» постоянно доказывал преимущество земледелия над кочевым скотоводством, призывал трудовое крестьянство заниматься хлебопашеством. Вместе с тем журнал разоблачал несостоятельность позиций феодально-байской интеллигенции, стоявшей за сохранение средневековых порядков.

Огромная тяга казахских шаруа к занятию земледелием четко наметилась к концу XIX в. даже в чисто кочевых районах. Об этом говорилось в многочисленных документальных источниках и в литературе. Так, в отчете начальника Закаспийской области за 1897 г. отмечалось, что «теперь большая часть населения области занимается земледелием. Даже киргизы Мангышлакского уезда с 1896 г. начали делать посевы. К сожалению, после успешного опыта первого года, последний их посев, сделанный на неполивной земле, не дал урожая. Однако, сознание выгод земледелия настолько уже укоренилось у населения, что эта неудача мало повлияла на киргиз и они деятельно готовились к новому посеву»¹¹. А на совещании о землеустройстве казахов, созванном при министерстве внутренних дел в 1907 г. под председательством заместителя министра Лыкошина, констатировалось, что «земледелие в Мангышлакском уезде с каждым годом все более и более развивается»¹².

Это не единичный факт. В своем письме от 11 октября 1897 г. на имя министра внутренних дел военный губернатор Уральской области писал: «Стремление к

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, д. 5, л. 2.

¹² «Журнал совещания о землеустройстве киргиз», СПб., 1907, стр. 94.

земледельческому труду под влиянием экономических условий замечается и у киргиз Уральской области»¹³.

О тяге шаруа к земледелию можно также судить и по годовым отчетам многих уездных властей¹⁴. В 1890 г. начальник Николаевского уезда Тургайской области писал: «Киргизы вполне сознали пользу этого предприятия, охотно возделывают и обрабатывают земли, не уступая в этом отношении русским, так что некоторые зажиточные киргизы приобрели даже сенокосные, молотильные, веяльные машины и легкие плуги английской системы». Даже в таких уездах, как Иргизский, где природные и климатические условия являются неблагоприятными, хлебопашество, как писал уездный начальник в 1890 г., «благодаря появившемуся среди киргиз сознанию пользы такой отрасли хозяйства», развивалось в больших размерах.

Стремление шаруа к земледельческому труду проявилось под влиянием переселенческого крестьянства. Илецкий уездный начальник в 1890 г. заметил, что «в особенности развитие хлебопашества в уезде пошло более широко, когда в Илецком уезде поселились русские поселенцы, главным образом с 1887 г., по примеру коих и киргизы принялись за обработку земли».

В некоторых районах края, где шаруа в своем большинстве занимались хлебопашеством, ощущался недостаток пригодной земли. Шаруа обращались к местным властям с просьбой об отводе дополнительных участков. Так, в докладе областного правления оренбургских киргизов от 26 апреля 1863 г., адресованном Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору, говорилось, что «Общество киргизов 18-й дистанции ведения местного начальника Юмангулова в числе 183 кибиток желает построить постоянные жилища и заниматься возделыванием земли и просит потребное количество земли под хлебопашество, сенокосение и тебеневку скота». Рассмотрев заявление казахских шаруа, областное правление оренбургских киргизов в своем журнале заседания от 30 апреля того же года отклонило их просьбу, мотивируя тем, что «разрешены оседлость и хлебопашество только киргизам, кочующим в степи, просители же хода-

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 6, лл. 25—26.

¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2155, лл. 64—69, 110—111, 113—120.

тайствуют об отводе им на сей предмет участков в новолинейном районе..., что в настоящем домогательстве им отказать».

Спустя три года управляющий той же областью в докладной записке, адресованной «Степной комиссии» Гирса, командированной для сбора материалов к составлению колониально-административной реформы, также констатировал огромное стремление коренного населения края заниматься земледелием¹⁵.

Прошения об отводе земель шли буквально со всех концов обширного края. Например, в 1862 г. шаруа оренбургского ведомства писали царским властям, требуя отвод под хлебопашество.

В западной части

1) 10 человек из Таминского рода Карагунского отделения на урочище Далакудук, отстоящем от линии на 25 верст;

2) 7 человек того же рода и отделения — по притокам р. Чударты (около 150 верст от Илецкого городка);

3) 20 человек того же рода и отделения — по р. Тамди, на левой стороне оз. Бурганкула, за колодцем Кумкудук (около 160 верст от Илецкого городка);

4) 20 человек того же рода, Джиембетова отделения — на притоках р. Чингирлау, называемых Караганды и Ащисай, а также в урочищах Чанли-Кудук и Акмола, что за урочищем Бугуль (в 80 верстах от Илецкого городка);

5) 24 человека Алачинского рода Сарыева отделения — в местности Чубаркуль, Тулки и урочищ Бигулы и Мечиты, Кук-Узек (в 170 верстах от Илецкого городка);

6) Бершев род, Бекусово отделение — начиная от высоты Камбара, по линии между Куркияком, Куздукарой, Бабаем, Дулембаем, Асанчуланом, Кумкудуком, мимо могилки Баембета, по Абаккулю, до высоты Камбара;

7) Сарлашев род, Каракимпирово отделение — в местности от оз. Кызыл-Куля до могилки Таубулата, а

¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 5, оп. I, св. 52, д. 746, л. 7, св. 84, д. 1271, лл. 31—32.

потом через брод Саркраун, около землянки Кулбаса, напротив урочища Кызыл, далее в ложину Кур-Узек до Буркут-Чаглы и до Карачулкита; отсюда на Сарыкулак до могил Ходжи и Таубулата;

8) Черкесов род, Кугосское отделение — по урочищу Аши-сай до местности Кушкар-Суйган;

9) 400 человек Берешева рода Каратукаева отделения в местностях по берегам р. Карабау и урочища Саки, Буланой, Карадун, Асубай, Уюндук, Досдук, Джалякильды, Юз-Мар, Камбай, Малай-Сары, Кинай, и от могилы Тукунча до могил Сатай, Ихляс, Караджау, Кюк-Тюбе, Макмал-Мурза Кольды, Уш, Джанатай и Саримай до могилы Саки (в 100 верстах от Калмыковской крепости);

10) 9 человек Таминского рода Карагунакова отделения — по р. Уланте (в 150 верстах от Илецкого городка);

11) Черкесов род, Кусымово отделение — в окрестностях Кызыл-Куги (в 80 верстах от Индерских гор);

12) Таминский род, Асаново отделение — по р. Чидарты и оз. Айдар, а также в окрестности Атика (около 150 верст от Илецкого городка);

13) Таминский род, Калкаманово отделение — по р. Чидарты и урочища Кум-Кудыка (около 150 верст от Илецкого городка);

14) 15 кибиток Таминского рода Калкаманова отделения — по берегам р. Талдыбулак (в 100 верстах от Илецкого городка);

15) Алачинский род, Сарынское отделение, Бусаево подотделение — по берегам р. Кандыгайты (около 70 верст от форта Бударинского);

16) 9 кибиток Исыкова рода Кадыргулова отделения — по урочищам Тайсуйган и Акчий с окрестностями (около 90 верст от Калмыковской крепости);

17) Ходжинский род — по морскому берегу и побережьям Чирмаклы и Байбулата;

18) 60 кибиток Черкешева рода, Тлепова отделения — в местности по р. Уил до Киненова холма, до могилы Ургачбая и т. д. (около 150 верст от Калмыковской крепости);

19) 9 человек Ходжинского рода — по берегам Каспийского моря и в урочище Уялы;

20) 82 кибитки Черкесова рода, Тлесова отделения в районе Донгелек-Ащисая;

21) Берешев род, Джанакаво отделение и несколько подотделений — в местностях между холмом Бурсук могилки Балембая, Байказы и Чигина, между озером Куис-Кулем и могилой Адайбая до Кызылгана и т. д. (около 40 верст от Индерских гор);

22) 60 кибиток Черкешева рода, Карыкимперова отделения — в местности от бугорков Карки и Яшан-Айдори до каменного бугорка, могилы Кучука.

23) 9 человек Тазова рода — в местности Карачуки и на острове Кунчунак (по берегу Каспийского моря);

24) Таминский род, Асаново отделение, Тлеуово подотделение — в местности по берегам р. Чидарты и в урочищах Карабутак, Каратай-Муласы, Худайберген-Сай (около 150 верст от Илецкого городка);

25) Танинский род, Асаново отделение, Сисаево подотделение — по берегам р. Чедарты вверх по течению до могил Айдара, Карабутака и Туйгулы (около 150 верст от Илецкого городка);

26) Танинский род, Асаново отделение, Бачаново подотделение — по берегам р. Джем;

27) 16 кибиток Исыкова рода, Кадыргулова отделения Джиенова и Сейтекова подотделения — по р. Карабау за урочищем Чуната, Тажигута, по хребтам Ит-балаган до могилы Сатыбалды (в 80 верстах до Индерских гор);

28) Управляющий Байбактинским родом Казеев — по р. Байбакты;

29) Доверенный Таминского рода Қалкаманова отделения Ниеталий Утеулиев и другие — по р. Уленте на урочищах Ириндикуль и Буздак (в 150 верстах от Илецкого городка);

30) Доверенный 12 кибиток Таминского рода, Калкаманова отделения Кусдавлетова подотделения Туребай Токтанов — в урочищах Талдыбулак, Ащисай и Тиксай (в 140 верстах от Илецкого городка);

31) 4 кибитки Китинского рода Истекова и Кунгурова отделений — по р. Джарлы и оврагу Кулпак до вершины р. Анисай (приток р. Кийла);

32) 22 кибитки Байбактинского рода Алтекинова отделения — в местности Акмулы, Какбакты.

В средней части

33) Кочующие против угольной станицы Табынского рода, Дакдинского отделения — по р. Утесююк;

34) Каракесекский род, Альжаново отделение — на урочище Кук-Типсин — по р. Темир.

В восточной части

35) Жаппаский род, Жильгильдинское отделение — по территории 43-й дистанции;

36) Джагалбайлинский род, Аккужинское отделение — на р. Джилькуваре;

37) 70 кибиток Кипчайский род, Кунузское отделение — в местности от Наурзумского бора по рекам Муюлды и Тамды;

38) Аргынский род и Джугары-Чиклинское племя — на урочище Кара-куга и Сары-Тубек, по р. Джиланчик.

Все эти и другие факты говорят о том, что казахские шаруа сознательно стремились к земледелию, все более убеждаясь в его превосходстве над кочевым скотоводством.

Под давлением массового движения казахских шаруа комитет министров в том же 1862 г. разрешил им заниматься хлебопашеством в тех местах, где признано будет возможным оренбургским генерал-губернатором, «с доведением лишь о каждом разрешении до сведения министерства внутренних дел»¹⁶. Затем оренбургский генерал-губернатор Безак, по заключению которого было отменено предписание его предшественника генерала Катенина и принято упомянутое выше решение комитета министров, указал областному правлению оренбургских киргиз: «...не ожидая представления проекта правил, сущность коих должна заключаться в установлении размера возмездия за пользование землями и способа приобретения их в собственность киргиз... немедленно представить соображение о возможности удовлетворения... просьбы ордынцев».

Общее присутствие областного правления рассмотрело многочисленные прошения и нашло, что просители находятся большею частью в глубине степи, на весьма дальнем расстоянии от линии, поэтому «возложить пред-

¹⁶ Там же, св. 11, д. 233, лл. 28, 29.

варительные распоряжения о раздаче поземельных участков киргизам, кочующим в глубине степи, — на помощников султанов-правителей, а находящимся вблизи линии — на попечителей с тем, чтобы с открытием будущей весны командировать в степь особых доверенных чиновников, как для проверки предварительных распоряжений местного ордынского начальства, так и для окончательного отвода просимых киргизами участков. А поэтому из применованных выше просьб пре-проводить значащиеся под № 1, 16, 17, 21, 23 и 27 — к попечителю Гурьевской дистанции, под № 15 и 32 — Уральскому попечителю, под № 4 и 33 — Оренбургскому, под № 36 — Новолинейному, под № 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 26, 28, 29, 30 и 31 — к помощнику султана-правителя Западной части, под № 34 — помощнику правителя средней части и под № 35, 37 и 38 — к помощнику правителя Восточной части, которым предписать:

1) Предварительно... удостовериться на месте от одноаульцев, что просимые киргизами места находятся в настоящее время в действительном их пользовании и через отвод участков не будут стеснены никто из соседних с ними киргизов. Отобранные в этом случае подписки должны быть засвидетельствованы подписями присутствовавших при отводе и удостоверены местными начальниками, старшинами или другими почетными ордынцами.

2) Количество земли под усадьбу (дома) и хлебопашество отводить по желанию каждого старшего в семействе, если не будет особых препятствий, без различия и в летних кочевьях и на зимовых местах, и назначать не более, как по 37 1/2 десятин, полагая под усадьбу 20-ти и для хлебопашества 17 1/2 десятин.

3) Места под постройку домов с согласия общества должны быть отводимы удобные для прочной оседлости, безопасные от разлива рек и от других вреднодействующих естественных причин, дабы тем предупредить переходы с одной местности на другую.

4) Если на один и тот же участок будет несколько желающих, то право пользования... предоставить решать по жребию в присутствии трех свидетелей и местного начальника.

5) Леса и камыши могут входить в отвод, если они ныне находятся в исключительном пользовании просителей-киргизов.

6) Отвод участков обозначить временными признаками, например, кольями, столбами, каменными или земляными пирамидами.

7) О каждом отводе составлять письменный акт, стараясь описать отводимую местность с такою подробностью, чтобы назначенный участок можно было видеть, хотя приблизительно по карте киргизской степи. В акте этом оговорить, кому именно сделан отвод и на сколько кибиток (полагая в каждой по 5 душ обоего пола), а также добавить, что отвод делается временно, но что окончательное отмежевание участков будет произведено весной будущего года особо командированною топографическою партией. Копии с сих актов выдавать хозяевам отведенных участков, а подлинные представлять в Правление, тот же час по мере исполнения каждого временного отвода. Затем предупредить киргизов, что если на отведенной земле в течение пяти лет владельцы не будут заниматься хлебопашеством, то земли от них будут отобраны и предоставлены другим»¹⁷.

Просьба казахских шаруа была удовлетворена, но в последующее время их право пользования насиженными участками неоднократно нарушалось, и многие хозяйства, особенно в северных участках Актюбинского и Кустанайского уездов, лишились земли и были высланы в пустынные и полупустынные районы.

Казахское население Петропавловской волости того же уезда Акмолинской области в количестве 564 кибиток (1641 душа мужского пола) в течение 70—90-х гг. XIX в. неоднократно «заявляло петропавловскому уездному начальнику о желании поселиться оседло и заняться хлебопашеством на местах их зимовок». Однако их просьба отклонялась уездной администрацией из-за «неискренности» заявителей. Впоследствии канцелярией степного генерал-губернатора была установлена «искренность» желания шаруа заниматься земледелием, и им было разрешено оставаться на своих участках¹⁸.

Известный интерес вызывает другой характерный

¹⁷ Там же, лл. 42—55.

¹⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4061, лл. 16—17.

факт из жизни скотоводов тружеников Тургайской степи. После опустошительного жута в зиму 1879—1880 гг. обездоленные шаруа решили заниматься земледелием. Инициатором был казах Кара-Тургайской волости Тургайского уезда Баймурат Туркебаев, который пошел по стопам своего деда Жарилгапа Ширмишева, занимавшегося земледелием в конце XVIII — начале XIX в. вместе с группой бедняков на берегах р. Тургай.

Баймурат Туркебаев решил также заниматься земледелием. К северу от р. Тургай лежало оз. Суликты, которое «Туркебаев осмотрел и пришел к убеждению, что если провести арык (канаву) от этого озера по направлению к Тургаю, то можно будет пользоваться водой из озера, уровень которого выше Тургая, избежав, таким образом, дорогостоящих чигирей». Он уговорил шаруа работать сообща. 60 кибитковладельцев «прорыли в 1880 г. от озера Суликты довольно широкий арык (глубиною в некоторых местах до 5 арш.), по которому в известное время и пропускали [воду] для поливки»¹⁹. В первый год посев производили артельно, сеяли просо. После уборки урожая на каждую семью пришлось по 200 пудов. Дело, затеянное Туркебаевым, оказалось заманчивым, поэтому из соседних волостей к ним перекочевали многие бедняки. В 1881 г. здесь было уже около 200 кибитковладельцев. Кроме проса они сеяли пшеницу. Урожай был хорошим, и скотоводы стали поправлять свои хозяйства.

Опытный егинши Туркебаев советовал приезжавшим к нему шаруа строить плотины для образования искусственных озер на вершинах логов Кыр-Қан, Сары-сай, а также в низовьях оврага Жиничке. Кроме этого он предложил построить два арыка из р. Тургай в урочищах Чунгильче и Чакпак.

Таким образом, в 1881 г. по совету Баймурата Туркебаева были построены искусственные плотины и вырыты арыки в указанных им местах. Плотина на Кыр-Қане, построенная наспех, причем примитивным способом, «не могла удержаться от напора весенней воды». Шаруа не жалели сил и средств для выполнения заветной мечты — сочетать скотоводческое хозяйство с

¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2755, лл. 3—4.

земледелием и тем самым укрепляли прочный источник средств для своего существования.

Весной 1882 г. егинши, поселившихся на оз. Суликты, постигло несчастье. Спровоцированное феодальной верхушкой и аткамнерами, население соседней Сары-Копынской волости начало претендовать на владение озером Суликты. Стороны мирным путем не договорились. Тогда сарыкопынцы напали на аулы егинши. Произошла кровопролитная схватка. Со стороны нападавших сарыкопынцев было убито два человека, многие получили тяжелые увечья.

После столкновения было заключено перемирие: егинши Кара-Тургайской волости уступили Сары-Копынской волости половину оз. Суликты с арыками. Однако этим не был положен конец спорам и притязаниям. Обе стороны тратили много сил и средств. Тяготы ложились в первую очередь на трудовое население. Ежегодно созывались особые межволостные съезды биев и аткамнеров. Стороны «доказывали» свои права на владение этим озером. Население обеих сторон жило в страхе, вооруженные джигиты постоянно охраняли свои владения. Наконец спор был решен царской администрацией в 1887 г.: оз. Суликты с его окрестностями перешло к Сары-Копынской волости.

Егинши Кара-Тургайской волости во главе с Туркбаевым, собрав с населения 200 руб. (кроме того, такая же сумма денег была получена в качестве ссуды из волостной кассы), в 1883 г. построили плотину на Кыр-Кане. С весны 1884 г. сеяли просо и пшеницу.

Хлебопашество на Кыр-Кане продолжалось до 1887 г. В этом году «скопившаяся в озере вода обошла плотину и устремилась в овраг, преграждаемый от озера плотиной, причем от стремительного напора воды образовались глубокие, до 12 аршин, рывины, через которые стекала впоследствии вся остальная вода, находившаяся в озере»²⁰.

Так и исчезло созданное огромным трудом шаруа Кара-Тургайской волости Тургайского уезда искусственное озеро в местности «Кыр-Кан». Земледельцы этой волости неоднократно пытались восстановить разрушен-

²⁰ Там же, лл. 4, 5, 6.

ную плотину, но это им не удалось из-за отсутствия средств, а царская власть отказала им в помощи. Трудовое население страдало, оно искало новое место, пригодное для поливного земледелия, но не нашло его.

В 1900 г. сын Туркебаева, умершего в 1891 г., Айткул Баймуратов, во главе 100 кибитковладельцев, абсолютное большинство которых были строителями плотины на Кыр-Кане, решил восстановить прежнюю плотину. В этих целях они собрали с каждой кибитки по 2 руб. и одному барану. Кроме того, каждый кибитковладелец должен был доставить на место строительства плотины по два воза сена и тала. «На пожертвованные деньги... были наняты рабочие, которые летом 1901 г. под личным руководством Баймуратова возобновили развалившуюся старую плотину на Кыр-Кане так: высоту ее подняли от 7 до 12 арш., основание расширили от 20 до 35 арш. и, наконец, длину увеличили до 525 арш., кроме сего плотину эту с водной стороны укрепили сеном и связанными талами, воткнутыми кольями в плотину».

После окончания строительства плотины «пожертвователи личным трудом вырыли водопроводный канал для того, чтобы в весеннее время излишняя в озере вода стекала бы не в овраг, а в степь для орошения таковой».

Строители плотины 7 января 1902 г. обратились к уездному начальнику, затем в областное правление, а также в министерство земледелия и государственных имуществ с просьбой отпустить беспроцентную ссуду в размере 500 руб. на приобретение сельскохозяйственных орудий сроком на пять лет, а также ассигновать безвозвратно на ежегодный ремонт плотины и арыков «в течение 3—4 лет по 200 руб. в год из земских сумм». Свою просьбу они мотивировали тем, что у них «положительно нет на это средств, так как все 100 кибитковладельцев, за исключением одного десятка лиц, поддерживающих теперешнее состояние плотины, все бедняки, еле-еле пропитывающие свои семейства».

Царская власть оставила эту просьбу без последствий. Но шаруа проделали непосильную работу по строительству плотины и созданию искусственного озера на Кыр-Кане. В 1902 г. они вспахали 40 десятин земли, посеяли просо и пшеницу, вовремя поливали пашни,

вырастили хороший урожай²¹. Площадь посева была небольшая; на каждое сеющее хозяйство приходилось поровну — по 0,4 десятины, чего было достаточно для удовлетворения своих собственных потребностей.

В начале XX в. на Устюрте, Талды-Еспе (в районе Большие Барсуки), а также на засушливом озере в урочище Шбынды казахские шаруа строили искусственные насыпи, огораживали весенние разливы, копали глубокие арыки, сеяли просо и пшеницу и с затратой огромных средств и труда они выращивали сравнительно хорошие урожаи.

Следует отметить, что в местах, совершенно непригодных по своим почвенно-климатическим условиям, земледелие служило лишь побочным источником существования бедняков. Но факт остаётся фактом: скотоводы-труженики степи искали выхода из создавшегося тяжелого положения путем добывания дополнительных средств существования."

Такие факты из жизни шаруа конца XIX — начала XX вв. встречаются очень часто. В сознание шаруа всех уголков казахской степи уже в это время глубоко проникали идеи о преимуществе земледелия над кочевым скотоводством.

2. Устройство оросительных сетей

Егинши (пахари) занимались хлебопашеством по берегам рек, ручейков, озер, значительное количество которых высыхало в летнее время. Крупные реки юга Казахстана — Сыр-Дарья, Куван-Дарья, Яна-Дарья, Арысь, Чаян, Сарысу, Келес, Талас, Чу и другие — были далеко не достаточными для удовлетворения жизненных потребностей населения обширного края. Без орошения земля была не только непригодной для хлебопашества, но снижалась ее ценность и как пастбищ. Таким образом, водные ресурсы имели первостепенное значение в хозяйственном быту коренного населения, поэтому борьба велась не столько за землю, сколько за водные источники.

Особенно большое значение в хозяйственном быту населения имела Сыр-Дарья. Прав был один из иссле-

²¹ Там же, лл. 14, 20, 21, 23, 24.

дователей долины р. Сыр-Дарья Г. Загряжский, который писал: «Главное богатство и источник жизни киргиза Перовского уезда — река Дарья, с ее рощами, разливами и камышами. Разливы реки дают хлеб, и от них вполне зависит обеспечение продовольствием кочевников, рощи служат для топлива, поделок (юрты, посуда, охотничьи принадлежности и проч.), камыши дают строительный материал для скотских прогонов, изгородей, защищающих юрты от ветров и снежных буров, идут на корм для скота. Корм этот обеспечивает кочевника в случае джута, гололедицы, столь пагубной в степи. Так как в Перовском уезде камыша много, то и зимовки здесь причисляются к одним из самых лучших во всей степи».

Автор далее пишет, что «Сыр-Дарья дает жизнь не одному Перовскому уезду: разливы ее играют также чрезвычайно важную роль в земледелии по всей Сыр-Дарье»²².

В оазисах Сыр-Дарьи и других рек местное население строило оросительную сеть. И более крупными ирригационными сооружениями на юге Казахстана, как и всей Средней Азии, были головные арыки, построенные в Казалинском и Перовском уездах Сыр-Дарьинской области²³. В первом их было 183, а во втором — 208. В Чимкентском уезде было 239 арыков общей протяженностью около 3 тыс. верст.

В Казалинском уезде протяженность 183 головных арыков доходила до 1297 верст, кроме этого имелось 198 рукавов. В Костамской волости действовало 27 арыков протяженностью в 364 версты, в Каракульской — 23 арыка (148 верст), в Куван-Дарьинской — 20 арыков (153 версты), Актюбинской — 18 арыков (94 версты), в Раймской и Сарытугайской волостях — по три арыка протяженностью соответственно в 27 и 40 верст и в Кургачинской волости — один арык (16 верст). Иначе говоря, 90 арыков (50%) имели длину каждый не более 5 верст, 59 арыков — не более 10 верст, а остальные 23 арыка — от 10 до 20 верст.

²² Г. Загряжский. Очерки Перовского уезда. «Туркестанская газета», 1872, № 29.

²³ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область, ч. I. СПб., 1893, стр. 326, 359, 512; ч. II, СПб., 1895, стр. 359.

Строительство или восстановление половины всех арыков уезда происходило в 70—80-х годах XIX в., а именно: в 70-х годах — 25 арыков, в 80-х годах — 65 арыков. Время сооружения остальных арыков точно не установлено.

Более крупными ирригационными сооружениями в уезде считались Абграл-арык, протянувшийся от переправы Талбугет до плодородной долины Айгирек, где хлебопашеством занималось до 2 тыс. кибиток²⁴, а также Курманай-арык и Киргиз-арык.

В Перовском уезде кроме 208 головных арыков имелось 124 мелких арыка (рукава). Протяженность головных арыков составила 1625 верст с площадью орошаемых земель в 12 692 десятины, причем арыками средней протяженности (в 4, 5, 10 верст) орошалось по 14, 15, 20, 100 дес. посевной площади²⁵. Всего в уезде больших и малых арыков было 332, исключая мелкие. Средняя длина арыка составляла 4,8 версты. Ирригационные работы не ограничивались сооружениями больших, малых арыков и отводов от них к пашням. В уезде руками егинши были сооружены 141 мост, 10 шлюзов, 2 плотины. Содержание арыков (включая ремонт, оплату мирабам, арык-аксакалам) обходилось в среднем на каждое сеющее хозяйство по 1 р. 92 к. в год, а по отдельным арык-аксакальствам эти цифры колебались от 34 коп. до 3 р. 70 к., без учета затрат труда самих егинши.

На ремонт арыков егинши тратили много средств и труда. Причем, расходы на ремонт арыков и другие ирригационные сооружения исчислялись не деньгами, а количеством затраченного труда. Стоимость дневной работы одного человека оценивалась в 20 коп. По восьми арык-аксакальствам уезда в 1890 г. было затрачено 40 387 рабочих дней, что в переводе на деньги составляло 8 077 р. 65 к.

Состояние ирригационных сооружений в Перовском уезде в 1890 г. характеризуется данными таблицы 1.

Из таблицы 1 видно, что по количеству и протяженности головных арыков Караузекское арык-аксакальство занимало первое место, за ним шли Чиилийское, Сыр-

²⁴ ЦГА КазССР, ф. 382, оп. 1, св. 5, д. 41, лл. 42—43.

²⁵ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации... стр. 359.

Таблица 1

Состояние оросительной сети Перовского уезда в 1890 г.

Арык-аксакальство	Количество арыков		Длина оро- сительной сети, верст	Количество соору- жений на арыках		
	голов- ных	мел- ких		мос- тов	шлю- зов	пло- тин
Чиилийское	7	13	310	7	4	—
Сыр-Дарьинское	37	—	232	3	6	—
Каратауское	24	4	140	—	—	2
Караузекское	42	25	403	10	—	—
Даурен-Узекское	14	4	146	13	—	—
Саркраминское	16	63	107	40	—	—
Яны-Дарьинское	39	9	183	62	—	—
Каракуль-Куван-Дарьинское	29	6	193	6	—	—
Итого:	208	124	1625	141	10	2

Дарьинское, Яны-Дарьинское арык-аксакальства. Количество мелких арыков, по сравнению с другими, гораздо больше было в Саркраминском арык-аксакальстве (63), а количество мостов — в Яны-Дарьинском (62) и Саркраминском (40) арык-аксакальствах.

Эти показатели характеризуют объем затраченного труда и средств егинши на ирригационные сооружения в каждом арык-аксакальстве и в какой-то степени свидетельствуют о состоянии и перспективах развития земледелия как в отдельных оазисах Сыр-Дарьи, так и в Перовском уезде в целом. Судя по этим показателям труд сыр-дарьинских егинши был невыносимо тяжелым.

К началу 1891 г. в Перовском уезде насчитывалось 8 арык-аксакалов и 129 мирабов, для содержания которых егинши уплачивали в среднем соответственно по 361 р. 25 к. и по 26 р. 41 к. ежегодно (от 8 до 35 руб. в год, в зависимости от объема выполняемых функций)²⁶. Кроме того, арык-аксакалам и мирабам общество выделяло в виде особого вознаграждения участки земли и семена.

Должность арык-аксакалов и мирабов в Средней Азии и на юге Казахстана была учреждена задолго до присоединения к России. После присоединения юга Ка-

²⁶ Там же, стр. 395.

захстана и среднеазиатских ханств царские власти сохранили эти должности.

Арык-аксакалы заведовали целыми системами арыков, а мирабы — отдельными отводами и канавами. В 1890—1891 гг. в Перовском уезде на каждого арык-аксакала приходилось от 18 канав (Даурень-Узекское арык-аксакальство) до 79 (Саркраминское), общей протяженностью от 150 (Каратауское) до 403 верст (Караузекское). Мирабы заведовали одной — пятью канавами. На обязанности тех и других лежала забота о ремонте арыков, мостов на канавах, плотин, дамб, шлюзов, запруд. Они регулировали распределение воды, решали споры и претензии егинши по вопросам водопользования.

Крупными оросительными сооружениями в Перовском уезде в конце XIX в. считались: Чиилийский канал (25 верст), имевший 40 кулаков и 13 выпусков, сооруженный под руководством Байсына Кульдеева; Жана-арык, имевший 8 кулаков; Боз-арык, имевший 6 кулаков; Диермен-узен-арык, который начинался в Каратауских горах и доходил до старой крепости Сауран (имел 21 кулак и 3 выпуска); Бурибай-арык (10 кулаков и 5 выпусков); Кердери-арык (6 кулаков); Даурен-узел-арык (4 выпуска и 45 кулаков) и др.

Головные арыки строились артельно. Например, на строительстве канала Тайпын — Сарыкум протяженностью 725 саженьей в 1883 г. работало 2 тыс. человек²⁷. На строительстве канала Ергерек (Абгралевский) в Казалинском уезде, длиной 10 верст и шириной от 10 до 14 аршин, в 1878 г. работали егинши Чбиндинской, Раймской, Каракульской и Алайгырской волостей в количестве 4 тыс. человек, а в 1879 г. на чистке этого канала и некоторых других мелких дополнительных работах было занято 2 тыс. человек²⁸.

Следует отметить, что чем древнее ирригационное сооружение, тем больше требовалось средств и труда на ремонт. В Перовском уезде самыми старыми арыками считались: Саркрама, сооруженный примерно в начале XVII в. (длина 15 верст), проходивший через Тау-Кум до местности Караултюбе; Чулак-арык, сооруженный в

²⁷ Там же, стр. 374.

²⁸ Там же, стр. 350, 351, 366.

первой половине XVIII в. (13—14 верст); Беглик-арык (длина 9 верст), сооруженный в середине XVIII в.

Таким образом, до конца XIX в. в аулах преобладало поливное земледелие, а в связи с этим строились ирригационные сооружения. С начала же XX в. в северных, северо-западных и восточных районах продолжало развиваться богарное земледелие, а поливное утрачивало былое значение.

3. Способ орошения

Полив производился примитивным способом — атпой и чигирем. Устройства этих своеобразных водоподъемных средств сохранились до сих пор. Судя по материалам, собранным этнографической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР в 1955 и 1956 гг., атпа — это водочерпалка, представляющая собой деревянный лоток на длинном (2,5—3 м) шесте, подвешенном на арканах (толстых и крепких, плетенных из шерсти, а еще чаще — из конского волоса, веревках) к треноге. Деревянным черпаком брали воду из водоема и выливали в деревянный желоб, по которому она поступала в распределительный арык, а затем растекалась по оросительной сети²⁹.

Более совершенным для того времени средством полива в Средней Азии и в Казахстане был чигирь. Устройство этого орудия описано И. Алтынсариним, а также отдельными дореволюционными авторами — Г. Загряжским, Н. Дингельштедтом, султаном Тлеу Сейдалиным, Л. Чермаком и другими.

Г. Загряжский следующим образом описывает устройство чигиря в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области, который был установлен на берегу р. Сыр-Дарьи в 70-х годах XIX в.: «Чигирь есть колесо, в диаметре до 2,5 аршин, по наружной стороне обода его привязаны наискось узкие, продолговатые бочонки, формы усеченного конуса, с глухим нижним основанием; их делают из колючки. Колесо это помещается на деревянной оси, с железными шипами, в бассейне такой глубины,

²⁹ И. В. Захарова. Об итогах этнографических экспедиций 1955—1956 года. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 4.

чтобы одновременно погружалось в воду не более четырех бочек. Это соблюдается для того, чтобы не подымать лишней воды, которая не может удержаться в них, и, не принося пользы посеву, только тяжестью своею напрасно утомляет быка, приводящего в движение чигирь.

В конце оси колеса проделывается вертикальное зубчатое колесо, $\frac{3}{4}$ в диаметре; рядом с зубчатым колесом, на железных нитках, помещается вертикальный вал, на котором укрепляется шестерня, сцепляющаяся с зубцами колеса оси. К вертикальному валу приделывают рычаг, а если чигирь большой, то два рычага»³⁰.

Л. Чермак³¹, обследовавший Акмолинскую и Семипалатинскую области в составе экспедиции Ф. Щербины, подробно описал устройство чигиря, установленного на берегу р. Кургальджин. Он пишет, что видел рядом с водоемом легкий камышовый сарайчик на шести врытых в землю стойках. Одна стена также сделана из камыша. «В сарае находился конный привод и поливное колесо (чигирь), приводимое в движение приводом, состоящим из деревянного вертикального вала, в средней части которого вдолблен небольшой горизонтальный рычаг, к которому припрягают лошадь, а еще чаще вола, и в нижней насажено горизонтальное колесо, снабженное деревянными кулаками, расположенными по радиусам. Эти кулаки толкают таковые же кулаки другого колеса, надетого на горизонтальный вал, на другом конце которого было некоторое утолщение с выдолбленными в нем гнездами, в которые вставляются спицы самого чигиря. Этот горизонтальный вал лежал со стороны колес на подшипнике, а с другой опирался во врытый в землю брус с углублением для конца вала. Этот же брус служил основанием и для вертикального вала. Горизонтальный вал помещался в канаве немного ниже поверхности земли. Самое колесо — чигирь — состоит из двух-трех десятков спиц, вставленных в вал, к свободным концам которых привязываются кольца или обода, связанные из ивовых прутьев... сверху обода при-

³⁰ Г. Загряжский. Очерки Перовского уезда. «Туркестанская газета», 1872. № 29.

³¹ Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область. 2. Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, стр. XVI—XVII.

вязана деревянная, закрытая с одного конца трубка вершков 10 длиной и 2-х вершков в диаметре. Трубки эти в средней своей части привязываются к другому, ивовому же кольцу, идущему параллельно первому, но несколько меньшего диаметра, вследствие чего трубки непараллельны валу, а открытыми концами несколько обращены внутрь. Сбоку колеса укреплено деревянное корыто-желоб для отвода воды в поле. Для приведения в действие этой машины к рычагу, прикрепленному к вертикальному валу, припрягают лошадь, которая приводит во вращение вертикальный вал, а последний горизонтальный вал, таким образом, приводит в движение колесо. Машина сделана грубо, начиная с зубчатых колес, равных по величине, и кончая черпаками-трубками, доносящими до желоба едва ли половину забираемой воды... Что касается ее достоинств, то они заключаются в крайней простоте конструкции — любую часть может сделать сам земледелец... все приспособления стоят около 25 руб. при 7—10-летней службе».

Далее автор пишет о том, как орошалась пашня. Вода, попавшая в корыто, отводится желобом прямо в поле, где устроена целая сеть мелких канавок, распределяющих воду по отдельным участкам пашни, имеющим вид квадратных тарелок. Нужно сказать, что в иных случаях один чигирь не в состоянии подать воду на отдаленные пашни. Тогда делается промежуточный водоем и ставят второй чигирь. Когда главная канава, распределяющая воду по пашне, готова, приступают к вспашке земли.

Таково подробное описание устройства чигиря, сделанное двумя дореволюционными авторами в разных зонах края.

Н. Дингельштедт — знаток оросительных систем в Средней Азии и на юге Казахстана — обходит подробное описание устройства чигиря.

И. Алтынсарин называл чигирь просто «своеобразно устроенной оросительной машиной»³².

В статье «Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов» И. В. Захарова пишет: «Чигирь — это большое, метра 4 в диаметре, вертикальное колесо с прикрепленными к нему наглухо деревянными, кожа-

³² «Оренбургский листок», 1880, № 17.

ными или глиняными сосудами, расположенными с таким расчетом, что внизу, в водоподъеме, в них набиралась вода и с известной высоты выливалась в деревянный желоб, выводивший воду к арыку и далее на поля»³³.

Судя по описанию Л. Чермака, размер колеса чигиря мог быть различным, определенный стандарт не соблюдался. По мнению Г. Загряжского, к чигирям припрягали одного или двух быков, по мнению Л. Чермака — лошадей и чаще волов, в зависимости от величины колеса, по мнению И. В. Захаровой — быков, ослов или верблюдов.

Таким образом, судя по описаниям дореволюционных авторов и воспоминаниям многих стариков, колеса чигирев были различной величины и приводились в движение быками, верблюдами или лошадьми.

Г. Загряжский приводит такой любопытный факт: «Для того, чтобы быки выносили эту работу, на глаза им надевают кожаные колпаки, так что они ничего не видят. Ось чигиря врывается в землю, помещаясь в желобе, от чего бык не имеет никакого препятствия при движении. Работа происходит день и ночь. Каждый чигирь обслуживают ежесуточно 4 работника»³⁴.

О производительности чигиря интересные данные имеются в исследовании Н. Дингельштедта. По его подсчету, хорошо устроенный чигирь, «имеющий 24 ведерных чилика (черпака) особой формы и установленный на двух больших хивинских лодках, дает до 75 000 ведер в сутки». Далее он установил, что «чигирь делает в минуту от 2 до 2,5 оборота, следовательно, помножив 24 (число черпаков) на 2 и отдельно на 2,5, он дает от 48 до 60 ведер в минуту, а в час — от 2880 до 3600 ведер, взяв среднее число из этих последних цифр 3240 и помножив его на 24, получим, что один чигирь поднимает из реки 77 760 ведер воды в сутки, а за исключением из этого количества небольшой затраты воды при выливании ее из чиликов в желоба, во время сильных и порывистых боковых ветров, действительный приток

³³ Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 5.

³⁴ «Туркестанская газета», 1872, № 29.

из одного чигиря выражается в количестве около 75 000 ведер воды в сутки»³⁵.

Труд егинши был каторжным. Недаром известный востоковед В. В. Григорьев, долгое время служивший председателем оренбургской пограничной комиссии, а затем областного правления оренбургских киргизов, в своей записке, представленной оренбургскому генерал-губернатору в 1862 г., писал: «Другого земледелия, кроме поливного, не может быть на Сыре, а оно сопряжено с таким трудом, который русскому земледельцу покажется каторжной работой: кто же захочет идти добровольно на каторгу».

Отмечая терпеливость и трудолюбие сыр-дарьинских егинши, Григорьев далее писал, что они «привыкли уже к поливному земледелию и тяжким трудам с ним сопряженным, они и не понимают, как может быть иначе, видя то же самое у всех азиатских соседей своих, и в Хиве, и в Бухаре, и в Коканде, а потому и не тяготеют тем, что для русских составляет мученье; устраивать плотины, проводить каналы дело для них знакомое и которое делают они притом по исконной к нему привычке»³⁶.

Чигирь применялся в Средней Азии и Казахстане испокон веков. Устройство его было несложное и производительность небольшая. По подсчетам дореволюционных авторов, при круглосуточном движении за лето один чигирь успевал поливать десятину пахотного поля.

4. Полеводство

а) Способы полеводства

В земледелии казахских шаруа господствовала в основном залежная система. Но с конца XIX в., когда проходило массовое переселение крестьян из центральных губерний страны, в северных, западных и восточных районах края полеводство было иного характера. Перенимая опыт у переселенческого крестьянства, егин-

³⁵ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область, ч. I и II. СПб., 1893, стр. 341—342.

³⁶ ЦГА КазССР, ф. 5, д. 396, лл. 2, 3.

ши начали придерживаться трехпольной системы: в первый год сеяли просо, во второй — пшеницу, в третий — овес или ячмень. Начиная с четвертого года они бросали землю в залежь на три—пять лет и переходили на новое место. В связи с этим поливное земледелие уступало место развивавшемуся сравнительно быстро богарному земледелию.

На юге Казахстана господствовало поливное земледелие. Богарное земледелие начало развиваться здесь также под влиянием переселенческого крестьянства. Например, богарная посевная площадь к 1910 г. составляла в Перовском уезде 0,41 десятины из 1,32 десятины посева на каждое хозяйство³⁷; в Казалинском уезде на 0,97 десятины приходилось 0,34 десятины богары.

Несколько иное соотношение поливных и богарных земель имелось в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах. В Чимкентском уезде в 1906 г. на каждые 10,54 десятины приходилось неполивных посевов: в степной части — 0,75 десятины, а в горной — $\frac{1}{3}$ всей пахотной площади. В Аулие-Атинском уезде в 1907 г. из 151 381,36 десятины поливных было 131 461,75 и богарных 19 919,61 десятины, т. е. на одно хозяйство приходилось: поливной пашни 3,73 десятины и богарной — 0,57 десятины. Такое же соотношение поливных и богарных посевов было и в Семиречье.

Орошаемые земли делились между большими и малыми артелями, а затем между отдельными егинши, принимавшими участие в строительстве арыков. Дележ производился так: площади нередко определялись условно — на глаз или шагами, веревкой, палкой известной длины, так как казахские шаруа до периода массового притока крестьян из Центральной России не имели четкого представления о размерах десятины. Раздел производился при посредничестве аксакалов, волостных управителей и аульных старшин. Сначала вся земля разбивалась на участки. Затем егинши разбивались на группы по 5, 10, 15, 20 и т. д. хозяйств, выбирали доверенных аксакалов, которые делили крупные участки

³⁷ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 57; Казалинский уезд. Ташкент, 1913, стр. 41; Чимкентский уезд. Ташкент, 1908, стр. 50; Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 58.

между артелями, затем между отдельными хозяйствами.

Раздел земли производился по жребию. Аксакалы чертили на земле изображения или номера участков (1, 2, 3 и т. д.) и на них клали отмеченные каждой группой егинши кусочки дерева. Таким же порядком производился дележ земли между отдельными хозяйствами.

Характерно, что раздел участков повторялся ежегодно, в течение пяти лет и более.

Таким образом, раздел орошаемых земельных участков егинши производился по народному обычаю. В процессе раздела зачастую допускались махинации со стороны аксакалов и мирабов, поддававшихся на подкуп и взятку.

Участки орошаемых земель по обычному праву переходили «в полную собственность того, — писал Л. Костенко, — кто заведет на своем чаке (участке. — Б. С.) сад, или обнесет его оградой, или выстроит на нем дом, или засеет джонушкою (клевер. — Б. С.)». Далее автор пишет, что владелец такого участка по-прежнему обязан выставлять своих людей и рабочий скот для ремонта арыков³⁸.

В поливном земледелии севооборот несколько отличался от земледелия севооборота богарного. Участки земли, в зависимости от полива, засевались почти до истощения, т. е. в течение четырех-пяти лет и более, а при недостатке орошаемой площади — подряд до 10—15 лет.

В орошаемых долинах чередование культур было следующим. Первый год сеяли просо, второй — пшеницу или ячмень, третий — снова просо, четвертый — пшеницу, пятый — просо или пшеницу. Иногда с пятого года земля оставлялась в залежь ввиду ее крайнего истощения. Такое чередование культур производилось при постоянном и нормальном орошении посевов. При недостатке воды чередование культур не производилось. Судя по материалам, собранным статистической группой Сыр-Дарьинской области в 1906 г., например, в Чимкентском уезде иногда пшеницу сеяли «на одном месте

³⁸ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 171—172.

подряд 5—6 лет», затем на этом же месте стали сеять «столько же времени чечевицу, просо, горох, лен». Таким образом, «в этом случае земля никогда не находится под паром»³⁹.

Кроме проса, пшеницы, ячменя и овса на юге Казахстана сеяли кукурузу, горох, кунжут, индау, рис, хлопок, выращивали капусту, картофель, лук, бобы. Сеяли также кормовые культуры (клевер, люцерну)⁴⁰. В некоторых южных районах края в севооборот вводили посев бахчевых культур. В таких случаях в первый год выращивали бахчевые культуры, во второй и третий — пшеницу или ячмень, в четвертый — бахчевые культуры. Затем следовала залежь сроком на два-три года. Иногда в севооборот вводилось просо. В таком случае чередование происходило иначе: в первый год выращивались дыни, во второй — пшеница или ячмень, в третий — просо, в четвертый — пшеница или ячмень, в пятый — дыни. Далее оставлялась залежь на несколько лет.

Таков был на землях казахских егинши севооборот, перенятый у крестьян-переселенцев. В целом в земледелии края все еще преобладала переложная система, не производилось удобрение пахотных земель.

Из всех высеваемых культур самым трудоемким был хлопчатник, посевы которого постоянно производились в Сыр-Дарьинской области. Например, в 1906 г. в Чимкентском уезде этой области засеивались хлопчатником 3624 десятины, из них американскими сортами — 3185 десятин и местными 439. В том же году хлопком было занято 1,7 десятины из 100 десятин всех видов посева⁴¹. Иначе говоря, под хлопок было занято 1,9% площади всего посева, или 0,18% площади поливных пашен⁴².

По данным экспедиции К. К. Палена, хлопок выращивался следующим образом. Весной, с конца марта до половины апреля, производились вспашка, боронование и укатывание. Спустя неделю производилась повторная

³⁹ Материалы по киргизскому землепользованию... Чимкентский уезд. Ташкент, 1908, стр. 64.

⁴⁰ Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870, стр. 172, 177, 183.

⁴¹ К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I. СПб., 1911, стр. 65.

⁴² Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд. Ташкент, 1908, стр. 62.

вспашка, затем посев и полив. Своевременно проводились прополка, прореживание и окучивание всходов. Во время ухода за посевами производилась обрезка больных, сухих ветвей и верхушек. Сбор урожая хлопка-сырца продолжался с половины сентября и почти вплоть до конца ноября — по мере созревания коробочек.

Семена при посеве закладывались в лунки глубиной около 1 вершка, располагавшиеся на расстоянии 12—13 вершков одна от другой. В лунку бросали 4—5, иногда 10 семян, закрывали их землей. Таким образом, на десятину шло около 8 кг сортовых семян.

Всходы хлопчатника появлялись через неделю после посева, а спустя 20—25 дней производились полив, прореживание всходов, прополка и мотыжение. При прореживании в каждой лунке оставлялись 2—3 ростка. Мотыжение способствовало разрыхлению почвы и дроблению корки, которая образуется на почве после полива, а также удалению сорняков.

Посевы хлопчатника поливались два-три раза в лето, в зависимости от качества почвы и климатических условий. При глубокой вспашке посевы орошались три раза (в начале мая, в середине июня и в первых числах июля), а на мелко вспаханных плотных и сухих почвах — четыре и даже пять раз.

Урожайность хлопчатника была различной. С каждого гектара в 1906 г. было собрано: американского сорта — по 41 пуду, местного сорта — по 30 пудов; в 1907 г. — соответственно 46 и 20 пудов⁴³.

Туркестанский край был основным поставщиком хлопка для текстильной промышленности Европейской России. Хлопок ценился дорого, и местное население стремилось ежегодно расширять посевную площадь этой ценной технической культуры. Хлопок-сырец население сдавало хлопкоочистительным заводам Сыр-Дарьинской области. Таких заводов в 1901 г. в области насчитывалось 47.

Хлопководством занимались прежде всего бай, связанные со скупщиками — агентами текстильных предприятий Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода и других городов Центральной России.

⁴³ К. К. Пален. Указанные «Материалы...», стр. 76.

6) Уртачество

По всей казахской степи, особенно в южной части, процветало *уртачество*⁴⁴, являвшееся тяжелым бременем для бедняков и вместе с тем прибыльной статьей для обогащения и наживы баев. Иначе говоря, уртачество являлось методом внеэкономического принуждения бедняков и способом жестокой эксплуатации их баями.

В уртачестве не имелось твердо установленных норм затраты средств и труда. Оно могло быть двусторонним и трехсторонним.

Так, например, бай уступал бедняку, лишенному средств существования, часть своего участка земли, чаще — вдоль оросительных сооружений, а также давал ему семена, рабочий скот, сельскохозяйственные орудия. За это хозяину полагалось две трети урожая, а егинши, который выращивал урожай, доставалась лишь треть или даже четвертая часть урожая.

Были и другие методы закабаления егинши, возникало уртачество и при других условиях. Например, двое егенши сообща обрабатывали землю, выращивали и делили между собой урожай по количеству затраченных средств и труда.

О том, что уртачество в описываемый период было развито, говорят следующие данные. В Аулие-Атинском уезде (Сыр-Дарьинская область), например, около 40% сеющих хозяйств⁴⁵ были уртаческими, а в Петропавловском (Акмолинская область)⁴⁶ — свыше 50% хозяйств.

О кабальном характере уртачества писали сами чиновники колониальной власти края. В 1871 г. начальник Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области писал: «По отлогам гор и равнинам, вблизи рек, ручьев и ключей незатейливый байгуш-егенши (земледелец) ставит ранней весной дырявую юрту и копает деревянным сабаном землю, редко от себя, а большей частью по найму бая (богатого киргиза), который дает ему одну корову, от 10 до 15 дойных коз, один батман ячменя или же, не давая скота, дает два батмана пшеницы на прокорм его

⁴⁴ То же, что и «*супрага*» (совместная обработка земли).

⁴⁵ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 38.

⁴⁶ Там же. Акмолинская обл. Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908, стр. 86—89.

семьи, и за эту ничтожную плату бай пользуется силой и работой егинши круглый год. Егинши, получая все земледельческие орудия и семена, принимает на себя весь труд по возделыванию почвы для бая, который по сборе злаков дает еще, как бы в вознаграждение егинши четвертую часть со всего урожая». Далее, он утвердительно заявил: «Но бедный класс, как я сказал, всегда служит в работниках у богатых и должен находиться в этом несомненном состоянии всегда»⁴⁷.

Такова была сущность уртачества. Беднота вынужденно шла в такую тяжелую кабалу к баю, так как не имела тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря, семян, а на юге — участка орошаемой земли.

Отсюда неправ был Г. Тогжанов, который, глубоко не вникая в экономическое содержание уртачества, считал, что по форме и по существу оно было обыкновенной «издольщиной», т. е. одним из видов отработки земли⁴⁸. Несомненно, экономическая сущность уртачества и «супряги» была одной и той же, что в русской деревне испольщина, являвшаяся разновидностью отработки.

Характеризуя сущность отработки, как прямой и непосредственный пережиток барщины и как переход от барщины к капитализму, В. И. Ленин писал, что «... крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу... Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева»⁴⁹.

Уртачество существовало не только в земледелии, но и в промыслах, например в извозном, где бай вступал с бедняком в пай по перевозке груза в города и на ярмарки. По материалам Г. Тогжанова, условия извозного промысла были таковы: бай давал бедняку 10 верблюдов, а доход делился так: баю один пай, каждому верблюду по одному паю и бедняку один пай, всего 12 паев. Таким образом, баю — владельцу тягловой силы полагалось 11 паев, а бедняку только один пай. Были и другие условия: имея своих одного или двух верблюдов, бедняк брал

⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 3005, лл. 159—165.

⁴⁸ Г. Тогжанов. Казахский колониальный аул, ч. I. М., 1934, стр. 92.

⁴⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 67.

еще 5—6 верблюдов у бая, а доходы делились на таких же условиях⁵⁰.

Таким образом, и здесь тяжелая байская кабала бедноты основывается на таких же условиях уртачества, как в земледелии, только в несколько иной форме.

5. Земледельческие орудия

Расширение посевных площадей зависело от различных условий, одним из которых явилось развитие техники земледелия. В описываемый период на севере края, где влияние экономики Европейской России ощущалось сильнее, земледелие сравнительно быстро развивалось в целом на основе усовершенствованной техники полеводства, земледельческих орудий усовершенствованной конструкции было больше, тогда как на юге земля обрабатывалась примитивными сельскохозяйственными орудиями. Например, в Перовском уезде в 1910 г. 12 958 сеющих хозяйств имели всего сох: железных — 30 и деревянных — 13 072; борон: железных — 10 и деревянных — 12 764 штук⁵¹. Причем из всего количества сеющих хозяйств имели земледельческие орудия только 54,7%; следовательно, 45,3% сеющих хозяйств не имели земледельческих орудий.

В Чимкентском уезде в 1906 г. земледелием занимались 23 802 хозяйства, в которых было зарегистрировано всего 100 железных плугов и 45 деревянных борон с железными зубьями⁵².

В Аулие-Атинском уезде также преобладал деревянный «омач», или «тс-агач» (в литературе дореволюционного периода — «джер-агач»). Почти все дореволюционные авторы одинаково описали устройство «омача». Для примера сошлемся на описания этого орудия исследователями М. И. Носковым и Л. Чермаком.

Исследовавший состояние земледелия в Перовском уезде в составе Сыр-Дарьинской статистической партии М. И. Носков пришел к заключению, что омач — одно из самых распространенных орудий земледелия во всем

⁵⁰ Г. Тогжанов. Указанная работа, стр. 92.

⁵¹ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 74.

⁵² Там же. Чимкентский уезд, т. II, вып. I. Ташкент, 1910, стр. 94.

Туркестанском крае. «Простота устройства, легкость и дешевизна этого орудия делают его незаменимым в туземном хозяйстве. «Омач» состоит из двух деревянных частей: из стойки, несколько не достигающей высоты груди, и прикрепленного к середине этой стойки, или немного ниже, грядиля; последний имеет в длину 3,5—4 аршина и служит в то же время дышлом для запряжки животных. Нижний конец стойки изогнут вперед под углом несколько больше прямого (в виде башмака), а с задней стороны к верхнему концу прикреплена ручка. На изогнутый конец, башмак, насаживался чугунный или железный наконечник — лемех, «тыс». Этот наконечник имеет форму треугольника и напоминает лемех обыкновенного окучника»⁵³.

Другой исследователь края Л. Чермак пишет, что землю «пашут тызом, представляющим собою нечто вроде «гусиной лапки». Это березовый брусок, к которому прикреплены в верхней части дышло, а в нижней, почти под прямым углом, другой брусок, к которому приделан железный, киргизской работы, лемех — тыз»⁵⁴.

Другие авторы, описавшие «омач», который они встречали в различных частях края, по-существу развивали и дополняли друг друга.

Вспашка земли омачом производилась на глубину 3—4 вершков, при одной паре рабочего скота. Следовательно, поднятие пара или целинных земель при такой глубине вспашки не всегда давало возможность избавиться от сорняков. Поэтому егинши нередко после посева семян вспахивали почву вторично, вместо боронования. При обработке целинных и залежных земель егинши обычно впрягали пять пар волов или лошадей.

Под влиянием крестьян-переселенцев егинши стремились к приобретению усовершенствованных орудий — железных плугов, борон, жнеек. Однако вследствие дороговизны этих машин егинши не всегда могли купить их. В таком же положении находилось и большинство переселенческого крестьянства. Тем не менее росло количество егинши, приобретавших усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, за счет роста товарности зем-

⁵³ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область, Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 75.

⁵⁴ Там же. Акмолинская область. 2. Атбасарский уезд. Т. II. Воронеж, 1802, стр. XVII—XVIII.

леделия и скотоводства. Судя по материалам Ф. Щербины (1897 г.), например, в Петропавловском уезде имелось плугов 880, борон—1865; в 1907—1908 гг. количество железных плугов увеличилось до 1425, борон—до 4395. В волостях Уральского уезда в 1906 г. было плугов (сабанов) деревянных «чрезвычайно мало, они уступают свое место железным однолемешным плугам фабричного производства»⁵⁵,— писала статистическая группа Тургайско-Уральского переселенческого района.

По данным экспедиции П. П. Румянцева в 1910 г., на 100 сеющих хозяйств приходилось: в Верненском уезде железных плугов 21,32, борон—93; в Джаркентском уезде, соответственно, плугов—8,45, борон—9; в Копальском уезде борон и плугов—по 47,07; в Лепсинском уезде на 100 сеющих хозяйств—33 железных бороны⁵⁶.

В Усть-Каменогорском уезде егинши имели 2839 сох, из них однолемешных—2811, двухлемешных—26, многолемешных—2; борон с железными зубьями—2818. В соседнем Зайсанском уезде, где влияние переселенцев-старожилов ощущалось сравнительно слабее, чем в Усть-Каменогорском, у егинши имелось плугов 622, из них однолемешных—597, двухлемешных—22, многолемешных—3; борон с железными зубьями—535. В этих уездах к 1911 г. насчитывалось 17 жнеек⁵⁷. Крупные баи, сочетавшие земледелие и скотоводство с торговыми операциями, имели в своих хозяйствах более усовершенствованные машины—молотилки, веялки, жатки.

Уборка урожая производилась различными способами. Бедняки убирали хлеб серпом местного (плоским ножевым остроконечником) и фабричного производства. Середняки, занимавшиеся земледелием не только для себя, но и для рынка, убирали урожай серпом, косой и жатвенными машинами, а баи, производившие массовые посевы исключительно для продажи на местном и все-российском рынке, убирали урожай машинами.

⁵⁵ Там же. Уральский уезд. Оренбург, 1909, стр. 41, 42.

⁵⁶ Материалы по обследованию туземного и старожильского хозяйства... Верненский уезд. Т. IV, СПб., 1913, стр. 260, 262.

⁵⁷ Х. Аргынбаев. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияния на материальную культуру казахов в середине XIX—начале XX вв. (по материалам Восточного Казахстана). Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, т. 6, Алма-Ата, 1959, стр. 43—44.

Обмолот урожая велся различными способами. Крупные бай, особенно на севере края, так же, как и кулаки переселенческих деревень, в основном обмолачивали хлеб молотилкой и, частично, с помощью рабочего скота, середняки — рабочим скотом и иногда молотилкой; бедняки, так же как и переселенческая беднота, — исключительно рабочим скотом.

Наиболее распространенным способом был обмолот рабочим скотом. К упряжке быков или лошадей прикрепляли граненые камни (катки), иногда бревна; затем водили по кругу тока (кырман), на котором расстилались ровным слоем снопы. Практиковали также другой, еще более простой способ: сажали, например, подростков на коней, которые кружились и топтали снопы до тех пор, пока зерно не высыпалось полностью из колосьев. Веяние обмолоченного урожая производилось подбрасыванием соломы вилами вверх.

Примитивный способ уборки и обмолота урожая был господствующим в дореволюционном Казахстане.

6. Развитие земледелия

а) Трудовое содружество шаруа и переселенческого крестьянства

Развитие производительных сил аула, в частности в земледелии, происходило под прогрессивным воздействием общих экономических условий капиталистической России и под непосредственным влиянием переселенческого крестьянства. Между казахами и русскими крестьянами благоприятно развивались дружественные отношения (тамырство) прежде всего на почве их хозяйственной взаимообусловленности. Об этом свидетельствует значительное число данных, относящихся к концу XIX в. К ним относятся «Сведения о русских среди киргиз Актюбинского уезда Тургайской области, собранные неперменным членом Тургайского областного статистического комитета В. Катаринским летом 1895 г.».

В. В. Катаринский долгие годы служил инспектором национальных школ Оренбургского учебного округа, находился в дружбе с казахским просветителем И. Алтынсариным, поддерживал его во всем, писал учебные пособия для русско-казахских школ, был одним из деятель-

ных членов Оренбургского отдела Русского географического общества. По заданию Тургайского статистического комитета он побывал во всех десяти русских хуторах Актюбинского уезда, расположенных среди казахских аулов, собрал интересные материалы о взаимоотношениях переселенческой бедноты с казахскими шаруа. В хуторе Паролово крестьяне-переселенцы говорили, что они «к киргизам относятся дружелюбно, а равно и киргизы не обижают их... заметно киргизы стараются перенимать у русских способы ведения хозяйства, а также знакомятся с русским языком. Дети и молодые русские тоже невольно усваивают здесь киргизский язык при частых встречах с киргизами».

Далее В. Катаринский замечает: «Если киргизы будут сдавать русским свою землю, то поселенцы будут жить здесь, иначе — уйдут куда-нибудь. Таков обычный ответ всех поселенцев».

На Кулешевском хуторе на вопросы В. Катаринского крестьяне отвечали: «К киргизам переселенцы относятся дружелюбно... киргизы начинают больше и лучше говорить по-русски, перенимают орудия сельскохозяйственные, начинают кроме проса сеять ячмень и пшеницу, стараются работать по-русски, даже пекут сами хлеб, заводят железные сабаны». На Кос-Эстекском хуторе крестьяне рассказали ему, что «переселенцы будут пользоваться землей на правах аренды... По недостатку скота занимаются обработкой земли у киргиз исполу (земля и скотина киргизская, семена пополам, а работа вся русских)». Крестьяне Моржовского хутора говорили также о том, что «влияние поселенцев на киргиз заметно во всем: говорят киргизы по-русски теперь гораздо больше и лучше, начинают сеять пшеницу, чего прежде не было, пользуются русскими земледельческими орудиями для обработки своей земли, носят даже обувь русскую»⁵⁸.

Эти данные свидетельствуют о том, что дружба между русскими и казахскими крестьянами развивалась плодотворно. К такому же заключению приводят и показания самих шаруа, записанные Ф. Щербиной. Так, в ауле № 4 Аиртауской волости Кокчетавского уезда шаруа сеяли пшеницу и овес и возделывали картофель. Этому они научились у русских крестьян, которые выполняли

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 28, лл. 15—33.

по найму большинство земледельческих работ. В ауле № 9 этой же волости шаруа научились пахать землю под влиянием крестьян-переселенцев, а в ауле № 15 они выбрали землю под пашню по примеру русских крестьян, т. е. там, где хорошо растут кодэ и бетегэ (ковыль и типец). Казахи аула № 4 Котуркульской волости рассказывали, что они пашут по примеру русских крестьян там, где густо растут кодэ и бетегэ. Казахи аула № 8 Кокчетавской волости научились у русских крестьян сортировать семена. В ауле № 4 Зерендинской волости казахи в течение 15 лет пашут сообща с русскими крестьянами.

В литературе описаны сотни примеров, как русское крестьянство передавало свой земледельческий опыт казахским шаруа. Это было особенно заметно в северных уездах края. В рассказах о шаруа аула № 4 Атбасарской волости того же уезда говорится, что они начали заниматься земледелием под влиянием крестьян-переселенцев и научились у них же применять сельскохозяйственную технику. В аулах № 14, 16, 19 и 20 этой же волости шаруа переняли опыт земледелия у крестьян Амантайского поселка. Казахи девятнадцати (№ 5—17 и № 19—24) хозяйственных аулов старшинства № 1 Джергалинской волости жили по соседству с русскими крестьянами и переняли у них опыт земледелия.

Эти и другие факты свидетельствуют о содружестве шаруа и русского переселенческого крестьянства.

б) Развитие земледелия

На пороге XX в. земледелие в Казахстане развивалось не только в скотоводческо-земледельческой, но и в скотоводческой зоне. Это видно из данных по Атбасарскому уезду, где из 12837 хозяйств земледелием занималось 3938. В трех уездах Акмолинской области — Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском — в 1898 г. земледелием занимались, округленно, 13 тыс. хозяйств, которые вспахивали 12 888 десятин земли. На каждое сеющее хозяйство приходилось 0,99 десятины посева, а на каждое из 47 164 хозяйств — по 0,6 десятины и на каждую душу населения (277428 чел.) по 0,05 десятины посева. Указывая на это, необходимо принимать во внимание, что около 25% всех хозяйств этих трех степных уездов

занимались земледелием. Там, где влияние переселенческого крестьянства оказывалось сильнее, земледелие среди казахского населения развивалось гораздо быстрее. В этой связи характерны данные по Кокчетавскому уезду (табл. 2)⁵⁹.

Таблица 2

Количество сеющих хозяйств Кокчетавского уезда
и обеспеченность их земель и скотом

Волости	% хозяйств, занимающихся земледелием	Из них жатаческих	Приходится на каждое хозяйство	
			угодий, дес.	скота, голов (в переводе на лошадь)
Джиландинская	69,7	2,0	498	20,4
Зерендинская	26,8	3,4	29	18,7
Котуркульская	26,5	10,8	206	17,0
Мизгильская	20,0	0,9	170	20,7
Айртауская	17,5	8,2	249	18,2
Восточная	5,6	2,4	32	14,4
Кокчетавская	3,0	3,0	255	21,6
Челкарская	0,9	2,2	177	23,1
Итого по уезду	22,2	4,6	282	20,0

Из таблицы 2 видно, что между данными о наличии земельных угодий и скота, а также о количестве хозяйств жатаков нет определенной взаимозависимости. Так, в Джиландинской волости, хотя хозяйства были более обеспечены землей, количество жатаческих хозяйств составляло всего лишь 2%. Наиболее развито земледелие в Котуркульской волости. В Челкарской волости — незначительное количество хозяйств жатаков, мало обеспеченных землей. Следовательно, ни один из трех признаков — ни жатачество, ни размер земельной площади, ни количество скота — не находится в определенной связи с процентом хозяйств, занимающихся земледелием, и эти признаки нельзя отнести к числу тех основных условий, которыми характеризуется развитие земледелия.

На примере Кокчетавского уезда совершенно определенно напрашивается другой вывод. В тех волостях, где было больше русских поселений, казахское население быстрее начинало заниматься хлебопашеством.

⁵⁹ Там же, д. 1496, л. 322.

Таким же образом земледелие у казахов шаруа Кустанайского уезда развивалось в тесной связи с хозяйственным бытом переселенческого крестьянства.

Так, в Ара-Карагайской волости Кустанайского уезда в 1898 г. было всего 1643 хозяйства, из них отсутствовало (уходили на заработки) 85, а спустя 7 лет, т. е. в 1905 г., имелось всего 1706 хозяйств, из них отсутствовало 118. Иными словами, в 1898 г. количество сеющих хозяйств составляло 72,3%, в 1905 г.—94%. Площадь запахиваемой земли на каждое хозяйство (кибитку) в 1905 г. составляла 7,6 десятины (при колебании по аулам от 4,3 до 11 десятин), тогда как в 1898 г. на каждое сеющее хозяйство приходилось по 2,4 десятины.

Теперь определим степень развития земледелия в Ара-Карагайской волости в сравнении с другими волостями Кустанайского уезда по данным того же 1898 г. (табл. 3)⁶⁰.

Таблица 3

Развитие земледелия в волостях Кустанайского уезда
по данным 1898 г.

Волости	% сеющих хозяйств	Площадь посева на одно сеющее хозяйство, десятин	Приходится скота на хозяйство, голов (в переводе на лошадей)
Дамбарская	95,4	4 8	39 4
Кен-Аральская	71,5	4,0	26,0
Кумакская	93,0	3,4	14,0
Карабалыкская	78 5	3,0	20,7
Суюндукская	88 1	2,4	12,9
Бестюбинская	85,1	2,4	18 9
Мендыгаринская	67 2	2,1	16 3
Джилкаирская	85,8	2 0	13 9
Ара-Карагайская	72 3	3,3	22 4
Ара-Карагайская (1905 г.)	94	8,3	22,5

Из данных таблицы 3 видно, что Ара-Карагайская волость, куда сравнительно не так давно поселились крестьяне, по развитию земледелия к 1905 г. уже не отставала от других волостей, где и крестьянские поселения образовались задолго до массового переселения.

⁶⁰ Влияние колонизации на киргизское хозяйство. СПб., 1907, стр. 7, 8.

Привлекают внимание данные о степени развития земледелия в Саройской волости Кустанайского уезда⁶¹ Земледелие в этой волости было довольно развитым. В 1898 г. около 85% хозяйств имело посевы в среднем до 9 десятин на хозяйство. В течение 9 лет, т. е. к 1907 г., процент сеющих хозяйств в волости достиг 93,6%, и на одно хозяйство приходилось в среднем 13 десятин посева.

Данные о степени развития земледелия в волости показывают, что чем богаче было обеспечено хозяйство скотом, тем больше была площадь посева в нем и, соответственно, больше инвентаря и наемных рабочих. Этот вывод подтверждается таблицами 4 и 5.

Таблица 4

Размеры посевов в хозяйствах Саройской волости по группам обеспеченности рабочим скотом (1907 г.)

Группы хозяйств по количеству скота, голов	Общее количество хозяйств	Из них хозяйств с посевом	Их же, %	Десятин посева	
				всего	на одно хозяйство
До 5	121	87	72,0	272	3,1
5—10	272	245	90 0	1012	4,1
10—15	238	225	94 5	1418	6,3
15—25	335	319	95,2	2343	7,0
25—35	204	197	96 5	2046	10,3
35—50	190	184	96 7	2461	13,3
50—100	178	172	96 6	3252	19,0
Свыше 100	116	112	96 5	7249	64,7
Всего	1656	1541	93,6	20053	13

Таблицы 4 и 5 свидетельствуют о проникновении капитализма в сельское хозяйство аула. Пожалуй, не будет преувеличением, если сказать, что сельскохозяйственное производство Саройской волости в описываемое время было почти аналогичным сельскохозяйственному производству приволжских селений.

Чтобы убедиться в правильности высказанного нами соображения, подойдем к проверке состояния земледельческих и промысловых хозяйств по получаемому доходу (табл. 6).

⁶¹ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2825, лл. 56, 57, 58 (таблицы 4—7).

Таблица 5

**Обеспеченность сеющих хозяйств Саройской волости
сельскохозяйственными орудиями и машинами**

Группы хозяйств по количеству скота, голов	Количество хозяйств, имеющих плуги и бороны		Всего с/х орудий		Всего хозяйств, имеющих с/х машины	Количество с/х машин в этих хозяйствах
	в абсол. цифрах	в %	плу-гов	борон		
До 5	39	45,0	27,5	69	1	1,0
5—10	175	71,4	135,0	427	13	9,0
10—15	180	80,0	175,0	660	21	15,0
15—25	298	93,4	295,0	1198	39	27,75
25—35	191	97,0	207,5	923	53	45,25
35—50	184	100,0	228,5	1101	73	72,75
50—100	172	100,0	275,5	1421	101	118,75
Свыше 100	112	100,0	382,0	2094	101	165,5
Итого	1351	87,7	1726,0	7893	402	455,0

Таблица 6

**Доходность хозяйств Саройской волости
Кустанайского уезда (1907 г.)**

Группы хозяйств по площади посева, десятин	Количество хозяйств, %	Площадь посева на хозяйство, десятин	Количество скота на хозяйство, голов	Количество промысловых хозяйств, %	Годовой доход на одно хозяйство, руб.
Без посева	7,0	—	18,6	87,0	365
До 1	0,9	1,0	6,2	75,0	83
1—3	14,7	2,6	10,5	60,0	133
3—5	18,2	4,5	15,3	61,0	120
5—10	28,8	7,6	25,6	58,7	145
10—15	13,7	13,0	40,5	60,0	180
15—25	9,0	20,0	60,7	46,0	229
Более 25	7,7	66,0	178,8	53,0	778

Из таблицы 6 видно, что в Саройской волости промыслом занимались большей частью те хозяйства, которые относятся к первым четырем группам, из них владели жалкое существование хозяйства, относящиеся ко второй группе. Их средний годовой доход составлял 83 руб. Следовательно, хозяйства первой, третьей и четвертой групп мы относим к бедняцким слоям населения, хозяйства второй группы — к пауперам, пятой группы — к се-

реднякам, шестой и седьмой — к зажиточным, восьмой группы — к кулакам, т. е. к аульным буржуа (7,7%).

Для доказательства уже выдвинутого нами положения обратимся к такому фактору, как степень применения наемного труда в сельскохозяйственном производстве волости (табл. 7). Для удобства, группы хозяйств по размеру площади посева обозначим римскими цифрами по восходящей линии.

Таблица 7

Количество наемных рабочих в различных экономических группах хозяйств Саройской волости, по данным за 1898 и 1907 гг.

Группы	Год	% семей с наемными рабочими	% семей с наймом на полевые работы	Количество годовых наемных рабочих на 100 семей
I—V	1898	25,0	12,1	52,5
	1907	12,3	29,5	104,5
VI—VIII	1898	61,4	33,4	900,0
	1907	61,5	70,2	1144,0

Из таблицы 7 видно, что количество наемных рабочих за 9 лет в зажиточных и байских хозяйствах (VI—VIII группы) поднялось почти вдвое, тогда как в середняцких хозяйствах количество их снизилось почти вдвое.

Баи в Саройской волости сочетали товарное земледелие со скотоводством, причем первое постепенно вытесняло второе. Они занимались торговлей, сбывая на рынок хлеб и скот, богатели за счет прибавочного труда наемных рабочих. Такой вывод подтверждается данными бюджетного обследования хозяйств этой волости.

Саройская волость не была исключением в Тургайской области, тем более в Кустанайском уезде. Такое положение наблюдалось в Чубарской, Дамбарской и других волостях, где жили крупные баи — воротилы вроде Жаманчаловых, занимавшихся в основном товарным земледелием и скотоводством. Их посевные площади были доведены до 1000 десятин и более.

По развитию земледелия Актюбинский уезд (данные Ф. Щербины)⁶² шел впереди остальных северных уездов

⁶² Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область. 7. Актюбинский уезд, т. VII. Воронеж, 1903, стр. 28, 35, 36, 38 (таблицы 8, 9).

казахской степи, в том числе и Кустанайского уезда. Это видно из таблицы 8.

Таблица 8

Уровень развития земледелия пяти северных уездов степных областей (1898 г.)

Уезды	Количество хозяйств		Общая площадь посева, десятин	% хозяйств, произв. посевы	Приходится посева, десятин	
	всего	сеющих			в среднем на каждое хозяйство	на сеющее хозяйство
Актюбинский	17689	16703	103157	95,4	5,83	6,17
Кустанайский	19474	15017	54912	77,1	2,82	3,66
Атбасарский	12857	3938	6129	30,7	0,47	1,55
Кокчетавский	12498	2782	5594	22,3	0,45	2,01
Омский	5080	168	310	3,3	0,06	1,84

Из таблицы 8 видно, что в Актюбинском уезде, расположенном на стыке европейской и азиатской частей Российской империи, количество хозяйств, производивших посевы, было больше, чем в других взятых нами для сравнения уездах. Соответственно числу хозяйств площадь посевов была большей как в общем, так и на каждое хозяйство.

В этом уезде тенденция к развитию земледелия определенно шла в направлении развития капитализма в сельском хозяйстве, широко применялся труд наемных рабочих. Только в 1533 хозяйствах (9,2%) из 16 703 сеющих обработка земли производилась собственным трудом и средствами, в 1663 хозяйствах (10%) вспашка земли велась наемными рабочими, в 2146 хозяйствах (12,8%) — смешанным способом (собственными силами и наемными рабочими), в 9792 хозяйствах (58,6%) уртачеством и, наконец, в 1569 хозяйствах (9,4%) обработка земли производилась по методу «оплаты за труд, приложенный к чужому хозяйству».

По данным Ф. Щербины, преобладающей формой обработки земли было уртачество. Эта форма вытекала в результате нехватки с/х орудий и др. средств труда. Например, из 16703 хозяйств, занимавшихся земледелием, оказалось 12567 хозяйств (75,2%), имевших сельскохозяйственные орудия, — 7410 сох и плугов и 14628 борон. Труд батраков в этом уезде оплачивался «наряду

с денежною платою и натуральным вознаграждением», т. е. наряду с оплатой деньгами, выдачей известного количества хлеба из нового урожая, по согласию договорившихся сторон.

Посевная площадь уезда равнялась 103 157, 31 десятины и распределялась по структуре следующим образом: под просом было занято 83 750, 74 десятины (81,2%), под пшеницей — 13 315,34 десятины (12,9%), под овсом — 5888,32 десятины (5,7%) и под остальными культурами — 202,91 десятины (0,2%). В число последних было около 108 десятин ячменя, 18 десятин подсолнуха и арбузов, 77 десятин озимой ржи. Бедняки в основном сеяли просо, а баи — пшеницу. Процентное соотношение структуры посевной площади по группам обеспеченности хозяйств видно из таблицы 9.

Таблица 9

Структура посевных площадей по группам обеспеченности хозяйств скотом (в переводе на лошадь) в Актюбинском уезде (1898 г.)

Группы хозяйств (по количеству лошадей)	Размер площади под посевом, %		
	пшеницы	овса	проса
Безлошадные	6,4	1,1	92,2
Имевшие 1 лошадь	9,5	2,9	85,5
2—5 лошадей	12,3	5,5	82,0
6—15 „	14,0	6,7	79,1
16—25 „	14,9	7,9	76,9
26—100 „	21,3	10,1	68,1
свыше 100 „	35,8	12,5	51,6
По уезду	12,9	5,7	81,2

Данные таблицы 9 говорят о том, что бедняки и отчасти середняки предпочитали сеять просо, как более плодоносную культуру, прежде всего для собственных нужд, и лишь остаток — для сбыта, а крупные баи производили товарную пшеницу, прежде всего для сбыта ее на рынке.

Для выяснения изменений в структуре посевов зерновых в степных областях возьмем два соседних уезда — Актюбинский и Кустанайский. Вызывает известный ин-

терес вопрос о том, каковы были изменения в размерах посевных площадей⁶³ за 9 лет, т. е. с 1898 по 1907 г.

В 1907 г. в Актюбинском уезде всего было засеяно 142 тыс. десятин, из них пшеницей — 35500, просом — 85200, овсом — 18460, ячменем — 1420, другими культурами — 1420 десятин.

В Кустанайском уезде общая посевная площадь составила 144 тыс. десятин, из них пшеницы — 100800, проса — 14400, овса — 25920, ячменя — 1440 и других культур — 1440 десятин.

Таким образом, темпы развития товарного зернового хозяйства в Кустанайском уезде были в два раза выше, чем в соседнем Актюбинском уезде. Это объясняется сравнительно быстрым развитием производительных сил в сельском хозяйстве, ростом товарности зернового хозяйства, втянувшегося к этому времени в водоворот все-русского рынка, и, в связи с этим, — товарности животноводства, интенсивным разложением феодальных устоев, открывших клапан к развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Но это отнюдь не значит, что почвы для развития капитализма в сельском хозяйстве в Актюбинском уезде не было. Капитализм развивался также и в других уездах, но не такими темпами, как в северных волостях Кустанайского уезда. О том, что с конца XIX в. товарное зерновое хозяйство стало более выгодным, чем кочевое скотоводство, видно из сравнительных данных с доходности хозяйств по другим степным уездам (табл. 10)⁶⁴.

Показатели таблицы 10 свидетельствуют о развитии товарного земледелия в Актюбинском уезде (55,6%), который, как отмечалось выше, в конце XIX в. шел впереди остальных северных уездов казахской степи.

Следует отметить, что в начале XX в. большинство из перечисленных уездов по развитию товарного земледелия уже равнялось Актюбинскому уезду, а некоторые из них (Кустанайский и др.) даже обогнали его. В этот период земледелие прочно вошло в хозяйственный быт населения тех уездов казахской степи, где почвенно-климатические условия благоприятствовали этому. Но даже в тех уездах, где не было таких условий, шаруа

⁶³ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2950, л. 79.

⁶⁴ Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область. 7. Актюбинский уезд, т. VII. Воронеж, 1903, стр. 39.

Доходность от земледелия хозяйств в степных областях (1898 г.)

Уезды	Обследовано		Размер годового дохода, руб.		% дохода от земледелия (к доходу от скотоводства)	Приходилось дохода на душу насел., руо. коп.	
	хозяйств	душ обоего пола	от скотоводства	от земледелия		от скотоводства	от земледелия
Актюбинский	51	361	15 04	8791	55,6	43,78	24,35
Кустанайский	49	275	13 715	2871	18,3	57,15	10,44
Усть-Каменогорский	19	115	4043	594	14,4	35,16	5,17
Зайсанский	29	167	4201	394	9,4	85,16	3,36
Семипалатинский	19	111	2886	221	7,7	26,00	1,99
Акмолинский	12	77	4937	245	5,0	64,12	3,18
Каркаралинский	14	76	3314	143	4,3	43,01	0,88
Павлодарский	32	204	10 093	283	2,6	53,40	1,39
Атбасарский	7	41	3356	69	2,1	81,85	1,68
Омский	13	95	4034	60	1,5	41,44	63
Кокчетавский	14	84	4185	77	1,8	49,82	92
Петропавловский	22	155	7438	84	1,1	47,99	54

стремились к занятию земледелием, сознавая, что оно явится прочным источником средств существования. Так, например, в Донгуз-Тау-Аккулкинской волости Гемирского уезда Уральской области, расположенной на Устюрте (солончаксовая степь Арало-Каспийской низменности), шаруа имели в своем наделе заливаемые внешней водой низины по течению р. Чаган, 15,5% площади которых было занято посевами пшеницы и проса (по 0,4 десятины на кибитку).

В этом Тургайско-Уральском переселенческом районе по переписи 1905 г. установлено, что отдельные хозяйства начали заниматься земледелием не более 10 лет назад. Характерно, что из-за отсутствия сельскохозяйственных орудий шаруа здесь сеяли большей частью в сырую почву, часто без вспашки, с последующим затапыванием семян посредством прогона баранов или «завакиванием решеткой, плетнем или двумя жердями»⁶⁵. Земледелием также занималась часть населения трех кочевых (адаевских) волостей Гемирского уезда, что видно из материалов той же переписи 1905 г.

⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2950, л. 44.

Так, в Уймаут-Желтауской волости 83% хозяйств занималось земледелием, на каждое из них приходилось по 2,2 десятины посева; в Эмбинской (без кочующего аула № 5), соответственно, 81% и 1,9 десятины, в Жидели-Сагизской — 96,5 и 3,17 десятины.

Эти данные являются ярким свидетельством того, что в начале XX в. земледелием стало заниматься даже население, не так давно знавшее исключительно кочевое скотоводство. Но это, конечно, не значит, что кочевники перестали заниматься скотоводством. Эта отрасль хозяйства оставалась все же доминирующей. Таким образом, земледелие в какой-то степени стало входить в хозяйственный быт степняков-скотоводов, тем более в таких районах, где почвенно-климатические условия не благоприятствовали этому. Население Жидели-Сагизской волости, посевная площадь на каждую сеющую кибитку в которой составляла в среднем по 3,17 десятины, занималось земледелием в основном в потребительских целях. Конечно, известная часть урожая поступала на рынок.

Развитие земледелия в Семипалатинской области шло такими же темпами, как и в других северных областях степного края. Так, если в 1885 г. в области под посевы было занято 12 543 четвертей, то в 1895 г. — уже 29 033 четвертей⁶⁶, т. е. в три раза больше. А в 1906 г. в области было занято под посевами пшеницы, проса, ячменя и овса 106 867 десятин⁶⁷, что говорит об увеличении посевной площади за 11 лет почти в четыре раза.

Росло и число сеющих кибитководов. Если в 1890 г. оно составляло 23,5% к общему их числу, то в 1895 г. — уже около 40%, а в отдельных уездах еще больше: в Семипалатинском — 62%, в Усть-Каменогорском — 60%; к 1906 г. число сеющих хозяйств, по сравнению с 1895 г., увеличилось по области больше чем в полтора раза. По данным Л. Чермака (1900—1905 гг.) и В. Кузнецова (1907), например, в Усть-Каменогорском уезде «земледелие уже укоренилось среди населения». Во многих случаях на вопрос: «Давно ли сеют хлеба?»,

⁶⁶ Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1898, стр. 19.

⁶⁷ Обзор Семипалатинской области за 1906 г. Семипалатинск, 1907.

егинши отвечали: «100 лет и больше. Есть случай, когда пащут уже 4-е и 5-е поколение». Далее В. Кузнецов констатировал, что в Усть-Каменогорском уезде количество сеющих хозяйств доходило до 10 488, что составляло почти 70% всех хозяйств уезда⁶⁸.

В Акмолинской области коренное население также развивало земледелие. Для примера возьмем данные⁶⁹ за несколько лет. Так, с 1882 г. по 1890 г. посевы пшеницы увеличились в 4,6 раза, овса — более чем в 7 раз, ячменя — в 20 раз.

Резкое увеличение посевных площадей наблюдалось в Тургайской и Уральской областях. По данным И. Аничкова, в Тургайской области с 1879 г. по 1898 г. посевная площадь увеличилась с 37 434 десятин до 118 176 десятин, т. е. более чем в три раза⁷⁰.

Судя по данным А. А. Кауфмана, в Уральской области с 1877 г. по 1901 г. запахиваемая площадь увеличилась более чем в 4,5 раза, т. е. — с 14 100 четвертей до 64 033⁷¹. Земледелие было развито в Уральском уезде, особенно в его западных волостях⁷². Например, в Караобинской и Бурлинской волостях земледелием занимались все хозяйства. В 1904—1906 гг. посевная площадь на одно сеющее хозяйство по Караобинской волости составляла 9,8 десятин, по Бурлинской — 8,5 десятины, даже в ауле №5 Караобинской волости посев достиг 16 десятин на кибитку; Чингирлауская и Карачаганакская волости считались житницами всего уезда. Причем «в Карачаганакской волости развитие земледелия так пошло далеко вперед, что в ней было немало хозяйств, ежегодно засевающих одной пшеницей 300—400 десятин. Общий характер земледелия — промышленный, так как главная масса хлеба сейчас же после обмолота отвозится в города Уральск, Илек или на Карачаганакский и Бур-

⁶⁸ В. Кузнецов. Результаты пересмотра норм земельного обеспечения киргизов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. СПб., 1908, стр. 14, 15.

⁶⁹ К вопросу о хлебопашестве в киргизских степях. «Киргизская степная газета», 1894, № 3.

⁷⁰ И. Аничков. Упадок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», кн. V. М., 1902, стр. 64.

⁷¹ А. А. Кауфман. К вопросу о колонизации Уральской области. СПб., 1903, стр. 17.

⁷² Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд, 1909, стр. 42, 43, 51.

линский базары, где скупается оптовыми торговцами, отправляющими зерно на русские рынки».

В Караобинской и Бурлинской волостях жило несколько крупных баев, сочетавших товарное земледелие с товарным скотоводством и засевавших «ежегодно по 80—100 десятин пшеницы, 15—25 десятин проса, 10—20 десятин ржи и 8—15 десятин овса и ячменя». Даже в такой волости, как Чиилийская, которая по своим естественно-географическим условиям делилась на две части: западную — плодородную, с черноземновидными суглинками и восточную — с более легкими песчаными и буро-каштановыми солонцеватыми почвами, число сеющих хозяйств составляло 86,5%, из них сеяли просо — 98%, пшеницу — 44% и овес — 20%.

В целом по Сыр-Дарьинской области (очаге древней земледельческой культуры) полеводство развивалось сравнительно медленно. Лишь в двух уездах — Чимкентском и Аулие-Атинском, наряду со скотоводством, основным занятием большинства коренного населения уже являлось земледелие. Судя по данным, собранным Сыр-Дарьинской статистической группой в 1906 г., в Чимкентском уезде 83,38% населения перешло к оседлому образу жизни и стало заниматься земледелием и 16,2% — кочевым скотоводством, причем и из числа последних 12% имели свои пашни. Таким образом, 95,4% всех кибитковладельцев Чимкентского уезда занималось земледелием. На каждое хозяйство приходилось в среднем 10,7 десятины посева, а на сеющее — 11,21 десятины, тогда как в быстро развивающихся северных скотоводческо-земледельческих уездах на хозяйство приходилось 5,83 десятины в Актюбинском уезде, а на сеющее — 6,17 десятины посева, в Кустанайском — соответственно 2,83 десятины и 3,66 десятины посева⁷³.

С точки зрения товарности земледелия и вместе с тем социальной дифференциации, наряду с Аулие-Атинским, характерным для юга Казахстана, является Чимкентский уезд. По мнению П. П. Румянцева⁷⁴, коренное население этого уезда делилось на три социальные груп-

⁷³ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд, т. I. Ташкент, 1908, стр. 59—60.

⁷⁴ П. П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 49—50.

пы: 1) хозяйства, имевшие до 8 лошадей, — бедняки; 2) имевшие от 9 до 22 лошадей — середняки и 3) хозяйства, имевшие более 22 лошадей, — богачи. Первая группа в уезде составляла 91,56%, вторая — 6,91% и третья — 1,53%. Автор несколько иначе, но, пожалуй, правильно подходит к выяснению вопроса о социальной дифференциации казахского населения Чимкентского уезда с точки зрения степени развития земледелия, а следовательно, его товарности. По его мнению, хозяйства, имеющие посевную площадь до 9 десятин (46,96%), — бедняки, от 9,01 до 14 десятин (29,23%) — середняки, от 15 до 29 десятин (23,81%) — зажиточные и имеющие более 30 десятин (22,29%) — крупные богачи (баи).

Группировка хозяйств Чимкентского уезда, по П. П. Румянцеву, видна из таблицы 11.

Таблица 11

Группировка хозяйств Чимкентского уезда по данным 1905—1907 гг.

Группы хозяйств по размеру посевной площади	% к общему числу хозяйств	Приходится на од- но хозяйство		Число хозяйств, %			
		посева, десятин	скота, голов	нанима- ющих ра- бочих	промыс- ловых	отпуска- ющих	батраков
Без посева	4,58	0 77	2,32	0,5	79 97	75,79	
До 2 десятин посева	3,26	1,44	5,65	3,4	48,45	77,80	
2,01—5 „	10,39	1,14	6,45	12,8	31,50	21,46	
5,01—9 „	28,73	1,94	7,26	19,2	14,70	11,54	
9,01—14 „	29,23	2 50	10,38	31 9	10 31	5,37	
14,01—20 „	15,16	3 59	15,71	46,7	8,56	5,20	
20,01—30 „	6,46	4 66	22,69	59,0	9 20	3,47	
Свыше 30 „	2,29	7,73	46,38	75,5	10,78	0,98	

Из таблицы выясняется, что баи, а также середняки, даже незначительная часть бедняков, хозяйства которых постепенно стали поправляться, развивали товарное земледелие. Что же касается основной массы бедноты (положение батраков понятно само по себе), то они почти целиком попадали под власть денег, т. е. байства.

В Аулие-Атинском уезде (22 волости) в 1878 г. посевная площадь егинши составляла всего 33 894 четвертей⁷⁵, а спустя 30 лет, т. е. в 1908—1909 гг., она достигла 151 381 десятины⁷⁶; на каждое хозяйство приходилось по

⁷⁵ ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 13878, лл. 7—10.

⁷⁶ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская обл. Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, стр. 58.

9 десятин посева, в том числе 4,29 десятины поливных и 4,66 десятины богарных. На отдельных участках уезда, например, Жувалинском, на каждое хозяйство приходилось по 10,2 десятины посева (5,57 десятины поливного и 4,55 десятины богарного).

Статистик Е. Яшнов, обследовавший уезд в 1907—1909 гг., пришел к заключению, что «огромная роль земледелия в современном киргизском хозяйстве Аулие-Атинского уезда не подлежит никакому сомнению. Чисто скотоводческое хозяйство здесь почти исчезло, уступив место хозяйству смешанного типа, или даже чисто земледельческому. В исследованной части уезда не занимающихся хлебопашеством кибиток — всего 2776, или 7,9%, но из них 2131 (76,7%) представляет собой некую чужую, лишившийся скота и обезземелившийся пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы или помощью сородичей. Таким образом, — продолжает он, — только 645 кочующих беспосевных хозяйств (1,8%) могут быть с некоторым правом названы чистыми скотоводами, но несомненно, и среди них есть хозяйства, живущие наймом у богатых кочевников; следовательно, можно думать, что скотоводством, как единственным источником существования, пользуется не более 1—1,5% общего числа кибиток»⁷⁷.

Из приведенных данных видно, что в начале XX в. основным занятием казахского населения Чимкетского и Аулие-Атинского уездов было земледелие.

Несколько иначе развивалось земледелие в остальных двух уездах области — Перовском и Казалинском. И в этих уездах заметно росло количество егинши.

В 1890 г. в Перовском уезде насчитывалось 21 348 кибиток (106 740 чел.), из них более двух третей, т. е. 14 949 кибиток, занимались земледелием. Следовательно, Перовский уезд в конце XIX в. уже не был «чисто кочевым уездом», как считала царская администрация и полагали многие дореволюционные авторы, а также авторы наших дней.

Прав был Н. Дингельштедт, который, учитывая фактор развития оросительной сети и в связи с этим состояние земледелия, отрицал «чисто кочевой» характер хозяйства в Перовском уезде к концу XIX в. Он писал:

⁷⁷ Там же, стр. 59.

«Рядом с предположением о кочевом состоянии обывателей Перовского уезда стоит убеждение, особенно установившееся в высших сферах администрации в том, что ирригационная сеть Перовского уезда также незначительная, что никаких забот пока не вызывает и население должно считаться безусловно кочевым. В действительности это также только очень крупное недоразумение...кочевание все более и более стесняется оседающими на хлебопашество киргизами и безусловно степной характер уезда, в большей его части значительно утрачен. Былое приволье безграничных пастбищ... окончательно исчезло; земледельцы ревниво охраняют от поправки свои пахотные поля, и, когда год от году все более и более стесняя кочевников, отгоняют их стада вглубь песков. куда вола или вовсе не доходит или не может быть проведена, или же оставляют для скотоводов камышевые заросли по берегам рек (тугаи)»⁷⁸.

Что Перовский уезд перестал быть «чисто кочевым» и в нем стал преобладать оседлоземледельческий тип хозяйства, подтверждают исследователи позднего периода (1906—1912 гг.), в частности, П. Скрыплев⁷⁹. По его данным, в Перовском уезде имелось 23 689 хозяйств, из них оседлоземледельческих 14 494 (61,2%), скотоводческо-кочевых — 9195 (38,8%) хозяйств.

В самом деле, если в 1890 г. в Перовском уезде было вспахано всего 12 692 десятины поливной площади, т. е. на каждое сеющее хозяйство приходилось по 0,85 десятины, то к 1910 г. было посеяно 31 217 десятин разного рода зерновых (на одно сеющее хозяйство приходилось 2,15 десятины). Следовательно, к 1910 г. (в течение 20 лет) в Перовском уезде посевные земельные площади увеличились более чем в 2,5 раза.

Возьмем другой пример. В 1890 г. из 25 372 хозяйств Казалинского уезда оседлоземледельческих насчитывалось более 15 тыс. (59,5%) с населением 75 тыс. чел. Каждое из этих хозяйств имело посевную площадь примерно такую же, как и в Перовском уезде. По данным П. Скрыплева, в 1910 г. в Казалинском уезде засеивалось

⁷⁸ Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. Ч. I. СПб., 1898 стр. 395.

⁷⁹ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912, стр. 48, 56, 57, 412.

23 523 десятины разного рода зерновыми, а на каждое хозяйство приходилось по 1,95 десятины⁸⁰.

Таким образом, за 20 лет посевная площадь у егинши увеличилась более чем в два раза. В этой связи Н. Дингельштедт также заявил, что пора исключить Казалинский уезд из числа «безусловно кочевых, потому что он уже перестал быть таковым».

Как отмечалось выше, поливное земледелие развивалось не только по берегам рек и озер, но и далеко от них. В этой связи характерна не только Сыр-Дарьинская область, но и Семиреченская, где существовало как поливное, так и богарное земледелие.

На поливных полях Семиречья распределение земель между совладельцами производилось в зависимости от количества труда, затраченного на проведение арыков. В Семиречье, в отличие от Сыр-Дарьинской области, егинши пользовались правом передачи в наследственную собственность своих участков до тех пор, пока хозяева обрабатывали их, вкладывая при этом положенную долю средств и труда на поддержание оросительной системы. Владельцы имели право также продать свои участки целиком или частично любому другому лицу.

Богарное земледелие в предгорьях Алатау (в Семиречье) развивалось также, как и по всему краю, под влиянием переселенческого крестьянства. Об этом свидетельствуют следующие данные. Если в 1882 г. было посеяно 60 тыс. десятин⁸¹, то в 1898—153 713, в 1900 г. — 183 866, в 1902 г. — 215 783 и в 1907—390 380 десятин⁸².

Следовательно, за 25 лет (с 1882 по 1907 гг.) посевная площадь казахских шаруа семиречья увеличилась более чем в 6,5 раза. Причем в 1902 г. на каждое хозяйство области приходилось по 1,4 десятины посева.

в) Товарность земледелия

К началу XX в. земледелие в Казахстане в целом развивалось в тесной связи с местным и всероссийским рынком. При этом развитие шло неодинаковыми темпами и с различной целенаправленностью во всех зонах края. В одних уездах развитие шло сравнительно быст-

⁸⁰ Там же. Казалинский уезд. Ташкент, 1913, стр. 42.

⁸¹ О. А. Шкапский. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906, стр. 31.

⁸² Обзор Семиреченской области за 1907 г. Верный, 1908.

рее, в других медленнее, третьи совсем отставали в силу естественно-географических условий (например, на Мангышлаке, в Гурьевском, Иргизском, Тургайском уездах).

Состояние рынка и его размах существенно влияли на темпы развития зернового хозяйства на местах. Вместе с тем нельзя забывать о колониальном положении края, которым предопределялась его отсталость. Кроме того, многие дореволюционные авторы не учитывали особенностей образа жизни и быта населения каждого из зональных районов обширного края, не различали уровень экономического состояния разных социальных слоев и, в связи с этим, нередко впадали в ошибку. Некоторые историки наших дней, идя на поводу у дореволюционных авторов, по-существу унаследовали их ошибочные положения. Здесь речь идет о бюджетных данных, в том числе о пищевой норме местного населения и, в связи с этим, о степени товарности земледелия в крае. Корень ошибок лежит в материалах, собранных под руководством сенатора Ф. Щербины.

В этой связи сошлемся на указание В. И. Ленина, данное им в книге «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин подверг резкой критике земские статистические материалы о крестьянских бюджетах центральных губерний России, собранные, систематизированные и опубликованные Ф. Щербиной в «Сборнике оценочных сведений», а также о крестьянских бюджетах, помещенных в книге «Влияние урожаев и хлебных цен».

Прежде всего В. И. Ленин вскрыл извращение Ф. Щербиной учения Карла Маркса о постоянном и переменном капитале, «...смешивая различие между постоянным и переменным капиталом с различием между основным и оборотным капиталом..., перенося без всякого смысла эти термины и категории развитого капитализма на крестьянское земледелие... и т. д. Вся обработка бюджетных данных у г. Щербины, — писал В. И. Ленин, — сводится к одному сплошному и невероятному злоупотреблению «средними величинами». Все оценочные сведения относятся к «среднему» крестьянину. Доход с земли, вычисленный для 4-х уездов, делится на число хозяйств (вспомните, что у безлошадного этот доход около 60 руб. на семью, а у богача — около 700 руб.). Определяется «величина постоянного капитала»... «на 1 хозяйство»..., т. е. стоимость всего имущества, определя-

ется «средняя» стоимость инвентаря, средняя стоимость торгово-промышленных заведений... — 15 рублей на 1 хозяйство. Г-н Шербина игнорирует ту мелочь, что эти заведения находятся в частной собственности зажиточного меньшинства, и делит их на всех «уравнительно»! Определяется «средний» расход на аренду.... составляющий, как мы видели, 6 рублей у однолошадного и 100—200 руб. у богача. Все это складывается и делится на число хозяйств. Определяется даже «средний» расход на «ремонт капиталов»... Что это значит, — аллах ведает»⁸³.

Вскрывая несостоятельность исследования крестьянских бюджетов Ф. Шербиной, который произвольно делил доходы и расходы батраков и сельской буржуазии и подходил к ним «уравнительно», В. И. Ленин далее писал, что в таком случае «...мы получим особый «тип развития», если будем складывать хозяйства батраков и поденщиков с хозяйствами крестьян, нанимающих рабочих, и делить сумму на число слагаемых? Стоит только пользоваться всегда и исключительно «средними» данными о крестьянском хозяйстве, — и все «превратные идеи» о разложении крестьянства окажутся раз навсегда изгнанными. Именно так и поступает г. Шербина...»⁸⁴.

Таким образом, указания В. И. Ленина говорят и о несостоятельности методики экспедиций царского правительства при обследовании степных областей Казахстана на рубеже XX в. Экспедиция Ф. Шербины, например, применяла уравниловку при определении сторон экономической жизни и быта колониального аула, стирала грани различных социальных слоев, т. е. по-существу запутывала классовую дифференциацию в казахском обществе. Вместе с тем приемы исследования Ф. Шербины завуалировали разложение феодальных, а также зарождение и развитие капиталистических отношений в дореволюционном Казахстане.

По программе Ф. Шербины исследовали колониальный аул и другие экспедиции. Отрывки «уравнительного» приема бюджетов казахских шаруа, зафиксированные в экспедиционных материалах, бытуют в литературе последних лет. Прежде всего это относится к статье

⁸³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 138—139.

⁸⁴ Там же, стр. 139.

И. Ф. Макарова «Казахское земледелие в конце XIX—начале XX в.»⁸⁵.

Отметим, что И. Ф. Макаров проделал большую работу по изучению истории казахского земледелия в прошлом, хотя писал, основываясь исключительно на «Материалах по киргизскому землепользованию», собранных и систематизированных экспедициями под руководством Щербины, Кузнецова, Румянцева, переселенческими управлениями. Макаров откровенно пишет, что он построил свое исследование «По материалам экспедиционных обследований 1896—1913 гг.».

Отмечая все это, приходится сожалеть, что И. Ф. Макаров не подверг анализу исходные ошибочные положения Щербины. Говоря о характере казахского земледелия, автор пишет: «Попытаемся теперь, *пользуясь средними величинами посева* (курсив наш. — Б. С.), определить характер казахского земледелия в период с 1906 по 1912 г. и прежде всего ответить на этот вопрос о степени его товарности. Для этой цели установим потребительскую норму посева и сопоставим ее с фактической посевной площадью».

Руководствуясь «средними величинами», автор по десяти уездам трех степных областей — Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской — сопоставляет потребительскую норму на одно хозяйство с фактической посевной площадью на основании бюджетных данных, зафиксированных в своде «материалов по киргизскому землепользованию». По четырем уездам Акмолинской области — Акмолинскому, Атбасарскому, Кокчетавскому, Петропавловскому — для примера было выборочно взято 55 казахских семей, на личное годовое потребление которых израсходовано 2543 пуда хлеба, на семена — 171 пуд, на содержание скота — 365 пудов, а всего 3079 пудов, что составляет в среднем 56 пудов на хозяйство. По его же расчетам, средний урожай по Акмолинской области был равен 33 пудам с десятины и «такое количество хлеба получается с 1,7 дес., учитывая, однако, что количество обследованных бюджетов было незначительным, будем считать, что такой урожай получался с 1,9 дес.».

⁸⁵ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. III. М., 1959, стр. 402, 403, 404.

Следует попутно поставить вопрос о том, по какой именно культуре взята средняя урожайность с десятины и на каком основании такой урожай (33 пуда) (даже по принципу «средней величины») берется с площади 1,7 десятины, или с 1,9 десятины. К этому вопросу вернемся ниже.

По Актюбинскому и Кустанайскому уездам Тургайской области выборочно взято 100 хозяйств; на годовое личное потребление, на семена, на содержание скота в среднем на одно хозяйство было израсходовано 120 пудов зерна, из них больше половины составляло просо. Поэтому просом следовало засевать 3 десятины, принимая во внимание, что средний урожай по области, как отмечает И. Ф. Макаров, составлял 31 пуд с десятины. Автор полагает, что высокая урожайность (в среднем 120 пудов) приходилась на каждое хозяйство «за счет проса, которое шло на приготовление особого напитка, заменявшего кумыс. Если только половину этого проса считать идущим на питание, — подчеркивает автор, — то тогда указанную цифру надо считать до 94 пудов», а по Актюбинскому уезду, по бюджетным данным экспедиции Щербины (1898—1899 гг.), на одно хозяйство было подсчитано около 100 пудов муки из расчета средней урожайности в 31 пуд, а площадь посева равнялась 3 десятинам на хозяйство.

По Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам потребительская норма устанавливалась в среднем по 50 пудов на хозяйство (по выборочно взятым 48 хозяйствам), по Павлодарскому, Каркаралинскому и Семипалатинскому уездам (по 65 хозяйствам) потребительская норма средней величины равнялась 49 пудам, при урожайности, например, по Семипалатинской области 32 пуда с десятины. В этой связи И. Ф. Макаров признает необходимым данную цифру урожайности для Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов увеличить до 40 пудов, а для остальных уездов снизить — до 30 пудов с десятины. В этом случае размер потребительского посева определится следующим образом: для Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов — в 1,3 десятины, а для остальных уездов области — в 1,6 десятины. Затем, ссылаясь на бюджетные данные П. П. Румянцева, относящиеся к 1909—1913 гг., автор считает, что потребительские нормы одного хозяйства по площади посева в Семи-

реченской области равны: в Копальском уезде — 1,7 десятины, в Верненском — 1,8 и в Лепсинском — 1,27 десятины.

По Казалинскому уезду средний расход хлеба на одну душу (в 1913 г.) определялся в 16,3 пуда, при средней семье 6,3 человека. Следовательно, пишет И. Ф. Макаров, на каждую семью была установлена потребительская норма 100 пудов при среднем урожае в 40 пудов с десятины. По такому расчету посевной площади требуется 2,6 десятины на каждую семью. Далее автор предостерегает, что «нормы потребительских посевов, исчисленные для ряда северных уездов по бюджетам, составленным за период с 1896 по 1901 г., для периода с 1906 по 1911 г. требуют поправок. За десятилетний срок, отделяющий эти годы, потребление хлеба казахами, несомненно, увеличилось, а урожай возрос незначительно, поэтому необходимо к введенным нормам дать надбавку минимум на 10—15%».

Отсюда он определил средние фактические и потребительские посевы на одно хозяйство за период с 1906 по 1911 г. (в десятинах):

Уезды	Потребительский посев	Средний фактический посев
Уральский, Актюбинский, Кустанайский	3,5	6,8
Иргизский, Лбищенский, Тургайский	3,3	2,3
Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский	2,4	1,8
Павлодарский, Семипалатинский	1,9	1,6
Усть-Каменогорский, Зайсанский	1,5	1,5
Лепсинский, Копальский, Верненский	1,7	1,9
Аулие-Атинский, Чимкентский	2,3	4,8
Перовский, Казалинский	2,3	1,9

Исходя из этих данных, автор приходит к заключению, что «только в западной части Казахстана — в уездах Актюбинском и Уральском — и на юге — уездах Чимкентском и Аулие-Атинском — казахское земледелие в массе своей было товарно-денежным; в Кустанайском, Лепсинском, Копальском, Верненском, Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах оно уже близко подошло к такому уровню. В остальных уездах земледелие носило почти исключительно потребительский характер».

К такому заключению пришел И. Ф. Макаров, придерживаясь принципа исчисления «средней величины». В этой связи разберем те доводы, которые привели автора к такому выводу, причем начнем с тех «мелочей», которые затронуты в статье, построенной на «уравнительном» приеме и «средней величине».

Прежде всего вызывает возражение метод исследования И. Ф. Макарова, который, попав под влияние Щербины, складывает данные по уездам, а затем выводит «среднюю величину» потребности хлеба на одно хозяйство и сопоставляет ее с фактической посевной площадью.

Автор свои выводы обосновывает данными по четырем уездам — Акмолинскому, Атбасарскому, Кокчетавскому, Петропавловскому. Но, раскрывая дореволюционную карту Акмолинской области, мы без особого труда выясняем, что каждый из названных уездов, с точки зрения потребительских норм хлеба и объема посевной площади, имел свои особенности. Поэтому подходить к их характеристике шаблонно, с уравнительных позиций, не следует.

Для подтверждения наших выводов проанализируем экономическое положение двух уездов этой области — Атбасарского и Кокчетавского. По подсчетам Ф. Щербины, средняя потребительская норма на душу населения составляла в Кокчетавском уезде: хлеба — 6 пудов 28 фунтов, мяса — 5 пудов 17 фунтов, кумыса — 32 ведра 17 бутылок, молока — 34 ведра 18 бутылок; в Атбасарском уезде: хлеба — 7 пудов 38 фунтов, мяса — 5 пудов 10 фунтов, кумыса — 21 ведро 10 бутылок, молока — 29 ведер 7 бутылок.

Таким образом, пищевая норма на душу населения в обоих уездах почти одинакова, но, вместе с тем, в своем общем выражении заметно колеблется. На душу населения в одном случае приходится почти столько же мяса, сколько и муки (Кокчетавский уезд), а в другом — больше муки и меньше мяса (Атбасарский уезд). Характерно, что потребительская норма кумыса и молока в Кокчетавском уезде больше, чем в Атбасарском.

Отдельные исследователи — современники Ф. Щербины сомневались, не без оснований, в правдоподобности таких расчетов. Так, член присутствия Акмолинского областного правления Т. И. Тихонов писал о том, что

«Атбасаровские киргизы меньше потребляют молока и больше хлеба в сравнении с киргизами других уездов, что положительно не вяжется с обычными представлениями относительно Атбасарского уезда, наиболее кочевого и наиболее богатого скотом»⁸⁶.

В самом деле, судя по материалам той же экспедиции Щербины, на одно хозяйство приходилось: в Атбасарском уезде 29 голов скота, тогда как в Кокчетавском — 20 голов. Тем не менее Щербина выводит обратный расчет, т. е. скотоводы Атбасарского уезда якобы больше питались хлебом и меньше — молочными продуктами, а население Кокчетавского уезда, сравнительно интенсивно переходившее к земледелию, питалось больше молочными продуктами и меньше — хлебом. Это «явная несообразность, — отметил Т. И. Тихонов, — атбасаровские киргизы сознательно увеличили цифру потребленного хлеба... киргизы, по какому-то непонятному сообщению, заранее сговорились давать только известного рода ответы».

В предыдущих главах дана характеристика Атбасарского уезда, как среднетипичного для всей казахской степи. Северная его половина может быть отнесена к скотоводческо-земледельческой зоне, а население южной части занималось почти исключительно кочевым скотоводством, причем известное его количество круглый год кочевало в районе рек Сарысу и Чу. Радиусы кочевков скотоводов южных волостей доходили до 1000 верст. Хлеб они доставляли из земледельческих районов — северной части уезда и из соседних — Аулие-Атинского и Чимкентского уездов, так как земледелие здесь почти не развивалось.

Можно ли после всего этого без всякой оговорки утверждать, что потребительская норма хлеба для всего населения Атбасарского уезда, включая и южные волости, была больше, чем в Кокчетавском уезде? Конечно, нет. Доставка хлеба за сотни километров не только беднякам и батракам, но и зажиточным шаруа была непосильной. Бедняк мог доставить на такое расстояние столько хлеба, сколько мог поднять один верблюд, зажиточные же шаруа (середняки) — 2—3 верблюда, бай — 4—5 верблюдов. Иначе говоря, семья бедняка, со-

⁸⁶ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1496, лл. 320—322.

стоящая, например, из 5 человек, употребляла хлеба в год около 15—20 пудов, семья середняка (такое же количество членов семьи) — 40—50 пудов, а семья бая — 70—80 пудов.

Что же касается населения Кокчетавского уезда, то здесь радиусы летних кочевок скотоводов не превышали 100—200 верст. Кроме того, многие шаруа сами занимались хлебопашеством или покупали хлеб друг у друга. Следовательно, потребительская норма хлеба в этом уезде должна была быть сравнительно большей, чем в Атбасарском; другими словами, пищевая норма населения северной половины Атбасарского и всего населения Кокчетавского уездов могла быть почти одинаковой, с небольшими колебаниями в ту или другую сторону. При определении пищевой нормы населения этих уездов следовало учитывать экономические группы, т. е. сравнивать пищевые нормы бедняков, середняков и баев по каждому уезду в отдельности. Ошибочный метод определения потребительской нормы хлеба на душу населения, которым пользовался Ф. Щербина и его последователи, а также И. Ф. Макаров, распространялся и на остальные области и уезды дореволюционного Казахстана.

Например, вызывают недоумение расчеты средних потребительских норм посева на одно сеющее хозяйство по 21 уезду дореволюционного Казахстана, составленные И. Ф. Макаровым по данным экспедиционных материалов за 1906—1913 гг. Непонятно, чем руководствовался автор, устанавливая потребительские нормы посева для Уральского, Актюбинского, Кустанайского уездов по 3,5 десятины на каждое сеющее хозяйство; для Аулие-Атинского, Чимкентского, Перовского, Казалинского уездов — по 2,3 десятины; для Иргизского, Лбищенского, Тургайского уездов — по 3,3 десятины, а для семи уездов Семипалатинской и Семиреченской областей — по 1,5—1,9 десятины.

Бросается в глаза неправомерность доводов автора при установлении таких норм в скотоводческо-земледельческих уездах (Уральского, Актюбинского, Кустанайского) — по 3,5 десятины, а для кочевых уездов (Иргизского, Лбищенского, Тургайского) — по 3,3 десятины. Тем более неправомерно устанавливать потребительскую

норму посева в 2,3 десятины для земледельческо-скотоводческих уездов — Чимкентского и Аулие-Атинского.

Мы не ставим в укор И. Ф. Макарову, вложившему много труда в обобщение истории земледелия дореволюционного казахского аула, так как без глубокого знания особенностей хозяйственной жизни и быта населения каждого из зональных районов дореволюционного Казахстана чрезвычайно трудно, даже порой невозможно безошибочно осветить затронутый вопрос.

Что же касается позиций Щербины и других исследователей казахского аула в дореволюционное время, то они сознательно подошли к изучению его состояния с двоякого рода целью: во-первых, они придерживались «уравнительного» принципа, пользовались методом «средней величины»; во-вторых, они руководствовались экспансионистско-колонизаторской политикой самодержавия и поэтому стремились «доказать» мнимое благополучие всех без различия социальных слоев коренного населения края. Поэтому необходимо критически подходить к использованию экспедиционных материалов 1896—1913 гг., несомненно имеющих большие ценности по исследованию истории и экономики колониального аула. К сожалению, это условие не было учтено И. Ф. Макаровым.

Абсолютное большинство населения Иргизского, Тургайского и Лбищенского уездов в своем абсолютном большинстве занималось скотоводством, питалось в основном его продуктами. Скотоводы покупали и доставляли хлеб таким же путем и в таком же количестве, как и население южных волостей Атбасарского уезда. Следовательно, нельзя устанавливать для этих же уездов почти такие же нормы потребительских посевов на одно хозяйство — 3,3 десятины, как для Уральского, Актюбинского, Кустанайского уездов.

Вызывает сомнение расчет потребительских норм посева для земледельческих районов Северо-Западного Казахстана — Актюбинского, Кустанайского, Уральского уездов. Прав И. Ф. Макаров, отметивший повышенные нормы потребления хлеба на каждое сеющее хозяйство в Актюбинском уезде. Между тем его объяснение относительно увеличения посевов проса, якобы шедшего «на приготовление особого напитка, заменявшего кумыс», нуждается в поправке. Известно, что коренное насе-

ние обширной казахской степи в дореволюционный период специально не приготавлило «особый напиток». Может быть автор имеет в виду такие блюда у казахов в зимний период, как «коже» и «бламык», приготавливаемые не только из специально обрабатываемого пшена, но и пшеницы (главным образом) и даже ячменя. Автор просто ошибается, или же, очевидно, смешивает их с хмельным напитком киргизов, называемым «боза»⁸⁷.

Нуждаются в поправке также данные о средней урожайности, принятые без всякой оговорки И. Ф. Макаровым по экспедиционным материалам для Акмолинской области — 33 пуда, Тургайской — 31 пуд, Семипалатинской — 32 пуда с десятины и т. д. Из какого расчета берутся эти данные, Макаров не пишет. Надо полагать, что установленные «величины» урожайности хлебов несостоятельны. Известно, например, что сбор с десятины проса в полтора-два раза выше, чем пшеницы, ячменя и других зерновых. По данным одного из известных исследователей дореволюционной истории земледелия Казахстана Я. Я. Польфорова, в Тургайской области сорт красного проса, широко распространенного среди казахских егинши, в благоприятные годы с десятины «дает до 400 пудов»⁸⁸. На основании статистических данных он устанавливает урожайность посевов в следующих размерах (табл. 12). Из таблицы 12 видно, что средняя урожайность всех зерновых культур в Тургайской области, конечно, не могла быть равной 31 пуду с десятины, как определялось составителями экспедиционных материалов 1896—1913 гг.

Другой известный исследователь истории казахского аула А. Добросмыслов в заметке «О земледелии в Тургайской области» писал, что казахские егинши «на десятину пшеницы сеют до 7 пудов и средний урожай собирают 50—70 пудов, иногда же урожай пшеницы достигает громадных размеров, особенно в Николаевском (Кустанайском. — Б. С.) уезде, где, например, в

⁸⁷ В дореволюционной русской литературе, как отмечалось выше, казахи и киргизы шли под одним названием «киргиз», а в отдельных случаях первых называли «киргиз-кайсаками», а вторых «дикиокаменными», или «черными» киргизами. Отсюда, при изучении дореволюционной истории этих двух родственных народов по литературным и иным источникам, некоторые исследователи просто заблуждаются.

⁸⁸ Я. Я. Польфоров. Земледелие в Тургайской области (очерк). Оренбург, 1896, стр. 21, 43.

Таблица 12

Урожайность посевов в Тургайской области (1895 г.)

Культуры	Урожайность, пудов		
	максимум	минимум	средняя
Пшеница яровая	120	40	80
" озимая	180	70	125
Рожь	180	40	110
Овес простой	75	45	60
Овес шатиловский	200	120	160
Ячмень	100	60	80
Просо	240	120	180
Чечевица	100	40	70

1889 и 1892 гг. с одной десятины получалось от 200 до 250 и даже 300 (сам-43) пудов»⁸⁹.

Приведенные данные этих двух исследователей доказывают несостоятельность установленной Ф. Щербиной потребительской нормы хлеба и посева на одно сеющее хозяйство в Актюбинском, тем более в Иргизском и Тургайском уездах. В этой связи необходимо указать на некоторую специфику в употреблении хлеба у населения отдельных районов края. Так, коренное население Уральского уезда, Букеевского ханства, Кустанайского уезда Тургайской области, а также Акмолинской и Семипалатинской областей почти не употребляло в пищу специально приготовляемого проса, следовательно, у них оно не входило в распространенный ассортимент блюд. Казахские егинши этих районов проса сеяли мало, тогда как в Актюбинском, Иргизском, Тургайском уездах Тургайской области, Темирском, Гурьевском, Лбищенском уездах Уральской области, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях в ассортимент блюд коренного населения входило жареное пшено (сок). Отсюда не случайно, что в структуре посевных площадей этих районов просоводству уделялось большое внимание. Например, в Актюбинском уезде посевы пшеницы, по данным самого же Щербины, занимали 12,9%, овса и ячменя — 5,7%, а проса — 81,2%, причем в безлошадных хозяйствах посевы проса занимали 92,2%, в однолошадных — 87,5%, в хозяйствах, имевших 2—5 лошадей — 82%,

⁸⁹ «Тургайские областные ведомости», 1893, № 28.

имевших 6—15 лошадей — 79,1 %, имевших 16—25 лошадей — 76,9 %, имевших 26—100 лошадей — 68,1 % и имевших свыше 100 лошадей — 51,6 %.

Таким образом, батрацкие, бедняцкие и середняцкие хозяйства занимали участки почти целиком под посевы проса, в структуре же посевов последних двух групп, т. е. баев, особенно крупных, удельный вес проса снижался, а пшеницы — соответственно повышался.

В Темир-Уркачевской волости Темирского уезда «главным хлебом, возделываемым киргизами, является просо, — читаем в материалах обследования Тургайско-Уральского переселенческого района, — из 285,9 десятины, занятых хлебами, 248 десятин приходится на просо, что составляет 86,7 % всей площади, затем 32 десятины (11,2 % хлебов) под яровой пшеницей, и, наконец, 5,9 десятин (2,1 %) под овсом». В Эмбо-Темирской, Эмбенской и Жидели-Сагизской волостях посевы проса были также распространены, а пшеницу сеяли «только по пониженным местам — в оврагах, по берегам озер и проч.».

Урожайность проса на песчаных, суглинистых и солонцеватых посевах в этом районе признавалась самими егинши в 40—50 пудов с десятины⁹⁰.

В Казалинском уезде на 100 десятин поливного посева егинши отводилось⁹¹: под просо — 40,04 %, яровую пшеницу — 38,95 %, ячмень и овес — 18,09 %, кунак — 0,01 %, кукурузу — 0,17 %, джугару — 0,004 %, рис — 0,23 %, дыни — 2,49 %, картофель и лук — 0,003 %; на 100 десятин неполивного посева, удельный вес которого составлял незначительный процент, приходилось: под яровую пшеницу — 74,13 %, ячмень — 19,11 %, просо — 4,68 %, кукурузу — 0,01 %, дыни — 2,05 %, овес — 0,01 %, кунак — 0,01 %.

В целом на поливных и богарных посевных площадях края посевы проса занимали первое место, за ними стояли посевы пшеницы, ячменя, затем — овса и бахчевых культур.

Средняя урожайность хлебов в Казалинском уезде в 1910—1912 гг., как наиболее характерная, приводится в таблице 13.

⁹⁰ Материалы по киргизскому землепользованию... Темирский уезд, Оренбург, 1910, стр. 146, 171, 178, 182, 192, 214.

⁹¹ Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область. Казалинский уезд. Ташкент, 1913, стр. 44, 45.

Таблица 13

Урожайность зерновых в Казалинском уезде (1910—1912 гг.), пудов

Зерновые культуры	Районы				
	I	II	III	IV	V
Пшеница поливная	93,5	94,9	83,3	55,5	102,8
" богарная	97,2	85,0	93,3	59,4	70,4
Ячмень поливной	110,5	138,0	112,5	92,7	134,9
" богарный	111,2	136,9	117,6	77,0	102,9
Просо поливное	92,1	95,2	81,9	—	79,2
" богарное	—	112,5	—	—	55,0

Из таблицы видно, что средняя урожайность зерновых в Казалинском уезде не 40 пудов с десятины посева, а 100 пудов. Следовательно, на пропитание одной семьи, состоящей в среднем из 6,3 чел., в год можно было получить 100 пудов зерновых не с 2,5 десятины, как указывает И. Ф. Макаров, а с одной десятины посева.

При анализе материалов за десятилетие, т. е. с 1885 по 1894 г. видно, что урожайность по годам была различной. Так, по Семипалатинской области средняя урожайность хлебов (без овса) по годам⁹² показана в таблице 14.

Таблица 14

Урожайность зерновых культур
в Семипалатинской области за 1885—1894 гг.

Год	Урожайность посев. в, сам	
	у русских крестьян и казаков	у казахских егинши
1885	4,2	6,3
1887	6,3	7,5
1883	1,6	6,1
1889	8,2	19,4
1890	6,8	7,5
1891	—	—
1892	2,2	5,3
1893	7,2	3,2
1894	12,1	10,9

Из таблицы видно, что зерновое хозяйство в Семипа-

⁹² Земледелие и хлебная производительность в Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898, стр. 12, 13, 16.

латинской области развивалось неравномерно, периодически повторялись урожайные и неурожайные годы: для русских пахарей — 1888 и 1892 гг., а для казахских егинши — 1893 г. Если исключить эти неурожайные годы, то у русских пахарей за 6 лет валовой сбор хлебов в среднем составлял сам-7,4, у казахских егинши за 7 лет — сам-9, т. е. чистый валовой сбор, исключая затраты на семена, у первых достигал 59,2 пуда, а у вторых — 72 пуда с десятины.

Причина такого колебания урожайности зерновых лежала в «искусственной системе орошения полей».

А в следующем за указанным десятилетием 1895 году средняя урожайность хлебов у казахских егинши определялась: в Каркаралинском уезде — сам-9,4, Усть-Каменогорском — сам-8, Семипалатинском — сам-7,6, Зайсанском — сам-7,5 и Павлодарском уезде — сам-6,5 с десятины. На урожайности хлебов и здесь сказывался поливной характер земледелия.

По данным обследования П. П. Румянцева, в 1907—1911 гг. в Семиреченской области средний валовой сбор хлебов составлял в Копальском уезде — 65,6 пуда с десятины, в Верненском — 63,3, Джаркентском — 62,9 и Лепсинском — 62,8 пуда с десятины⁹³.

Таким образом, во всех областях дореволюционного Казахстана средняя урожайность хлебов показана И. Ф. Макаровым гораздо меньшей — по крайней мере в два раза, и даже более.

Говоря о несостоятельности бюджетных данных, установленных по экспедиционным материалам 1896—1913 гг., вместе с тем необходимо подчеркнуть, что недопустимо ставить знак равенства в потребительской норме хлеба и остальных сельскохозяйственных продуктов всех социальных категорий населения и, в связи с этим, норме площади потребительского посева. Неоспоримо, потребительская норма баев была более высока, чем у середняцких и бедняцких слоев населения. Отсюда не следует ставить под одну рубрику социально-экономическое положение всех слоев населения посредством «средней величины», как это делал Щербина и его последователи.

⁹³ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. IV. СПб., 1913, стр. 266.

По нашему мнению, к оценке характера и целенаправленности развития зернового хозяйства в крае следует подходить с точки зрения его интенсивности или экстенсивности на местах, решительно отказавшись от методики исследования Щербины и многих других дореволюционных авторов. С этой целью необходимо прежде всего проследить тенденцию развития земледелия, степень его товарности, группируя население по имущественному положению. Причем нельзя забывать, что когда изучается эволюция хозяйственной деятельности шаруа в разрезе уездов, областей и т. д., речь может идти только о том, в каком из них быстрее развивалось товарное земледелие и скотоводство. В таком случае можно пользоваться общими цифрами и выводами.

На основе экспедиционных материалов, И. Ф. Макаров не относит Кустанайский уезд к числу тех, в которых развивалось товарное земледелие. Выше нами приведено достаточно данных о развитии товарного земледелия в этом уезде, особенно в его северных волостях. Но для более полного подтверждения своего положения приведем дополнительные данные о степени развития товарного земледелия по группам благосостояния населения Сарайской и Чубарской волостей этого уезда (табл. 15)⁹⁴.

Таблица 15

Группы хозяйств, занимавшихся товарным земледелием, в Сарайской и Чубарской волостях Кустанайского уезда

Группировка хозяйств по количеству скота (в переводе на лошадь)	Количество сеющих хозяйств, %		Площадь посева на хозяйство, десятин	
	1898 г.	в 1907 г.	в 1898 г.	в 1907 г.
до 10 лошадей	82,2	90,5	3,35	5,68
11—25 .	93,4	96,7	7,7	10,3
26—100 .	96,0	93,4	20,0	20,9
Свыше 100 .	98,0	97,3	78,0	118
Итого	85,8	92,7	8,5	11,7

По размерам посевной площади хозяйства этих двух волостей распределяются следующим образом: до 1 десятины сеяли 1,1 % хозяйств, до 2,63 десятины — 16,5 %, до

⁹⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2892, л. 48.

4,45 десятин — 20,5%, до 7,64 десятин — 32%, до 13,8 десятин — 15,4%, до 20,0 десятин — 10,1%, до 101,0 десятин — 4,0%.

Из этих данных видно, что абсолютное большинство земледельцев Саройской и Чубарской волостей Кустанайского уезда работали на рынок. Если потребительская норма посева на хозяйство могла быть равной 1,5 десятины (при урожайности около 60 пудов), то, следовательно, урожай хлеба с остальной площади посева является товарным. Иными словами, большинство сеющих хозяйств развивало товарное земледелие. Причем, чем богаче сеющее хозяйство скотом, тем быстрее в нем развивалось земледелие, и в первую очередь товарное. Следует в этой связи заметить, что Кустанайский уезд в развитии товарного земледелия не отставал от других соседних уездов, а по темпам развития к началу XX в. даже обогнал Актюбинский и другие. Только в одной Саройской волости 17 крупных байских хозяйств имели посевную площадь более 100 десятин каждое⁹⁵. А крупный бай-арендатор из аула № 2 Саройской волости Жетписбай Андреев в 1904—1906 гг. засеивал от 600 до 1000 десятин земли.

По Кустанайскому уезду потребительские нормы хлеба и посева должны быть следующими: у байских хозяйств — около 3,5 дес. (например, 1 десятина пшеницы, 1,5 десятины проса, 1 десятина овса и ячменя), у середняцких хозяйств — около 1,5—2 десятин, а у бедняцких, тем более батрацких семей — около 1—1,5 десятин.

Следует отметить, что во всех хозяйствах наибольший удельный вес среди зерновых культур имело просо. Так, в безлошадных хозяйствах посевы проса составляли 92,2%, пшеницы — 6,4% и овса — 1,1%; в однолошадных хозяйствах: проса — 87,5%, пшеницы — 9,5% и овса — 2,9%; в хозяйствах с 2—5 лошадьми: проса — 82%, пшеницы — 12,3% и овса — 5,5%; в хозяйствах с 6—15 лошадьми: проса — 79,1%, пшеницы — 14%, овса — 6,7%; в хозяйствах с 16—25 лошадьми: проса — 76,9%, пшеницы — 14,9% и овса — 7,9%; в хозяйствах с 26—100 лошадьми: проса — 68,1%, пшеницы — 21,3% и овса — 10,1%; в хозяйствах, имевших свыше 100 лошадей: проса — 51,6%, пшеницы — 35,8%, овса — 12,5%.

⁹⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2892, л. 48, д. 2825, лл. 154—155.

Таким образом, у бедняцких хозяйств (имевших до 15 лошадей), тем более у батрацких (до 2 лошадей), товарное земледелие развивалось слабо; значительная часть труда батраков и бедняков поглощалась байскими хозяйствами, развивавшими товарное земледелие. Иными словами, значительная часть бедняцких семей превращалась в сельский пролетариат, а другая часть их, интенсивно развивая свое хозяйство, поднималась до уровня зажиточных слоев населения.

Так же обстояло дело с развитием товарного земледелия и в других уездах дореволюционного Казахстана. Например, в Копальском уезде Семиреченской области, по данным обследования П. П. Румянцева, в 1907—1909 гг., земледелием занималось 81,51% всех казахских хозяйств, под посевом было занято 126 909,18 десятины земли, из них под зерновыми культурами было 120 574,74 десятины и под люцерной — 6 334,18 десятины. Из 26 272 сеющих хозяйств 87,5% занималось исключительно поливным, 5,4% — смешанным и 7,1% — исключительно богарным земледелием. Безлошадные и малолошадные хозяйства вынуждены были «прибегать к продаже своей рабочей силы и занятиям и другими промыслами», а хозяйства, имевшие от 3 до 15 голов скота (в переводе на лошадей), как неспособные прокормиться доходами от скотоводства, были вынуждены заниматься хлебопашеством. Что же касается баев, то у них на каждое хозяйство посевная площадь составляла по 8 десятин. Те, которые развивали товарное земледелие, «на своих пашнях оставляли наемных рабочих, для контроля за которыми, — пишет П. П. Румянцев, — нередко спускался с джайляу за 100—150 верст»⁹⁶.

В Верненском уезде, по подсчетам П. П. Румянцева, в 1910—1911 гг. хозяйства бесскотные и имевшие менее одной головы скота засевали по 2,14 десятины; имевшие от 1 до 3 голов скота — соответственно 2,26 десятины; от 3 до 25 голов — 4,31 десятины, свыше 25 голов скота — 6,68 десятины. Иначе говоря, «по уезду, в группе хозяйств бесскотных и имеющих скота не менее 1 единицы, из всего числа сеющих хозяйств 70,75% хозяйств засевают ме-

⁹⁶ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области... т. II. Копальский уезд. СПб., 1913, стр. 207—211; т. IV, Верненский уезд. СПб., 1913, стр. 198.

нее 3 десятин и лишь 1,25% сеют по 7 и более десятин, в группе хозяйств многоскотных, имеющих более 25 единиц скота, только 27,0% сеющих хозяйств засевают менее чем по 3 дес., но зато у 37,79% их засеяно не менее чем по 7 дес.».

Следовательно, и в этом уезде бай увеличивали посевную площадь, стремились развивать товарное земледелие.

г) Байская кабала

Байская кабала была невыносимо тяжелой. Она переплеталась с пережитками средневековья. Обездоленная беднота стонала от их гнета. Бай не прилагали своего труда, а наживались за счет прибавочного труда бедноты и батрачества.

Бай эксплуатировали бедняков различным способом. Одним из них является уртачество, получившее широкое распространение по всему краю.

Бедняк вынужденно шел в кабалу к баю, ибо ощущал острую, нужду в тягловой силе, сельскохозяйственных орудиях и, нередко, в семенах. По данным повторного обследования под руководством Кузнецова в 1907 г., например, в Усть-Каменогорском уезде насчитывалось всего 13 567 хозяйств, из них 12 409 (89%) бедняцких и середняцких, 1660 (11%) — байских. Причем 1666 хозяйств (12,3%), или 11386 чел. (2,7% — ремесленники и кустари), уходили наниматься к кулакам, атаманской верхушке и на золотые прииски в качестве «пастухов, чернорабочих, косарей и жнецов». Из числа байских хозяйств 1281 (77,1%) развивали товарное земледелие⁹⁷, из них 38,8% — посредством уртачества⁹⁸. В 1901 г. в Петропавловском уезде до 25% байских хозяйств производили посев путем уртачества⁹⁹. В остальных уездах степных областей была почти такая же картина. Что же касается юга Казахстана, то здесь вообще расцветало уртачество.

Тяготы байской кабалы ложились на плечи батрачества. Количество хозяйств, нанимающих батраков, в Вер-

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф 1291, оп. 84, 1908, д. 156, лл. 15—20.

⁹⁸ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством В. Кузнецова, т. IX, стр. 73.

⁹⁹ Материалы по киргизскому землепользованию... т. XII. Чернигов, 1908, стр. 145, 186—189.

ненском уезде было 15,73%, в Джаркентском — 11,4, в Копальском — 17,65 и в Лепсинском — 14,05%, причем на каждые 100 нанимающих хозяйств годовых рабочих было: в Верненском: — 81,26%, в Джаркентском — 73, в Копальском — 55,05 и в Лепсинском — 60,90%. Иначе говоря, из 100 наемных рабочих годовых было: в Верненском уезде — 83,03%, в Джаркентском — 48,40, в Копальском — 42,76 и Лепсинском — 69,73%.

В северной скотоводческо-земледельческой зоне дореволюционного Казахстана к 1907 г. применение наемной рабочей силы выглядело таким образом¹⁰⁰: В Актюбинском уезде хозяйств, нанимавших рабочих, было 42,3%; в Кустанайском — 28,1; в Усть-Каменогорском — 17,0; в Акмолинском — 26,7; в Атбасарском — 13,7; в Петропавловском — 19,0; в Павлодарском — 14,5; в Каркаралинском — 13,5; в Омском — 24,5%.

В тех уездах, где товарное земледелие развивалось интенсивнее, больше применялся наемный труд сельскохозяйственных рабочих. В этой связи обращает на себя внимание оплата труда последних. Для примера возьмем несколько зональных районов. Так, в казахских волостях Верненского уезда Семиреченской области в 1898 г. дневная оплата труда сельскохозяйственных рабочих во время полевых работ выражалась следующим образом (табл. 16)¹⁰¹.

Для большей ясности подойдем иначе к выяснению вопроса об оплате труда сельскохозяйственных рабочих в казахских волостях Верненского уезда за тот же 1898 год, т. е. по размеру оплаты труда сезонных рабочих, содержавшихся на продовольствии хозяина (табл. 17).

Из таблиц 16 и 17 видно, что уже к концу XIX в. применение наемного труда в байских хозяйствах Верненского уезда, основанного на денежной оплате, носило устойчивый характер. Оплата была крайне низкой, сельскохозяйственные рабочие владели жалкое существование, выполняя невыносимо тяжелые полевые работы. Между тем труд сельскохозяйственного пролетариата, тем более в условиях отсталого колониального аула, явился важным шагом вперед с точки зрения экономиче-

¹⁰⁰ П. П. Румянцев. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. «Вопросы колонизации», 1909, № 5, стр. 109.

¹⁰¹ ЦГА КазССР, ф. 41, д. 100, лл. 82, 83 (таблицы 16, 17).

Таблица 16

Дневная оплата труда сельскохозяйственных рабочих на время полевых работ в казахских волостях Верненского уезда (на продовольствии своем или хозяина)

Волости	Работнику						Работнице	
	конному			пешему			на своем продовольствии	на продовольствии хозяина
	на своем продовольствии		на продовольствии хозяина	на своем продовольствии		на продовольствии хозяина		
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	коп.	коп.
Б. Алма-Атинская	—	80	—	60	—	30	25	20
М. Алма-Атинская	—	80	—	70	—	50	40	35
Восточно-Талгарская	—	—	—	—	—	40	35	—
Западно-Талгарская	—	30	—	20	—	20	15	10
Тургенская	1	45	—	60	—	60	35	30
Кинкпавская	—	75	—	65	—	50	40	25
Баксайская	—	—	—	—	—	35	20	20
Кзылбурковская	—	50	—	40	—	30	20	—
Сюгатинская	—	80	—	60	—	50	40	20
Нижне-Илийская	1	—	—	70	—	40	30	—
Каскеленская	1	—	—	—	—	30	—	—
Чемолганская	—	—	—	—	—	20	15	—
Джанльмышевская	—	80	—	60	—	30	25	30
Вост. Узун-Агачская	1	—	—	55	—	50	35	—
Зап. Узун-Агачская	—	75	—	50	—	40	25	25
Куртинская	1	—	—	70	—	50	30	—
Сарытаукумская	—	60	—	50	—	20	15	10
Моюнкуская	—	80	—	50	—	60	45	45
Восточно-Кастекская	—	50	—	40	—	20	15	—
Западно-Кастекская	1	—	—	70	—	45	30	20
Ботпаевская	1	40	—	30	—	20	12	8
Тайторинская	—	50	—	40	—	25	—	—
Восточно-Джамантинская	1	—	—	70	—	40	30	—
Западно-Джамантинская	—	60	—	45	—	45	35	20
Курдайская	1	20	—	80	—	60	55	30

Оплата труда рабочих, содержавшихся на продовольствии хозяина, в казахских волостях Верненского уезда

Волости	Работнику				Работнице			
	годовая		летняя		годовая		летняя	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Б. Алма-Атинская	40	60	4	6	—	—	—	—
М. Алма-Атинская	20	25	12	15	—	—	—	—
Восточно-Талгарская	20	30	3	4	—	—	—	—
Западно-Талгарская	20	30	15	20	—	—	10	15
Тургенская	25	35	15	18	—	20	—	—
Кинипаевская	20	25	10	15	—	—	—	—
Баксайская	20	30	15	18	—	—	—	—
Қызылбурковская	30	35	10	15	—	—	—	—
Сюгатинская	40	50	25	30	—	30	—	—
Верхне-Илийская	20	25	12	14	—	25	15	20
Нижне-Илийская	30	40	50	60	—	—	—	—
Каскеленская	20	25	10	20	—	—	—	—
Чемолганская	20	30	10	15	—	—	—	—
Джаильмышевская	40	60	4	6	—	—	—	—
Восточно-Узун-Агачская	35	45	20	25	—	—	—	—
Западно-Узун-Агачская	30	45	20	25	—	25	15	20
Куртинская	10	50	5	30	—	—	—	—
Сарытаукумская	20	25	12	14	—	12	3	4
Моюнкумская	40	50	25	30	—	40	20	25
Восточно-Кастекская	23	30	10	15	—	—	—	—
Западно-Кастекская	15	25	—	—	—	10	8	12
Ботпаевская	15	20	10	15	—	—	—	—
Тайгориная	40	45	10	15	—	—	—	—
Восточно-Джамантинская	40	50	25	40	—	—	—	—
Западно-Джамантинская	36	40	20	25	—	—	—	—
Курдайская	23	45	20	12	—	—	—	—

ского и политического развития казахского общества. В тех волостях, где интенсивнее развивалось земледелие, оплата труда сельскохозяйственных рабочих была выше (например, в Б. Алма-Атинской, Джайлымышевской), чем там, где земледелие развивалось медленно и слабо (Куртинская волость).

Данные таблиц говорят также о том, что батракам было выгоднее наниматься на целый год, чем посезонно. Исключением были отдельные участки юга Казахстана. Например, в с. Уч-Курган Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области оплата труда батраков-мужчин выражалась в следующих цифрах. Рабочему со своей упряжью весной и летом за каждый день выплачивалось по 1 р. 50 к.; пешему со своим орудием весной и летом — по 70 коп., осенью — по 60 коп.; пешему без орудия весной — по 60 коп., летом — по 50 коп., осенью — по 60 коп. В этом же селе оплата труда рабочего с тягловой силой и инвентарем составляла за сезон 60 руб. и в год — 120 руб.¹⁰²

Оплата труда наемных рабочих была различной не только по сезонам года, но и по каждому уезду. Так, например, в Туркестанском участке Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области спрос на рабочие руки был меньшим, поэтому и оплата труда была низкой: в год наемный рабочий, который был на содержании хозяина, зарабатывал в день 25 коп., в год — 30 руб., а рабочему, имевшему свое содержание, выплачивалось в день 40 коп., в год — 60 руб.¹⁰³

Низкий заработок наемных рабочих в Туркестанском участке Чимкентского уезда объясняется тем, что здесь земледелие было развито слабо и в связи с этим меньше требовалось рабочих рук в полеводстве.

Количество наемных рабочих в байских хозяйствах увеличивалось из года в год. Например, по подсчетам Е. Федорова, в Актюбинском уезде в байских хозяйствах работало по найму батраков и пастухов в количестве: в 1898 г. — 5917 чел., в 1908 г. — 10372 чел.; в Кустанайском уезде: в 1898 г. — 5674, из них годовых — 4338, а в 1908 г. — 7510, из них годовых — 6449 чел. В Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области за 10 лет, т. е.

¹⁰² ЦГА КазССР, ф. 510, д. 1, л. 161.

¹⁰³ ЦГА КазССР, ф. 145, д. 224, лл. 55, 56, 67, 68.

с 1898 по 1908 г., число годовых сельскохозяйственных рабочих в казахском ауле возросло с 1009 чел. до 1927 чел., или на 92,1 %. В Зайсанском уезде той же области число годовых рабочих в байских хозяйствах за такой период возросло с 1687 чел. до 2534 чел., т. е. на 52,2 %.

В уездах, расположенных ближе к железной дороге, сельскохозяйственные рабочие составляли более $\frac{1}{5}$ всех мужчин рабочего возраста: в Петропавловском уезде — 22,8 %, в Ходжентском и Джизакском — 36,3 %, в Чимкентском — 26,1 % и т. д. В этих уездах наемные рабочие в байских хозяйствах составляли более $\frac{1}{10}$ количества мужчин рабочего возраста: в Верненском и Лепсинском уездах — 13 %, в Жаркентском — 15,7 % и т. п.

Близость к железной дороге сказывалась даже внутри одного и того же уезда. Например, по 13 волостям Темирского уезда Уральской области наемные батраки и пастухи составляли 15,5 % всех мужчин рабочего возраста¹⁰⁴, тогда как в трех волостях, расположенных в глубине степи, их было лишь 10,9 %.

В 1893 г. в Туркестанском участке официально числилось рабочих: 3 870 мужчин, 3 750 женщин, 1 630 мальчиков и 1 895 девочек, а всего 11 145 человек. В одном Семипалатинском уезде той же области летом 1898 г. в крестьянских селениях работало по найму 4 тыс. батраков казахов, общий заработок которых составлял 150 000 руб., в Семипалатинске, по данным податного инспектора, работало по найму 4 тыс. рабочих казахов, временно «уходивших из своих волостей»; общая сумма их заработков выражалась в 250 тыс. руб.¹⁰⁵

С конца XIX в. в крае, наряду с натуральной оплатой, все чаще и чаще стала применяться денежная оплата труда сельскохозяйственных рабочих, особенно занятых в полеводстве скотоводческо-земледельческой, а также в отдельных районах скотоводческой зоны. Правда, вольный наем нередко прикрывался средневековой формой угнетения. Тем не менее это обстоятельство не исключало общую тенденцию развития вольнонаемного труда в казахском ауле, особенно в тех районах, где интенсивно развивалось товарное земледелие.

¹⁰⁴ Ученые записки Алма-Атинского педагогического института им. Абая. Алма-Ата, 1941, стр. 173—174.

¹⁰⁵ ЦГА КазССР, ф. 145, д. 224, лл. 67—68; ф. 342, д. 414, л. 28.

д) Хлебный рынок

На развитие товарного земледелия известное влияние оказывал рынок сбыта. Он был неодинаков во всех районах края: в одних областях, например в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Сыр-Дарьинской, к началу XX в. рынок сбыта зерновых был более, а в других — менее развит. По данным О. Шкапского, из Семиреченской области хлеб вывозился в отдельные районы Семипалатинской области, на Куяндинскую ярмарку, даже за пределы страны — в Китай. Из Каркаралинского уезда «киргизы-скупщики, так называемые «акшомы», скупали хлеб у крестьян и киргиз и вывозили его в свои уезды». Далее, опираясь на данные консула Российской империи в г. Чугучаке, в китайские пределы через Бахтинскую таможню вывозился хлеб из Лепсинского уезда в следующих размерах¹⁰⁶: в 1898 г. — 74 774 пуда на сумму 57 700 руб.; в 1899 г. — 83 216 пудов на сумму 38 690 руб.; в 1900 г. — 75 000 пудов на сумму 44 500 руб.

Из Семиречья бай вывозили хлеб в Среднюю Азию, в Ферганскую и Самаркандскую области. Доставка зерна была сопряжена с большими трудностями: оно транспортировалось вьюком, на верблюдах.

Совершенно иная картина наблюдалась в хлеботорговле Тургайской и Уральской областей: сказывалась близость этих областей к промышленным районам Центральной России. Здесь было много ярмарок, оборот которых составлял миллионы рублей, а также Оренбургско-Ташкентская ж. д., проходившая через казахскую степь и способствовавшая вывозу хлеба. Так, в 1908 г. около «9 млн. пудов хлеба... вывозилось через Уральск, Оренбург по Ташкентской и Сибирской ж. д.». Характерно, что казахские егинши Уральского уезда в 1913 г. собрали 5,4 млн. пудов зерна, из которых продали на хлебных рынках 4 млн. пудов, т. е. 75% сбора¹⁰⁷.

Не меньше хлеба вывозилось в центральные районы России и из других уездов края, где проходила железная дорога. Из Актюбинского уезда, например, в 1906 г. из 14 ж.-д. станций (от Илецка до Джуруна включительно) по Оренбургско-Ташкентской ж. д. было вывезено

¹⁰⁶ О. А. Шкапский. Цитированный труд, стр. 47.

¹⁰⁷ Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов России за 1913 г. СПб., 1914, стр. 43.

2 586 тыс. пудов, а в 1905 г. из этих же станций было отправлено 1 202 тыс. пудов¹⁰⁸.

Вывозилось главным образом просо. Оно составляло в 1905 г. 87% всего вывоза зерна и в 1906 г. — 78%. Вывоз пшеницы занимал второе место, и с каждым годом увеличивался: в 1905 г. — 11%, а в 1906 г. — 20%. Особенно много хлеба вывозилось со станций Актюбинск, Илецк и Ак-Булак. Со станции Актюбинск было отправлено: в 1905 г. — 30% общего количества хлеба, вывезенного из упомянутых 14 ж.-д. станций, а в 1908 г. — 45%; из Илецка в 1905 г. — 18%, в 1906 г. — 17%; из Ак-Булака в 1905 г. — 15%, в 1906 г. — 9%.

Вывоз хлеба производился круглый год, но особенно большой поток падал на осенние месяцы. Проследим это на примере станции Актюбинск (табл. 18).

Таблица 18.

Вывоз хлеба из ж.-д. станции Актюбинск по месяцам
(1906—1907 гг.)

Месяцы	Пшеница, пудов		Овес, пудов	
	1906 г.	1907 г.	1906 г.	1907 г.
Январь	22 423	20 549	19	203
Февраль	23 671	24 566	319	—
Март	31 961	24 543	3792	931
Апрель	16 625	457	161	43
Май	33 464	2 860	1 796	94
Июнь	15 610	871	279	97
Июль	850	13	192	183
Август	72 320	3 448	93	—
Сентябрь	84 860	108 183	1 020	69
Октябрь	12 778	24 343	17	75
Ноябрь	735	48 916	95	—
Декабрь	8 292	—	3 015	—

Из таблицы 18 видно, что самый большой процент вывоза хлеба наблюдался в августе, сентябре и октябре. Следует отметить, что в последующие годы продажа хлеба егинши Актюбинского уезда увеличивалась. Так, в 1913 году было продано 2,3 млн. пудов, что составляло около 60% годового урожая зерновых культур.

Продавали хлеб главным образом байские хозяйства. В Актюбинском уезде, например, хозяйства, нанимающие

¹⁰⁸ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2950, лл. 80, 81.

рабочих, в начале XX века ежегодно продавали по 1,1 млн. пудов, а в Кустанайском — полмиллиона пудов.

В северных областях из года в год продажа хлеба также увеличивалась. Так, в 1908 г. в Акмолинском уезде было продано казахами более 2 млн. пудов хлеба на сумму 1,3 млн. руб.¹⁰⁹ По Сибирской ж. д. только из одной Акмолинской области вывозилось ежегодно в период 1900—1905 гг. в среднем по 1 429 000 пудов, а в 1906—1909 гг. — 4 806 000 пудов, т. е. во второй период объем вывоза хлеба увеличился по сравнению с первым периодом на 236,3%¹¹⁰.

Из Аулие-Атинского и Чимкентского уездов хлеб сбывался в Самаркандскую и Ферганскую области, а также в г. Ташкент. В начале XX в. вывоз хлеба в Среднюю Азию был облегчен в связи с окончанием строительства Оренбургско-Ташкентской и Закаспийской ж. д.

Высокая цена на хлеб в центральных областях Средней Азии привлекала внимание хлеботорговцев. В 1901 г. пуд пшеницы в Ферганской области стоил 1 р. 35 к., тогда как в Верненском уезде — от 43 коп. до 71 коп., а в Лепсинском и Джаркентском уездах — до 79 коп. «Даже самая высокая цена пшеничной муки в Семиреченской области, — отмечал О. Шкапский, — более чем в полтора раза ниже цены пшеницы в Ферганской области»¹¹¹. Это обстоятельство не могло не сказаться на расширении торговли хлебом в Средней Азии.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. земледелие в Казахстане развивалось из года в год. Повышалась его товарность. В скотоводческо-земледельческой зоне земледелие прочно вошло в хозяйственный быт аула, большинство шаруа становились земледельцами.

¹⁰⁹ Ученые Записки Алма-Атинского педагогического института им. Абая, т. II. Алма-Ата, 1941, стр. 176.

¹¹⁰ Азиатская Россия, т. II. СПб., 1914, стр. 531.

¹¹¹ О. А. Шкапский. Указанный труд, стр. 48.

Глава шестая

ОБОСТРЕНИЕ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В АУЛЕ

1. Массовое расхищение земель шаруа

В конце XIX — начале XX в. аграрные противоречия в казахском ауле особенно обострились. Этому во многом способствовала аграрная политика самодержавия, направленная на расхищение казахских земель.

Массовому изъятию земель казахских шаруа, как отмечалось в предыдущей главе, предшествовал целый ряд подготовительных мероприятий царского правительства. Такими мероприятиями явились экспедиции по «естественно-историческому и хозяйственно-статистическому обследованию» степных областей под руководством Щербины и Кузнецова, юга Казахстана и Семиречья — под руководством Палена и Румянцева, а также обследования переселенческих районов и землеотводные работы межевых партий и отрядов.

✓ Известно, что Щербина, исходя из почвенно-географических условий, установил нормы землепользования казахских шаруа для каждого уезда в отдельности: для Актюбинского уезда — 123—168 десятин на кибитку, Кустанайского — 120—300, Акмолинского — 168—401, Атбасарского — 168—384, Кокчетавского — 209—444, Омского — 168—199, Петропавловского — 191—510, Павлодарского — 30—360, Усть-Каменогорского — 177, Каркаралинского уезда — 266 десятин.

Солончаковые земли и безводные пустыни Щербина исключил из фонда. А это не отвечало духу колонизаторской политики самодержавия. Активные проводники этой политики немало потрудились над составлением всякого рода докладных записок и справок, в которых старались

доказать завышенность нормы землепользования для казахов, установленной Щербиной. В связи с этим, царским правительством было решено произвести новое обследование степных областей, которое началось с 1907 г. под руководством статистика Кузнецова.

В результате повторного обследования норма землепользования казахских шаруа была намного снижена. Для Актюбинского уезда она составила от 27 до 168 десятин на хозяйство, Кустанайского — от 27 до 40, Акмолинского — от 85 до 286, Атбасарского — от 55 до 358, Кокчетавского — от 72 до 328, Омского — от 77 до 205, Петропавловского — от 74 до 323, Павлодарского — от 44 до 280, Усть-Каменогорского — от 92 до 142, Каркаралинского — от 116 до 280 десятин.

Таким образом, норма землепользования была сокращена: в Кустанайском уезде на 77,5 — 86,7%, Петропавловском на 61,7, Кокчетавском на 65,6—26,1, Акмолинском на 46,2 — 28,7% и т. д.

За период с 1893 по 1905 г. в степных областях из признанных подлежащими отмежеванию 18 млн. десятин «излишков» земли уже было изъято 4 074 180 десятин, из них в Акмолинском переселенческом районе — 2 550 202 десятины, Семипалатинском — 499 566 десятин, Тургайско-Уральском — 1 024 412 десятин земли и было образовано 563 переселенческих и 25 запасных участков¹, не говоря о запасных лесных дачах.

По данным В. Тресвятского², до 1906 г. из пользования казахских шаруа было изъято в Акмолинской области 3 183 350 десятин земли, из них в переселенческий фонд 2 978 560 десятин, в запасный фонд (оброчные статьи, лесные дачи) 204 790 десятин; в Семипалатинской области — 536 124 десятины, из них в переселенческий фонд 3699 десятин; в Тургайской области — 1 394 841 дес., из них в переселенческий фонд — 1 022 167 десятин, в запасный фонд — 372 674 десятины.

Таким образом, всего в трех степных областях до 1906 г. было изъято из пользования местного населения 5 144 315 десятин земли и образовано 1114 переселенче-

¹ Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906—1910 гг. СПб., 1911, стр. 47.

² В. А. Тресвятский. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. I. Степной край. Петроград, 1917, стр. 98, 99.

ских и запасных участков. Иначе говоря, только в течение одного 1905 г., в разгар революционных бурь в стране, у казахских шаруа было отобрано 1 070 135 десятин земли и образовано 16 переселенческих и 527 запасных участков.

По данным официального издания переселенческого управления — книги «Азиатская Россия», за последующие 6 лет, с 1906 по 1912 г., было изъято из пользования местного населения в Тургайско-Уральском, Акмолинском, Семипалатинском переселенческом районах свыше 12 млн. десятин земли, на них было поселено до 1,5 млн. человек³.

Таким образом, в течение 19 лет, т. е. с 1893 по 1912 г., только в четырех названных выше областях дореволюционного Казахстана у казахских шаруа под переселенческие и запасные участки было отобрано свыше 17 млн. десятин лучшей земли.

По подсчетам А. Турсунбаева⁴, составленным по обзорам переселения и землеустройства за Уралом с 1906 по 1915 г., изданным переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, к 1915 г. размер изъятых площадей земли во всем дореволюционном Казахстане достиг 21 206 187 десятин, из них в Тургайско-Уральском переселенческом районе — 5 402 458 десятин, Акмолинском — 6 337 202, Семипалатинском — 3 799 566, Семиреченском — 3 204 696 и Сыр-Дарьинском — 2 462 265 десятин земли. Во всех этих областях к тому времени было образовано всего 9111 переселенческих и запасных участков.

Кроме того, следует отметить, что в течение целого столетия лучшие земельные пространства казахских шаруа большими массивами захватывались уральскими, оренбургскими, сибирскими и семиреченскими казачьими войсками.

Известно, что богатый ценными пастбищными угодьями левый берег р. Урал имел для скотоводов жизненно важное значение, но его насильственно захватывало уральское казачье войско, гораздо раньше, чем командование просило царское правительство передать эти земли

³ Азиатская Россия, стр. 98, 99.

⁴ А. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 61.

в безраздельное войсковое владение. Казахские же шаруа теперь вынуждены были прибегнуть к аренде у них же отнятой земли.

По ходатайству командования уральского казачьего войска военное министерство назначило особую комиссию для распределения угодий левобережья Урала, работа которой закончилась в 1865 г. Комиссия представила министру свое заключение, которое сводилось к тому, чтобы передать весь левый берег р. Урала в вечное и безраздельное владение казачьего войска, при этом сохранив за казахскими шаруа право на сенокосение на скудных участках площадью 24 948 десятин, рассчитанных на 12 065 казахских хозяйств, т. е. по 2 десятины на хозяйство⁵.

Выводы этой комиссии были переданы на заключение министру внутренних дел Валуеву, в непосредственном ведении которого находились национальные районы и их население, в том числе и казахский край. Изучив выводы комиссии и многочисленные заявления казахских шаруа, Валуев вынужден был признать протесты коренного населения справедливыми. В своем заключении, переданном в Государственный совет, он писал, что казахи «будут отрезаны от воды и тем лишены главного и необходимейшего условия для всякого населения», будут лишены возможности пользоваться лесом и, следовательно, в связи со сносом зимовок, они понесут непоправимые потери. Тем не менее Валуев поддержал притязания казачьей верхушки — крупных скотопромышленников, во владения которых впоследствии попало левобережье Урала, с условием, что на это согласны колониальные власти.

Оренбургский генерал-губернатор Кржижановский полностью поддержал заключение комиссии.

На своих заседаниях, состоявшихся 28 марта, 29 мая, 21 ноября 1870 г., департамент экономии Государственного совета решил передать левобережье р. Урала в вечное безраздельное владение казачьему войску. 23 марта 1871 г. Александр II утвердил это решение.

Накануне первой мировой войны, по данным В. А.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Г. С. (фонд Государственного совета), Департамент экономии, 1868, д. 560, лл. 23, 24, 98.

Тресвятского⁶, Уральское казачье войско владело 6 465 402 десятинами земли, из них 38,2% удобной, 0,9% — леса и 68,9% — среднеудобной и менее удобной земли. На одну мужскую душу казачьей станицы приходилось 79 десятин земли, в том числе 0,7% леса. На каждую квадратную версту территории Уральского казачьего войска приходилось в среднем 2,6 души казачьего населения обоего пола.

Казахские шаруа стали теперь постоянно зависимыми от офицерской верхушки войскового хозяйственного управления, имевшего в своем распоряжении огромные массивы свободной земли. Шаруа арендовали луга для выпаса скота и покупали в станицах сено втридорога, особенно в засушливые годы. Еще в зиму 1861—1862 гг., когда левобережье р. Урала не было формально передано во владение войска, в 5-й и 6-й дистанциях от бескормицы пало $\frac{2}{3}$ всего скота казахских шаруа. За эту же зиму шаруа купили в прилинейных казачьих станицах сена на огромную по тому времени сумму — на 150 тыс. руб.⁷

Насиженные земли шаруа изымались не только Уральским казачьим войском, но и Оренбургским. Так, утвержденным 5 марта 1835 г. Николаем I «Положением азиатского комитета» предусматривалось проведение новой укрепленной линии от Орска до Троицка, причем район между новой и старой линиями включал 4 313 000 десятин земли⁸. «Положение» обязывало оренбургского генерал-губернатора со временем переселить казахские аулы за черту новой линии, «исподволь подготавливая их к этой мере».

В 1840 г. было утверждено положение Оренбургского казачьего войска, на основании которого, а также упомянутого «Положения азиатского комитета» земли казахских аулов закреплялись за войсками. Сразу же из лучших мест многие казахские аулы, особенно Саройской и Чубарской волостей Кустанайского уезда Тургайской области, выселялись из своих зимних стойбищ, на месте которых образовывались новые казачьи станицы и вы-

⁶ В. А. Тресвятский. Указанные «Материалы...», стр. 90—91.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Г. С. Департ. эконом., д. 560, л. 4.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 30, МВД, 8, 1862, д. 27, ч. I, л. 2.

селки. Кроме того, у шаруа изымались все леса и луга⁹. В связи с этим в Новолинейном районе на мужскую душу казачьего населения надел земли первоначально значительно превышал установленную норму — в два раза и более.

Войсковое хозяйственное правление не торопилось с выселением шаруа, сдавая им в аренду их же земли на кабальных условиях. Например, в ауле № 1 Чубарской волости их выселение продолжалось более десяти лет, начиная с 1876 г. Это видно из жалобы шаруа, адресованной в министерство внутренних дел в 1889 г. Шаруа жаловались, что их выселили, а жилые и хозяйственные строения были безвозмездно снесены по приказу войскового хозяйственного управления. Затем эти земли сдавались в аренду одному подрядчику — скотопромышленнику, наживавшему большие барыши¹⁰.

Казахские шаруа платили казачьему войску неимоверно тяжелую арендную плату за пользование своей землей в течение нескольких десятилетий. Этого факта не могли скрыть и царские власти. В 1872 г. оренбургский генерал-губернатор Кржижановский доложил министру внутренних дел, что шаруа Новолинейного района, лишившиеся земли, ежегодно платят войсковому хозяйственному правлению по 1 р. 50 к. за десятину, и испытывают крайние бедствия, а «станичные атаманы, не довольствуясь такой арендной платой, нередко возбуждают всякого рода ложные иски из-за потравы» скотом их пашни; станичные суды за это налагают на казахов непосильные штрафы, и что казахские крестьяне ежегодно платят с кибитки еще по 3 р. 75 к. за «право пользования топливом»¹¹ из войсковых лесных дач, отобранных у местных жителей и т. д.

Таким образом, в Новолинейном районе казахские шаруа ежегодно платили по меньшей мере по 8 р. 75 к. различного рода поборов и податей. Оренбургский генерал-губернатор не скрывал, что «киргизы Новолинейного района остаются в прежнем неопределенном положении в отношении землепользования и, как прежде, испытывают все проистекающие от того невыгоды, грозящие им полным разорением». Только в начале 60-х годов

⁹ ЦГИАЛ, ф. 30, МВД, 8, д. 27, ч. III, лл. 241—242.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 30, МВД, 8, 1889, д. 14, лл. 4, 10.

¹¹ Там же, 1862, д. 27, ч. I, лл. 133—134, 242.

— XIX в. в Новолинейном районе Оренбургского казачьего войска, по далеко не полным данным, насчитывалось около 500 разорившихся безземельных шаруа, работавших у баев и офицеров казачьей верхушки в качестве наемных батраков и пастухов.

О тяжелом положении шаруа Новолинейного района, испытывавших земельный голод и зависевших от офицерской верхушки казачьего войска, сообщал в 1897 г. и военный губернатор Тургайской области в своем письме в министерство внутренних дел. «Неустройство положения киргизов, — писал он, — ознаменовалось целым рядом систематических изъятий из пользования их лучших земель, сносом жилищ, взятием штрафов за распашку, пастьбу скота и рубку леса»¹².

Обездоленные шаруа не только попадали под власть баев и кулаков, но и массами переходили к промысловым и иным занятиям. По данным, собранным старшим советником Тургайского областного правления И. И. Крафтом, в Новолинейном районе Оренбургского казачьего войска в 1891 г. насчитывалось около 1000 обездоленных семей, известная часть которых работала на золотых приисках¹³.

По официальным данным, в Новолинейном районе казахские шаруа имели в своем пользовании 2300 тыс. десятин земли. «Особый комитет», учрежденный под председательством того же активного проводника колониальной политики самодержавия в Казахстане Кржижановского, решил выселить всех жителей казахских аулов из этого района и безвозмездно снести все их жилые и хозяйственные строения, а также отвести им «свободную» полупустынную территорию в 750 тыс. — 1 млн. десятин земли¹⁴.

Решение «Особого комитета» 23 мая 1878 г. было утверждено Александром II. Характерно, что в царский указ включался особый пункт, предусматривавший возмещение получаемого казачьим войском дохода от сдачи земель в аренду казахским шаруа и обязывавший Государственное казначейство возмещать войсковому хозяйственному правлению «убытки» (2 тыс. руб. ежегодно)¹⁵.

¹² ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1473, л. 2.

¹³ Там же, д. 3653, л. 65.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 30, МВД, 8, д. 27, ч. I, л. 133.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. ГС., Департамент экономии, 1878, д. 131, л. 105.

Таким образом, по тому же закону, по которому казахские шаруа лишались земли, а их жилые и хозяйственные постройки сносились, предусматривалось возмещение казахскому войску «убытков», понесенных «недоплатой» за аренду земель казахскими шаруа.

В своих многочисленных жалобах в адрес высших правительственных органов шаруа Кустанайского уезда Тургайской области, земли которых перешли в вечное владение Оренбургского казачьего войска, изливали свою горькую нужду и страдания, вытекавшие из-за обезземеливания. Они заявляли, что согласиться на переселение в полупустынные и пустынные территории «значит обречь себя на окончательное разорение и вымирание».

Такого же мнения придерживался и сам военный губернатор Тургайской области Константинович. В 1879 г. он сообщал министру внутренних дел, что если казахские шаруа будут выселены на отведенные полупустынные территории, то они «в недалеком будущем подвергнутся вымиранию». Назначенный на его место другой военный губернатор Барабаш писал военному министру, что в числе отведенных казахским аулам земель 280 десятин — это сплошь солончаковые безжизненные пустыни и что выселить туда шаруа равносильно тому, что в интересах «благополучия войскового капитала» толкать к «разорению слишком 35 000 душ киргизского населения»¹⁶.

Мало того, изъятию подлежали земли так называемого миллионного отвода: часть этой земли отошла под прииски, другая — под вновь образованные лесные дачи. Кроме того, войсковое хозяйственное управление самовольно урезало из миллионного отвода 10 тыс. десятин.

В связи с насильственным выселением и неустроенностью на миллионном отводе казахские шаруа наводняли жалобами все инстанции, начиная с местных и кончая высшими правительственными органами. «Мы лишились зимовых стойбищ, лугов и подножного корма для скота, — писали в министерство внутренних дел казахские крестьяне аула № 6 Теректинской волости в

¹⁶ Там же, ф. 30, МВД, 8, д. 27, ч. II, л. 246; ч. VI, л. 107; ч. III, л. 297.

1902 г., — почему в предстоящей зиме угрожает нам опасность голодовки скота от неимения корма и мы неминуемо должны подвергнуться крайнему разорению»¹⁷.

Выселяли шаруа на новые места, расположенные от прежних за 100—200 км, в любое время года. В конце 1902 г. шаруа Новолинейного района, например, телеграфировали в министерство внутренних дел: «Наступил холод, кочуем в кибитках, маленькие дети наши от холода зябнут. Претерпеваем мучительное бедствие. В свои землянки арендатор Байдин не допускает».

Эта телеграмма отражает общую картину положения трудящихся казахского аула.

Из Новолинейного района последние остатки казахских аулов в количестве 2250 хозяйств были в административном порядке выселены на новые места в 1903 г.¹⁸ «Я позволю считать дело по выселению киргиз на миллионный отвод, — писал чиновник из Кустанайского уезда, — насколько оно касалось применения к нему принудительных полицейских мер, вполне оконченным»¹⁹.

Насильственное выселение вызывало упорное сопротивление прежде всего бедноты, изнуренной нуждой. Что же касается баев, то подавляющее большинство их поддавалось уговорам со стороны войскового начальства и колониальных органов, обещавших иметь их «в виду при представлении к наградам».

В самом деле, 13 мая 1902 г. военный губернатор Тургайской области приказал начальнику Кустанайского уезда представить к награде «тех из влиятельных и представительных лиц из новолинейных киргиз, которые личными примерами или влияниями...» оказывали «содействие к переселению своих однородцев на миллионный отвод».

Таковы были обстоятельства расхищения земель казахских шаруа в северной части Кустанайского уезда в пользу Оренбургского казачьего войска и его офицерской верхушки.

По захвату земель казахских шаруа не отставало от Уральского и Оренбургского казачьих войск и Сибирское казачье войско, образованное в 1808 г. По данным того

¹⁷ Там же, 1904, д. 112, лл. 7, 8, 77.

¹⁸ Там же, д. 27, ч. III, л. 656.

¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2897, лл. 39—40, 239.

же В. Тресвятского²⁰, общая территория, находившаяся во владении Сибирского казачьего войска накануне первой мировой войны, составляла 4 762 418 десятин, из них юртовых наделов — 2 817 037, офицерских участков потомственной собственности — 517 723, казачьих участков потомственной собственности — 615, войсковых лесов — 108 648 десятин, участков под войсковыми оброчными статьями — 10 522, войсковых арендных земель — 1 305 109 и войсковой запасной земли — 1 426 043 десятины. Юртовой надел на каждую душу мужского войскового населения в среднем составлял 35 десятин земли, в том числе 2,8 десятины леса.

Территория, которую занимало Сибирское казачье войско, тянулась от границы Оренбургского казачьего войска до Омска и дальше по Иртышу, через Усть-Каменогорск, до Бухтармы и китайской границы.

Параллельно линии Сибирского казачьего войска от Омска до Усть-Каменогорска была расположена обширная территория, включавшая самые лучшие пахотные, сенокосные и пастбищные угодья Акмолинской и Семипалатинской областей. Эти земли были самовольно захвачены казаками в начале XIX в., когда атаман Сибирских казачьих войск генерал Шпрингер приказал запретить казахским аулам кочевать ближе 10 верст от военной линии по Иртышу «для удостоверения в покорности смежных киргизов»²¹. По существу же казахским аулам было запрещено кочевать по обеим сторонам Иртыша на расстоянии 20—30 и даже более верст, что было выявлено специальной комиссией, образованной степным генерал-губернатором в 1885 г. по этому вопросу²².

«Десятиверстная полоса», которая фактически эксплуатировалась Сибирским казачьим войском в течение целого столетия, формально отошла в собственность казачества только в начале XX в. по решению Государственного совета от 31 мая 1904 г.

Огромная масса шаруа, жившая на «десятиверстной полосе», была вынуждена на тяжелых условиях арендовать у казачества свои же собственные земли. О числен-

²⁰ В. А. Тресвятский. Указанные «Материалы...», стр. 88.

²¹ Усовершенствованное статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879, стр. 14.

²² А. И. Земельный вопрос у киргиз. «Русские ведомости», 1890, № 37.

ности казахского населения, проживавшего здесь, встречаются различные данные. В «Отчете о состоянии Сибирского казачьего войска» за 1898 г. сказано, что на казачьих землях Семипалатинской области проживает 66 556 казахов арендаторов²³, в «Журнале» совещания о землеустройстве казахов, созданного в 1907 г., значится 87 170 человек²⁴, в «Памятной записке» переселенческого управления за 1909 г. указано 6 419 кибиток арендаторов²⁵, а в «Записке» Столыпина и Кривошеина о результатах поездки в Сибирь в 1910 г. — 4 тыс. кибиток. Газета «Прииртышский край» приводит другую цифру — 30 тыс. кибитковладельцев²⁶. По другим данным, в пределах Павлодарского, Усть-Каменогорского и Семипалатинского уездов Семипалатинской области числилось 12 тыс. безземельных кибитковладельцев — арендаторов земли Сибирского казачьего войска²⁷.

Из приведенных данных ближе всего к истине подсчет хозяйственного управления Сибирского казачьего войска, на землях которого жили арендаторы-казахи, а также материалы степного генерал-губернатора, считавшегося командующим этими войсками. Почти совпадают с подсчетом хозяйственного управления Сибирского казачьего войска данные журнала Присутствия семипалатинского областного правления от 30 июня 1902 г. В журнале говорится, что количество кибиток казахов-арендаторов, живших на войсковых землях в Павлодарском уезде, 2577 (16700 чел.), в Семипалатинском — 1526 (7600 чел.), в Усть-Каменогорском уезде — 67 (350 чел.). В то же время на офицерских участках Павлодарского уезда насчитывалось 3463 кибитки (22604 чел.), Семипалатинского уезда — 778 кибиток (4414 чел.), Усть-Каменогорского уезда — 49 кибиток (301 чел.). Таким образом, на войсковых землях жили казахи-арендаторы в количестве 8424 души (1431 кибитка), на юртовых землях — 24 718 душ (4170 кибиток), на офицерских участках — 27 319 душ

²³ Н. Коншин. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый. Киргизы на казачьих землях. «Памятная книжка Семипалатинской области». Семипалатинск, 1901, стр. 48.

²⁴ «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907, стр. 130.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 391, д. 3875, л. 171.

²⁶ «Прииртышский край», 1907, № 2.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1900, д. 2, ч. I, л. 73.

(4290 кибиток). Всего в трех уездах Семипалатинской области, на десятиверстной полосе, проживал 60461 чел. казахского населения в 9891 кибитке. Следует отметить, что в это число не входят жатаки, жившие также на десятиверстной полосе.

Таким образом, на землях Сибирского казачьего войска больше всего казахские шаруа арендовали юртовые наделы и участки офицеров, которые владели огромными земельными просторами. Только по положению этого войска обер-офицеры получали даровой участок по 600 десятин, штабс-офицеры — по 1000 десятин и генералы — 3 000 десятин земли. Фактически же они владели гораздо большими площадями. Это видно из того, что 493 офицера и чиновника имели в своем владении 560 тыс. десятин земли²⁸ и в Семипалатинской области 220 офицеров имели 215 тыс. десятин, из них 152 чел. — до 1000 десятин, 68 человек — до 4 тыс. десятин, а некоторые атаманы даже до 10—12 тыс. десятин земли²⁹.

По отчету степного генерал-губернатора за 1896 г. на этих же землях можно было разместить около 37 тыс. крестьян-переселенцев из центральных губерний страны. Разумеется, Николай II никак не мог поддержать такое мнение. На полях отчета он сделал пометки: «Не могу с этим согласиться, земли войсковые должны оставаться навсегда войсковыми». По подсчетам сенатской ревизии начала 900-х годов, на землях Сибирского казачьего войска «в офицерских участках оказалось излишне замешанных 65—70 тыс. десятин удобной земли»³⁰.

Любопытно, что в погоне за высокой арендной платой офицеры казачьего войска выбирали себе участки земли в тех местах, где кочевали казахские аулы. Например, есаул Шайманов выбрал участок в 245 десятин там, где кочевали казахи-арендаторы³¹. Этот факт подтвердил сам степной генерал-губернатор, указав, что крайняя нужда в аренде земли со стороны казахов привлекает офицеров из-за высокой арендной платы, иначе офицеры отказались бы от участка и предпочли получать денежное пособие из войсковых сумм. Арендные сборы в войсковых землях делились на следующие: 1) за право зимовки,

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 391, д. 3875, 1909, л. 1.

²⁹ Журн. «Сибирские вопросы», 1912, № 21, стр. 65.

³⁰ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 5973, л. 2.

³¹ ЦГА КазССР, ф. 65, д. 40, стр. 27—35.

2) за право постройки зимних пастбищ, 3) за пастьбу скота (они разделялись на годовой, полугодовой и суточный), 4) за зимний выпас скота на прибрежных лугах, 5) за покос, 6) за пользование топливом, 7) за пахотные земли, 8) за сенокосные участки, 9) за право пользования водопоями.

В среднем казахские шаруа платили в год по 13 р. 25 к. с кибитки³². Кроме этого казахи арендаторы платили покибиточный сбор и земскую повинность.

Такое тяжелое бремя трудно было нести беднякам. Из-за высокой арендной платы они теряли платежеспособность. Из года в год росли недоимки. Например, население Бельгагачской волости к концу 1907 г. задолжало по всем платежам свыше 88 тыс. руб., из них 9762 р. 13 к. земского сбора, 7228 руб. кибиточной подати, 3073 руб. продовольственных ссуд, 7275 р. 95 к. семенных ссуд и около 50 тыс. руб. арендной платы Алтайскому горному округу.

Групповым арендатором войсковых земель обычно выступало аульное общество в целом. Однако общинное землепользование имело свои особенности. В записке «Об устройстве киргиз на землях 10-ти верстной полосы» говорится: «Нередки случаи, когда, несмотря на передачу участка с торгов целому аульному обществу, представителем которого является киргиз — уполномоченный надлежащей доверенностью, на деле оказывалось, что доверенность давалась известной группой сородичей данного лица, которое, приобретая право распоряжения участком, становилось затем эксплуататором массы киргиз, зимующих на том же участке».

Аульная беднота, не имевшая средств не только на приобретение сельскохозяйственных орудий, но и на уплату податей и арендных сборов, продолжала оставаться зависимой от крупных баев. Об этом, в частности, отмечалось в журнале съезда податных инспекторов степных областей за 1898 г., в котором читаем: «На арендованных землях влиятельные и богатые киргизы пользуются землями гораздо больших размеров, чем бедные: последние, находясь в полной экономической зависимости от богатых, редко даже бывают в состоянии уплатить подати.

³² ЦГИАЛ, ф. 391, 1900, д. 3875, лл. 147, 172.

Богатые же, уплачивая за себя и за клиентов повинности, пользуются зато лучшими земельными угодьями»³³.

Прав был Н. Коншин, заметивший, что на арендованных землях Семипалатинской области «бедняки косят «краешки» у богатых, получают от них клочки из милости»³⁴.

Аналогичным было положение казахов-арендаторов и на кабинетских землях Бельгагачской и Кулундинской степей и Алтайского горного округа.

Не меньшими привилегиями пользовалось Семиреченское казачье войско, образованное в 1867 г. Здесь на душу мужского войскового населения полагалось 30 десятин на основном участке и 15 десятин на запасном. Наделы нарезались межевой партией Сибирского казачьего войска, включившей в их состав значительную площадь казахских земель «по усмотрению землемеров и по желанию казаков»³⁵.

Не менее парадоксально и то, что огромное количество удобных земель отводилось под видом «неудобных». Так, на 387 душ станицы Сергиопольской всего отрезано 117 618 десятин вместо положенных по норме 17 415, причем 102 940 десятин были показаны «неудобными».

Всего же для Семиреченского казачьего войска было замежевано под видом «неудобной» около 1 млн. 300 тыс. десятин удобной земли. В 29 казачьих станицах и выселках этого войска на 1 января 1883 г. имелось 11 295 душ мужского пола; в их владении находилось 570 879 десятин земли, то есть по 52 десятины на каждую душу. В казачьи наделы замежовывались не только самые лучшие сенокосные и пахотные участки земли казахских шаруа, но и ирригационные сооружения, а также участки, расположенные у предгорий, со всеми водными источниками и головными арыками³⁶. Семиреченское казачество также самовольно захватывало большое пространство земель казахских аулов и сдавало их в аренду шаруа на тяжелых условиях. Например,

³³ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 3333 л. 58.

³⁴ Н. Коншин. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк I. Киргизы на казачьих землях. Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1901, стр. 160.

³⁵ ЦГА КазССР, ф. 19, д. 80, л. 31.

³⁶ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 115, л. 155.

казахские шаруа Кзилбуруковской волости Джаркентского уезда платили казакам пос. Подгорного в сутки 60—80 руб.³⁷ за пользование водой.

Сохранились многочисленные жалобы и прошения шаруа по поводу самовольного захвата казачьим войском их земель и оросительных каналов. Так, в прошении, адресованном в Семиреченское областное правление в начале 80-ых годов, говорится: «При отдаче наших земель казакам нам поместиться негде, разве на воздухе, но... ни сами, ни скот наш не имеет крыльев, на воздухе нет и травы, так что скоту там питаться нечем, как и в песках Прибалхашских, которые ими (казаками. — Б. С.) одни оставлены»³⁸.

Так обстояло дело с массовым расхищением насаженных земель казахских шаруа в переселенческие и запасные фонды, а также казачьими войсками.

2. Усиление борьбы за землю в колониальном ауле

В конце XIX — начале XX в. борьба за землю усилилась в ауле. В связи с массовым расхищением земель казахские шаруа, особенно бедняцкие и середняцкие слои, стали все более ощущать острую нужду в пахотных, сенокосных и пастбищных угодьях. Развернулась классовая борьба за землю. К сожалению, почти все дореволюционные авторы либо недопонимали, либо сознательно обходили вопрос о классовой борьбе за землю в казахской степи, сводя его лишь к вопросу о борьбе между кочевниками и оседлыми.

Вот что об этом писал Т. Седельников: «После 1870 г., когда кочевники приняли закон об общественном управлении и сами образовали волости, сплошь и рядом приуроченные к чисто фантастическим, фиктивным земельным наделам, борьба из-за летовок между кочующими и оседлыми весьма сильно обострилась... Теперь очень сильно кочевники и оседлые, принадлежащие к ближайшим родовым группам, враждуют между собой... Следовательно, — продолжает он, — во взаимной борьбе кочевников и оседлых сталкиваются два разных мира, две эпохи, два мирозерцания. И она будет про-

³⁷ ЦГА КазССР, ф. 19, д. 373, л. 32.

³⁸ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 115, л. 155.

должаться до тех пор, пока побежденные кочевники не откажутся от своей отсталой пережиточной формы хозяйства и не станут жить как оседлые, как русские, как все»³⁹.

Мы не отрицаем, что борьба из-за пользования пахотными, сенокосными, пастбищными угодьями нередко разжигалась феодальной верхушкой и байством по родовому принципу и что каждая враждующая сторона сколачивала вокруг себя группу жигитов своего аула, подотделения, отделения и натравливала их на барымту против своего врага. В изучаемый нами период борьба на почве землепользования велась для того, чтобы узурпировать земли бедняцких и середняцких слоев шаруа.

Далее Т. Седельников писал: «Чтобы содержать свое громадное стадо, богач киргиз нуждается в пастбищах, обнимающих до тысячи десятин. Между тем, ни первое (Щербины. — Б. С.), ни повторное (Кузнецова. — Б. С.) исследование не зарегистрировали факты обособления богачами за собой в личную собственность определенных территорий» (имеются в виду жайляу. — Б. С.).

Дальше автор разъясняет свою точку зрения: «Этот факт станет понятным, если вспомним то, что говорили о формах современного киргизского землепользования. Родовая группа, несмотря на ясный процесс разложения родового строя, все еще в правосознании киргиз является владельницей данной более или менее обширной территории».

Подробно о путях и методах присвоения общинных пастбищных угодий феодалами и баями мы находим у П. Румянцева, который пишет: «Если границы даже родовой территории намечаются лишь весьма приблизительно, то внутри ее границ землепользования отдельных аулов и отдельных групп аулов провести почти нельзя. Киргиз-богач не только подчиняется этой неопределенности границ землепользования, но и извлекает из нее большие выгоды: он беспрепятственно пасет свои многочисленные стада по всей территории своих сородичей. Таким образом, у него пока отсутствует по-

³⁹ Т. Седельников. Борьба за землю в Киргизской степи. СПб., 1907, стр. 22—24.

будительный стимул к земельному обособлению от массы киргизского народа»⁴⁰.

Наличие классовой борьбы за землю П. Румянцев не отрицает, но, вместе с тем, не подтверждает конкретными фактами. В. Тресвятский, используя его труды, а также собственные материалы, отмечал, что классовые интересы крупных скотовладельцев и бедняков в землепользовании противоположны. Он писал, что «наблюдается не менее упорная борьба между киргизскими богачами вообще, будь то скотовод или земледelec, и киргизами бедняками»⁴¹.

Классовый характер борьбы за землю в казахском ауле довольно четко прослеживается и по первоисточникам. Например, красной нитью проходит вопрос о классовой борьбе за землю в «прошении» 14 бедняцких семей аула № 6 Кульбай-Кастекской волости Верненского уезда Семиреченской области, переданном 16 мая 1886 г. военному губернатору Семиреченской области. Бедняки жаловались на насильственный захват им «принадлежащей издревле» призимовочной территории в урочище Кунгей-Кой-жол по Кастекской щели крупными баями во главе с пятидесятником Тайжаном Чинтемировым и Сайматаем Айткуловым. Они писали, что баи «силой захватили сейчас у двух аулов зимовки с накошенным сеном, приготовленными дровами». Произошла драка, в результате которой баи «изломали руку у одного, другому выбили зубы и двум проломили головы»⁴².

На баев и купцов, которые насильно захватывали земли, жаловались также трудящиеся Арысской волости Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. В поданном 9 мая 1890 г. прошении, адресованном туркестанскому генерал-губернатору, группа бедняков писала: «Противники наши киргизы Бадамской волости богатые люди, купцы, поэтому мы думаем, что деньги имеют силу... мы страдаем уже 14 лет. 9 месяцев прошло с тех пор, как мы доставили из Чимкента в Ташкент наши просьбы, но нет никакого ответа; мы, бед-

⁴⁰ П. П. Румянцев. Социальное строение киргизского народа в прошлом и в настоящем. Вопросы колонизации, 1909, № 5, стр. 136.

⁴¹ В. Тресвятский. Указанные «Материалы...», стр. 77.

⁴² ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 10, д. 251, л. 4.

ные люди, только страдаем...», приходится «переносить нам столько страданий. Мы... не умеем найти дорогу в разных управлениях, и дело наше не имеет конца.

Если же просьбы наши ложные, документы фальшивые, то просим вас, на основании закона, приказать расстрелять нас, а родичей наших с семействами сослать в другие страны, в Сибирь. Со слезами умоляем вас и просим вас»⁴³.

Немало страданий испытала беднота Чемолганской волости Верненского уезда Семиреченской области от насильственного захвата их земель крупными баями и феодалами Джайильмышевской волости. 13 мая 1890 г. в поданной военному губернатору Семиреченской области жалобе они писали, что влиятельные баи и феодалы во главе с волостным управителем «завладели самыми лучшими землями: хлебопахотными, луговыми, летними и зимними кочевками, обильными водами и проходами в горы на джайляу, а нас, как чужой волости и чужого города, оттеснили и прогнали на самые бесплодные и голодные земли. От этого у нас нет хлебопашества, а скот у нас голодует и вымирает. Словом, мы обижены совсем... мы потребовали пускать наши табуны на прежние места, но нас прогнали силой, избили наших пастухов и отобрали у нас барымтой 9 лошадей, которыми они завладели совсем»⁴⁴.

На произвол баев и биев жаловалась беднота аула № 7 Саратовской волости Копальского уезда Семиреченской области. Бий и крупные скотовладельцы «ежегодно вытраивают кистав наше и называют его собственностью, — писала беднота военному губернатору области, — мы по мере этого лишились скотоводства, хлеба и необходимого сена». Они настоятельно просили областную администрацию выделить им «земли для зимней кочевки, хлебопахотного и сенокосного надела наравне с прочими киргизами этого аула» и принять меры в отношении бия Мусака Джинанова, допускавшего произвол и насилие «из-за своей корысти и захвата»⁴⁵.

Бедняки Кульде-Джумабаевской волости (10 кибиговладельцев) также жаловались на самовольный за-

⁴³ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 752, лл. 3—4.

⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 10, д. 356а, лл. 4—5.

⁴⁵ Там же, д. 356у, л. 4.

хват их участков баями-одноаульцами Жайлаубаевым и Кошанбаевым. Они «дозволили себе захватить нашу местность от 10-ти юртовладельцев на ур. Кошкунтаны в горах, выведенный нами арык для орошения хлеба, сенокос, хлебопашество и зимовые стойбища. Местность эта с давних лет принадлежала отцам нашим и дедам. Они, Жайлаубаев и Кошанбаев, как люди богатые, взяли нашу собственность себе в пользование. Хотя мы в свою очередь просили народный суд и волостного управителя о возврате нашей местности, но народный суд в угоду Жайлаубаеву и Кошанбаеву удовлетворения нам не делает»⁴⁶.

Насильственный захват крупными баями и феодалами земель бедняков наблюдался по всему Казахстану. Сильнее всего земельная теснота чувствовалась в Букеевском ханстве. Бедняки старшинства № 8 первого Приморского округа 14 марта 1898 г. писали правителю округа, что «киргиз Бершева рода старшинства № 1 Бегали Батырбеков, надеясь на свое богатство и храбрость, несколько лет тому назад начал нас стеснять в земельном пользовании, перекочевав на наши земельные угодья... со многими соседями и многочисленным скотом, производил на наших сенокосных угодьях потравы, так что в последствии на этих местах не стало расти сено».

С такими жалобами они обращались к правителю неоднократно. В ответ на их жалобы группа баев Батырбековых пригласила представителей старшинства № 8 в свой аул, затем «их связали, задержав в течение 10 дней, нанеся им удары. При этом отняли у них лошадей и зарезали... После этого мы, — писали пострадавшие, — перестали пользоваться в своем земельном пользовании...»⁴⁷.

От произвола феодально-байской верхушки пострадали также бедняки старшинства № 7. 3 июня 1899 г. они писали «прошение» астраханскому губернатору, в котором жаловались на насильственный захват их земель крупными баями Аулетом Балхожиновым, Аймухамедом Канходжиным и другими: «Эти баи стали теснить нас с отведенных местностей не только сами, — пи-

⁴⁶ Там же, д. 568, л. 4.

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 2920, лл. 3—4.

сали бедняки, — а даже приглашали сторонних лиц киргиз старшинства № 2 с целью только теснить нас в пастбищных местах, а также производить потраву своим скотом мелкие сенокосные места на отведенных нам землях.

О стеснении же их мы неоднократно жаловались временному совету, но просьбы наши остались тщетными; тем более эти богатые люди оставили за собой в запасе отведенные им свои земли, как-то: на зиму и на летование ежегодно и ежемесячно, а в наши земли самоуправно вторгаются и пользуются постоянно подножным кормом и делают потраву своим скотом наши сенокосные мелкие лощины... недовольствуясь этим они частицы своей земли продают посторонним лицам, за что и получают процент в свои руки... В прошлом 1898 г. депутатом Касымовым была отобрана подписка, чтобы они не производили самоуправные действия в потраве наших земель, но они на это не обращают никакого внимания, надеясь на свои средства оградить себя перед нашим ближайшим начальством»⁴⁸.

Царские власти поощряли баев и феодалов в их действиях по расхищению общинных земель, находившихся в пользовании шаруа. Это видно опять-таки из жалоб бедноты. Например, бедняки старшинства № 3 Камыш-Самарской части Букеевского ханства в зиму 1879 г. «вынуждены были покинуть... жилища и ту местность», в которой они «жили... более 40 лет и ушли на заработки, т. е. находить себе пропитание», и возвратились в свое старшинство в 1888 г. Насиженная их земля на урочище Абреш-Кулак с согласия временного совета была захвачена крупными баями Жанатаевым, Каражигитовым и др.

Бедняки наводняли прошениями канцелярии, вплоть до центральных органов царского правительства, решительно настаивая на возвращении им насиженных земель. Однако, при прямой поддержке царских чиновников земли бедняков перешли в собственность названных баев, которые извлекали из них большую выгоду, накашивая огромное количество сена и продавая его нуждающимся одноаульцам.

В своей жалобе от 25 марта 1897 г., адресованной

⁴⁸ Там же, д. 3018, лл. 5—6.

астраханскому губернатору, бедняки писали: «Джана-таев и другие земель нашей завладели лишь благодаря своему богатству и благосклонному к нему отношению местного начальства»⁴⁹. Далее бедняки жаловались на то, что в захвате их земель феодалы и баи действуют сообща с аульно-волостной администрацией. Они писали: «Старшина Сеитов всегда может составить план за деньги».

Далее аульная беднота указывала на конкретный факт произвола аульно-волостной администрации над беззащитной 80-летней старушкой Шакемой Абдрешитовой. «В январе месяце с. г., — писали они в своей жалобе, — киргизы старшинства № 5 Ишан и Дощан Уашевы с другими в числе 25 человек, вооруженные железными вилами и ружьями приехали в зимовку Шакемы Абдрешитовой, которая за старостью лет (80 лет) в сентябре 1896 года перешла жить к отделившемуся сыну Салику Сулейменову, и увезли сложенные на дворе пять стогов сена, 25 возов камыша, разрушив землянку, взяли разного рода лесу, всего на сумму более 60 руб.

Уашевы в настоящее время начали устройство на этой земле землянок».

Аульная беднота старшинства № 3 Камыш-Самарской части 2 января 1899 г. жаловалась председателю временного совета по управлению Букеевским ханством о том, что «за последнее время между киргизами появился полный беспорядок из-за земли, так как одни обладали большим количеством земли, как прежние помещики, пустили скот нуждающихся к себе на выпас с получением известной платы, другие откочевали в Зауральскую орду»⁵⁰ и просили оградить их от произвола богачей.

Бедняки старшинства № 2 Калмыцкой части Букеевского ханства 23 февраля 1900 г. в своем прошении, адресованном временному совету, указывали на насильственный захват их сенокосных лошин под названием «Саралжин» крупным феодалом из султанского рода Саламатом Шигаевым. «Принимая нас за бедных, — говорилось в прошении, — (Шигаев) желает отнять «Са-

⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 2793, лл. 15—17.

⁵⁰ Там же, д. 2763, лл. 4—5.

ралжин» единственно силою богатства, благодаря которому, нам кажется, что желание его увенчается успехом, удовлетворением... со слезами просим заступиться за нас, бедных, — поручить кому следует произвести подробное расследование...»⁵¹.

В жалобе указывается на то, что в ходе разбора земельных споров в казахском ауле царил подкуп и взяточничество аульно-волостной администрации, биев и аткамнеров. «Обыкновенно кто идет на сход получить земельный надел, — писал шаруа старшинства № 2 Калмыцкой части Нургали Альдекенов во временный совет 30 июля 1900 г., — тот заранее подкупает выборных, т. е. награждая их деньгами, часть бараном и в крупных делах — скотом. Такое совпадение пало и на меня, а именно в 1899 г. умер мой брат — Нуржан Альдекенов, который при жизни был бедный, и земельные пай получили мы по количеству скота вместе, но по смерти его сход из выборных старшинства № 2 нашу землю отвел киргизу Нуржану Еркинову». Создалась волокита и круговая порука. Бии и аткамнеры возбуждали «выборных к неправильным действиям и взяточничеству»⁵².

Сущность классовой борьбы за землю в дореволюционном ауле нередко прикрывалась пережитками родовых отношений. Верх брали те аулы и родовые группы, которые превосходили числом и отличались богатством. Борьба за землепользование шла во всех уголках казахской степи и была особенно упорной в скотоводческо-земледельческих зонах. Так, за овладение пастбищами боролись между собой аулы № 5 и № 7 Сейкумской волости, аулы № 1 и № 3 Бокаевской волости, аульные старшинства Тургенской волости, аулы № 3 и № 4 Восточно-Кастекской волости, хозяйственные аулы Аксуйской волости, аульные старшинства Южно-Прибалхашской и Алтын-Эмельской волостей Верненского и Копальского уездов.⁵³

Продолжительная тяжба за пользование сенокосными, пастбищными участками велась в Семипалатинской области, особенно в Маралдинской, Баян-Аульской во-

⁵¹ Там же, д. 3027, лл. 45—46.

⁵² Там же, д. 2702, л. 37.

⁵³ ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 10, д. 250, л. 5; д. 237, л. 1; д. 230, л. 2; д. 433, лл. 8—9; д. 290, лл. 7—8; д. 530, л. 1.

лостях Павлодарского уезда, Бескарагайской и других волостях Семипалатинского уезда, а также между хозяйственными аулами, старшинствами и волостями Иргизского, Тургайского, Актюбинского и Кустанайского уездов Тургайской области⁵⁴, Темирского, Уральского и Лбищенского уездов Уральской области, Чимкентского, Аулие-Атинского, Туркестанского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области⁵⁵.

Источников, характеризующих борьбу за землю в дореволюционном казахском ауле, довольно много. Эти документы характеризуют общую картину борьбы в землепользовании и землевладении. При анализе их на первый взгляд кажется, что борьба шла между родовыми группами. Но, при глубоком изучении документов видно, что дело обстояло несколько иначе: классовая борьба за землю переплеталась с сохранившимися остатками патриархальщины и феодального строя. Зачастую борьба сопровождалась столкновениями, доходившими до увечий, убийств и барымты, и оканчивалась на аульных, волостных и чрезвычайных съездах биев с уплатой куна и взысканием убытков потерпевших.

Такой исход борьбы в жизни дореволюционного казахского аула по-существу был бичом для народных масс, особенно бедноты, и средством их угнетения со стороны феодалов, баев, аткамнеров, биев, низовой, уездной и областной царской администрации. В разборе споров сказывались классовые мотивы. Бии, пятидесятники, аульные старшины и волостные управители защищали интересы феодально-байской верхушки. Например, автор статьи «Судебное дело в киргизской степи», подписавшийся псевдонимом «Степняк», писал: «В настоящее время между народными судьями очень мало людей материально независимых, что их отдает под влияние сильных и богатых киргиз, с одной стороны, а с другой — в руки всесильного в степи волостного управителя... суд сделался послушным орудием в руках сильных против бедняков. В данное время бедняку не найти справедливости»⁵⁶.

⁵⁴ ЦГА КазССР. См.: ф. 64, оп. 1, д. 4242, лл. 9—12; ф. 15, оп. 1, д. 1834, лл. 65—69, ф. 369, оп. 1, д. 37, лл. 397—398; ф. 25, оп. 1, д. 2153, лл. 10—11; д. 2237, лл. 8—14; д. 2165, лл. 4—9; д. 2832, лл. 1—45.

⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 429, лл. 15—18.

⁵⁶ «Оренбургский листок», 1901, № 28.

Сущность переплетения классовой и феодально-родовой борьбы прежде всего заключалась в том, что в ней побеждали сильные и богатые аулы, родовые группы.

В своем прошении от 18 декабря 1899 г. в земский отдел министерства внутренних дел шаруа бедного и малочисленного Бибитова отделения старшинства № 5 Камыш-Самарской части Букеевского ханства (20 кибитковладельцев) жаловались на притеснение своими одноаульцами из богатого и многочисленного Тулекова отделения, состоявшего из 70 кибитковладельцев. Доверенный бедняков писал: «Несмотря на равное право моих доверителей, однообщественники мои Тулекова отделения — в числе 70 домохозяев с поверенными Арыкбаем Чамаковым и др. во главе, опираясь на свое подавляющее большинство, а равно и богатство, давшие им полную возможность влияния на местное наше общество, со второй половины 1880-х годов стали добиваться права исключительного пользования общинными пастбищами и угодьями всего нашего общества № 5 старшинства...

Наши однообщественники в свое время неоднократно бывали преследуемы местными властями, начиная с временного совета по управлению ордою и кончая сменявшимися правителями участкового управления... действие это не должно относиться к разряду функций схода выборных. Тулековцы, как отделение многочисленное, богатое и влиятельное, этим способом и хотели добиться своей заветной цели, веря вполне, что сход выборных не пойдет против них»⁵⁷.

Следовательно, борьба шла не только за владение качественно отличающимися участками, но и за владение летовочными пастбищами, принадлежащими отдельным общинам. И в этой борьбе преимуществом пользовалась феодально-байская верхушка, что признавали сами царские власти. В своем письме от 13 октября 1899 г. в земский отдел министерства внутренних дел астраханский губернатор сообщал, что крупные скотовладельцы старшинства № 5 Камыш-Самарской части Букеевского ханства, «как люди влиятельные в старшинстве, могут разобрать ординские земли в свое

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 32, лл. 22, 23, 27.

исключительное пользование, а большинство бедного населения остается без пастбищ, что, само собой разумеется, вызовет ряд нареканий и справедливых жалоб, разрешение которых, в виду недостаточности ординских земель, делается совершенно невозможным».

Борьба за землю постоянно шла и повторялась между многими аулами уездов одной и той же области и волостями нескольких соседних областей. В таких случаях была завуалирована классовая сущность этой борьбы, и поэтому ее трудно проследить по сохранившимся документам. Отсюда дореволюционные авторы приходили к выводу, сводившему всю борьбу за землю в Казахстане к борьбе между кочевым и оседлым населением.

Споры за пастбища происходили не только внутри областей, но и между соседними аулами и волостями Семипалатинской и Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской, Тургайской и Акмолинской, Уральской и Тургайской областей, Мангышлакского приставства и Уральской области. Особенно продолжительный и острый характер носила борьба за владение призимовочными, сенокосными участками и пастбищными угодьями между волостями Перовского уезда Сыр-Дарьинской области и Тургайского уезда Тургайской области, между волостями Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области, а также Иргизского и Тургайского уездов Тургайской области.

Скотоводы Перовского и отчасти Казалинского уездов Сыр-Дарьинской области, преодолевая песчаные массивы Каракумов (свыше 1000 верст), с ранней весны перекочевали на север через территорию Тургайского уезда, доходя иногда до пределов Кустанайского, иногда даже Троицкого уезда, а ранней осенью они возвращались к своим зимовым стойбищам. Попутно эти аулы со своими стадами стравливали осенние, весенние и зимние пастбища прилегавших аулов Тургайского и Кустанайского уездов, скотоводы которых выражали им протест, нередко сопровождавшийся вооруженным столкновением.

Самая острая борьба велась между аулами Перовского и Тургайского уездов — за проход через р. Тургай по переправе Тайпак-Уткул, расположенный в 30 верстах от г. Тургая. Борьба развернулась в 70-х го-

дах и сопровождалась оживленной перепиской и переговорами между областными правлениями по поводу уточнения границ Сыр-Дарьинской и Тургайской областей. Вмешивались в это дело генерал-губернаторы Туркестанского и Оренбургского краев, и от населения поступали в правительственные органы многочисленные жалобы. Тяжба продолжалась десятки лет. С разрешения военных губернаторов областей вопрос рассматривался на чрезвычайном съезде биев в конце августа 1894 г., где участвовали представители из обоих уездов, уездные начальники, а также чиновники особых поручений двух названных областей. Съезд постановил разрешить скотоводам Перовского уезда перекочевывать по переправе Тайпак-Уткуль, узкой полосой (от 1 км с обеих сторон) в направлении урочища Кабырга-Карауткуль к озерам Сасыккуль и Донгуз и обратным путем — к переправе Ит-Кырылган через р. Су-Жарган и т. д. Постановление этого съезда было утверждено военным губернатором Сыр-Дарьинской и Тургайской областей в июле 1895 г.⁵⁸

Казалось бы, этим был положен конец земельным спорам населения двух упомянутых уездов. Однако сразу же после окончания работы съезда биев 29 августа начались стычки. Враждующие стороны организовывали барымту друг против друга. Было немало увечий и человеческих жертв. Борьба за переход через р. Тургай и овладение пастбищами продолжалась на протяжении целого десятилетия.

По существу борьба шла между крупными скотовладельцами, а страдала аульная беднота. Это видно из прошений шаруа, зимние стойбища, сенокосы и посевы которых были расположены в урочище Тайпак-Уткуль. Так, доверенный шаруа аула № 4 Чубаланской волости Тургайского уезда Н. Мырзатаев в 1905 г. писал крестьянскому начальнику 1-го участка о том, что «кочевники, переправляясь через брод в мае месяце, останавливаются возле уроч. Тайпак-Уткуль на несколько дней, травят сенокосные луга... на сказанном урочище имеют зимовку, и она находится от брода не более 1 версты».

⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2812, лл. 1—120.

Еще больший интерес вызывает прошение доверенных 60 кибитковладельцев — шаруа аулов № 2, 3, 4 Чубаланской волости Тургайского уезда, проживавших на расстоянии 1 версты от брода Тайпак-Уткуль. В прошении, поданном военному губернатору Тургайской области в 1910 г., говорилось, что раньше они неоднократно обращались поодиночке и группами к местной администрации и аксакалам. Если превратить Тайпак-Уткуль в свободный брод для перекочевок аулов других волостей и уездов, говорилось в прошении, то следует переселить жителей этой местности на новый, с сенокосами и пригодный для земледелия, участок. Но к этому аксакалы и чиновники местной администрации отнеслись отрицательно и подтвердили решения чрезвычайного съезда биев 1894 г., защищавшего интересы богачей Перовского уезда.

В июне 1910 г. вопрос о скотопрогонной полосе снова рассматривался на чрезвычайном съезде биев двух уездов, причем в таком же порядке, как в 1894 г. После долгих и горячих споров съезд подтвердил в основном прежнее решение. Тем не менее борьба не прекращалась вплоть до революции 1917 г.

С конца 60-х годов XIX в. не менее острая борьба за землю развернулась между аулами Сарысуйского уезда Акмолинской области и Тургайского уезда Тургайской области. Для расследования земельного спора сторон выезжал казахский просветитель И. Алтынсарин, служивший в то время делопроизводителем, затем помощником начальника Тургайского уезда. Споры были урегулированы не на долгое время, они снова вспыхивали и бесконечно продолжались.

Упорная борьба за владения пастбищами велась между аулами Тургайского, Кустанайского уездов Тургайской области, с одной стороны, Акмолинского, Сарысуйского, Петропавловского уездов Акмолинской области — с другой⁵⁹.

И. Аничков, перу которого принадлежит немало трудов по истории казахского колониального аула, в своей статье «Упадок народного хозяйства в киргизских степях» писал об обострении во всех частях Казахстана

⁵⁹ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2214, лл. 1—156; д. 2237, лл. 8—15.

борьбы за землю, которая была особенно ожесточенной и острой на острове Караузок в Перовском уезде. Борьба шла «между потомством султана Елекея Касымова и киргизами, кочующими на острове и около форта Кармакчой на Сыр-Дарье; потомство Касымова стремится захватить как можно больше земли в ущерб массе киргиз, которые имеют на острове много распашек. Но гораздо хуже положение вещей в Букеевской орде Астраханской губернии, где зарегистрировано 13 079 пролетариев, т. е. около 30% населения Орды..., так как во время управления ордою сына Букея, хана Джангера (с 1824 г.), последний упразднил обычное право в области гражданских отношений и незаконно раздал общественные земли по ярлыкам в личное владение родственникам султанов, должностным лицам и даже рядовым киргизам, создав, таким образом, класс богатых помещиков — землевладельцев; ближайшим последствием такого порядка вещей является проживание 11 030 кибиток вне Ординской территории».

И. Аничков писал как свидетель эпохи. Он был прав, отмечая, что стремление казахских «родовичей утвердить за собой захват, сделанный ими во время овладения властью... показывает, насколько в мировоззрении киргиз является существенным вопрос о земле, не для одного только скотоводства; такая борьба из-за земельных участков, зимовых стойбищ и сенокосных угодий между отдельными родовичами и целыми аульными обществами происходит повсюду в степи»⁶⁰.

Таким образом, борьба за землю в Казахстане происходила повсеместно и служила главной причиной ссор, вооруженных столкновений, барымты и бедствий. В результате этой борьбы страдала только беднота, а баиство расхищало общинные земли. Царским же законом такой порядок захвата земель шаруа предусматривался специально. Как во «Временном положении» 1867—1868, так и в «Положениях» 1886 и 1891 гг. по управлению Туркестанским краем и степными областями имелись статьи о предоставлении земли в пользование баям и феодалам на правах потомственной собственности, соразмерно количеству скота. Эти законы царского правительства всегда служили «юридической основой»

⁶⁰ Русская мысль. Кн. V. М., 1902, стр. 67.

захвата насиженных земель шаруа крупными скотовладельцами.

В конце XIX и начале XX в., несмотря на запрет царского правительства и его законы, земля в Казахстане фактически покупалась, продавалась и сдавалась в аренду. По-существу она уже становилась товаром. В этой связи в последние годы о феодальной земельной собственности у кочевых народов, в частности в дореволюционном казахском ауле, развернулась оживленная дискуссия на страницах периодической печати.

В начале 1954 г. состоялась Объединенная научная сессия, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. На сессии были заслушаны доклады и выступления ряда историков о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Сессия подытожила предшествующую ей дискуссию в печати и пришла к общему заключению о чаличии собственности на землю в прошлом. Споры шли о наличии или отсутствии собственности на землю у скотоводов Средней Азии и Казахстана в средневековый период. Что же касается изучаемого нами периода, то наличие частной собственности на землю в колониальном казахском ауле не отрицалось⁶¹.

Выше мы привели достаточные факты о том, как аульная беднота ощущала недостаток пахотных, сенокосных угодий и пастбищ и как она оказывала упорное сопротивление феодалам и баям, стремившимся захватить их земли потомственного владения.

Маркс и Энгельс, впервые разработавшие учение об экономической основе капиталистического и предшествовавшего ему феодального строя, показали, что основным средством производства при феодализме, как у оседлых, так и у кочевых народов, является собственность на землю. «Земля — вот великая лаборатория, арсенал, — писал Маркс, — доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для поселения, базис коллектива»⁶².

⁶¹ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

⁶² К. Маркс. Из неопубликованной рукописи. Пролетарская революция. М., 1939, № 3, стр. 151—152.

К. Маркс определил место, роль и значение земли, как основного средства производства в классово-антагонистическом обществе. Он писал: «...Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме»⁶³.

Следовательно, К. Маркс считал, что характерной особенностью феодального строя, основанного на угнетении крестьянских масс, была частная собственность на землю. Кто отрицает частную собственность, тот неизбежно приходит к отрицанию разделения общества на антагонистические классы и классовой борьбы.

Известно, что как у оседлых, так и кочевых народов феодальная собственность на землю возникла путем захвата феодалами общинной и частной земли трудового крестьянства. «Настоящая частная собственность повсюду возникла путем узурпации»⁶⁴.

В изучаемый нами период в Казахстане узурпация земли у трудового крестьянства со стороны феодалов и баев принимала массовый характер.

В различных зонах собственность на землю имела свои особенности. Например, на Устюрте, на юге края, и некоторых других районах первостепенное значение имели водные источники. Ожесточенная борьба шла не только за овладение приречными и приозерными оазисами, но и за каждый ручеек. Захватывали их богачи и сильные общины.

Громадное значение имели колодцы на зимовках, которые также являлись частной собственностью. На летних же пастбищах колодцы могли находиться как в частном, так и в общем пользовании хозяйственных аулов. В 1911 г., например, в одной Акмолинской области насчитывалось 38 165 пресных, 7 465 горько-соленых колодцев⁶⁵. Из них было казенных: 1298 пресных, 391 горько-соленых; общественных: 6633 пресных и 920 горько-соленых; частных: 30 234 пресных и 6151 горько-соленых колодцев.

⁶³ К. Маркс. Капитал, т. 3. М., 1955, стр. 630.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 349.

⁶⁵ ЦГА КазССР, ф. 393, оп. 1, д. 100, л. 98.

В районе Мангышлака и Устюрта, по данным Н. Ломакина, в 1892 г. имелось 1139 колодцев, из них 794 были собственностью 77 крупных феодалов, 107 — шаруа, 282 были общественными и лишь 46 — в общем пользовании всех волостей⁶⁶.

Колодцы были разными: мелкими и глубокими (от 1,5 до 20—30 м). Значительная часть их расположена на Устюрте. Исследовавший эту местность Ф. Михайлов писал: «Лишний колодец в песках или лишний литр в секунду текущей воды в ручье обуславливает существование лишней семьи или группы семей»⁶⁷.

Строительство колодцев стоило огромного труда и средств. Шаруа строили колодцы своим собственным трудом. Богачи жестоко эксплуатировали труд батраков и бедняков на строительстве колодцев, платя мизерные вознаграждения. Глубокие колодцы (шинрау) копали и строили месяцами и годами, в зависимости от количества рабочих рук. По данным исследователя Устюрта Белявского, каждая сажень глубоких колодцев обходилась владельцам в 10 руб.⁶⁸

Жители Устюрта адаевцы были искусными скотоводами. На это указывали царские чиновники, специально наблюдавшие за образом жизни скотоводов-кочевников казахской степи.

Военный губернатор Уральской области, например, 16 ноября 1902 г. сообщил в министерство внутренних дел о том, что «адаевцы, несомненно, самые лучшие скотоводы, особенно способные к поддержанию и развитию в степных областях этой отрасли промышленности, благодаря своей приспособленности ко всем особенностям ведения скотоводства в средне-азиатских степях, сплошь и рядом негодных по своей сухости климата и бесплодию почвы для насаждения здесь другой какой-либо культуры»⁶⁹.

⁶⁶ «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 8. Тифлис, 1883, стр. 32—34.

⁶⁷ Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, стр. 15.

⁶⁸ Белявский. Исследование пути от залива Цесаревича (Мертвого Культака), через Устюрт до Конграда, произведенное в 1884 г. «Сборник географических материалов по Азии». Вып. XV. СПб., 1885, стр. 23.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1902, д. 102, л. 5.

Хозяйства или группы хозяйств, владевшие водными источниками, в частности колодцами, фактически владели и всей близлежащей территорией. Свободных земель становилось все меньше и меньше. Об этом писал П. П. Румянцев: «Прежде, — говорят киргизы, — земли было много, теперь киргиз ценит каждый клочок, куда можно выпустить лошадь... В зависимости от большей или меньшей скученности населения, — отмечал П. П. Румянцев, — в зависимости от степени тесноты, с той ценностью земельных угодий: чем ценнее угодья, чем интенсивнее оно используется, тем развитие формы пользования, тем определеннее поземельные отношения.

Там, где теснее, где земля ценнее, — границы определеннее там, где еще просторно, границы часто еще не фиксированы»⁷⁰.

Если феодально-байская верхушка аула, старшины, волостные управители и бии в своих корыстных целях самовольно сдавали общинные земли купцам, ското-промышленникам и переселенческому крестьянству, то нуждавшиеся в сенокосных и пастбищных угодьях казахские шаруа у них же арендовали земли для содержания и сохранения своего скота.

В своей жалобе, написанной в связи с нарушением арендного договора 10 мая 1897 г. и адресованной астраханскому губернатору, шаруа 1-го округа старшинства № 4 Букеевского ханства Ю. Давитов сообщил, что он, не имея никакой земли, был вынужденным арендовать землю у своих одноаульцев — Кубаша Темиралиева, Менгли-Гирея Беркалиева, Невбята и Сейджана Джумалиевых, которые имеют в 1-м округе старшинства № 4 свою собственную землю. «В 1885 г. по этому предмету я с выше упомянутыми киргизами заключил контракт, — писал он, — по которому они сдали мне упомянутую землю сроком на 15 лет, считая таковой с 1885 г. по 1909 г. За все время пользования арендная плата распределялась так: Темиралиеву отдано мною 5 верблюдов, 3 лошади, 35 овец и 2 больших кошмы; Беркалиеву: 1 лошадь, 5 коров, 20 овец и Джумалиевым — лошадь, 23 коровы, 54 овцы и 6 штук больших

⁷⁰ П. П. Румянцев. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Копальский уезд. Киргизское хозяйство, т. II. Петербург, 1913, стр. 93—94.

кошем и кроме этого разновременно выдано им мною разными предметами на сумму не менее 300 руб. Итого уплачено мною более чем на 2 тыс. руб., при уплате таковой суммы я дошел почти до разорения... в настоящее время я получил новый удар: упомянутые соотечественники, т. е. владельцы арендуемой мною земли, нарушают контракт, вытесняют меня из земли и отказывают в пользовании»⁷¹.

Не менее характерными являются показания других казахских шаруа аула № 2 Туз-Тюбенской волости Актюбинского уезда Тургайской области — Жумагазы Туленова и Джанбая Истаева от 12 марта 1903 г., адресованные в министерство внутренних дел. Они показали, что было отдано в «арендное содержание киргизу Гурьевского уезда Яртинской волости № 7 аула Достазы Чалбаеву под пастьбу 2000 баранов, 5 лошадей, 10 голов рогатого скота и 10 верблюдов степи, принадлежащей нашему аулу, сроком с 1 июня по 1 ноября 1900 г., ценою за 100 руб.»⁷²

Таким образом, казахских шаруа угнетали царское правительство и его вооруженная опора — казачьи войска, а также капиталисты — горнопромышленники, отбирая у них под видом аренды их собственные насиженные земли.

Но этим не ограничиваются поиски пастбищ казахскими шаруа. Немало страданий претерпевали они от среднеазиатских сатрапов.

Шаруа Орда-Кунганской и Куландинской волостей Иргизского уезда Тургайской области, например, нуждались в зимних пастбищах, постоянно содержали свои стада на арендных условиях в Хорезме, т. е. на территории Хивинского ханства. Условия были крайне тяжелыми. Только за 3 месяца зимнего периода шаруа этих волостей уплачивали 18 500 руб., равных «стоимости Хивинской и Текинской тилли русскому золоту по 5 руб.».

Арендные условия между шаруа и представителями местной власти хивинского ханства всегда оформлялись в соответствии с юрисдикцией этого же ханства. Форма арендных условий гласила: «Росписка. 1879 г. месяца

⁷¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 2645, л. 18.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1903, д. 35, лл. 4—5.

джарды 1 дня (декабря. — Б. С). Мы, нижеподписавшиеся, [ставившие] тамги и печати старшие люди киргиз Орда-Кунганской и Куландинской волостей, прикочевавших для прокормления в Хивинском ханстве, по количеству нашей скотины, состоим Кушбегию должными по поводу Чуп-Пулы две тысячи тиллей, которые и должны уплатить ему в течение 20 дней, а если не уплатим в названный срок, то расходы Кушбеги принимаем на свой счет»⁷³.

В дореволюционном казахском ауле, как отмечалось выше, особо ценились сенокосные угодья. На заготовку сена шаруа тратили много труда и времени. С конца XIX в. создавались общие запасные сенные склады не только в скотоводческо-земледельческих, но и в скотоводческих зонах края.

Заготовка корма для скота в некоторых скотоводческих зонах увеличивалась из года в год и в связи с этим накапливался запас в сенных складах. К числу таких скотоводческих зон, например, относятся Иргизский и Тургайский уезды. В 1889 г. в Иргизском уезде количество сена исчислялось в 1 209 200 пудов и камыша — 160 019 пудов и в Тургайском было заготовлено сена 16 050 400 пудов⁷⁴.

В скотоводческо-земледельческих зонах заготовка сена проходила еще интенсивнее. Так, в Актюбинском уезде в том же году было заготовлено 4 051 800 пудов сена, а в Кустанайском — 16 842 500 пудов. При заготовке корма для скота и у казахских шаруа были свои расчеты.

Характерно, что, по свидетельству А. И. Добросмылова⁷⁵, требовалось для «прокорма головы крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей один пуд сена в сутки, овцы и козы по 5 фунтов». В 1895 г. в Тургайской области насчитывалось 314 159 голов крупного рогатого скота, 1 616 832 лошади, 1 380 495 овец и коз, 136 479 верблюдов — всего 2 447 965 голов скота; для них требовалось заготовить 226 925 833 пудов сена.

Во многих районах юга Казахстана и в Семиречье было развито травосеяние (люцерна и клевер).

⁷³ ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2415, л. 9.

⁷⁴ «Тургайская газета», 1895, № 5.

⁷⁵ Там же.

Казахские шаруа к началу XX в. уже широко применяли сельскохозяйственные орудия. Правда, их применение широко практиковалось баями и феодалами в скотоводческо-земледельческих зонах и изредка — в скотоводческих. В своей основной массе шаруа заготавливали сено ручным способом — косой и серпом.

Во всех областях дореволюционного Казахстана открывались частные и казенные склады сельскохозяйственных машин и орудий.

Под влиянием переселенческого крестьянства из года в год усиливался переход казахского аула к оседлости и земледелию, что способствовало интенсификации сельскохозяйственного производства.

Глава седьмая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Начало распространения идей марксизма-ленинизма в Казахстане накануне 1905 г.

В конце XIX — начале XX в. Россия вступила в эпоху империализма. Вместе с тем она явилась центром мирового революционного движения, родиной ленинизма. Всепобеждающие идеи революционного марксизма проникали во все уголки страны, в том числе и в казахскую степь.

Первые семена революционного марксизма в Казахстане были занесены русскими ссыльными революционерами — социал-демократами.

Показательна в данном случае революционная деятельность одного из активных членов социал-демократических организаций Прибалтики Анны Семеновны Кочеровской, сосланной в 1894 г. царской охранкой в г. Верный (Алма-Ата).

В некрологе, напечатанном в журнале «Большевик Украины (орган ЦК КПУ)» говорилось, что А. С. Кочеровская до 1897 г. включительно работала в г. Верном «над вопросами марксистской методологии, совмещая практическую революционную работу с научной работой»¹.

Идеи марксизма-ленинизма проникали в Казахстан не только из Центральной России, но и из ближайших к нему крупных промышленных городов и политических центров Сибири, Урала и Поволжья. Активными носителями идей революционного марксизма в крае были также железнодорожные и заводские рабочие.

¹ «Большевик Украины», 1931, № 23—24, стр. 94.

Благодатная почва для распространения идей марксизма-ленинизма была среди переселенческого крестьянства, городской бедноты и учащейся молодежи. В секретном уведомлении на имя министра внутренних дел степной генерал-губернатор, характеризуя политическое состояние края, писал, что «рассылка и вообще распространение прокламаций и нелегальных произведений печати летом 1902 г., а также стачка рабочих — все эти факты свидетельствуют о неустанной подпольной деятельности местных агитаторов, тесно сплоченных общностью целей»².

Далее он жаловался на то, что идеи революционной социал-демократии находили благоприятную почву среди широких слоев трудового населения Степного края и на все усиливающийся рост революционных настроений населения Акмолинской области, главным образом городов Омска и Петропавловска.

В распространении идей марксизма-ленинизма в Казахстане большую роль сыграл Сибирский социал-демократический союз, прокламации и воззвания которого расходились по всему Степному краю. В таких листовках, как, например, «К рабочим и работницам Сибири», «К обществу», «Товарищи рабочие», «Тайный циркуляр военного министра амурскому генерал-губернатору Субботину» и др., союз призывал трудящихся к революционно-освободительной борьбе против самодержавного строя. Листовки печатались в Омске и Томске, затем рассылались по почте местным агитаторам и пропагандистам, в том числе жившим в Акмолинской и Семипалатинской областях. В рапорте начальника омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги от 24 апреля 1902 г., адресованном на имя военного губернатора Акмолинской области, говорилось об изъятии 418 запечатанных писем на имя разных лиц, в которых «оказалось 19 дерзких воззваний к рабочим противоправительственного содержания» за подписью «Сибирский социал-демократический союз»³. В связи с этим военный губернатор приказал местной охране усилить строгий надзор за населением.

² ЦГА КазССР, ф. 64, д. 465, л. 6—9.

³ Там же, ф. 369, д. 902а, л. 2.

В связи с широким распространением идей марксизма-ленинизма среди рабочих и крестьян края степной генерал-губернатор Сухотин 5 декабря 1902 г. просил министра внутренних дел «объявить в положении усиленной охраны города Омск и Петропавловск с их уездами»⁴.

Эти факты свидетельствуют об активной деятельности Сибирского социал-демократического союза по развертыванию революционной работы, по распространению идей революционного марксизма в Степном крае в 1901—1903 гг.

В воззвании Союза «К рабочим и работницам Сибири», напечатанном 1 марта 1903 г. и распространенном в Акмолинской области, пропагандировалось известное положение о союзе рабочего класса и крестьянства, гегемонии пролетариата в народной революции. «Родился, возрос и окреп русский рабочий класс; тот класс, — говорилось в воззвании, — который способен услышать призыв к борьбе, способен поддержать его и уничтожить ненавистное русское самодержавие»⁵. Далее говорилось, что «революционная армия русского пролетариата, всегда готовая услышать голос смелого призыва, понять и отозваться на него, — казнит теперь не царя-самодержавца (имеется в виду убийство Александра II. — Б. С.), а русское самодержавие. На развалинах царского трона русский рабочий класс развернет все свои силы и, встав в ряды международного пролетариата, вместе с ним уничтожит буржуазный капиталистический строй и воздвигнет царство социализма».

Воззвание заканчивается революционными лозунгами: «Да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

Долой царское самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!»

В этом воззвании, кроме идеи нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, гегемонии пролетариата, выдвигается другая марксистско-ленинская идея — перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, что сыграло громадную роль в политическом воспитании рабочего класса Сибири и Казахстана в эпоху империализма.

⁴ Там же, ф. 64, д. 465, л. 9.

⁵ Там же, ф. 369, д. 846, л. 13.

Воззвание «К обществу» было издано в связи с полицейской расправой 18 февраля 1903 г. над демонстрацией томских студентов. Их «избивали нагайками, палками, били шашками и железными цепями, топтали ногами, хватали за волосы, били о помост и сбрасывали через перила моста на лед реки Ушайки. Много избитых, есть и серьезно раненные, из коих один умер на следующий день». Слух о кровавой расправе над мирной демонстрацией студентов быстро разнесся по всей Сибири, в Степном крае и среди всех честных людей, «вызвал самое искреннее негодование по адресу... политического режима»⁶.

Сибирский социал-демократический союз разъяснял томским студентам и всем трудящимся Сибири, что «в настоящий исторический момент, переживаемый Россией, единственно серьезной революционной политической силой является русский рабочий класс. Все угнетенные и обиженные царским самодержавием найдут самую надежную помощь и защиту в русском пролетариате, смело и грозно поднявшемся на борьбу с ненавистным царским деспотизмом».

В воззвании говорилось о приближении грандиозной народной революции и ее расплате с царским самодержавием. «Россия переживает теперь тревожное время. Не сегодня — завтра грянет гром и перед царским самодержавием, залитым с ног до головы кровью народа, предстанет его грозный судья, восставший русский народ. И каждый теперь же обязан способствовать приближению этого великого дня. Каждый обязан быть готовым как следует встретить его»⁷. Очевидно, воззвание было написано профессиональным революционером-большевиком, сосланным в Сибирь.

Союз, вооруженный марксистско-ленинскими идеями пролетарского интернационализма, пропагандировал идеи дружбы угнетенных и порабощенных масс, братство и солидарность всех народов России.

В прокламации, напечатанной в июле 1903 г., рабочие и крестьяне призывались к сплочению вокруг Российской социал-демократической рабочей партии для непримиримой борьбы сначала с царизмом, а затем с буржуазией⁸.

⁶ Там же, ф. 369, д. 846, л. 29.

⁷ Там же, л. 6.

⁸ Там же, л. 68.

Большую помощь в распространении марксистско-ленинских идей в стране, в том числе и в Казахстане, оказала созданная В. И. Лениным газета «Искра». Жизнь рабочего класса России — как центральных губерний, так и национальных окраин — была на ее страницах одной из ведущих тем. В газете появлялись материалы, посвященные положению рабочих в Казахстане. Отдельные номера ленинской «Искры» расходились в крае прежде всего среди железнодорожных рабочих.

Важную роль в пропаганде марксизма-ленинизма в Казахстане сыграло распространение марксистской литературы, произведений В. И. Ленина, программы РСДРП, принятой на II съезде партии.

Под руководством сначала Сибирского социал-демократического союза, затем Омского комитета РСДРП, глашатаями ленинских идей в северных районах края выступали местные революционные марксистские кружки.

Первый марксистский кружок, организованный в конце 1902 г. в Петропавловске, состоял исключительно из политических ссыльных. Лиц, находившихся в городе в это время под строгим надзором полиции, насчитывалось до 150 человек. Члены кружка были связаны с железнодорожными рабочими и вели среди них революционную агитационно-пропагандистскую работу.

В 1903 г. революционный марксистский кружок возник и среди железнодорожных рабочих Петропавловска. Ядром его стала группа рабочих железнодорожных мастерских, высланных из Омска, среди которых несколько человек являлись членами Омского комитета РСДРП. Кружок имел ленинско-искровское направление, к концу 1903 г. число его постоянных участников доходило до 10 человек. Члены кружка держали связь с Омским комитетом РСДРП и вели революционную работу среди железнодорожных рабочих Петропавловска.

Деятельность кружка особенно активизировалась с 1904 г. в связи с русско-японской войной и обострением революционного кризиса в стране. Его члены установили связь с рабочими, беднотой и учащейся молодежью и пропагандировали среди них идеи марксизма-ленинизма, гегемонии пролетариата, союза пролетариата и крестьянства, пролетарского интернационализма. Участники

кружка впоследствии вошли в состав ядра Петропавловской группы Омского комитета РСДРП, возникшей в 1905 г.

Примерно в 1902 г. в Оренбурге также возникает марксистский кружок, организованный сосланным сюда старым марксистом Давидом Григорьевичем Гансбургом. В состав кружка вошли столяр Григорий Жоров, его сестра Ева Жорова, рабочие железнодорожных мастерских Славин и Мордовин, Д. Наронович, крещеный казах семинарист Чернов, семинарист Богоявленский, ссыльный социал-демократ Завойко и др.

Работа кружка до революции 1905 г. ограничивалась главным образом распространением в городах Оренбургской губернии и Тургайской области социал-демократической литературы, которую удавалось получать «с оказией» из Питера, Москвы и Самары. Д. Наронович вспоминает, что вблизи города, в Сакмарском лесу, в вырытой яме, обложенной дощечками, был устроен склад литературы. «Семинаристы киргизы жили близко от меня, в монастыре, — пишет он, — и, голодая от «постной пиши», питались больше нашей литературой»⁹.

Этот кружок, явившийся зародышем Оренбургской группы комитета РСДРП, вел большую работу по распространению идей революционного марксизма среди различных слоев населения — рабочих, крестьян, мелких служащих, учащейся молодежи. Весьма интересно, что в кружке участвовала и учащаяся казахская молодежь.

В Казахстане начали свою революционную деятельность такие виднейшие деятели большевистской партии, как М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев.

М. В. Фрунзе родился в 1885 г. в г. Пишпек (ныне Фрунзе) Семиреченской области, где отец его работал фельдшером. «Получив начальное образование в школе, — пишет в своей биографии М. В. Фрунзе, — я поступил в гимназию в г. Верном, которую и окончил в 1904 году. По окончании гимназии поступил в Петербургский политехнический институт. Первое знакомство с революционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования»¹⁰. М. В. Фрунзе, живя в Петрограде, не терял связи со

⁹ 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925, стр. 7—8.

¹⁰ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., 1934, стр. 1.

своими верненскими друзьями, переписывался с ними и знакомил их с событиями, происходящими в столице.

В. В. Куйбышев родился в 1888 г. в г. Омске, откуда его родители вскоре переехали в г. Кокчетав. В 13—14-летнем возрасте он уже участвовал в подпольных сходках революционной молодежи Кокчетава. В 1903 г., будучи учеником Омского кадетского корпуса и приехав летом на каникулы, 15-летний Валерий Владимирович привез из Омска революционные прокламации и распространил их среди рабочих, кустарей, молодежи и солдат местной воинской команды.

Один из участников собраний революционно настроенной молодежи г. Кокчетава подробно описывает деятельность В. В. Куйбышева летом 1903 г. «Помнится мне один случай, — пишет он. — Был жаркий июльский день. В. Куйбышев с товарищами с 10—11 часов собрались в поле, взяв с собой балалайки и гитары. Пройдя 4 километра, мы свернули в густой сосновый бор, где расположились. Высылаем дозор рассмотреть, нет ли кого в окружении... Собрались все в круг. Куйбышев и другие начали говорить о том, как плохо живется при царизме, и по другим политическим вопросам. После выступлений пропели «Марсельезу» и разошлись по домам»¹¹.

Этот кружок, возникший в 1903 г. и состоявший в основном из революционно настроенной учащейся молодежи г. Кокчетава, организационно и идеологически не смог подняться до уровня местной группы РСДРП, что объясняется отсутствием в городе значительных промышленных предприятий и, следовательно, кадров промышленного пролетариата. Деятельность кружка протекала периодически и, несмотря на это, он проделал заметную работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма накануне первой русской революции среди трудящихся города.

Накануне первой русской революции идеи марксизма-ленинизма в Казахстане распространяла Омская организация РСДРП. Прокламации и листовки, составленные ею, расходились в основном в северных и восточных районах края.

В воззвании Омского комитета РСДРП, напечатан-

¹¹ Валериан Владимирович Куйбышев, Материалы к биографии. М., 1936, стр. 14.

ном на гектографе 18 апреля 1903 г. и посвященном 1 Мая, пропагандировалась ленинская идея о двух этапах революции: о буржуазно-демократическом, а затем пролетарском. Воззвание призывало бороться «за такой общественный порядок, при котором все средства производства, все фабрики и заводы сделаются общественной собственностью, а не будут принадлежать кучке крупных предпринимателей, вытягивающих жилы из рабочего народа: только при таком условии рабочий освободится от наглой эксплуатации капиталистов». Далее в воззвании позором клеймилось царское самодержавие, культивировавшее в стране «произвол наглых проходимцев, сплотившихся вокруг царского трона» и лишавшее народ элементарных прав. Здесь же разоблачалось мошенничество, осуждались надругательство и произвол со стороны капиталистов и царских слуг над рабочими. «На каждое справедливое требование рабочих у нас отвечают казацкими плетями, — говорилось в этом воззвании, — поркою при полиции, нередко солдатскими пулями». Описана дикая расправа царских властей над рабочими Златоуста (горнозаводской Урал) в марте 1903 года. В воззвании подчеркивается, что злейшим врагом рабочего класса и всех трудящихся масс страны являются «самодержавный царь, окруженный гнусной шайкой полицейских и шпионов»¹².

Воззвание заканчивается лозунгами и требованиями буржуазно-демократической революции.

Таким образом, еще накануне первой русской революции проникшие в край отдельные произведения В. И. Ленина, прокламации и воззвания социал-демократических организаций, деятельность политических ссыльных, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева посеяли первые семена революционного марксизма в Казахстане.

2. В период подъема революции

Весть о кровавом злодеянии царя, расстрелявшего безоружных рабочих в Петербурге 9 января 1905 г., быстро разнеслась по казахской степи. «За Петербургом последовали окраины, — писал В. И. Ленин, — где национальное угнетение обострило и без того невыносимый

¹² ЦГА КазССР, ф. 369, д. 846, л. 3.

политический гнет»¹³. В городах и селениях, на собраниях рабочих и крестьян раздавались голоса протеста против гнусного царского произвола.

Как отмечалось выше, Казахстан до революции был исключительно аграрным краем. Многие уездные центры представляли крупные селения, причем подавляющее большинство их населения принадлежало к крестьянскому сословию, занималось сельским хозяйством. В связи с этим большая часть выступлений городских трудящихся края была по сути дела аграрно-крестьянской. Поэтому в данной главе говорится о совместных выступлениях рабочих, крестьян и остальных городских трудящихся.

В г. Верном 12 января 1905 г. на собрании интеллигенции, созванном по случаю годовщины Московского университета, присутствовали рабочие и крестьяне. Демократически настроенные интеллигенты, рабочие и крестьянская беднота выразили протест против царского злодеяния 9 Января в Петербурге.

В Ташкенте, являвшемся административным центром Сыр-Дарьинской области и всего Туркестанского края, протест выразили более 300 рабочих, мещан и крестьянская беднота близлежащих деревень, присутствовавшие 12 января на собрании интеллигенции, созванном по такому же поводу. На собрании выступали члены местной социал-демократической группы во главе с большевиком Карнюшиным, рассказывавшие о тяжелом и бесправном положении рабочих и крестьянской бедноты в России, о кровавой расправе над безоружными рабочими 9 Января в Петербурге. Ораторы призывали трудящиеся массы к борьбе против самодержавия.

В своем рапорте на имя генерал-губернатора городской голова Ташкента писал, что выступления рабочих ораторов были в социал-демократическом духе, с критикой действий правительства.

Собрание приняло резолюцию, выработанную местными социал-демократами в квартире большевика Карнюшина¹⁴, требовавшую уничтожения царизма и немедленного созыва Учредительного собрания, уравнения в правах всех национальностей, амнистии всем политическим заключенным, уничтожения всех сословий,

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 308.

¹⁴ А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958, стр. 105—107.

привилегий и т. д. На собрании были распространены социал-демократические прокламации, призывавшие к решительной борьбе против царизма.

В административном центре Акмолинской области и всего Степного края — Омске по случаю кровавого воскресенья 9 Января произошла демонстрация рабочих и городской бедноты, в которой приняли участие многие крестьяне-новоселы, приехавшие на воскресный базар. Ораторы, выступавшие на демонстрации, клеймили позором царское самодержавие и требовали наказать царских опричников, расстрелявших рабочих.

Учившийся в то время в Омском кадетском корпусе В. В. Куйбышев руководил учащимися, пославшими в Петербург протест царскому правительству.

В середине февраля 1905 г. по всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги, на станциях Туркестан, Перовск, Джусалы, Казалинск, Челкар, происходили забастовки рабочих.

Кровавое воскресенье вызвало негодование у переселенческой бедноты края. В январе — феврале 1905 г. на крестьянских сходках деревенская беднота называла Николая кровавого «злодеем и грабителем», «дураком»¹⁵.

В ходе нарастания первой народной революции в России определились позиции и стремления классов и партий. Каждая политическая партия стремилась выработать свою тактику в революции, свое отношение к другим классам, политическим партиям и течениям, а также свое отношение к самодержавному строю. Развитие революции вынудило и царское правительство выработать свою тактику, направленную на локализацию и подавление революционного движения в стране. Оно образовало различные комиссии по рабочему и крестьянскому вопросам, деятельность которых ни к чему не привела. Царское правительство решило созывом Булыгинской думы, изданием манифеста о «даровании конституции» отуманить сознание народных масс.

Подъем революционного движения в стране поставил перед РСДРП первоочередную и неотложную задачу — определить свою тактическую линию в буржуазно-демократической революции. Оставаясь на раскольных

¹⁵ Революция 1905—1907 годов в Казахстане. Сборник документальных материалов. Алма-Ата, 1949, стр. 71.

позициях, меньшевики к своим старым разногласиям с большинством партии по организационным вопросам, возникшим на II съезде РСДРП, добавили и навязали новые разногласия — по тактическим вопросам.

Большевики немедленно созвали III съезд РСДРП (Лондон, 25 апреля — 10 мая 1905 г.), на котором вырабатывали подлинно революционную тактику партии рабочего класса.

В своей знаменитой книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (июль 1905 г.) В. И. Ленин обосновал и развил большевистскую тактику, принятую на III съезде партии.

Решения съезда и книга В. И. Ленина явились для большинства партийных организаций боевой программой борьбы за победу народной революции в России и легли в основу всей практической деятельности партии в годы революции.

После III съезда партии Омский, Оренбургский, Ташкентский комитеты РСДРП усилили свою работу на территории Казахстана. Они распространяли прокламации и листовки среди трудящихся городов и селений, в воинских частях. Комитеты призывали крестьянскую массу в союз и под руководством пролетариата вести решительную борьбу против самодержавия и его местных органов. В одной из прокламаций Ташкентского комитета РСДРП говорилось: «Дети народа, вы должны понимать, что только в союзе с ним, с российским рабочим людом, сражаясь под его знаменем за дело свободы и счастья, вы будете непобедимы... Идя вместе с пролетариатом, ведя одну общую борьбу по общему плану, вы сможете нанести врагу последний удар»¹⁶.

Комитеты РСДРП призывали народ к сплоченности и организованности. Разоблачая предательскую политику трусливой либеральной буржуазии и ее прислужников, они выступали в защиту интересов трудящихся без различия их национальности. Революционные призывы Омского, Оренбургского и Ташкентского комитетов РСДРП находили живой отклик у трудящихся Казахстана. Угнетенные и поработанные массы поднимались на борьбу против самодержавия.

¹⁶ ЦГА КазССР, ф. 380, д. 1, л. 201.

Весной 1905 г. в аулах происходили волнения. Об этом, например, в своем письме от 16 апреля 1905 г., адресованном военному губернатору Семиреченской области, писал туркестанский генерал-губернатор: «По полученным мною сведениям, среди киргизского населения за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера». Далее он советовал областной администрации «предложить уездным начальникам и участковым приставам установить самый тщательный надзор за кочевниками» и в случае «появления среди них неблагонадежных лиц, могущих волновать население, немедленно... принимать меры к выдворению таких лиц из среды кочевников»¹⁷.

Трудящиеся аулов, переселенческих сел и деревень с весны 1905 г. нередко открыто выражали свое недовольство местной царской администрации. Имелись случаи потравы посевов, сенокосных и пастбищных угодий, угона скота, принадлежавшего кулачеству и атаманской верхушке казачьего войска. В этой связи 10 марта 1905 г. военный губернатор Семиреченской области издал специальный приказ, в котором говорилось, что станичные и выселковые атаманы и крупные арендаторы земель «часто обращаются в войсковое управление за содействием по поводу стеснения их соседними крестьянами или киргизами, выпускающими на их владения скот, вытравляющий хлеба, сенокосы и прочие угодья»¹⁸.

Царская власть жестоко преследовала и наказывала активных участников борьбы за свои права. Однако никакие репрессии не смогли остановить движение народных масс. Усилению революционных настроений трудящихся масс в Казахстане способствовало поражение царизма в русско-японской войне. Верненский уездный начальник сознался, например, что неудача царизма в войне «несомненно сказалась в понижении престижа власти в глазах киргиз».

Одновременно начались выступления трудящихся казахов против баев и местной царской администрации —

¹⁷ Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1949, стр. 71.

¹⁸ Е. Федоров. Революция 1905—1907 годов в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.

например, выступление трудящихся Арганатинской волости Лепсинского уезда Семиреченской области в начале 1905 г., поводом для которого послужили злоупотребления управителя волости. Он самовольно забрал у жителей аула №4 за недоимки несколько верблюдов. В ответ на произвол 40—50 жигитов избили дубинками его и сопровождавших стражников, биев и аткамнеров. Число взволновавшихся росло и быстро достигло 200 человек. Управитель был уведен ими в степь и убит¹⁹.

В своей борьбе с революционным движением царское правительство опиралось на черносотенцев, кадетов и националистов. Феодально-байская верхушка аула и мусульманское духовенство по существу выступали как классовая опора царизма в его попытках подавить революционное движение в Казахстане. Духовенство активизировало свою деятельность, направленную против освободительного движения народных масс, стремясь увести его в русло панисламизма и пантюркизма. По его инициативе, поддержанной феодальной верхушкой и национальной буржуазией, возникли реакционные антинародные пантюркистские организации — «Иттифак», ставившие своей целью отторжение Поволжья, Средней Азии, Казахстана и некоторых других окраин от России и присоединение их к султанской Турции, за спиной которой стояла империалистическая Англия. Такие организации создавались татарской буржуазией в Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Верном и некоторых других городах.

Царское правительство шло на некоторые уступки мусульманскому духовенству, стремясь привлечь его на свою сторону. Еще в 1900 г. оно разрешило паломничество в Мекку, бывшее до этого под запретом, якобы ввиду эпидемии в Аравии. Царские власти предоставляли своим местным органам право разрешать духовенству, баям и национальной буржуазии строить мечети и открывать духовные школы.

По царскому указу от 17 апреля 1905 г. мусульманскому духовенству разрешалось преподавание в школах ислама на родном языке, а также давалось обещание пересмотра действовавшего до этого «Положения рели-

¹⁹ См. статью того же автора. «Казахстанская правда», 1935, 22 января.

гиозного быта мусульман», ограничившего право духовенства распространять культ магометанской религии.

18 июня 1905 г. кабинет министров утвердил «Положение», по которому разрешалось обучение детей в начальных школах на родном языке и подтверждалось прежнее обещание о льготах мусульманскому духовенству, феодалам и баям. Положение сулило выборное начало аульно-волостной администрации.

В период первой русской революции казахская феодально-байская верхушка, как и мусульманское духовенство, старательно служила царизму. Стремясь во что бы то ни стало увести трудящиеся массы от революционной борьбы, она спешила организовать «петиционную» кампанию. 25 июля 1905 г. на Куяндинской ярмарке (вблизи г. Каркаралы Семипалатинской области) состоялся байский съезд, на котором была выработана петиция к царю. В ней главное место занимали вопросы организации в Казахстане особого мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия духовных школ, выдачи заграничных паспортов для паломничества в Мекку и т. д.²⁰

Антинародная сущность, своекорыстие, лицемерие мусульманского духовенства, феодально-байской верхушки и националистической интеллигенции проявлялись во многих событиях того времени. Сохранилось письмо демократически настроенного аульного интеллигента (по-видимому, мугалима) Уральской области, в котором говорилось, что «никаких общественных нужд киргизские «бас-адамы» в лице аксакалов не осуществляют и все заняты вопросами о должностях... корысть стала доминирующим стимулом деятельности всех «бас-адамов»... без подкупов и без взяток ничего у них не делается и не творится...»²¹.

Этот документ выражает чувства трудящихся масс и свидетельствует об антинародной, контрреволюционной роли феодально-байской верхушки и ее интеллигенции в годы первой русской революции.

Цели отвлечь внимание трудящихся масс восточных районов России от революции служил созданный по инициативе панисламистов и пантюркистов Уфы и Казани в

²⁰ «Семипалатинский листок», 1906, № 84, 85.

²¹ Е. Федоров. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925, стр. 41—46.

августе 1905 г. в Нижнем Новгороде (на р. Оке, на пароходе «Густав Струве») Всероссийский мусульманский съезд, в работе которого участвовали представители духовенства Туркестана и степных областей. Созыв съезда был разрешен правительством, поощрявшим всякое реакционное, антинародное движение, уводившее трудящиеся массы от общего русла освободительной борьбы. О составе делегатов можно судить хотя бы по тому, что съезд начал свою работу с намаза (молитвы) в честь царя-самодержца. Решения съезда были выдержаны в духе программы кадетов. Съезд образовал проправительственный «Всероссийский мусульманский союз».

Спустя год (16—20 августа 1906 г.) в Нижнем Новгороде состоялся III Всероссийский мусульманский съезд. При обсуждении кадетского по духу проекта программы «Всероссийского мусульманского союза», разработанного представителями духовенства и феодальной верхушки, против него выступила оппозиционно настроенная группа людей, случайно пробравшаяся на заседание съезда и мотивировавшая свое несогласие классовыми противоречиями, которые делают «невозможным объединение всех мусульман на политико-экономической почве в одной программе». «Сознательные мусульмане, — писали они в своем проекте резолюции, — никоим образом не могут присоединиться к постановлению съезда о принятии буржуазной программы, именуемой «мусульманской конституционно-народной», и ее партии, стремящейся к затемнению классовых интересов трудовых элементов». Эта группа считала «своим нравственным долгом выразить протест против постановления съезда, относящегося к политико-экономической части программы»²².

Судя по содержанию проекта резолюции, представленной оппозиционной группой, она состояла из представителей прогрессивной интеллигенции. Группа использовала трибуну съезда для разоблачения антинародной сущности программы «Всероссийского мусульманского союза» и противопоставила ей специальную резолюцию,

²² См. фото-фоно-фонд Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, инв. № 1187, 1202.

защищавшую «классовые интересы пролетариата и трудового крестьянства».

В ходе нарастания первой русской революции трудящиеся Казахстана все больше убеждались в том, что феодально-байская верхушка ни в какой степени не заботится о нуждах народа и царь никогда не сделает сколько-нибудь значительных уступок угнетенным массам. Вот почему казахские рабочие и крестьяне рука об руку с русскими рабочими и переселенческим крестьянством шли против царизма.

Летом 1905 г. произошли аграрные волнения в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях, встревожившие царских чиновников. Крестьяне Баян-Аульского и Павлодарского уездов открыто выступили против узурпации общинных земель. Они требовали передела земли крупных феодалов Чормановых и угнали их табуны. Царская администрация направила в этот район карательный отряд.

Тогда же поднялась и казахская беднота, арендовавшая на крайне невыгодных условиях земли Сибирского казачьего войска и кабинетские участки в Бель-Агачской и Кулундинской степях, и земли, отведенные Алтайскому горному округу. В движение втянулась и аульная беднота-Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Крестьяне избивали царских чиновников, обиравших местное население. Они подавали петиции, в которых жаловались на чиновничий произвол. Движение усиливалось, в него вовлекались все новые слои населения. Царская администрация подавила его с помощью военно-полицейских сил. Так было, например, в Иргизском уезде Тургайской области, где трудовое казахское население предъявило требования об обеспечении их землей и освобождении из-под стражи руководителей аграрного движения 1903 г.

Известны случаи открытого и демонстративного бойкота народными массами губернских и уездных властей. В июле 1905 г., например, население одного из аулов Акмолинского уезда наотрез отказалось дать сменных лошадей акмолинскому военному губернатору, объезжавшему область с инспекционной целью. Более того, население аула избило стражников, посланных за лошадьми, и

предъявило ультиматум уряднику, прибывшему на выручку своих сотрудииков.

Аграрное волнение происходило тем же летом в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах Сыр-Дарьинской области. В августе 1905 г. туркестанский генерал-губернатор сообщил в Петербург, что «агитация против государственного порядка и общественного спокойствия может иметь большой успех среди местного населения туземцев, среди которого до сих пор есть лица, не могущие примириться с русским владычеством и питающие еще надежду на освобождение»²³. Он настоятельно просил военного министра ввести усиленную охрану в Чимкентском, Аулие-Атинском и Ташкентском уездах.

Выступления аульной бедноты происходили под влиянием рабочего движения. В своем рапорте от 19 июня 1905 г. на имя степного генерал-губернатора семипалатинский военный губернатор сообщил, что казахское население внимательно следит за всеми происходящими в России революционными событиями, что в казахские аулы пробираются лица из соседних областей и даже из Букеевского ханства, ведущие революционную противоправительственную пропаганду, вследствие чего в области стало неспокойно²⁴.

Первого мая 1905 г. во многих городах Казахстана происходили демонстрации и собрания, организованные членами местных социал-демократических групп. В этот день была проведена однодневная забастовка и демонстрация рабочих железнодорожных мастерских и городских предприятий, учащейся молодежи и городской бедноты Оренбурга. В лесу на берегу Урала произошла маевка. Маевки рабочих и городской бедноты прошли также в Ташкенте, Перовске, Уральске, Верном, Кустанае и других городах. На этих маевках участвовали крестьяне окрестных сел и деревень. Участники маевки шли с красными знаменами и революционными лозунгами.

Необходимо отметить, что в то время передовыми были железнодорожные рабочие края, более тесно связанные с промышленными и политическими центрами европейской части страны. Через железнодорожников в Казахстан доходили подробности о нарастающих революци-

²³ Е. Федоров. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.

²⁴ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 485, л. 1.

онных событиях в Центральной России. Именно у них, железнодорожных рабочих края, начиная с лета 1905 г., выступления стали носить политический характер. Рабочие Перовска, например, в течение июня и августа часто собирались в районе вокзала, читали прокламации и листовки местной группы РСДРП, в которых говорилось о предстоящем вооруженном восстании по всей стране. Инициаторами собраний были члены возникшей здесь социал-демократической группы — слесарь Давыдов, плотник Торохов, ученик слесарь Бирюков, тесно связанные с Ташкентским комитетом РСДРП²⁵.

В августе забастовали рабочие Петропавловского депо. Ремонтники выставляли требования об улучшении экономического положения.

Революционная волна, прокатившаяся по всей стране, с каждым днем поднимала политическое сознание рабочих и крестьян отсталых национальных окраин, в том числе многонационального Казахстана, и пробудила их к революционно-освободительной борьбе.

Возникли социал-демократические группы в Петропавловске, Кустанае, Актюбинске, Перовске и некоторых других городах и промышленных предприятиях края. Деятельностью групп в Акмолинской и Семипалатинской областях руководил Омский комитет РСДРП. Ташкентский комитет РСДРП направлял работу социал-демократических групп и кружков Сырь-Дарьинской и Семиреченской областей, так как Ташкент в то время был политическим центром всего Туркестанского края и Сыр-Дарьинской области. Социал-демократическими группами и кружками Уральской и Тургайской областей руководил комитет РСДРП Оренбурга, административно-политического центра всего Оренбургского края и Тургайской области. Уральская группа РСДРП была тесно связана с Саратовским комитетом РСДРП. В Букеевском ханстве революционную работу возглавлял Астраханский комитет РСДРП. Все эти комитеты и их местные группы издавали и распространяли прокламации и листовки среди городских и сельских трудящихся, призывая их к революционно-освободительной борьбе.

Так сливалось революционное движение во всех частях Казахстана с революционным процессом всей Рос-

²⁵ «Русский Туркестан», 1905, 26 августа.

сийской империи. Поэтому нельзя рассматривать историю революционной борьбы трудящихся Казахстана в 1905—1907 гг. изолированно, в отрыве от революционных событий всей страны, прежде всего Оренбурга, Омска, Ташкента.

На развертывании революционного процесса сказывалась многонациональность населения Казахстана. К началу XX в. здесь на предприятиях имелось много русских рабочих, авангардная роль которых ярко проявилась в 1905—1907 гг. В этот период складывался и укреплялся боевой союз русских рабочих с формирующимся казахским национальным пролетариатом, переселенческой беднотой, с трудящимися аула. Их объединяла общность цели — борьба против самодержавия.

Молодые, еще не окрепшие социал-демократические группы и кружки стали возглавлять революционное движение рабочих и крестьян. В течение мая — октября 1905 г. в Кокчетавском уезде Акмолинской области распространялись социал-демократические прокламации, в которых трудящиеся города и деревни призывались к революционной борьбе²⁶. Подобные прокламации встречались также в Семипалатинске, Петропавловске и других городах. В них разоблачались гнусные действия полиции, жандармов и местных черносотенцев, звучал призыв к всенародной революционной борьбе против самодержавного строя, к созыву Учредительного собрания и установлению демократических свобод и т. д. В Петропавловском уезде наряду с прокламациями и листовками Омского комитета РСДРП и Петропавловской группы РСДРП распространялись прокламации и воззвания ЦК РСДРП, Томского комитета РСДРП. В период нарастания революции прокламации и листовки местных организаций РСДРП распространялись в Усть-Каменогорском уезде, в переселенческих селениях и деревнях.

Революционные события в крае направлялись местными кружками и группами РСДРП. Забастовка железнодорожников Казалинска и Челкара летом 1905 г. началась по инициативе местных социал-демократических кружков. Бастовавшие выдвинули не только экономиче-

²⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 270, д. 8, лл. 59, 64, 112, 141; д. 115, л. 307; д. 8, лл. 115, 121, 126, 139, 145, 157; д. 115, лл. 382, 420; д. 115, лл. 443, 462.

ские, но и политические требования: свержение самодержавия, созыв Учредительного собрания.

Царская охранка жестоко преследовала борцов революции. В августе 1905 г. она, например, произвела облаву, в результате которой были схвачены многие члены Петропавловской группы Омского комитета РСДРП²⁷.

Революционные выступления трудящихся Казахстана весной и летом 1905 г. говорят об общности и единстве революционного процесса во всей стране, о гегемонии рабочего класса в нем, о союзе пролетариата и крестьянства, о складывавшейся и с каждым днем крепнущей дружбе казахского и русского пролетариата и крестьянства.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане усилилось в период Октябрьской политической стачки и влилось во Всероссийскую стачку, охватившую почти все районы страны. «Барометр показывает бурю!... — писал тогда В. И. Ленин. — Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...» И далее: «Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»²⁸.

В этот период местные группы и кружки РСДРП развернули политическую работу среди рабочих, крестьян и городской бедноты. Распространялись листовки и прокламации, в том числе прокламации и листовки Центрального комитета РСДРП, в которых трудящиеся всей страны призывались к созданию революционных комитетов для руководства борьбой против царизма и его местных органов. В одной из прокламаций РСДРП, конфискованной в 1906 г. в селении Петропавловского уезда Акмолинской области, говорилось: «Деревня за деревней, волость за волостью, уезд за уездом — поднимается сельская беднота, доведенная до отчаяния. Почти непрерывное голодание, нищета, холод и мрак — вот удел многомиллионной

²⁷ ЦГА КазССР, ф. 427, д. 117, л. 11.

²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 361, 362.

голытьбы деревенской, ограбленной царским правительством, эксплуатируемой помещиками и кулаками-односельчанами, разоренной дотла неурожаем и поборами. Нет хлеба, нет топлива, нет одежды. И нищете и горю не видно конца, не видно исхода, такое голодное прозябание тянется всю жизнь... Пусть скорее осознает все крестьянство, что царское правительство мешает ему добиться лучшей доли, что только всенародное восстание освободит угнетенный народ, что судьба народа должна быть в руках народа. Пусть же крепнет и растет связь восстающей деревенской бедноты с борющимся рабочим классом, пусть общей будет борьба, общим путь к недалекой уже победе. Пусть дни великой российской революции будут днями дружного единения между рабочим классом, борющимся за социализм, и массой крестьянства, стремящейся освободиться от тяжелых пут старого крепостничества, кабалы... Пусть подобно социал-демократическим рабочим комитетам устраиваются в городах и в деревнях революционные крестьянские комитеты и руководят борьбой крестьян против царского правительства»²⁹.

Призывы РСДРП находили живой отклик среди трудящихся края. Возникали стачечные комитеты, руководимые местными группами РСДРП. Они были созданы в Перовске, Кустанае, Петропавловске, Уральске, на Успенском руднике и других пунктах, в первую очередь расположенных по железной дороге. Здесь происходили массовые демонстрации и стачки, останавливались предприятия, парализовалась деятельность местных правительственных органов. Стачками и демонстрациями были охвачены не только рабочие, но и мелкие служащие, учителя, учащая молодежь.

Напуганное мощным подъемом революции, царское правительство 17 октября издало манифест, в котором народу были обещаны «незыблемые основы гражданства и свободы (свобода личности)», свобода совести, слова, собраний, союзов и т. д.

Быстро шла теперь перегруппировка классовых сил. Каждая политическая партия по-своему оценила царский манифест, еще раз проверяла, уточняла свои цели и задачи.

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 369, д. 5, лл. 31—32.

Большевистская партия восприняла манифест как маневр царского правительства, рассчитанный на обман народа. Царизм отступил для того, чтобы, выиграв время, перейти вновь в наступление против революции. В. И. Ленин предупреждал рабочий класс и его партию: «Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной, и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения»³⁰.

С удовлетворением встретила царский манифест либеральная буржуазия и близкие ей феодально-байская верхушка аула и мусульманское духовенство. Меньшевики и эсеры также солидаризировались с царским манифестом. Большевики во главе с В. И. Лениным вскрыли оппортунистическую, предательскую позицию меньшевиков и эсеров.

Дальнейшие события подтвердили правоту большевиков. Ни один из пунктов манифеста не был выполнен царским правительством. Перейдя в наступление, царское правительство усилило репрессии против борцов народной революции. Во всех крупных городах страны, в том числе и Казахстане, создавались террористические бандитские дружины, так называемые «черные сотни», которые устраивали массовые избиения рабочих и крестьян, поднявшихся на революционно-освободительную борьбу.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, местные комитеты и группы РСДРП разоблачали лживую суть царского манифеста. В одной из прескламаций Ташкентского комитета РСДРП (октябрь 1905 г.) «К трудовому народу», написанной в большевистском духе, говорилось: «...Не поддавайтесь на эту новую провокаторскую удочку. Пролетариат вас зовет бороться с правительством с большим рвением за истинную, а не призрачную свободу. Сейчас нет иного выбора: кто за интересы всего русского народа — с нами, все остальные, как враги народа, пусть вступают в царские провокаторские «партии». Кто не с нами, тот против нас... Долой провокаторов и предателей!». Омский комитет РСДРП в обращении «Ко всем

³⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 398.

рабочим и гражданам» разъяснил народу, что царский «Манифест — это первая ласточка... вестница крушения русского самодержавия. Но, товарищи рабочие, и вы все, честные русские люди, это не вестница мирного отступления, милостивого дарования и примирения царского правительства с пробудившейся русской жизнью. Нет! В такое примирение мы не должны верить; такого иудина лобзания мы должны страшиться. Пусть наш враг отступает, пусть делает шаг назад, мы сделаем десять вперед, мы догоним отступающее чудовище, поразим его и, только перешагнув через его поганный труп, выйдем на волю из российской самодержавной тюрьмы... Только борьбой, смелой, решительной и непримиримой, ни слова доверия царскому правительству и его слугам, с презрением отвергая всякие приманки и позорные предложения, мы завоюем истинную, а не куцую свободу»³¹.

Как провокаторы и предатели выступали в Казахстане местные органы помещичьих и буржуазных партий «Союз 17 октября» (октябристы) — партии крупной буржуазии, «Конституционно-демократической партии» (кадетов) — партии либеральной буржуазии, возникших в октябрьские дни 1905 г. Они по существу помогали черносотенному «Союзу русского народа», полиции и жандармам в подавлении революционных выступлений рабочих и крестьян.

Кадеты, октябристы и черносотенцы имели свои местные комитеты в Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Верном, Ташкенте, Оренбурге, Уральске и в отдельных уездных городах, издавали свои печатные органы, на страницах которых усиленно выступали в защиту самодержавного строя. Нарастание революционных событий в крае напугало и встревожило местные комитеты помещичьих и буржуазных партий и всю царскую колониальную администрацию края. Они настаивали на введении военного положения.

Угрозами и репрессиями царские власти не смогли приостановить движения народных масс. Росла и крепла интернациональная солидарность рабочих, городской бедноты, трудящихся сел, деревень и аулов. Высоко оценив Всероссийскую политическую стачку 1905 г., В. И. Ленин писал, что боевой зов революции «...проника-

³¹ ЦГА КазССР. См.: ф. 380, д. 1, л. 263; ф. 369, д. 846, л. 31.

ет даже в наглухо запертые казармы, будит самых темных, самых отсталых и самых забитых»³². В телеграмме от 14 октября министру внутренних дел и военному министру степной генерал-губернатор вынужден был сообщить, что «ежедневное оповещение телеграфным агентством об успехах руководителей всеобщей забастовки всех отраслей труда и деятельности по всей России с умолчанием о мерах, о деятельности и действиях представителей власти производит потрясающее впечатление, порождает панику, возбуждает беспокойные элементы»³³. Далее царский сатрап просил разрешения ввести в учреждениях связи строгую цензуру, наложив вето на «реляционную деятельность телеграфных агентов» и ходатайствовал о введении военного положения по всей Сибирской железной дороге и в степных областях — Акмолинской и Семипалатинской.

Забастовки и демонстрации во второй половине октября и ноябре 1905 г. повседневно нарастали. 17 октября забастовали железнодорожные рабочие Петропавловска. С красным знаменем, с пением революционных песен свыше 200 рабочих депо пошли в город, где к ним присоединились трудовые массы и учащая молодежь, а также крестьяне окрестных сел и деревень. Демонстрация проходила под руководством членов местной группы РСДРП. При помощи солдат местной воинской команды полиции и жандармам удалось ее рассеять. Местная администрация, видя возрастающее недовольство и революционное настроение рабочих, городской бедноты и трудящихся окрестных селений, по существу объявила город на осадном положении и установила усиленное наблюдение, расставив «сторожевые посты из частей местных войск, которые патрулировали по городу днем и ночью»³⁴.

17 октября демонстрации происходили в Уральске, 18 и 19 октября — в Ташкенте. Самая большая демонстрация началась 18 октября в Оренбурге и длилась несколько дней. Рабочие городских предприятий и железной дороги, а также мелкие служащие, учащая молодежь, учителя с красными флагами, распевая революционные

³² В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 313.

³³ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 474, л. 74.

³⁴ ГАОО, ф. 270, д. 115, стр. 429.

песни, шли по улицам города³⁵. Они выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика и 8-часовой рабочий день!» и другие. В течение 16—19 октября революционное движение охватило довольно обширный район Оренбургско-Ташкентской железной дороги — от Кинеля до Ташкента. Движение поездов по этой линии приостановилось.

19 октября днем в центре Степного края — в Омске, в знак протеста против царского манифеста от 17 октября, произошла массовая демонстрация рабочих, городской бедноты и учащейся молодежи. Демонстранты прошли по улицам города до железнодорожной станции, «кричали «ура», пели революционные песни, остановившись у окна жандармского управления, пели Марсельезу»³⁶.

В эти же дни массовая забастовка рабочих происходила и на Рязанско-Уральской железной дороге, от Саратова до Уральска включительно. Регулярное движение поездов нарушилось. На паровозах и вагонах были вывешены красные флаги и революционные лозунги³⁷.

21 октября вновь прошла внушительная демонстрация в Уральске. Рабочие, учащиеся, «толпа людей всех званий, пола и возраста» с революционными лозунгами и песнями с криками «ура», прошли по Центральной (Б. Михайловской) улице к центру города. По пути демонстранты освободили «запертых пансионеров в женской гимназии, пансионеров духовного училища, заперли магазины слишком ретивых до торговли Симакова и Зингера, присоединили к себе воспитанников ремесленного училища, отправились на ст. Уральск». К ним присоединились железнодорожные рабочие и служащие. В этот же день под влиянием революционных событий парализовалась работа станции Уральск и соседних с ней других железнодорожных станций. На станции Ершово бастовавшие железнодорожные рабочие и служащие задерживали пассажирские поезда, заявляя, что «забастовка по всей линии еще продолжается».

С бастующими солидаризировались и пассажиры поездов. В окна вагонов пассажиры вывешивали «красные флаги с крупными надписями революционных лозунгов».

³⁵ «Оренбургские епархиальные ведомости», 1905, № 21.

³⁶ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 233, д. 2555, л. 164; д. 4, ч. 70, л. 8.

³⁷ «Уралец», 1905, 25 октября.

Следует отметить, что в первой русской революции железнодорожные рабочие выступали как наиболее активная революционная сила. Они шли в авангарде борьбы, оказывая влияние на рабочих других предприятий и всех трудящихся городов и населенных пунктов, расположенных вдоль железных дорог. Под их влиянием 25 октября, например, объявили забастовку рабочие экипажных мастерских Уральска, предъявляя требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, улучшении быта.

Всероссийская октябрьская политическая стачка охватила и другие железные дороги — Сибирскую и Оренбургско-Ташкентскую.

22 октября в Омск проследовал специальный поезд : депутатией от рабочих Челябинского и Курганского депо, к которым присоединились делегаты депо Петропавловска для связи с рабочими Омска и выяснения положения в крае. Поезд был украшен красными флагами, на которых были начертаны революционные лозунги³⁸.

Массовая демонстрация трудящихся прошла 19 октября в Перовске (Ак-Мечеть). В ней участвовали городские трудящиеся различных национальностей — русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, евреи и др. К демонстрантам присоединились и шаруа, приехавшие на базар из окрестных и дальних аулов. Несколько раз демонстранты останавливались на перекрестках улиц и площадях, слушали революционные речи ораторов. Затем в помещении привокзального продовольственного склада, где вновь возник митинг, выступали представители группы РСДРП. В числе ораторов были рабочие депо Андрей Исаев, Торохов, счетовод конторы 5-го строительного участка дороги Новаковский, студент Никольский и другие. Они обрисовали освободительное движение в России на продолжении 50 лет³⁹, призывали к революционной борьбе с царизмом. Здесь же был образован стачечный комитет, который по существу выполнял функции революционной народной власти. Им руководил А. И. Торохов. По инициативе комитета тут же было собрано 203 р. 6 к. для оказания помощи нуждающимся. А. И. Торохов

³⁸ Партархив Омской области, ф. 19, оп. 11, д. 14, л. 39.

³⁹ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг..., стр. 81.

«организовал при станции Перовск боевую дружину»⁴⁰. Комитет установил связь для согласованных действий с Петербургским и Ашхабадским Бюро союза железнодорожных рабочих и служащих. Стачечный комитет ведал продовольственными делами, обеспечивал общественный порядок и контролировал движение поездов на южном участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги и работу телеграфа на ст. Перовск⁴¹.

Митинг и демонстрация в Перовске продолжались и на следующий день. На митинге выступали представители различных политических партий и течений, но, как сообщил корреспондент большевистской газеты «Русский Туркестан», «вниманием публики овладел представитель социал-демократической партии»⁴². Студент, социал-демократ Никольский, в своей речи указал «на несостоятельность реформы 1861 г., на развитие фабричного производства в России и эксплуатацию рабочего у нас и на Западе, на несостоятельность Государственной думы, основанной на имущественном цензе».

Забастовки, демонстрации и митинги в Перовске происходили до начала ноября 1905 г.

В конце октября и начале ноября всеобщая забастовка охватила рабочих и служащих южного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Попытки управления дороги наладить нормальное движение поездов не увенчались успехом. Работа дороги на участке от Оренбурга до Туркестана была парализована: «пришлось отменить почти все поезда на участке за Туркестаном, в том числе отменен и пассажирский поезд из Казалинска от 29 октября. В 50 верстах от Перовска, на ст. Соло-Тюбе, задержан пассажирский поезд, вышедший в пятницу из Ташкента»⁴³.

События происходили на глазах трудящихся аулов, расположенных вблизи от железной дороги, и оказывали на них влияние, пробуждали классовое самосознание, тем более, что в этих революционных событиях участвовали

⁴⁰ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ноябрь — декабрь 1905 г., ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 976.

⁴¹ Е. Федоров. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12, стр. 39.

⁴² Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг..., стр. 82.

⁴³ «Русский Туркестан», 1905, 2 ноября.

казахские железнодорожные рабочие, а также шаруа, по-сезонно работавшие артелями на стройках дороги, не оторванные от сельского хозяйства, от своих аулов. В этой связи вызывают известный интерес воспоминания Абузы Тойчебекова, работавшего и жившего в то время на ст. Соло-Тюбе: «... Выхожу из помещения станции, гляжу — на платформе народ. Волнуется, о чем-то кричит и смотрит все в одну точку. Вижу, идет от Перовска паровоз, идет полным ходом, под красным флагом... Оглянулся кругом, — веселые все около меня, только жан-дарм бледный стоит, растерялся.

Поезд пролетел, как дракон, окутался паром, а когда пар растаял, смотрю, высовывается из окна паровоза Мацко — мой старый друг по укладке, и машет нам флагом.

Бросился я к нему, кричу: Здравствуй, Мацко! — А он не замечает и громко рассказывает о забастовке, призывая нас бастовать.

Когда Мацко, наконец, увидел меня, то очень обрадовался. Обнялись мы, точно праздник большой для обоих настал, трясем друг друга за плечи, смеемся»⁴⁴.

Этот рассказ старого железнодорожника, одного из строителей Оренбургско-Ташкентской железной дороги, убедительно показывает, как складывалась и крепла интернациональная солидарность русских и казахских рабочих в октябрьские дни 1905 г.

На южном участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги забастовка началась несколько позже, чем на Среднеазиатской железной дороге, но борьба здесь носила более упорный и продолжительный характер. Она окончилась лишь 2 ноября — на пять дней позже, чем на Ташкентском узле. Часть требований рабочих и служащих участка была удовлетворена⁴⁵.

Волнением была охвачена учащаяся молодежь⁴⁶ и воинские части, расположенные на территории Туркестанского края и казахской степи, например в Ташкентском, Жаркентском и других гарнизонах.

Необходимо отметить, что влияние этих событий дошло до удаленных от городов и железнодорожных линий казахских аулов, переселенческих сел и деревень с неко-

⁴⁴ «Казахстанская правда», 1935, 22 декабря.

⁴⁵ «Русский Туркестан», 1905, № 232, 237.

⁴⁶ «Новая жизнь», 1905, № 11.

торым опозданием⁴⁷. Замечались отдельные вспышки и волнения крестьян. Так, например, 29 октября произошло волнение казахских шаруа на базаре в с. Орловке (Семиреченская область). Казахские шаруа Баутерекской волости решительно отказались от уплаты недоимок. Они избили волостного управителя, аульных старшин, биев и аксакалов.

Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г. открыла глаза широким массам трудового населения страны, ее отсталых национальных восточных окраин. Она накопила опыт борьбы трудящихся масс, руководимых русским рабочим классом, вскрыла гнилость и предательское нутро буржуазных классов и их партий.

Всероссийская политическая стачка подготовила революционную ситуацию для периода высшего подъема народной революции, начавшегося по всей стране в ноябре 1905 г. Теперь в центральных и западных губерниях страны революционная волна трудящихся масс нарастала с небывалой быстротой. В это время в казахской степи народные массы раскачивались сравнительно медленно, но и здесь революционные события назревали и ширились.

В революционную борьбу вступили рабочие горной и обрабатывающей промышленности, солдаты, почтово-телеграфные рабочие и служащие, различные мелкобуржуазные слои городов, рабочие полиграфической промышленности, учащаяся молодежь, поступательно развивалось революционно-освободительное, аграрное движение национального крестьянства.

В конце ноября забастовали рабочие типографии Зыряновой и Овсяного, почтово-телеграфные рабочие и служащие г. Верного; с 30 октября по 21 ноября происходило брожение среди солдат гарнизона Жаркента (Семиреченская область)⁴⁸. С 16 по 26 ноября бастовали почтово-телеграфные рабочие и служащие г. Семипалатинска и Семипалатинской области⁴⁹; в ночь с 15 на 16 ноября восстали солдаты ташкентской военной крепости⁵⁰.

В знак протеста против насилия и произвола над восставшими солдатами и солидарности с ними забастовали

⁴⁷ ЦГА КазССР. См.: ф. 44, д. 5088, лл. 4—6; ф. 149, д. 167, л. 1.

⁴⁸ Там же, ф. 77, д. 16, л. 14; ф. 44, д. 4854, лл. 14—16; ф. 44, д. 5088, лл. 4—6.

⁴⁹ «Семипалатинский листок», 1905, № 263.

⁵⁰ «Вперед», 1905, 6 декабря.

трудящиеся Ташкента, рабочие и служащие Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог.

17 ноября объявили забастовку железнодорожники Арыси, Туркестана, Перовска, Джусалы, Казалинска и Челкара, взволновалась учащаяся молодежь Уральской⁵¹, Семипалатинской⁵² и других областей, известную часть которой составляли казахские учащиеся.

Такова была общая картина классовой борьбы в городах и по линии железных дорог в Казахстане в ноябре 1905 г.

В декабре революционное движение охватило рабочих промышленности, железнодорожного транспорта, городское и сельское население края. Самая крупная забастовка в начале декабря вспыхнула на Успенском руднике (Акмолинская область), где работало 332 мужчины и 2 женщины, из них 265 казахов и 67 русских. Рудник принадлежал французским концессионерам.

Что представляли собой казахские рабочие? Подавляющее их большинство — обедневшие шаруа Нельдинской волости Акмолинского уезда той же области и Кзыл-Тавуской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области, временно отлучившиеся на заработки в Успенский рудник. У них основным средством существования по-прежнему оставалось сельское хозяйство; следовательно, они не были оторваны от своих основных занятий, родных аулов. В административном и полицейском отношении они находились в подчинении аульно-волостной администрации, что наглядно подтвердилось в ходе подавления революционного движения на руднике. Их выступление имело неоценимо большое значение в распространении идеи народной революции в ауле.

Судя по сохранившимся документам и по показаниям участников забастовки⁵³, непосредственным поводом (причины были общие по всей стране) к выступлению послужило возмущение рабочих «невежливым и дерзким отношением к ним англичан», а также малым жалованием и высокими ценами продуктов, которые «в заводских магазинах теперь значительно выше, чем они были при Рязановых», — отметил в своем показании бывший

⁵¹ «Уралец», 1905, № 230.

⁵² Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг... стр. 157—158.

⁵³ ЦГА КазССР, ф. 427, д. 118, лл. 34—36, 43—46, 48—50.

рабочий Полевского завода Михаил Андреевич Жилин, проработавший на Успенском руднике четыре года.

На руднике работали два английских инженера — Мессен и Эрнест Гиббер. Они держали себя очень высокомерно по отношению к рабочим и служащим рудника, обращались с ними грубо и дерзко.

На следствии рабочие показали, что подготовка к забастовке велась заранее рабочими Топорниным, Невзоровым, Алимжаном Байчагировым, Исхаком Каскабаевым и др. Среди них особо выделялся Топорнин, прошедший школу промышленного пролетариата на горнозаводском Урале. Он постоянно вел среди рабочих рудника политическую пропаганду, как показал на следствии крепыльщик рудника Тимофей Низовитин, и читал рабочим брошюры по фабрично-заводским вопросам, а также «книги противоправительственного содержания»; он «мало-помалу начал завоевывать у рабочих симпатии и доверие... все книжки и прокламации, которые читались Топорниным и его сообщниками рабочим, — продолжал на следствии Низовитин, — забраны и увезены с завода после забастовки».

В таком же духе выдержаны и показания конторщика Ивченко: «Пропаганда политического свойства между рабочими была начата Топорниным вскоре после его приезда на Успенский рудник. Топорнин давал для прочтения рабочим разные книжки и брошюры».

Прежде чем объявить забастовку, рабочие собирались и обсуждали вопрос о том, какими методами вести борьбу за свои права, выработали требования концессионеру и решили объявить забастовку в случае отклонения требований. Для руководства забастовкой был образован «Русско-киргизский союз».

«Дня за 4 до забастовки, — показал на следствии Иван Герасимович Низовитин, — рабочие рудника составили записку, написанную карандашом, следующего содержания: «Мы, рабочие Успенского рудника, заключаем русско-киргизский союз борьбы с капитализмом и за прибавку жалованья и просим служащих, если желают, подписываться с нами».

Инициаторами образования «Русско-киргизского союза» были Топорнин, Невзоров, Алимжан Байчагиров, Исхак Каскабаев и др.

Проект требований не раз обсуждался на общем собрании рабочих и был окончательно принят вечером 6 декабря. Под «петицией» подписались все рабочие рудника. В ней говорилось: «Мы, служащие и рабочие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно — французского гражданина, сплотившись между собой для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря 1905 г. пришли к такому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены; ввиду чего, мы постановили требовать:

1) немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными;

2) повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным, получающим до 50 руб. в месяц — на 25%, а свыше 50 руб. — на 15%;

3) снабжения непромокаемой одеждой и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях...;

4) устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями...;

5) немедленного улучшения помещений — казарм для киргиз-рабочих. Казармы без рам, с окнами, завешенными мешками, кошмами, вряд ли могут удовлетворять всем требованиям гигиены, а между тем администрация правления горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно относится, по-видимому, к такому положению вещей слишком безучастно, так как только этим можно объяснить непосылку на рудник необходимого стекла, хотя требования на это стекло посылались слишком часто;

6) уволить служащих Успенского медного рудника фельдшера Е. З. Костенко, конторщика М. А. Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

Подавая настоящую петицию правлению горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно, даем срок для удовлетворения таких требований пять дней, считая с 7-го декабря с. г.

В случае неудовлетворения наших требований или

промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку»⁵⁴.

Текст требований рабочие решили направить в столичные газеты. Текст петиции был переведен с русского на казахский язык рабочими Утемисовым, Умирбековым и Батырбаевым.

Для вручения петиции управляющему рудником Н. Феллю, находившемуся на Спасском заводе, была направлена депутация в составе Топорнина, Исхаха Каскабаева, Невзорова и Мартылого, которая 7 декабря в 6 часов вечера вручила ее управляющему рудником. Опасаясь дальнейшего развития событий, в свою очередь он тут же с нарочным послал письмо управителю Нельдинской волости Акмолинского уезда Ж. Мустафину с просьбой организовать «умиротворение» подведомственных ему казахских рабочих и обездоленной бедноты, временно «отлучившихся» сюда на заработки.

9 декабря на рудник прибыл Н. Фелль. «Русско-киргизский союз» решил «пикетировать» контору, где он остановился. Рабочая охрана окружила дом. Вновь начались переговоры. Депутация «в довольно резкой форме указывала ему на несоразмерность получаемого вознаграждения за службу на промыслах иностранцев сравнительно с другими служащими», ссылаясь при этом на баснословный размер жалования самого Фелля, получающего «60 тысяч рублей в год» и т. д.

Ввиду того, что Н. Фелль не принял ни одного пункта петиции, «Русско-киргизский союз» созвал новое собрание рабочих, на котором было решено вторично послать к управляющему депутацию в составе Исхаха Каскабаева и Невзорова и предупредить, что в случае отказа выполнить требования рабочие объявят всеобщую забастовку. Так как Фелль продолжал упорствовать, «Русско-киргизский союз», не дожидаясь установленной в петиции даты — 12 декабря, постановил немедленно объявить забастовку. Ударили в набат. Работа на руднике приостановилась.

На следующий день, 10 декабря, утром на крышах рабочих казарм и конторы рудника появились красные флаги. Рабочая охрана не позволила управляющему

⁵⁴ ЦГА КазССР, ф. 427, д. 118, лл. 8—10, 12—16.

уехать с рудника. Успенский рудник был изолирован от внешнего мира.

Утром 11 декабря на рудник приехали управитель Нельдинской волости Мустафин и его кандидат (заместитель) И. Жамандыков в сопровождении группы баев и аксакалов. Вслед за ними в тот же день прибыла другая группа баев и аксакалов Кзыл-Тауской волости Каркаралинского уезда во главе с волостным управителем. Обе группы были приглашены Феллем. Но бастовавшие не стали их слушать и продолжали борьбу.

Прибытие аульно-волостной администрации и их приспешников на Успенский рудник является характерным фактом объединения сил царизма с феодально-байской верхушкой аула против боевого союза казахских и русских трудящихся.

К забастовке успенских горняков присоединились рабочие Карагандинской каменноугольной копи, приостановившие работу с 10 декабря. Забастовка рабочих рудника и Караганды вызвала тревогу местной царской администрации 12 декабря на Успенский рудник приехали сотрудники акмолинской уездной полиции. Теперь, заручившись поддержкой полиции и баев, управляющий угрожал рабочим расправой в случае продолжения забастовки.

При посредничестве служащих рудника и баев начались переговоры между забастовщиками и управляющим. Бастовавшие решительно отстаивали свои требования. Наконец, управляющий согласился принять отдельные пункты «петиции». Забастовка прекратилась. Однако концессионеры потребовали от местных властей гарантировать «мирную» жизнь рудника. По приказанию Акмолинского уездного начальника Нехорошкова на Успенский рудник и в Караганду направились группы карателей. Началось преследование рабочих. Девять активных вожakov, в том числе Топорнин, Невзоров, Белоглазов, Мартылого, Ерофеев, были уволены и высланы. Работы на Карагандинской копи возобновились при помощи полиции.

Забастовка рабочих Успенского рудника занимает видное место в истории революции 1905 г. в Казахстане. Она укрепила интернациональную солидарность борцов. Вместе с тем ход забастовки показал недостаток политической зрелости рабочих масс. Забастовочная борьба, ее

успех и поражение еще сильнее разожгли в рабочей среде чувство ненависти к царизму и капиталистам, рассеялась былая вера в царя.

Втянулись в революционную борьбу железнодорожники, связисты, речники, рабочие, трудящиеся и учащаяся молодежь городов, воинские части. Например, 6 и 7 декабря в Актюбинске забастовали почтово-телеграфные служащие⁵⁵; с 14 декабря началась забастовка рабочих и служащих Рязанско-Уральской железной дороги, продолжавшаяся около 10 дней⁵⁶; 6 и 11 декабря происходили митинги и демонстрации рабочих, мелких служащих, учащихся и трудящихся г. Усть-Каменогорска, требовавшие, «чтобы у господ и помещиков была отобрана земля и передана в пользование крестьянам»; 11 декабря устроили «беспорядок» солдаты Усть-Каменогорской местной команды, кричавшие: «увольнение, забастовка, разобьем все»⁵⁷.

Царская администрация все с большей тревогой следила за ходом революционных событий в крае и направила против них силы контрреволюции.

В период высшего подъема революции, — в ноябре — декабре, — развернулось также аграрное революционно-освободительное движение национального крестьянства. Напуганные ростом революционного настроения казахских шаруа колониальные власти били тревогу. Например, в директивном письме от 31 декабря 1905 г. ко всем начальникам уездов военный губернатор Сыр-Дарьинской области отметил, что «распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в последнее время и в киргизскую степь ...пропаганда агитаторов среди киргизского населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской областей производит некоторое волнение умов» казахского населения, что «революционные листовки со статьями зажигательного свойства стали появляться уже и среди татарского населения северной части Сыр-Дарьинской области» и пропагандируемые в этих листовках революционные идеи могут быть занесены

⁵⁵ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 753, л. 21.

⁵⁶ «Уралец», 1905, № 263.

⁵⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 675, лл. 4—5; «Семипалатинский листок», 1905, 31 декабря.

казахским трудящимся, «вызвав среди них нежелательные явления»⁵⁸.

Аграрные волнения в степи происходили под влиянием рабочего и аграрного движения в Центральной России. Об этом писала большевистская газета «Новая жизнь»: «Аграрные беспорядки, сопровождавшиеся нападением на помещичьи земли и на земли удельного ведомства, отразились страшно в киргизской степи»⁵⁹. Газета призывала к борьбе за защиту интересов казахского крестьянства, разоблачала реакционную политику царизма, направленную на сохранение помещичьего землевладения в стране.

Революционно-освободительное движение казахских шаруа особенно усилилось в Семипалатинской и Акмолинской областях. 15 ноября многолюдная демонстрация произошла в Каркаралинске (Семипалатинская область). На этой большой по тому времени демонстрации в общих рядах шли русские и украинские крестьяне-переселенцы, рабочие, ремесленники и громадная масса верховых казахских шаруа, приехавших сюда почти из всех аулов и волостей уезда разузнать о царском манифесте от 17 октября.

К демонстрантам присоединились солдаты местной команды. «Местная команда деморализована влиянием сосланных... солдат нес красный флаг. Команда участвовала в демонстрации»⁶⁰, — доносил вышестоящим органам каркаралинский уездный начальник Ассовский.

Об этой демонстрации в протоколе, составленном полицией, сказано, что после объявления манифеста русскому и казахскому населению Каркаралинска многочисленные демонстранты, при активном участии громадной массы казахских шаруа, испытавших тяжелый национальный и социальный гнет со стороны царизма и феодалов, направились с пением революционных песен и криками «ура» по улицам города. Демонстранты не раз слушали зажигательные революционные речи. Они несли красные флаги и выкрикивали: «Долой полицию! Долой крестьянских начальников!» В телеграмме каркаралинского уездного начальника управляющему канцелярией

⁵⁸ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 324, л. 16.

⁵⁹ «Новая жизнь», 1905, 5 декабря.

⁶⁰ ЦГА КазССР. См.: ф. 64, д. 1144, л. 23; ф. 369, д. 902а, л. 11.

степного генерал-губернатора сообщалось, что среди казахского народа при таких условиях возможно национальное движение, степь возбуждена до крайности. Далее в этом донесении говорилось об организации в Каркаралинске революционного комитета как руководящего центра революционной борьбы трудящихся уезда.

В своих донесениях вышестоящему начальству области и края каркаралинский уездный начальник писал: «Эти беспорядки, вызванные некоторыми злонамеренными лицами, имеют столь огромное моральное значение для всего вверенного мне Каркаралинского уезда, что я считаю необходимым по долгу службы и присяги доносить о них, как о первом звуке грома приближающейся грозы. В данное время считаю долгом донести, что степь возбуждена до крайней степени». Напуганный все возрастающим ходом революционных событий, он настоятельно просил военного губернатора области спешно прислать в город сотню казаков. «Только при этом условии, — писал уездный начальник, — возможно восстановить престиж правительственной власти»⁶¹.

29 ноября 1905 г. командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Сухотин телеграфировал военному министру: «В степи очень беспокойно благодаря усиленной открытой агитации и пропаганде революционных кружков» и что он снаряжает и посылает в казахскую степь «сильные конно-охотничьи команды, ибо в степи пешие часто мало что сделают». И такая карательная мера царских властей не испугала взволновавшихся шаруа. Аграрное движение развивалось, охватывая все более широкие слои казахских шаруа.

Во второй половине ноября, после обнародования манифеста от 17 октября, почти во всем крае происходили многолюдные собрания в казахских аулах, на которых шаруа обсуждали свои насущные нужды. Так, в Омском уезде Акмолинской области на многолюдном собрании казахские трудящиеся решили отправиться в Омск, чтобы выставить там свои требования колониальной администрации в лице военного губернатора Акмолинской области. Огромная масса верховых жигитов отправилась в путь. В течение 24 и 25 ноября, собравшись у здания областного правления, на центральной площади Омска,

⁶¹ ЦГИАМ, ф. 102; ДП, ОО, оп. 5, 1905, д. 1350, л. 18; д. 1877, ч. 7, лл. 7—8.

они окружили областное правление и квартиру военного губернатора области. 15 декабря 1905 г. газета «Сибирская жизнь» поместила корреспонденцию, в которой сообщалось, что «на площади против областного правления и квартиры губернатора 24 и 25 ноября наблюдалось громадное скопление киргиз, по временам доходившее до 1000 человек»⁶².

Несомненно, что это выступление было вызвано реакционной аграрной политикой царского правительства, грубым произволом, чинимым колониальной администрацией на местах. «Толпа эта, — сообщалось далее в корреспонденции, — собралась и открыто протестовала против незаконных действий крестьянского начальника Омского уезда Вологодского, обвиняя его в целом ряде вымогательств и получении взяток с разных лиц и требуя немедленного смещения с должности».

Выступление свидетельствовало о том, что казахские шаруа Омского уезда Акмолинской области, как и всех остальных областей дореволюционного Казахстана, вступили на путь освободительной борьбы под непосредственным влиянием революционной борьбы русского рабочего класса и переселенческого крестьянства.

Аграрным движением национального крестьянства было охвачено и Семиречье. Так, например, в Джаркентском уезде на путь революционно-освободительной борьбы вступили забитые трудовые массы уйгурского крестьянства. Они выступали против узурпации общинных земель крупным обуржуазившимся феодалом Юлдашевым, требовали у местной колониальной власти оградить их от жестокой эксплуатации со стороны феодала-арендатора⁶³.

Революционно-освободительным движением в Семиреченской области было охвачено также казахское и русское крестьянство, особенно только что переселившееся из центральных губерний. В связи с обострением аграрных «беспорядков» туркестанский генерал-губернатор, «обследовавший» область, вынужден был признать рост революционного настроения русского переселенческого и национального крестьянства. В своем рапорте военному министру от 24 декабря 1905 г. он писал: «На-

⁶² Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь — декабрь 1905 года. Ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 915.

⁶³ «Русский Туркестан», 1905, № 366.

чавшаяся несколько месяцев тому назад противоправительственная агитация среди населения Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов Семиреченской области принимает все более и более угрожающие размеры. Среди населения этих уездов и войск разбрасываются в громадном количестве и усиленно пропагандируются прокламации, возбуждающие против самодержавия и призывающие к сопротивлению начальству с оружием в руках».

Он жаловался на группы самовольно переселившихся в это время крестьян из европейской части страны, еще не наделенных землей, «представляющих благоприятную почву для восприятия внушаемых ей агитаторами противоправительственных идей». Генерал-губернатор настоятельно просил военного министра разрешить в уездах Семиреченской области ввести «положения усиленной охраны»⁶⁴.

Аграрными волнениями были охвачены также Аулие-Атинский и Чимкентский уезды Сыр-Дарьинской области и почти все уезды Уральской и Тургайской областей.

Приведенные нами факты участия национального крестьянства в революции весной, летом и осенью 1905 г. могут быть приумножены. Тем не менее это движение в восточных национальных окраинах России, в том числе в Казахстане, развивалось гораздо слабее, чем в Европейской России. Объясняется это целым рядом обстоятельств. Край был слишком удален от промышленных центров страны, капиталистическая промышленность здесь была развита слабо, в связи с чем малочислен промышленный пролетариат. Возникшие в городах местные группы и кружки РСДРП не смогли развернуть революционной работы в ауле. Бедняцкие и середняцкие слои казахских шаруа оставались отсталыми, забытыми. Захват огромного пространства общинных земель крупными баями-скотовладельцами нередко прикрывался пережитками патриархально-родового быта и т. д.

Величайшее значение первой русской революции заключалось в том, что она разбудила от векового сна забытые трудовые массы казахских шаруа и подняла их на революционно-освободительную борьбу. Летом и осенью 1905 г. аграрным движением была охвачена по

⁶⁴ «Высший подъем революции...», ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 560—561.

меньшей мере половина уездов края. Революционная волна постепенно охватила всю казахскую степь.

Перед нами встает законный вопрос: за что боролись казахские шаруа в период первой русской революции? Не будет преувеличением сказать, что до сих пор в исторической литературе этот вопрос остается незатронутым. Все авторы, в том числе и авторы первого тома «Истории Казахской ССР», вышедшего в 1957 г., к сожалению, уклонились от конкретного ответа на этот вопрос. Остался вне поля зрения историков и вопрос о формах и методах революционной борьбы казахских шаруа в 1905—1907 гг.

Формы аграрного движения казахских шаруа, переживших длительные, сложные, довольно мучительные пути исторического развития, были своеобразными и сложными.

Аграрное движение казахского крестьянства в годы первой русской революции сочеталось с его национально-освободительной борьбой. Это движение в низшей фазе протекало довольно робко и пассивно, заключалось в подаче жалоб, заявлений, прошений, требований и «петиций» против изъятия земли, против налогового бремени, против произвола, злоупотреблений и вымогательства со стороны низовых органов управления и царских чиновников. Нередко крестьяне оказывали активное сопротивление колонизаторской, русификаторской политике царизма, открыто выступали против изъятия земель коренного населения в пользу «переселенческого фонда», против узурпации земель мелких производителей крупными феодалами и баями, против национальной дискриминации и натравливания одних народов на другие и т. д. Вооруженное сопротивление казахских шаруа явилось высшей фазой его участия в буржуазно-демократической революции.

Казахские шаруа боролись в период первой русской революции прежде всего за землю, за воду, за равные со всеми другими народами России политические права, за полную свободу и национальную независимость.

Таковы были коренные, конечные цели национально-го казахского крестьянства в революции.

Кстати, следует отметить, что до сих пор в исторической литературе многочисленные, разнообразные по содержанию и происхождению «петиции» рассматривались

с точки зрения единого потока, оценивались как сплошь реакционные, феодально-байские, националистические. Их подавали рабочие, крестьяне, различные слои населения городов, подавала даже буржуазия. Нет ничего общего между петициями, поданными казахскими рабочими совместно с русскими; казахскими шаруа совместно с крестьянами-переселенцами; казахскими учащимися в городах совместно с русскими и т. д. и теми петициями, которые подавали крупные байы, феодалы, султаны и духовенство.

Разве допустимо ставить знак равенства между этими «петициями»? Конечно, нет. Необходимо строго различать по своему содержанию «петиции» различных слоев населения, прежде всего петиции казахских шаруа, от петиций феодально-байской верхушки и мусульманского духовенства.

Выше нами была приведена петиция феодально-байской верхушки и мусульманского духовенства, принятая на Куяндинской ярмарке в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Спустя два месяца состоялось многолюдное собрание уполномоченных 31 волости того же уезда, на котором, в противовес вышеупомянутому документу, была принята совсем иная петиция, которую подписали 46 доверенных лиц. В ней говорилось, что «киргизам», как и другим, объявлена «свобода», но она пока для нас только звук без содержания, потому что гнет власти еще не снят, действуют по-прежнему крестьянские начальники... Во имя политической свободы, основанной на незыблемых началах неприкосновенности личности, требуем удаления крестьянских начальников Каркаралинского уезда»⁶⁵.

Этот документ, разумеется, нельзя считать мерилom сплошного потока.

Казахское население Уральской и Тургайской областей накануне и в период октябрьской политической стачки на своих многолюдных собраниях приняло петицию начальнику Главного управления землеустройства и земледелия, подписанную 22 уполномоченными. Затем они же подали другую петицию председателю особого совещания по выборам в Государственную думу, графу Д. М. Сальскому. В них выражался решительный про-

⁶⁵ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 5, д. 1877, ч. 7, л. 10.

тест против колонизаторской политики царизма, требовалось законодательное закрепление за казахскими шаруа «права вотчинной собственности на земли, которые они ныне занимают». Далее выдвигалось требование предоставления права иметь в Государственной думе по крайней мере не менее «одного представителя от каждого уезда», при выборах «не применять имущественного ценза», «выбирать членов Государственной думы из всего населения данной области, а не только из числа выборщиков» и «выборщики членов Государственной думы должны избираться всеми кибитковладельцами каждой волости»⁶⁶.

В этих «петициях» затрагивались политические, правовые и аграрные вопросы. Резко выступая против колонизаторской политики царизма, казахские шаруа в то же время поддерживали крестьян-старожилов в их требовании свободно пользоваться «землей, уже им отведенной». Эти петиции писали отсталые, забитые казахские шаруа и выражавшая их идеологию демократически настроенная аульная интеллигенция в лице мугалимов (учителей) русско-казахских школ, писарей, переводчиков, а также отдельные студенты средних и специальных учебных заведений, посещавшие свои аулы во время каникул.

Несомненно, что казахские шаруа ясно представляли значение земли как основного источника средств существования, и поэтому революционное движение в аулах происходило прежде всего в виде протеста против аграрной политики самодержавия, изъятия земель и образования «переселенческого» и «запасного» фондов, против узурпации лучших прижимовочных и пастбищных участков бедняцких и середняцких слоев населения баями-феодалами.

Чем грубее и жестче проявлялась колонизаторская политика царизма, его военно-оккупационный режим и жандармско-полицейский террор, тем упорнее было на местах сопротивление этой политике, тем заметнее аграрное движение казахских шаруа принимало интернациональное содержание, сливаясь с революционно-освободительной борьбой рабочего класса и крестьянства всей страны.

⁶⁶ «Уралец», 1905, № 201, 202.

Постепенно росло политическое сознание шаруа. Если раньше они в какой-то степени верили в «белого царя», писали ему петиции, описывая в них свои нужды, то теперь, т. е. с конца 1906 и начала 1907 г., они стали терять эту веру.

Петиции казахских шаруа по существу явились одной из форм аграрного движения, своеобразным методом борьбы народных масс.

Потеряв веру в «ак-падшу», шаруа стали искать иной путь освобождения от оков самодержавия, и такой выход был найден. Теперь все свои надежды они возлагали на великий русский народ, на русский рабочий класс и угнетенное крестьянство. Не к царю и его сановникам, а к великому русскому народу обратились теперь трудовые казахи и перешли от петиций к открытой борьбе совместно с русскими рабочими и крестьянами. Они понимали, что своего национального и социального освобождения добьются путем совместной борьбы и нерушимой дружбы с великим русским народом, под руководством самого революционного в мире русского рабочего класса.

В этом отношении интересно обращение казахских крестьян к русскому народу под названием «От киргиз — русским»⁶⁷. В нем разоблачается реакционная сущность колонизаторской политики царского правительства, «гибельной не только для... киргиз, но и вредной для всей трудящейся России». Ясны мотивы, которые привели шаруа к этому обращению. «Обращаясь к правительству, — писали они, — мы много потратили сил, денег и времени, но все бесполезно. Теперь же мы обращаемся к другому, самому великому властелину на земле русской — это ко всей трудящейся России». В обращении говорилось о грабительском характере колонизаторской политики самодержавия, насильственно сгоняющего казахов с насиженных земель в бесплодные пустыни «грубо, путем страха или особого рода политики — *соглашения с богатыми киргизами во вред беднякам*» (курсив наш. — Б. С.).

Казахские крестьяне изливали свое горе и страдания перед русским народом. «Граждане! О если бы видели, что творится у нас в степи летом чинами переселенче-

⁶⁷ «Уральский дневник», 1907, № 33.

ской партии! Мало того, что они пользуются бесплатно услугами аксакалов, рассыльных, они творят от своего ума всякие правительственные страхи, грозят тюрьмой и протоколом, пугают Сибирью и каторгой, карательными отрядами, казаками и солдатами».

В обращении не только вскрывается классовое сотрудничество царизма с феодально-байской верхушкой аула, но и корыстолюбие, вымогательство и взяточничество низовой аульно-волостной администрации. «Киргизскому народу, в особенности беднякам, — подчеркивалось в обращении, — от этого произвола живется страшно тяжело!»

Ярким примером роста политического сознания казахского крестьянства является и то, что оно уже стало понимать, в чем кроется сущность колонизаторской политики самодержавия. Это подтверждают следующие места обращения «От киргиз — русским»: «Становится ясным, что правительство, желая спасти помещичьи земли, хочет земельный голод крестьян утолить переселением в киргизские степи».

Казахские крестьяне во весь голос заявили, что «право на пользование ею (землей. — Б. С.) принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее своим трудом. Мы, киргизы, присоединяем свой голос к великому голосу всех трудящихся масс России, чтобы все земли были изъяты из владения отдельных лиц, или группы лиц во всей России, были бы обращены в общенародное достояние».

Важно то, что если раньше отсталые и забытые казахские крестьяне писали петиции, просили царское правительство лишь закрепить за ними насиженные земли на правах «вотчинной собственности», то теперь, под могучим влиянием и воздействием революционных событий по всей стране, они присоединили свой голос к голосу «всех трудящихся масс России», требовавших изъятия всей земли «из владения отдельных лиц или групп», другими словами, требовали конфискации всей помещичьей земли и передачи ее в общенародное пользование крестьянам на «уравнительно-трудовых началах».

Обращаясь к великому русскому народу, русскому рабочему классу и трудовому крестьянству, казахские крестьяне писали, что они «готовы с ними поделиться» и просили их начать «дележ сначала у себя дома». «Пусть

все земли перейдут к общинно-уравнительному трудовому достоянию всего народа и тогда мы, — продолжали казахские крестьяне, — от вас не отстанем».

По аграрному вопросу взгляды казахских шаруа и баев были совершенно противоположными. Так, например, один из исследователей хозяйственного быта казахов Г. Чиркин в своей «Записке» в 1907 г. писал: «Экономические интересы 80 проц. киргизского народа, имеющих до 10 единиц скота, настолько противоречивы остальным 20 проц. киргизских богачей, что... на каждом шагу встречаются проявления более или менее явной, открытой борьбы между ними за землю.

Тогда как богачи настаивают на общинном, нераздельном пользовании зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь в то же время всякими правдами и неправдами прибрать к рукам в свое исключительное распоряжение возможно большую площадь сенокосных угодий, — продолжает он, — бедняки хотят, чтобы все общинные земли были разделены поровну между всеми общинниками. Вместо фактически существующего, но не выгодного бедным пользования землею «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково как для многоскотных, так и для совсем бесскотных. Иначе говоря, малосостоятельные слои оседлого населения степи уже доросли до сознания личного права на землю, сродняющего их психологию с психологией малоземельного крестьянства»⁶⁸.

Об общности классовых интересов казахского и русского крестьянства отчетливо знали в то время и царские колонизаторы. В протоколах совещания при генерал-губернаторе Степного края в 1907 г. с предельной ясностью констатировано, что казахские крестьяне повсюду заявляют: «Нам русские ближе, чем они», т. е. казахские феодалы. А в редакционной статье большевистской газеты «Русский Туркестан» говорится: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что туземное население Туркестанского края совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением ближайших целей. Мы имели возможность неоднократно убеждаться в том, что

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 137, 1909, д. 258, лл. 8, 19, 21.

интерес к революционному движению в России и его проявлениям у нас в Туркестане в туземной среде возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени»⁶⁹.

Эти интересные сведения, опубликованные на страницах большевистской печати в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г., еще раз подтверждают правильность положения о том, что казахские шаруа проснулись от векового сна и вступили на путь освободительной борьбы под влиянием революционной борьбы русских рабочих и крестьян, что они постепенно стали понимать общность с ними своих классовых интересов, необходимость непримиримой совместной борьбы против самодержавия.

Публично признав великий русский народ своим старшим братом, другом и освободителем, казахские крестьяне гордо заявили, что «у всех народов России одно общее дело и общий враг». Этого общего врага они видели в царском самодержавии. Вместе с тем, казахские крестьяне в своем обращении к русским трудящимся с достоинством писали: «Русские граждане! Нам, киргизам, указывать вам нечего, что несчастье отдельных национальностей есть несчастье всего государства. Этого только правительство и русификаторы не хотят понять».

Шаруа убедились в том, что коренное разрешение аграрного кризиса по всей стране возможно лишь путем совместной революционной борьбы угнетенных и порабожденных масс всех народов России. Они призывали трудящиеся массы всей страны бороться с царизмом со всей решимостью, под руководством великого русского народа, русского рабочего класса, «бороться все за одного и один за всех» — таков был смысл обращения казахского шаруа к великому русскому народу.

Это обращение было опубликовано на русском языке в 1906—1907 гг. на страницах газет «Оренбургский край», «Уральский дневник», а также в большевистской

⁶⁹ «Русский Туркестан», 1905, № 58.

газете «Урал» (№ 10 от 7 февраля 1907 г.), выходившей в Оренбурге на татарском языке.

Мы подвергли анализу этот важный исторический документ, свидетельствующий о том, какое могучее влияние оказала первая русская революция на отсталые, забитые народные массы казахского аула, как идеология этой массы развивалась, хотя сравнительно медленно и робко, под воздействием революционной борьбы русского рабочего класса и крестьянства и как эта же отсталая народная масса аула и выражавшая ее идеологию демократическая интеллигенция стала понимать один из основных лозунгов буржуазно-демократической революции — лозунг по аграрному вопросу. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что казахские крестьяне были отсталыми накануне первой русской революции и продолжали быть отсталыми после революции.

Всемирно-историческое значение первой русской революции заключается именно в том, что она разбудила от векового сна забитые трудовые массы национальных окраин, в том числе казахского колониального аула. «Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, — говорил В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года», — только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»⁷⁰.

Несомненно, идеология казахских шаруа заметно менялась в ходе революционной борьбы, их мировоззрение росло и развивалось вследствие этой борьбы. Приведенный нами документ «От киргиз — русским» является свидетельством роста политического самосознания казахских шаруа в период первой русской революции.

Мы забегаем несколько вперед, чтобы полнее представить степень роста политического самосознания казахских шаруа на отдельных этапах истории первой русской революции и последовательно проследить дальнейший ход революционных событий в крае с точки зрения развития идеологии шаруа.

Таким образом, в ноябре — декабре 1905 г. в казах-

⁷⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 233.

ской стени почти повсеместно развернулась классовая борьба рабочих и крестьян, представляя известную угрозу колониальному могуществу царизма в крае. Поэтому 23 декабря 1905 г. царь издал указ о введении военного положения во всех уездах, по которым проходила Сибирская железная дорога. 25 декабря граф Витте писал туркестанскому генерал-губернатору: «Я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание»⁷¹.

6 января 1906 г. специальным царским указом было введено военное положение в Акмолинской и Семипалатинской областях. В указе говорилось: «Для обеспечения общественной безопасности и прекращения происходящих в пределах Степного генерал-губернаторства беспорядков, мы признали необходимым объявить на военном положении области Акмолинскую и Семипалатинскую, распространив на них действие правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении»⁷².

Эти меры достаточно ярко показывают, какую опасность представляла для трона революционная борьба трудящихся масс края.

3. В годы отступления революции

Самодержавие спешило воспользоваться поражением декабрьского вооруженного восстания, чтобы завершить разгром революции. По всей стране начался свирепый полицейский террор⁷³. 10 января 1906 г. министр внутренних дел Дурново предписал генерал-губернаторам и военным губернаторам областей Казахстана в случае возникновения аграрного движения жестоко подавлять его, карать «без всякой пощады, до уничтожения, в крайних случаях, отдельных домов и целых деревень включительно». Далее военный министр советовал продолжать систематическую и неуклонную очистку

⁷¹ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 486, л. 5; ЦГА УзССР, ф. КТГ, д. 18, л. 148.

⁷² ЦГА КазССР, ф. 64, д. 474, л. 62.

⁷³ Там же. См.: ф. 64, д. 1079, л. 83; ф. 427, д. 120, л. 65; ф. 64, д. 1079, л. 83; д. 112, л. 12.

деревень от революционных подстрекателей, к какому бы званию они не принадлежали».

Местным властям было предложено применять вооруженную силу против революционных выступлений масс, строго наказывать лиц, ведущих революционную «противоправительственную» пропаганду, увольнять со службы лиц, сочувствующих социал-демократическим организациям. Были запрещены демонстрации, митинги, собрания, даже групповые прогулки в городах.

В предписании туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области говорилось: «Вам необходимо немедленно принять решительные меры к прекращению пропаганды и агитации всякого рода, для чего положения... дают вам полнейшую возможность, равно в случае забастовок и беспорядков, немедленно подавлять их, если нужно, силой». Далее он указывал на «неотложность мер по прекращению пропаганды революционного характера, в какой бы форме она ни выражалась». Он предлагал местным властям твердо помнить, что «от подавления агитации зависит спокойствие туземного элемента края и устраняются самые тяжкие последствия», и советовал местным властям в борьбе против революции вступить в тесный контакт с «благоразумной частью населения», т. е. с черносотенцами, октябристами, кадетами и баями.

Губернатор Семипалатинской области 7 января 1906 г. специальным приказом запретил собрания и митинги как под открытым небом, так и в частных и в общественных помещениях.

Генерал-губернатор Степного края Сухотин 13 января разослал военным губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей и всем уездным начальникам циркулярное предписание, в котором предлагал применять огнестрельное оружие в случае «враждебных действий со стороны кочевого населения».

Местные националисты всемерно помогали царским чиновникам в подавлении революции. В декабре 1905 г. по инициативе националиста А. Букейханова в Уральске был созван так называемый делегатский съезд феодально-байской верхушки пяти областей Казахстана (кроме Семиреченской), на котором была принята программа кадетов и образован казахский филиал этой партии. В январе 1906 г. на Всероссийском съезде кадетов А. Бу-

кейханов был избран членом кадетского ЦК. Националисты Семиреченской области вступили в союз с другой группой либеральной буржуазии — федералистами Туркестана.

Наряду с этим в отдельных местных организациях РСДРП между большевиками и меньшевиками шла довольно острая борьба на предвыборной платформе. К числу таких организаций можно отнести Оренбургскую группу РСДРП, не сумевшую провести своего кандидата в Думу. Эта группа состояла в то время из двух районных комитетов — рабочего (железнодорожного) и приказачьего. При общегородском комитете имелись также боевая дружина, типография газеты «Степь» и «Простор», слившиеся впоследствии в одну под названием «Степь». В общегородском комитете преобладали меньшевики, а в рабочей районной организации — большевики. В предвыборной кампании меньшевики решили блокироваться с кадетами, эсерами и стоявшей на их платформе мусульманской партией. Большевики осуждали раскольническую позицию меньшевиков. Они решительно отстаивали и пропагандировали большевистскую предвыборную платформу, разработанную и выдвинутую В. И. Лениным. В борьбе против меньшевиков большевики использовали страницы прогрессивной газеты «Оренбургский вестник». В этой газете большевики опубликовали первую часть текста листовки «Кого выбирать в Государственную думу?»⁷⁴, написанную В. И. Лениным и изданную в ноябре 1906 г. в Санкт-Петербурге в качестве приложения к газете «Пролетарий» № 8.

Из текста видно, что редакция газеты «Оренбургский вестник» бережно сохранила ленинский текст, заменив лишь в первом абзаце «в С.-Петербурге» словами «в Оренбурге», а в последнем «... на выборах за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии» словами «...на выборах за тех кандидатов, которых выставит рабочая партия».

Публикация ленинской работы к выборам в Государственную думу и широкая пропаганда ее по всему Оренбургскому краю вызвали панику не только среди местных кадетов и эсеров, но и злобу меньшевиков.

⁷⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 292—294.

Меньшевики Оренбурга от имени общегородского комитета поспешили направить письмо в редакцию «Оренбургского вестника» с протестом против опубликования ленинской работы. В письме сказано: «Гражданин редактор! Ввиду могущих возникнуть недоразумений просим Вас на страницах Вашей уважаемой газеты довести до сведения общества, что обращение к избирателям, напечатанное в № 19 Вашей газеты, никакого отношения к Оренбургской группе РСДРП не имеет. Группа не давала и не могла дать, в силу принципиальных разногласий, свою санкцию на печатание такого обращения»⁷⁵.

Газета поместила письмо меньшевиков для того, чтобы дать им сокрушительный отпор. Это видно из редакционной статьи, напечатанной в том же номере, как ответ на заявление меньшевиков. В ней подчеркивается, что редакция «никогда не выступала и не думала выступать от имени группы (РСДРП. — Б. С.). Но считаем, что общегородской комитет не имел права также выступать в письме от имени группы ввиду того, что, как нам известно, Оренбургская группа не давала своей санкции на заявление общегородского комитета».

Здесь следует привести одну любопытную деталь. На заседании Оренбургского общегородского комитета при обсуждении текста заявления меньшевиков шла жаркая дискуссия, и большевики решительно осуждали половинчатость меньшевистской тактики. Когда меньшевики, заседавшие в руководстве общегородского комитета, взяли перевес, свыше двадцати большевиков покинули общегородской комитет и, собрав свои силы в районных организациях, написали осуждающее предательскую позицию меньшевиков обращение к рабочим и всем трудящимся города. Вместе с тем большевики единодушно поддержали упоминавшуюся уже редакционную статью «Оренбургского вестника», в которой дана высокая оценка ленинскому документу, вызвавшему гнев меньшевиков: «Редакция убеждена в том, что напечатанное в № 19 «Оренбургского вестника» обращение к избирателям характеризует верно все фигурирующие в России партии с точки зрения классовой борьбы». Далее редакция предлагала меньшевикам написать в популярной форме ответ

⁷⁵ «Оренбургский вестник», 1907, № 19, 20.

на «Обращение к избирателям», «...ибо время не ждет, предвыборная кампания уже началась».

Все эти факты, обнаруженные и впервые публикуемые нами, свидетельствуют об острой борьбе между большевиками и меньшевиками Оренбурга. Причем борьба шла не вокруг выставленной в депутаты думы кандидатуры, а носила принципиальный характер, явилась выражением тактических разногласий. По существу, предательство меньшевиков привело Оренбургскую группу РСДРП к поражению в предвыборной кампании.

На страницах газет «Степь» и «Простор» большевики Оренбурга неустанно продолжали пропаганду ленинской избирательной платформы. Так, например, в номерах газеты «Простор» избиратели призывались подавать свои голоса за кандидатов Оренбургской группы РСДРП. «Только эта партия, — говорилось в воззвании «К избирателям», — способна довести до логического конца борьбу с правительством. Смелее же идите к избирательным урнам. Коль жить, так на свободе или в битве умереть»⁷⁶.

Предвыборная пропаганда развернулась на страницах газет демократического направления, как, например, «Трудовая жизнь» (Семипалатинск) и др. Группы РСДРП распространяли в Казахстане в большом количестве большевистские прокламации и листовки. В прокламации Курганской группы РСДРП, обращенной «К солдатам II-го Семипалатинского полка», солдаты призывались в случае революционной борьбы перейти на сторону восставшего народа и обратить «дула своих ружей против насильников народа»⁷⁷. Этот призыв распространяли среди солдат, охранявших железнодорожный мост через Ишим, и в Петропавловском уезде.

В Казахстане, особенно в его северных районах, имели хождение прокламации и листовки Томского комитета РСДРП, которым руководил С. М. Киров.

В Казахстан приходили письма, описывающие революционные события в Закавказье. Революционную агитацию среди населения, особенно среди крестьян, вели солдаты, возвратившиеся с Дальнего Востока. Не ослабевала революционная работа и среди рабочих гор-

⁷⁶ «Простор», 1907, № 7.

⁷⁷ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 165.

нозаводской промышленности Казахстана. Оживленно распространялись прокламации и листовки РСДРП, проповедующие идеи гегемонии пролетариата, союз рабочих и крестьян, сплочение вокруг РСДРП. Такие же листовки распространялись среди горняков Алтая, в частности в городе Усть-Каменогорске.

В период отступления революции под руководством Омского комитета усилилась деятельность социал-демократических групп в северных и северо-восточных районах Казахстана. В своих прокламациях, разоблачая лживый характер и реакционную сущность царского манифеста от 17 октября, Омский комитет РСДРП разъяснял, что «самым непримиримым, самым решительным врагом царского самодержавия является рабочий класс. Он ведет и до конца будет вести борьбу за полную свободу и власть народных масс. В этой борьбе в первых рядах рабочего класса идет его авангард — Российская социал-демократическая рабочая партия».

Почти в большинстве прокламаций Омского комитета РСДРП выдвигались лозунги уничтожения самодержавного строя и образования демократической республики. Вилный деятель этого комитета В. В. Куйбышев в 1906 и 1907 гг. руководил социал-демократической группой в Петропавловске.

Бывший участник Петропавловской группы РСДРП Ф. Виноградов-Ягодин так характеризует деятельность В. В. Куйбышева в Петропавловске: «Он действительно сумел поднять петропавловскую группу: работали кружки на станции и в городе, читались Валерианом Владимировичем доклады; он сумел даже использовать местные газеты, им были втянуты в работу ученики реального училища и ученицы гимназии. Словом, В. В. проявил блестящий организаторско-пропагандистский талант»⁷⁸.

Петропавловская группа, руководимая В. В. Куйбышевым, развернула революционную работу не только в Петропавловском, но и в Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском уездах, где возникли местные социал-демократические кружки. Например, о существовании и деятельности акмолинского кружка РСДРП в период выборов во вторую Государственную думу говорится в рапорте акмолинского уездного начальника губернатору

⁷⁸. «Каторга и ссылка», 1935, № 1.

области: «Деятельность кружка будет направлена исключительно только на пропаганду, так сказать на подготовку почвы для будущих революционных действий среди низших слоев населения, в особенности среди крестьян и заводских рабочих, которые более всего восприимчивы к идеям будущего социального строя»⁷⁹.

Большую агитационную работу проводил акмолинский кружок РСДРП, руководимый Петропавловской группой и Омским комитетом РСДРП. Члены кружка распространяли через своих агитаторов по всему Акмолинскому уезду прокламации и листовки РСДРП, полученные из Омска и Петропавловска: «К избирателям», «Для чего идет социал-демократия в Думу», «Черносотенные партии», «Самодержавие прежде и теперь» и др.

Прокламация «К избирателям» была перепечатана из большевистской газеты «Пролетарий» и размножена типографским способом Омским комитетом РСДРП. В ней подчеркивалось, что царское правительство нарушило свое обещание дать свободу и законодательные права Думе: «Избирательный закон урезал права крестьян и рабочих в пользу помещиков и капиталистов. Права самой Думы были сведены почти до нуля... Все свободы и права оставались пустой бумажкой, ибо действительная власть, действительная сила была по-прежнему всецело в руках царского правительства».

В прокламации «Для чего идет социал-демократия в Думу» говорится, что рабочий класс борется с самодержавием, что он давно уже вступил в борьбу со всеми эксплуататорскими классами. В ожесточенной схватке дрогнули ряды насильников и царь в Манифесте от 17 октября «обещал народу права и свободу, но обещания его остались на бумаге. Штыками и пулеметами, пушками и смертными казнями царское правительство угрожает тем, кто хочет действительной воли, кто хочет отстоять свою свободу. Оно дало право одним богатым, а для всего остального народа оставило по-прежнему гнет и бесправие, налоги и повинности, штыки и нагайки; оно разогнало даже умеренную Думу, когда она осмелилась напомнить царю о его обещаниях. Царское правительство решило созвать снова Думу, но такую, которая

⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 507, лл. 1—10.

послушно исполняла бы все его приказания и помогала бы ему душить и обирать народ».

Прокламация объясняла, что «Российская социал-демократическая рабочая партия идет в Думу для того, чтобы раскрыть глаза народа на его интересы, «помешать правительству созвать черносотенную Думу... Она идет в Думу не для того, чтобы там мирно работать, зная наперед, что ничего из этого не выйдет. Нет, социал-демократия и в Думе и вне ее будет призывать народ к борьбе за всенародное и полноправное Учредительное собрание, за демократическую республику».

В прокламациях дана характеристика политическим партиям помещиков, буржуазии и кулачества: черносотенцам, октябристам, кадетам, трудовикам. «Черносотенцы стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение своей помещичьей земли». Они «прямые враги народа, прямые защитники правительства погромщиков, правительства, разогнавшего Думу, правительства военно-полевых судов», — говорилось в прокламации «К избирателям».

В прокламации «Черносотенные партии» указывается, что черносотенцы «заставляют крестьян обрабатывать помещичью пашню за долги или за арендуемую ими землю — это все равно, что отбывать барщину» и что черносотенцы, начиная с «Союза русского народа» и кончая октябристами, «хотят задушить освободительное движение, восстановить самодержавие, устроить такую Думу, которая не только не имела бы никакой власти, но в которой даже и голоса народа не было бы слышно, а говорили бы только люди привилегированных сословий — дворяне, духовенство, купцы, фабриканты. Чтобы добиться всего этого, чтобы заставить народ отказаться от борьбы за землю и волю, черносотенцы под покровительством полиции устраивают погромы, собирая и вооружая... черносотенных дружинников». Буржуазные партии дрожат от «торжества крестьянства, а в особенности рабочего класса, потому что страшатся за свои прибыли, получаемые за счет пота и крови рабочих. Для них страшна революция сама по себе, потому что она уменьшает их барыши. Подавить революцию, задушить ее, смирить мятежное крестьянство и крамольный пролетариат — в их интересах.

Партия кадетов охарактеризована как партия либеральной буржуазии. «Либеральные буржуа колеблются между народом и правительством погромщиков, — говорится в той же прокламации. — На словах они против правительства, на деле они больше всего боятся борьбы народа; на деле они хотят сделки с монархией, т. е. с погромщиками, против народа».

Трудовики и эсеры характеризуются в этих прокламациях как партии сельской буржуазии, идущие на выборы рука об руку с контрреволюционной либеральной буржуазией и ее партией — кадетами. Трудовики и эсеры «далеко не всегда умеют освободиться от влияния либеральных буржуа и от буржуазных взглядов во всей своей деятельности», указывается в прокламациях «К избирателям».

В том же обращении «К избирателям» сказано: «Крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить в силу дружной борьбы рука об руку с рабочим классом».

В прокламациях показана освободительная, всемирно-историческая миссия рабочего класса. «Рабочие — враги всякого угнетения, всякой эксплуатации. Главная, конечная цель рабочего класса — полное уничтожение всякой эксплуатации, торжество социализма. Стремясь к этой великой цели, рабочий класс борется за землю и волю для всего народа, потому что это облегчает торжество социализма. Поэтому нет самоотверженнее борца за освобождение, как рабочий класс. И поэтому партия, выражая интересы рабочего класса, последовательнее других ведет борьбу за освобождение».

Все эти прокламации написаны в большевистском духе и характеристики к политическим партиям даны с позиции ленинского призыва «Кого избирать в Государственную думу».

В рапорте акмолинского уездного начальника военному губернатору говорится, что распространение листовок исходит «от лиц, входящих в состав... кружка», что члены этого кружка в последнее время довольно открыто выражали свое политическое направление и развер-

нули революционную работу среди населения всего Акмолинского уезда⁸⁰.

В прокламации «Ко всем», напечатанной в июле 1906 г. в типографии Омского комитета РСДРП, Петропавловская группа РСДРП, разоблачая провокационные действия третьего отделения и местных черносотенцев, писала: «Пусть не надеются местные погромщики, что им удастся весь гнев народа, направляемый против них, обратить на тот же невинный народ. Пусть они не думают, что им не удастся тогда избежать народного суда». Далее она, призывая к бдительности, советовала передовым рабочим и всем частным гражданам Петропавловска разъяснять своим «малоразвитым товарищам коварный замысел местной черносотенной администрации», которая старается внести разложение в ряды борющейся массы, особенно железнодорожных рабочих и служащих.

Судя по отчету делегатов Петропавловской группы РСДРП (их было 3), на Западно-Сибирской конференции РСДРП, созванной в Омске в сентябре 1906 г., группа состояла из двух кружков (подгрупп), объединявших 147 человек. Бюро группы насчитывало 5 человек и избиралось на 4 месяца. Устраивались «партийные собрания, на которых разбирались программа-минимум».

Петропавловская группа РСДРП вела работу не только в городе и на железной дороге, но и в деревне, среди крестьян, распространяя революционную социал-демократическую литературу⁸¹.

Большим влиянием среди рабочих, трудовых слоев населения городов и деревень пользовалась Уральская организация РСДРП. Под руководством общегородского комитета работали кружки почти на всех предприятиях и на железной дороге, в учебных заведениях (последние несколько позднее были преобразованы в общегородскую социал-демократическую ученическую организацию), среди приказчиков, парикмахеров и работников других мелких заведений. Руководитель кружка учащейся молодежи состоял членом общегородского комитета РСДРП.

Общегородской комитет по существу возглавлял и

⁸⁰ Там же, лл. 1—14.

⁸¹ ГАОО. См.: ф. 270, оп. 1, л. 169, л. 366; ф. 19, оп. 12, д. 1.

направлял революционную работу всей Уральской области. В период предвыборной кампании во вторую Государственную думу комитет развернул массовую агитацию и пропаганду среди городских и сельских трудящихся. Наряду с распространением прокламаций и листовок, получаемых из Питера, Москвы и приволжских городов, Уральская организация РСДРП уделяла большое внимание живой устной пропаганде идей и лозунгов РСДРП среди рабочих, крестьян и городских трудящихся.

Уральская организация РСДРП поддерживала непосредственную связь с центром. Об этом свидетельствуют документы. 7 декабря 1906 г. член секретариата ЦК РСДРП прислал из Петербурга в Уральск письмо Ольге Петровне Хорошхиной (связной ЦК РСДРП), в котором просил ее сообщить «новые адреса для присылки листовок, директив и пр.» Далее он писал ей: «Сообщите, доходит ли до Вас что-либо из присылаемого Вам секретариатом ЦК. Скорее присылайте сведения о себе»⁸². А спустя неделю, 15 декабря, он вновь писал ей: «Товарищи! Непременно известите о том, что из посылаемой вам литературы у вас получается. Иначе нет возможности рассылать, когда не знаешь, доходит ли она по назначению. Пришлите новые адреса». Вместе с письмом были присланы два печатных воззвания РСДРП по поводу «предвыборной агитации в рабочей среде». С ЦК РСДРП в это время поддерживал связь и ученик Уральского реального училища 18-летний Константин Николаевич Михайловский. Он получал из центра «нелегальные издания РСДРП».

Результаты выборов во вторую Государственную думу показали, что Уральская организация РСДРП завоевала доверие рабочих и крестьян области. Она одержала решающую победу, проведя свою кандидатуру от русского населения области в депутаты Думы.

Жестокий военно-полицейский террор царил и в казахской степи: повсюду происходили аресты и суды над революционными рабочими, крестьянами, революционно настроенной интеллигенцией, которых отправляли в ссылку или на каторгу в далекую Сибирь.

7 августа 1906 г. царские сатрапы отправляли из Петропавловска политических заключенных. Рабочие города

⁸² ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, 1907, д. 5, ч. 77, лл. 2, 3, 6, 10.

и крестьяне окрестных деревень проводили своих боевых товарищей на железнодорожную станцию и, протившись с ними, устроили демонстрацию. На демонстрантов напали две роты солдат под командой ротмистра и без всякого предупреждения начали зверское избиение рабочих и крестьян.

Безоружных демонстрантов «били прикладами, кололи штыками». 20 человек были ранены, из них 5 — тяжело⁸³.

На другой день на группу ремонтников, работавших вблизи железнодорожного депо, напали вооруженные царские погромщики, ранившие двух рабочих. Поводом к такому дикому произволу «послужил красный сигнальный флажок, который выставляется обыкновенно при работе на пути».

Эти события вызвали глубокое возмущение и протесты со стороны рабочих и сельских трудящихся Сибири.

Большую пропагандистскую работу в период отступления первой русской буржуазно-демократической революции среди городского и сельского населения вели члены социал-демократического кружка Атбасара. Один из активных членов этого кружка Адильбек Майкотов проезжал по аулам и знакомил шаруа с ходом революционных событий по всей стране.

Кустанайская группа РСДРП имела тесную связь с Оренбургским и Омским комитетами РСДРП, от которых она получала руководящие указания. Она распространяла прокламации и листовки среди трудящихся масс города и уезда.

Кустанайский уездный начальник в одном из своих рапортов на имя тургайского военного губернатора писал, что «население к агитаторам, как замечается, относится сочувственно и не всегда охотно может давать сведения о их деятельности». Он настоятельно просил командировать в Кустанайский уезд «для секретного наблюдения» за деятельностью местной группы РСДРП жандармского офицера и двух-трех унтер-офицеров, которые имели бы возможность «более следить» за лицами, занимающимися революционной пропагандой⁸⁴.

В одной из прокламаций Кустанайская социал-демократическая группа писала: «Граждане! Слейтесь в еди-

⁸³ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 401.

⁸⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 327, лл. 4—5; д. 968а, л. 14.

ный могучий поток, громко и смело выскажите свое презрение заклятому врагу, полицейскому правительству.

Требуйте предания народному суду насильников народа».

Кустанайская группа РСДРП также имела связь с социал-демократами Челябинска, Троицка и некоторых других городов горнозаводского Урала.

В южных районах Казахстана и в Семиречье в годы отступления революции вел большую работу Ташкентский комитет РСДРП. На страницах социал-демократической газеты «Солдатский листок — Правда», выходившей в Ташкенте, помещались статьи, призывавшие бороться за раскрепощение коренного населения Средней Азии и Казахстана, за предоставление ему политических свобод. Так, в статье «Чего хотят рабочие?», опубликованной 7 февраля 1906 г., говорилось: «...Рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права самоопределения, т. е. определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской Республике»⁸⁵.

В резолюции первой Туркестанской конференции РСДРП (март 1906 г.) большевики провели специальную резолюцию о работе среди трудящихся Средней Азии и Казахстана. «Конференции, — говорится в информационном сообщении, — пришлось относительно дольше останавливаться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особое внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию, как словесную, так и путем листовок, а также и пропаганду»⁸⁶. Однако социал-демократическая организация Туркестана, в которой значительным влиянием пользовались меньшевики, не сумела претворить в жизнь это решение конференции. Она слабо руководила местными группами и кружками в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях.

В период отступления революции Семиреченская группа РСДРП самостоятельно выпустила несколько прокламаций и листовок, в которых идеи гегемонии про-

⁸⁵ «Солдатский листок — Правда», 1906, № 2.

⁸⁶ «Революция в Средней Азии», вып. 1. Ташкент, 1929, стр. 68.

летариата, союза пролетариата и крестьянства не были сформулированы четко. Правда, в одной из этих прокламаций (январь 1907 г.) давалась правильная оценка думской политики царского правительства и вскрывалась контрреволюционная сущность помещичьих и буржуазных партий как опоры царизма. «Неужели же вы хотите, — говорилось в прокламации, — всю Россию, весь многострадальный русский народ отдать во власть разных путоловых и чичасовых, разных предводителей воровских шаек? Нет, этого не может быть и не будет».

Избранников богачей царь величает «людьми, избранными всем населением», но народ думает иначе и на все царские посулы отвечает одним грозным криком: «Да здравствует Учредительное собрание, избранное всем народом на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!»⁸⁷ Выставить своего кандидата в депутаты второй Государственной думы Семиреченская группа даже не пыталась.

Социал-демократические организации Казахстана во II Государственной думе были представлены тремя депутатами: Виноградов — Акмолинская область, Голованов — Тургайская область и Космодемьянский — Уральская область. Первые два были большевиками, а последний колебался между большевиками и меньшевиками. Кандидатура Захарова, выставленная Оренбургским комитетом РСДРП, не баллотировалась, так как жандармам удалось заключить его в тюрьму. Зато феодально-байской верхушке Казахстана удалось протащить в Думу своих представителей.

Характерно, что в 1906—1907 гг. революционные события в Казахстане не только не ослабевали, но, наоборот, охватывали все более и более широкие слои населения.

В статье «Из прошлого рабочей печати в России» (апрель 1914 г.) В. И. Ленин определяет три периода подъема и сравнительной «свободы» в стране во время первой русской буржуазно-демократической революции: осень 1905 г., весна 1906 г. и весна 1907 г.⁸⁸

⁸⁷ ЦГА КазССР, ф. 76, д. 747, л. 7.

⁸⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 229.

Особенностью же Казахстана является его окраинное положение, вследствие чего волна от удара, нанесенного царизму в центре, дошла сюда несколько позже.

Рабочие Успенского рудника, уволенные за участие в декабрьских забастовках 1905 г., не отказались от борьбы. Они в деревнях вели революционную агитацию среди крестьянства⁸⁹. Акмолинский уездный начальник указывал 20 января 1906 г. полицейскому уряднику 3-го участка: «Иван Прилепский помимо уже того, что является одним из главнейших лиц, принявших участие в подготовке рабочих к забастовке на Успенском заводе, позволил себе еще, проезжая с названного рудника в селение Вишневское и остановившись в Александровском поселке, агитировать между крестьянами этого поселка в революционном и противоправительственном направлении». А в телеграмме помощника акмолинского уездного начальника военному губернатору области сообщается: «Бывший рабочий Успенского рудника крестьянин Тургеневского селения Михайловской волости, Акмолинского уезда Владимир Мартыновский, он же Мартылого, уроженец Одесского уезда, проезжая после забастовки на Успенском руднике через селение Киевское, остановившись там, агитировал в этом селении в революционном направлении, оскорблял государя-императора и проповедовал ниспровержение власти».

В рапорте акмолинского уездного начальника от 5 марта 1906 г. военному губернатору области описывается деятельность того же Мартылого, который «проживал несколько дней в с. Киевском, причем, пользуясь праздничным временем, ходил по селу и дозволил себе агитировать в противоправительственном направлении, проповедуя крестьянам о необходимости свержения существующего ныне государственного строя и об учреждении республики». В этом рапорте говорится и об Иване Прилепском.

Революционную пропаганду в деревнях вели и агитаторы местных социал-демократических групп. В июне 1906 г. петропавловский уездный начальник доносил военному губернатору Акмолинской области о том, что агитатор-крестьянин А. Звездин ходил по деревням, рас-

⁸⁹ ЦГА КазССР, ф. 88, д. 134, л. 8, ф. 64, д. 499, л. 15, 71—76.

пространял революционные прокламации и агитировал против существующего строя⁹⁰.

В Семиречье революционную агитацию в станицах и селениях проводил казак Березовский, подвергшийся репрессиям со стороны царских властей. Березовский читал на собраниях крестьян и городской бедноты революционную литературу, распространял противоправительственные прокламации и был весьма популярной личностью. 21 мая 1907 г. в Верном произошла демонстрация городской бедноты, трудящихся окрестных станиц и селений, требовавших освобождения из-под стражи казака Березовского⁹¹.

Революционную пропаганду не прекращали Челкарская и Казалинская группы РСДРП. Например, в прокламации «К товарищам солдатам», разбросанной в сентябре 1906 г. на железнодорожной станции, Казалинская группа РСДРП, характеризуя невыносимо тяжелое положение рабочих и крестьян, писала: «Товарищи солдаты! Теперь вы узнали, из-за чего ведется эта ужасная борьба. Неужели у вас поднимется рука, чтобы поразить борца за свободу? Ведь вы вышли из нашей семьи. Добиваясь себе свободы, мы добиваемся ее и вам. Неужели вам не надоело носить позорные цепи рабства?»⁹²

В другой прокламации говорилось, что «народ понял коварство царя, он не верит ему, всюду идет глухая борьба с его чиновниками. Но скоро настанет время, когда пламя восстания охватит весь край, раздастся народный боевой клич, тогда мы восстанем, ураганом пронесемся по родной стране, сметем и уничтожим своих врагов, с корнем вырвем самодержавие и их кровью потушим пожар... Долой насилие!»

Казалинская группа РСДРП писала и распространяла прокламации, специально обращенные «К рабочим и служащим Ташкентской железной дороги», где самодержавие характеризуется «как жадный хищник», который вцепился «в народное тело и пьет его кровь. Оно терзает и мучает Россию, — подчеркивается в прокламации, — чаша терпения народного переполняется... поднимается крестьянство. Когда с красным знаменем в руках ринется в последний бой с самодержавием городской рабочий,

⁹⁰ Там же, ф. 369, д. 908, л. 120.

⁹¹ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 108, ч. 8, л. 3.

⁹² ЦГА УзССР, ф. 50, оп. 1, д. 411, лл. 83—91.

мы, железнодорожники, ответим им дружной поддержкой. В нас грозная сила..., но чтобы выступить грозной силой, мы должны сплотиться... Товарищи, готовьтесь к решительным выступлениям! Наши силы нужны, чтобы борьба народа с самодержавием была победоносной!»

В прокламациях казалинских с/демократов говорилось, что царское правительство, опасаясь дальнейшего роста рабочего и аграрного движения в стране и разложения армии, прибегает к гнусным мерам, организует погромы, «армяно-татарскую резню и применяет белый террор... этим оно хочет парализовать революционную силу народа... Дни самодержавного строя сочтены, оно стоит у края могилы». Далее Казалинская группа РСДРП призывала рабочих, крестьян и городскую бедноту «к организованности, бдительности и сплочению вокруг социал-демократической партии», которая является выразительницей интересов всего народа, «разрушит современный строй и на развалинах старого создаст новое, лучшее, светлое, которое будет называться демократической республикой. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»

Эта группа имела связь с ЦК РСДРП, нередко получала революционную партийную литературу из Санкт-Петербурга. Так, 30 января 1907 г. департамент полиции поставил в известность сир-дарьинского военного губернатора о том, что «Центральный Комитет социал-демократической партии пересылает в город Казалинск революционную литературу»⁹³.

Организованный в дни Всероссийской октябрьской политической стачки «Казалинский районный комитет Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза» в период отступления революции также развернул революционную работу среди рабочих и служащих Оренбургско-Ташкентской железной дороги в тесном контакте и связи с Казалинской группой РСДРП. Судя по материалам царских следственных органов, этот комитет имел целью «ниспровергнуть путем единовременного прекращения движения поездов и работ на всех железных дорогах, а в случае надобности и путем вооруженного восстания существующий в государстве общест-

⁹³ Там же. См.: ф. 10, д. 1538, л. 141; ф. 50, оп. 1, д. 411, лл. 83—91.

венный строй с тем, чтобы заменить таковой новым на началах, проповедуемых социал-демократической рабочей партией», — писал следователь Ташкентского окружного суда.

Факт существования в маленьком степном городишке Казалы социал-демократической группы, поддерживавшей связь с ЦК и способной выпускать и распространять среди железнодорожных рабочих и населения уезда прокламации и листовки, сам по себе свидетельствует о том, что в период первой русской революции социал-демократическое движение охватило почти всю страну, в том числе ее отсталые национальные восточные окраины.

По всем данным видно, что Казалинская группа РСДРП в основном состояла из железнодорожных рабочих, а ее организаторами были лица, приехавшие сюда из пролетарских центров страны.

Прокламации Казалинской группы составлены в духе лозунгов большевиков периода первой русской революции.

Десятки прокламаций и листовок издавала и распространяла среди населения массовым тиражом Семипалатинская группа РСДРП. В одной из ее прокламаций (январь 1906 г.) разоблачалось палачество царского правительства, которое «в своих предсмертных судорогах залило кровью Россию, ограбило жителей... Вся Россия отдана на произвол военной силы: повсюду полевые суды, повсюду расстрел». Прокламация призывает трудящихся сплотиться вокруг РСДРП, партии рабочего класса, поднять «красное знамя восстания, знамя великой революции» и идти «на защиту прав человека и гражданина». «Ножки подгнившего трона шатаются во все стороны, — писала она, — и еще один мощный удар, и самодержавный строй рухнет, падет произвол!» Семипалатинские социал-демократы призывали к борьбе за смену самодержавного строя демократической республикой, созыв Учредительного собрания и выборы временного революционного правительства на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования⁹⁴.

В ходе революционной борьбы ряды Семипалатинской группы РСДРП пополнились за счет массового вступления рабочих, «способных к партийной работе, и таких,

⁹⁴ ГАОО, ф. 270. оп. 1, л. 169. л. 9.

которые могут разбираться в партийных лозунгах (кстати сказать, большев. фракций), насчитывалось около 600 человек»⁹⁵.

Семипалатинские с/демократы проводили митинги и демонстрации трудящихся. 29 августа 1906 г. на одном из митингов была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, семипалатинские граждане, собравшись на митинге и примыкая к РСДРП, стремимся к низвержению современного самодержавного строя и требуем замены демократической республикой. Долой самодержавие! Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП!»⁹⁶

Этот документ убедительно показывает, насколько выросло в период революции могучее влияние РСДРП среди угнетенной массы населения отдаленной колониальной окраины царской империи.

В деревнях Кокчетавского уезда вели революционную агитацию и распространяли прокламации РСДРП крестьяне, только что переселившиеся из Центральной России, а также рабочие предприятий Кокчетав и Петропавловска.

Помощник начальника омского жандармского полицейского управления доносил из Петропавловска в 1907 г. своему начальнику, что в Кокчетавском уезде агитаторы из крестьян-переселенцев рассказывают крестьянам-старожилам об аграрном движении в Центральной России, о захвате крестьянами помещичьих имений и что эти рассказы оказывают сильное революционизирующее влияние на старожилов. «Однако кроме этих агитаторов-переселенцев большое дело сделали противоправительственные воззвания, — писал он, — фабриковавшиеся гектографическим способом в с. Кривозерном и в большом количестве распространявшиеся по Кокчетавскому уезду, а также и брошюры противоправительственного содержания, рассылаемые комитетами социал-демократической рабочей партии». Полицейский чиновник замечал, что революционные идеи уже пустили «достаточно глубокие корни и в Кокчетавском уезде». Он сообщал, что в деревнях этого уезда задержано несколько лиц, зараженных идеями социализма и «действующих на крестьян в неже-

⁹⁵ «Степной пионер», 1906, 13 октября.

⁹⁶ ГАОО, ф. 270, оп. 1, л. 169, л. 514.

лательном направлении» и конкретно назвал Н. А. Жаркова — механика спичечной фабрики Харламова, расположенной недалеко от с. Кривозерного, помощника заведующего сельскохозяйственным складом земледельческих орудий переселенческого управления в с. Кривозерном Д. А. Романенко и др.⁹⁷

О влиянии аграрных событий в Европейской России на местное крестьянство сообщал 5 марта 1906 г. военному губернатору области акмолинский уездный начальник. Он писал, что «кроме того неудовольствия и брожения, которые существовали среди местных крестьян и мещан, часто на аграрной и экономической почве... появляются еще и новые, имеющие тесную связь с крестьянским движением Европейской России, где крестьяне во многих местностях поголовно отказываются от уплаты податей и сборов».

В декабре 1906 г. староста с. Воскресенского Кокчетавского уезда несколько раз находил и передавал полицейскому уряднику прокламации РСДРП⁹⁸.

Налоги и недоимки отказывались платить крестьяне Петропавловского, Акмолинского и Кокчетавского уездов Акмолинской области, Кустанайского, Иргизского и Актюбинского уездов Тургайской области, Уральского и Темирского уездов Уральской области, Верненского и Копальского уездов Семиреченской области, Усть-Каменогорского, Семипалатинского и Павлодарского уездов Семипалатинской области и др. Крестьяне избивали сельских старост, волостных управителей, громя нередко их канцелярии.

Так, в 1907 г. крестьяне с. Васильевского Каменской волости Кокчетавского уезда отказались погасить недоимки. Они осадили канцелярию волостного управителя и сельского старосты. На помощь последним из Кокчетавы приехали полицейские, арестовавшие инициаторов волнения. Тогда толпа крестьян ринулась на полицейских, освободила арестованных и «категорически заявила, что отправить их они не дадут, а также недоимку платить не будут»⁹⁹. Крестьяне требовали ссуды и материалов для жилых и хозяйственных строений, раздавались

⁹⁷ ЦГА КазССР, ф. 64, д. 544, лл. 35—39; д. 499, лл. 71—76.

⁹⁸ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 213, л. 169.

⁹⁹ ЦГА КазССР. См.: ф. 64, д. 642, лл. 3—4; ф. 427, д. 120, лл. 70, 71—75.

голоса о предоставлении свободы, народного управления и т. п.

Аульная беднота также вела революционную борьбу против реакционной политики царизма. В некоторых местах она мешала деятельности топографов и производителей работ переселенческих управлений, выгоняя их из степи. Так, топограф Урало-Тургайского переселенческого района Маляничков, работавший в ауле, 13 мая 1906 г. доносил, что казахская беднота не дает ему производить работу, не представляет подвод и кибиток, не разрешает находиться в ауле. Топограф Пославский, работавший в ауле № 3 Илецкой волости, 25 мая 1906 г. телеграфировал военному губернатору Тургайской области: «Громадная толпа киргиз насильно разобрала мою кибитку, прогнала рабочих... лишила возможности продолжать работы. «Топограф, производивший работы в ауле № 8, второй Буртинской волости Актюбинского уезда прислал заведующему переселенческим участком акт, составленный им 9 июля 1906 г., в котором читаем: «Киргизы 8-го аула 2-й Бутинской волости продолжают снимать межевые знаки... Работы продолжать невозможно».

И в начале 1907 г. казахские шаруа аулов № 1, 3, 4 и 7 Хобдинской волости Актюбинского уезда продолжали препятствовать работе переселенческих партий, заявляя: «Теперь не дремать, а будем защищать себя». 8 февраля Столыпин специальной телеграммой военному губернатору Тургайской области угрожал жителям указанных аулов, что «всякое их сопротивление работам переселенческих партий будет подавляемо военной силой, а виновные будут подвергаться наказанию по всей строгости законов»¹⁰⁰. Далее он предложил губернатору усилить военно-полицейский режим в области.

Ввиду все возрастающего сопротивления казахского населения реакционной политике царизма¹⁰¹ управляющий Урало-Тургайским переселенческим районом князь Васильчиков настаивал перед военным губернатором Тургайской области на принятии решительных мер, вплоть до применения силы, ибо «всякие колебания... особенно при первых опытах самовольных действий киргиз, считаю чрезвычайно опасным для будущего».

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1906, л. 117, 144.

¹⁰¹ ЦГА КазССР. См.: ф. 25, д. 3316, л. 27; ф. 421, д. 59, л. 2.

Аульная беднота, протестуя против налогового гнета царизма, нередко выгоняла и избивала представителей царской власти. Так, 21 июня 1907 г. жители аула № 1 Чингильчийской волости Иргизского уезда Тургайской области сильно избили аульного старшину Н. Тайгарина, собиравшего с населения непосильные налоги и повинности. В акте, составленном самим Тайгариным, говорится, что аульная беднота категорически отказалась подчиняться, «не принимая меня за должностное лицо, начали всячески ругать, наносить мне побои; стащили с лошади, сорвали с моей груди приколотый должностной знак, а потом вырвали из моих рук сумку, в которой были дела и бумаги, и изорвали их. Кроме того, находившаяся в ауле киргизка Канбиби, по мужу Мендыгарина, в свою очередь всячески ругала меня, а потом принесла нож, которым угрожала меня лишить жизни». Такие выступления казахских крестьян против аульно-волостной администрации, выражавшей интересы феодально-байской верхушки, происходили почти повсеместно в крае.

Бедняки выступали также против крупных баев-скотовладельцев, узурпировавших общинные земли. Летом 1906 г. происходило сильное волнение среди казахского и уйгурского населения Джаркентского уезда Семиреченской области. Трудящиеся требовали от местных властей обеспечения их пахотной и пастбищной землей. Они выступали против крупного уйгурского полуфеодала В. Юлдашева, требуя изъятия части его земли и раздачи ее безземельным и малоземельным уйгурским крестьянам.

Все же необходимо отметить, что крестьянское движение в Казахстане на всех этапах первой русской революции оставалось разрозненным, неорганизованным. Проснувшись от векового сна, крестьянская масса лишь вступила на путь революционной борьбы против царизма и баев-феодалов.

В течение 1906—1907 гг. развернулись революционные выступления трудящихся масс городов и промышленных предприятий края.

4 июня 1906 г. в Семипалатинске происходила забастовка рабочих шерстомоек, принадлежавших фабрикантам Асееву, Колмакову и Злоказову. Около 300 рабочих, абсолютное большинство которых составляла

аульная беднота, на время пришедшая в город на заработки, собрались в народном доме и отправились снимать своих товарищей — мойщиков с работы.

Мойщики выставили следующие требования: десятичасовой рабочий день для взрослых и восьмичасовой — для детей; увеличение жалованья мужчинам до 70 коп., женщинам — до 50 коп., а детям — до 25 коп.; ежегодно командировать выборного из артели за покупкой продуктов с сохранением установленной заработной платы; оказание рабочим бесплатной медицинской помощи и выплата зарплаты рабочему за первые три дня болезни, вежливое обращение администрации с рабочими и прекращение непозволительного отношения к женщинам со стороны нарядчиков; не увольнять рабочих за забастовку и не лишать их зарплаты в забастовочные дни; обеспечить рабочих бесплатной переправой с правого берега Иртыша на левый берег¹⁰².

Конечно, в силу своей отсталости рабочие шерстмоек ограничились лишь экономическими требованиями, но и такие забастовки открывали рабочим глаза и проясняли ум борющихся масс.

В середине июня 1906 г. проходила забастовка рабочих оренбургской городской бойни, требовавших улучшения их экономического и бытового положения. Забастовка кончилась победой рабочих¹⁰³. Такие же требования предъявили и рабочие главных мастерских Оренбургско-Ташкентской железной дороги.

Рабочие обойных мастерских фабрикантов Жорова, Клеймина и Эхта выступали за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и улучшение материального положения. Требования разрабатывались и обсуждались на многолюдных собраниях рабочих.

С 3 по 6 июля проходила забастовка рабочих всех предприятий г. Семипалатинска. Поводом к ней послужило невыполнение обещания администрации одной из пристаней Иртышского пароходства о повышении поденного заработка рабочих. Забастовали речники Иртышского пароходства. К ним присоединились рабочие других предприятий города, а также плотники, маляры, штукатуры, чернорабочие.

¹⁰² «Семипалатинский листок», 1906, № 35.

¹⁰³ «Степь», 1906, № 38, 41, 85.

Корреспондент газеты «Семипалатинский листок» писал: «Обращая взоры к стоявшей в стороне с женами и детьми большой группе киргизских рабочих, выступавший оратор воскликнул с трибуны: «Посмотрите теперь, как живут наши товарищи с мойки... Рабочий день у них начинается с 3-х часов утра и продолжается с небольшим перерывом до... 9 часов вечера! За этот каторжный труд они получают: мужчины не больше 40 коп., а женщины 25—30 коп., дети 15 коп. в сутки. Живут они в бараках и спят вповалку на нарах»¹⁰⁴.

На собрании обсуждался вопрос об организации профессионального союза. Ораторы призывали всех рабочих вступить в профессиональный союз, чтобы иметь легальную возможность для защиты своих интересов.

Пришли на собрание и подрядчики. Рабочие потребовали от них покинуть зал: «Господа подрядчики, здесь вам не место!... Мы пришли сюда защищать наши, а не ваши интересы. Вам не место здесь!»¹⁰⁵ — заявили выступавшие рабочие.

Казахские и татарские рабочие также говорили о своих нуждах и требованиях.

Движение охватило рабочих и мелких служащих разных профессий: портных, фотографов, парикмахеров, приказчиков, рабочих типографии, строительных рабочих, чернорабочих, мелких кустарей, мясников и др. 27 августа в Оренбурге состоялся митинг мясорубов и мелких мясоторговцев-мусульман, на котором участвовало 50 человек. Один из ораторов, охарактеризовав переживаемую страной эпоху революционной бури, призвал участников вступить в ряды революционной партии пролетариата и объединиться в профессиональный союз¹⁰⁶. В этот же день в Уральске состоялся многолюдный митинг трудящихся, посвященный организации профсоюзов. В 1906 г. во всех городах Казахстана развернулось движение за организацию профсоюзов, призванных защищать интересы трудящихся масс.

В начале 1907 г. в Семипалатинске выходила газета «Трудовая жизнь» — орган профсоюзов. На ее страницах постоянно описывалось тяжелое положение рабочих и

¹⁰⁴ «Семипалатинский листок», 1906, № 36.

¹⁰⁵ «Трудовая жизнь», 1907, № 1.

¹⁰⁶ «Степь», 1906, № 95. 96.

всех трудящихся области. Редакционная статья, помещенная в первом номере, говорила о целях и ближайших задачах газеты о том, что «она прежде всего будет выяснять положение и отстаивать интересы трудящегося народа. Кроме статей общего характера, в котором будет описываться рабочее движение как в России, так и за границей, ближайшее свое внимание редакция обратит на выяснение быта семипалатинских рабочих и приказчиков, их нужды всегда найдут горячий отклик в газете, защита их прав всегда будет первой целью «Трудовой жизни». Придавая громадное значение профессиональным союзам, редакция будет давать подробные отчеты о деятельности семипалатинских приказчицкого и рабочего союзов. Редакции хотелось бы, чтобы «Трудовая жизнь» стала официальным органом этих союзов»¹⁰⁷.

В этой статье подчеркивалось, что газета «будет оценивать все общественные явления с классовой, пролетарской точки зрения».

На территории Казахстана, в аулах, распространялась социал-демократическая газета «Урал», выходившая в 1907 г. в Оренбурге на татарском языке и издававшаяся в соответствии с решением III съезда РСДРП. Газета, разоблачая реакционную сущность самодержавия и эксплуататорских классов, призывала национальных рабочих и крестьян к революционной освободительной борьбе, проповедовала идею дружбы народов. На ее страницах был опубликован перевод «Интернационала». Газета завоевала популярность среди татар, башкир, казахов, узбеков и других тюркоязычных народов. Ее редактор Хусаин Ямашев проявлял энергичную деятельность в пропаганде идей народной революции среди коренного населения Казахстана и национальных меньшинств Урала и Поволжья. Он умер в 1912 г.; большевистские газеты «Звезда» и «Невская звезда» посвятили тогда Хусайну Ямашеву некрологи, в которых подчеркивались его большие заслуги перед РСДРП в период первой русской революции.

В некрологе, помещенном в большевистской газете «Невская звезда»¹⁰⁸, говорилось, что «в 1905 г. Хусаин Ямашев открыто явился на передовые позиции татарской

¹⁰⁷ «Трудовая жизнь», 1907, 25 марта.

¹⁰⁸ «Невская звезда», 1912, 3 июня.

социал-демократической молодежи. Деятельный и подвижный, он работал не только по организации, но участвовал в социалистических газетах, появившихся тогда в Оренбурге, где он издавал популярную социал-демократическую газету «Урал» на татарском языке. Эта газета вышла только в количестве 50 номеров, так как ее закрыли».

В 1906—1907 гг. по всей стране революционное движение в армии было на подъеме. По официальным данным, за период с января по сентябрь 1906 г., в армии и флоте произошло 21 восстание, охватившее около 30 000 солдат и матросов, было отмечено также 230 случаев крупных и мелких революционных выступлений, в которых приняло участие около 124 000 человек¹⁰⁹. Росло количество воинских «преступлений». В 1905 г. их насчитывалось 15 786, в 1906 г. — 23 814, а в 1907 г. — 26 066.

Волнения охватили не только армию и флот, но и казаков. Например, 19 января 1906 г. вновь происходило волнение в Жаркентском гарнизоне. Солдаты и казаки предъявили начальнику гарнизона требования из 23 пунктов. Они требовали, чтобы довольствием распоряжались сами же солдаты, требовали бесплатных школ для обучения солдат и казаков грамоте, открыть доступ к учебе «всем желающим, даже не принадлежащим к гарнизону»; «для всех нижних чинов и их семейств гарнизона должен быть устроен, на средства частей войск, клуб с чайной и библиотекой, куда вход должен быть без военной формы»; в клубе допускать устраивать спектакли и чтение лекций; офицерам разговаривать с солдатами на службе «ты», а вне службы — «вы», разбирать провинности солдат в общегарнизонном суде¹¹⁰ и т. д.

В начале 1906 г. отставные солдаты, отправлявшиеся домой, открыто выступили в Акмолинске против местных властей и отказались повиноваться командованию гарнизона. Они повели революционную агитацию среди городской бедноты и крестьянства, распространяя социал-демократические прокламации и листовки.

3 июля 1906 г. в знак протеста против военно-полицейского произвола совместно выступали солдаты и

¹⁰⁹ М. Ахун и А. Маковский. Военная работа большевиков в 1905—1907 гг. Л., 1941, стр. 126.

¹¹⁰ ЦГА КазССР, ф. 76, оп. 1, д. 719, л. 65.

рабочие в центре Сыр-Дарьинской области и всего Туркестанского края — Ташкенте¹¹¹.

В мае 1907 г. происходили волнения в 5-м Западно-Сибирском стрелковом батальоне в г. Верном. Демонстрации и митинги происходили почти во всех уездах областей Казахстана, где плечом к плечу шли рабочие, крестьяне и другие трудовые слои населения. Такие митинги и забастовки происходили, например, в начале февраля на мельнице Ядрышникова, находящейся в 16 верстах от Семипалатинска. Между бастующими русскими и казахами «была самая тесная солидарность». Бастовавшие требовали увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня, улучшения квартирных условий, оказания бесплатной медицинской помощи и т. д. Вначале все требования были отвергнуты управляющим мельницей, который старался «уладить конфликт с рабочими без всяких уступок». Однако рабочие упорствовали и добились победы. Все их требования были удовлетворены¹¹².

В Актюбинске, возле дома некоего Ф. Забирова, в воскресенье 11 марта, в 5 часов, был назначен митинг рабочих, городской бедноты и крестьян-переселенцев окрестных деревень, на котором предполагалось заслушать сообщение о политическом положении в стране. За три часа до открытия организаторы были вызваны в уездное управление и строго предупреждены о его запрещении.

Когда народ стал стекаться к назначенному месту, оно было оцеплено полицией. Собралась многолюдная толпа. Приехал уездный начальник и приказал разойтись по домам. Народ не подчинился. Тогда была вызвана местная воинская команда. Когда команда прибыла, народ устремился к солдатам, говоря. «подходите ближе к нашим братьям и детям, они не будут стрелять в своих отцов и матерей»¹¹³. Раздалась команда воинского начальника, солдаты выстроились во всю ширину улицы и с барабанным боем двинулись вперед, разделив собравшийся народ на четыре стороны ближайшего перекрест-

¹¹¹ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 1817, ч. 79, лл. 1—2.

¹¹² «Трудовая жизнь», 1907, № 1.

¹¹³ «Оренбургский край», 1907, 21 марта, № 63.

ка. Произошло смятение. Тем временем полиция задержала четырех организаторов митинга.

Солдаты в сомкнутом строю, конвоируя арестованных, отправились в казармы. Ушел и уездный начальник. Но народ не разошелся. Люди недоумевали, за что арестовано четверо граждан, почему запрещен митинг? Приводились примеры из жизни рабочих и крестьян Центральной России, вспоминали о кровавом воскресеньи 9 Января. Раздался призыв идти к мешанской управе и немедленно составить народный приговор об устранении от должности уездного начальника. Это предложение было одобрено всеми. Но тут же добавили требование освободить арестованных, так как каждый участник митинга несет с ними равную ответственность. Народ направился к уездному управлению с твердым намерением освободить арестованных или остаться вместе с ними. Боясь народной кары, уездный начальник скрылся. Депутация от народа пришла к нему на квартиру. Местная власть опять вызвала воинскую команду. Народ решил спокойно встретить солдат и добиться своего.

Стихийно возник митинг. Кто-то выступил с обращением к солдатам: «Братья солдаты, вы не должны в нас стрелять, наше дело общее; многие из вас скоро снимут мундир и перейдут в наши ряды, ряды страждущих братьев. Царящий в России произвол и насилие принудят вас также встать за свои попранные права. В ответ на ваше требование вам поставят эти же штыки...».

Воинский начальник вынужден был принять требование народных масс и освободить из-под стражи арестованных. Депутация с пением «Марсельезы» вместе с солдатами направилась к гауптвахте за своими товарищами.

Демонстрация продолжалась. С революционными песнями демонстранты шли по улицам города, останавливались в нескольких местах; стихийно возникали митинги, произносились революционные речи.

Демонстрации и митинги трудящихся состоялись во многих уездах Казахстана в связи с проходами в Петербург депутатов II Государственной думы.

В Кустанае 14 февраля вечером в Народном доме происходило собрание, созванное по инициативе местной социал-демократической группы, на котором присутство-

вало свыше 200 человек, многие из них пришли из окрестных деревень. В полицейско-жандармских донесениях речи ораторов, выступавших на этом собрании, характеризовались «как и всегда на подобных собраниях... левого направления, с порицаниями действий правительства». На собрании было решено на следующий день, т. е. 15 февраля, устроить демонстрацию. Членам местной социал-демократической группы было поручено оповестить народ. Участники собрания, «выйдя из Народного дома, отправились по улицам города, распевая революционные песни».

На следующий день к 9 часам утра народ переполнил Народный дом. У крыльца здания «также была толпа людей, и вдруг, совершенно неожиданно, в руках шестерых молодых людей (по-видимому, школьников) появились красные флаги». На них были написаны лозунги буржуазно-демократической революции: «Долой тиранов!», «Да здравствует свобода!», «8-часовой рабочий день»¹¹⁴ и т. д. Число демонстрантов доходило до 1000 человек. В демонстрации приняли участие крестьяне окрестных сел и деревень. С пением революционных песен, с красными знаменами демонстранты, проводив за город отъезжавшего в Петербург И. Голованова, возвратились к Народному дому. Полицейские окружили их и пытались отобрать красные флаги. Произошла стычка. Флаги полицейским не достались. Волнение продолжалось еще несколько дней. Организаторы события — члены местной социал-демократической группы подвергались преследованиям полиции.

Большая демонстрация состоялась 10 апреля в г. Верном. В ней участвовало все трудовое и демократически настроенное население города: рабочие, ремесленники, учителя, учащая молодежь, мелкие служащие, а также приехавшие на базар крестьяне из аулов, сел и деревень. В одной шеренге шли русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи, казахи, уйгуры, дунгане, татары и узбеки. На площади у часовни состоялся митинг. Выступали ораторы. Большую симпатию демонстрантов завоевали выступавшие социал-демократы. Они рассказали собравшемуся народу о ходе революционных событий в стране, охарактеризовали бесправное положение

¹¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 4, лл. 4, 5, 6.

ние эксплуатируемого большинства, разъясняли неизбежность гибели самодержавного строя и замены его демократической народной республикой, избираемой на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования, и т. д. Затем демонстранты по центральным улицам города дошли до Ташкентской аллеи и вышли за город. Демонстрация продолжалась целый день. Она подробно описана в донесениях местных царских властей:

В представлении товарища (заместителя. — Б. С.) прокурора 3-го участка Верненского окружного суда от 1 мая 1907 г. прокурору того же суда говорилось, что многочисленная толпа народа в количестве до 3—4 тысяч человек с красными флагами в руках и пением революционных песен шла по улицам города. В городе демонстрантов «встретил полицмейстер и предложил им убрать красные флаги и прекратить пение, на это демонстранты ответили, что полиция вмешивается не в свое дело, долой полицию... толпа спела «Марсельезу» и разошлась»¹¹⁵.

Поздней весной 1907 г. революция продолжала отступать с боями. Рабочий класс вел героическую борьбу против царизма. Революционная волна охватывала все более широкие слои сельского населения. Крестьяне все больше убеждались в том, что пока существует самодержавный строй, им помещичьей земли не получить.

Выражая волю рабочего класса и трудового крестьянства, большевистская партия возглавляла и направляла народную революцию, развертывала революционную работу среди борющегося народа.

После поражения декабрьского вооруженного восстания царизм, отобилизовав силы контрреволюции, перешел в наступление. Царские каратели свирепствовали по всей стране. Царизм прибегал и к различным ухищрениям. Он созвал Государственную думу, чтобы, играя роль послушного органа, она помогла бы царизму расстроить ряды борющегося народа.

Известно, что большевики участвовали во II Государственной думе не для «законодательной» работы в содружестве с кадетами, а чтобы использовать трибуну Думы в интересах революции.

¹¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 44, д. 348, л. 22.

Меньшевистский ЦК, наоборот, призывал войти в блок с кадетами. Большинство партийных организаций осудило политику меньшевистского ЦК.

На повестку дня встал вопрос о созыве нового съезда партии. На этом V (Лондонском) съезде (13 мая — 1 июня 1907 г.) большевики имели абсолютное большинство. После съезда революционная работа большевиков активизировалась.

Социал-демократическая фракция II Государственной думы шла наперекор политике правительства. Распустив первую Думу, царское правительство, как известно, рассчитывало на «консервативность» крестьянства и надеялось, что депутаты из крестьян в Думе будут опорой самодержавия. Большинство же крестьянских депутатов выступило с требованием «земли и воли», и царское правительство получило повод для роспуска этой «непослушной» Думы. Вот почему социал-демократической фракции Думы было предъявлено обвинение в подготовке заговора, «в связях ее с какой-то военной организацией». Одновременно царское правительство дало предписание об усилении репрессий по отношению к профсоюзам и другим обществам рабочих и крестьян, об усилении деятельности военно-полевых судов.

1 июня правительство предъявило II Государственной думе требование об исключении социал-демократических депутатов из состава Думы и о выдаче их правительству для привлечения к судебной ответственности. Государственная дума несколько затянула решение вопроса. Воспользовавшись этим, в ночь на 3 июня 1907 г. царское правительство арестовало всех членов социал-демократической фракции Думы, а утром объявило указ о ее роспуске и затем издало новый избирательный закон, по которому представительство помещиков и торгово-промышленной буржуазии в Думе значительно увеличилось за счет сокращения числа депутатов от рабочих и крестьян, а подвластные Российской империи угнетенные народы совсем лишились представительства в новой Думе. Начался свирепый разгул реакции по всей стране.

В уездах Казахстана происходили демонстрации и митинги протеста против нового акта царского произвола. Так, по инициативе местных социал-демократов 3 июня 1907 г., после получения известия о роспуске II

Государственной думы и аресте ее социал-демократической фракции, трудящиеся Актюбинска устроили крупную демонстрацию, во время которой ораторы открыто клеймили позором реакционную политику царизма¹¹⁶.

События начались в 6 часов вечера. Зазвонили колокола миссионерской церкви. На площади у мещанской управы собралась многочисленная толпа рабочих и крестьян. Толпа окружила уездного начальника и полицейских чиновников. Начались выступления ораторов. «Довольно крови, долой кроважидное правительство, — призывали они, — долой самодержавие; долой солдатчину, образуем свое новое правительство». Слова эти покрывались громогласным «ура».

Около взвода солдат (42 человека) под командой капитана Швачкина окружило демонстрантов. Уездный начальник приказал ему арестовать инициаторов событий — трех человек, но народ их не выдал. Тогда в ход было пущено оружие.

В своем рапорте Швачкин так описывал это происшествие: «Толпа, хотя вначале и быстро отступила, но затем вновь остановилась и со стороны толпы послышались револьверные (по всей вероятности, вверх) выстрелы, женщины начали бросать в нижних чинов камнями, тогда я приказал 1-му взводу открыть огонь, но только вверх, а другому взводу начать действовать прикладами... сколько же ушиблено прикладами, неизвестно. Из числа низших чинов получили незначительные ушибы четыре человека».

Это событие вызвало тревогу местной администрации, которая немедленно сообщила о нем правительству. 4 июня военный губернатор Тургайской области телеграфировал в департамент полиции в Петербург: «... В городе Актюбинске вследствие роспуска Думы толпа более трехсот человек произвела беспорядки, призывалось ниспровергнуть самодержавие, открыть распорядительный комитет для низложения власти, были учинены насилия над чинами полиции, порядок восстановлен воинской силой».

Местная социал-демократическая группа выпустила прокламации, осуждающие политику царского правительства, распустившего Думу и арестовавшего ее со-

¹¹⁶ Там же, ф. 25, д. 3, лл. 5, 9, 10.

циал-демократическую фракцию. Прокламации разбрасывались в разных частях города и распространялись в деревнях среди крестьян. Местные власти, конфисковавшие их, доложили высшему начальству, что в них население призывается к «вооруженному восстанию». Они просили военного губернатора области немедленно прислать в Актюбинск подкрепление сотней или полусотней казаков. Из Оренбурга прибыла воинская команда. 5 июля в своем рапорте военному губернатору области актюбинский воинский начальник так описывал положение в городе: «Мясники не желают отпускать мяса и сала, торговли — молока, большинство как-то недружелюбно смотрят на солдат, а о деповских и говорить уже нечего... В общем, состояние жителей возбужденное, административных и деповских — революционное... идут упорные слухи, что вскоре ожидаются в городе Актюбинске вооруженные дружины».

Это событие показывает, как день за днем народные массы отсталой окраины приобретают опыт борьбы с царизмом.

Демонстрации и митинги трудящихся происходили 10 июня по инициативе местной социал-демократической группы в Кустанае, на которых открыто выражались протесты против ареста социал-демократической фракции Государственной думы. В тот же день от имени 338 избирателей Кустанайского уезда была послана телеграмма министру внутренних дел с требованием освободить из-под стражи социал-демократических депутатов Думы. В телеграмме говорилось: «Волнения и народное движение тогда только прекратятся, когда будет созвана не сословная, а полноправная Дума, избранная путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голоса, когда государь император... даст полную амнистию всем гражданам, пострадавшим в борьбе за правду, и отменит новый избирательный закон»¹¹⁷.

Министр внутренних дел предписал военному губернатору Тургайской области беспощадно карать инициаторов движения.

Демократического направления газета «Степная жизнь», выходившая в Петропавловске, в июне 1907 г. поместила статью под названием «Петропавловск, 6-го

¹¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 25, д. 2776, лл. 6—8.

июня». В ней клеймились позором действия царского правительства, арестовавшего лучших избранников народа — социал-демократических депутатов. «Одна из самых сильных по своей численности, организованности и влиянию фракция устраняется от законодательной работы, — говорится в статье, — вопреки желанию населения, пославшего ее в Думу... И мы думаем, что не ошибемся, если предположим, что чувство негодования, ненависти проявилось у каждого гражданина, ценящего свободу и счастье народа»¹¹⁸. Эта статья, очевидно, принадлежала перу одного из членов Петропавловской группы РСДРП. Она написана в большевистском духе и действительно выражает чувства «каждого гражданина, ценящего свободу».

Неослабная революционная борьба трудящихся масс колониального Казахстана привлекла внимание царского правительства¹¹⁹. Палач Столыпин телеграфировал генерал-губернатору Степного края: «Получены сведения... рабочие Сибирской железной дороги ведут усиленную агитацию за устройство новой забастовки. Агитация производится большей частью вне района дороги, в загородных местностях, изредка по ночам в мастерских... Примите все меры к недопущению забастовки; в случае возникновения таковой — восстановите порядок силой». А генерал Редигер из ставки сообщил степному генерал-губернатору Надарову: «Государю императору угодно, чтобы вы решительными мерами прекратили в скорейшем времени стачку на железной дороге!»

Реакция стала свирепствовать во всех уголках края. Широким репрессиям подвергались все активные участники революционного движения. Сотни рабочих и крестьян заключались в тюрьмы, высылались из пределов края.

Царское правительство установило в Казахстане, как и в остальных частях империи, жесточайший военно-полицейский режим. Территория края была разделена на два района охранных отделений — Сибирский и Туркестанский. Повсеместно увеличивался штат полицейских учреждений и создавались новые и новые жандармско-полицейские отряды.

¹¹⁸ «Степная жизнь», 1907, № 3.

¹¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 369, д. 902, л. 6; ф. 64, д. 588, л. 3.

Итак, революция потерпела поражение, но царским опричникам все же не удалось сломить революционный дух народов.

Первая русская революция была общероссийской революцией. В ней принимали участие рабочие и крестьяне всех национальностей страны.

Гегемоном революции как в центральной части страны, так и на ее национальных окраинах, в том числе в Казахстане, был русский рабочий класс, в единой семье которого находился и национальный пролетариат.

Революционная борьба в Казахстане, как и во всей стране, происходила под руководством большевиков во главе с великим Лениным. Партия большевиков разработала стратегию и тактику пролетариата в революции, разоблачая политику меньшевиков и других партий, державших курс на свертывание революции. Партия большевиков взяла курс на развертывание народной революции, на гегемонию в ней пролетариата, на союз рабочего класса и крестьянства. Местные группы и организации РСДРП сыграли значительную роль в руководстве революционным движением народных масс.

Аграрно-революционная борьба угнетенных народов России, в том числе казахских шаруа, явилась составной частью буржуазно-демократической революции в стране. В ходе революционных событий росла политическая и революционная активность борющихся масс, укреплялась интернациональная солидарность, прочно складывалось боевое содружество рабочих и крестьян всех угнетенных царизмом народов, возглавляемых российским рабочим классом и его партией большевиков.

Первая русская революция явилась прологом того соединения пролетарской революции с национально-освободительной борьбой, которое совершилось в стране в октябре 1917 г. «Борьба загорелась уже, — писал Ленин в августе 1905 г. — Борьба идет не на жизнь, а на смерть, — борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой, народной Россией. Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать еще и еще борьбу за полное освобождение человечества от всякого гнета и всякой эксплуатации»¹²⁰.

¹²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 181.

Грандиозная революционная борьба народов России в 1905—1907 гг. под руководством Коммунистической партии явилась замечательным подтверждением гениального предвидения великого Ленина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX в. завершилось присоединение Казахстана к России, объективно явившееся прогрессивным историческим актом. Казахстан приобщился к передовой экономике и культуре России, русского народа. Завершение этого акта произошло после отмены крепостного права в России, когда в стране стал развиваться капитализм, разворачивалось революционно-освободительное движение. Казахский народ, как и все остальные народы национальных окраин России, приобщился к политической жизни страны, к революционно-освободительной борьбе великого русского народа, под его руководством выступил против самодержавно-крепостнического и капиталистического строя, против феодально-родовых порядков.

Царизм провел в Казахстане целый ряд мероприятий, направленных на порабощение казахского народа. В 1867—1868, 1886 и 1891 гг. была проведена административно-колониальная реформа, которая охватила такие решающие области народной жизни края, как административное устройство, судебное устройство, вопросы землевладения и землепользования, народного образования, налоговой политики и т. д. Реформа отвечала интересам крепостников помещиков и растущей русской буржуазии. Казахстан окончательно превратился в колонию, в рынок сбыта и источник сырья для метрополии.

Царизм ввел в крае военно-оккупационную, чиновничье-бюрократическую систему управления. Бесконтрольные действия царских колонизаторов против трудового народа соответствовали экспансионистской политике самодержавия.

Реформа содержала тщательно продуманную программу укрепления органов колониальной власти. Она вводила в систему управления так называемую «туземную» аульно-волостную администрацию, а в систему царского суда — «народный» суд биев. Эта реформа,

подготовленная сверху, без участия самого казахского народа, всячески укрепляла социальную опору царизма в ауле — байство, способствовала более широкому применению всех форм экономической и внеэкономической эксплуатации народных масс, максимально используя в этих же целях родовые средневековые институты. Реформа была направлена на грабеж земель казахских шаруа.

Наряду с этим, независимо от реакционной политики царизма, под влиянием передовой российской экономики после реформы 1867 и 1868 гг. социально-экономическое и общественно-политическое развитие аула шло вперед по пути дальнейшего проникновения и развития капиталистических отношений, разложения феодально-родовых порядков.

Реформа 1867—1868 гг. дала толчок территориально-хозяйственному переустройству аула, переходу казахов к оседлости, сокращению летних кочевков, развитию земледелия и заготовки кормов для скота.

Тяга казахских шаруа к оседлости явилась прогрессивным следствием присоединения Казахстана к России. Оседание шаруа по существу началось со сплошного их перехода к постоянным зимним стойбищам.

Политика царизма в колониальном Казахстане, проводившаяся в интересах помещиков, буржуазии и феодально-родовой верхушки аула, вовсе не способствовала, как лицемерно заявляли ее проводники, массовому оседанию казахских шаруа, а наоборот, задерживала этот процесс. Царские колонизаторы почти повсеместно разрушали очаги оседлости и насильственно выселяли их жителей в пустыни и полупустыни.

Начало оседания шаруа происходило под воздействием российской экономики. В этом процессе важное значение имело влияние хозяйственной жизни и быта переселенческого крестьянства, а также экономики и культуры городов.

Жатаки, обездоленные шаруа, явились пионерами оседлости в далеком прошлом. Но в изучаемую нами эпоху, т. е. в последней трети XIX — начале XX в., слово «жатак», как обездоленный бедняк, потеряло свое бывшее значение. «Жатаками» назывались все оседлые жители, независимо от их материального положения.

Выдающиеся казахские просветители прошлого столетия Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, Абай Кунанбаев и

их последователи, борясь против феодально-байской верхушки и мусульманского духовенства, отрицавших значение оседания, страстно пропагандировали идеи перехода шаруа от кочевого быта к оседлости, видя в них путь к прогрессу в экономической, культурной жизни и в быту колониального аула.

Процесс оседания аула в целом проходил чрезвычайно медленно. Развитию этого процесса мешала реакционная политика самодержавия, феодально-родовая верхушка аула, отсталость, забитость самих шаруа, опутанных пережитками средневековья и догмой мусульманского духовенства.

Оседание казахского народа в подлинном смысле слова произошло и завершилось под эгидой Советской власти, после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В конце XIX — начале XX в. в казахском колониальном ауле, особенно в скотоводческо-земледельческой зоне, а также в плодородных оазисах юга Казахстана, развивалось земледелие, усиливалась товарность зернового хозяйства. Земледелие прочно вошло в хозяйственный быт аула.

Земледелие развивалось быстрее в тех аулах, которые были расположены вблизи русских деревень или в тех, где жили крестьяне-переселенцы. Один из авторов конца XIX в. заметил: «Чем ближе лежат степные области к внутренним губерниям России, или чем больший процент в них оседлого населения (русского. — Б. С.), тем более сокращаются у киргизов размеры скотоводства и взамен того более развивается земледелие и оседлость»¹.

Из года в год увеличивалась заготовка кормов для скота; на юге края и Семиречье широко практиковалось травосеяние.

В этот период казахские шаруа стали широко применять сельскохозяйственные орудия; байы и феодалы использовали сельскохозяйственные машины, бедняки заготавливали сено ручным способом.

Интенсивному развитию экономики аула мешала реакционная аграрная политика царизма, от которой страдали не только казахские шаруа, но и переселенче-

¹ «Оренбургский листок», 1890, № 25.

ское крестьянство. Бедняки-переселенцы испытывали неимоверные трудности и страдания, особенно в первые годы пребывания на новых местах. Многие из них шли в батраки к кулакам-старожилам. В переселенческих деревнях развивались капиталистические отношения, чему благоприятствовало отсутствие помещичьего землевладения в крае. Но в колониальном Казахстане власть кулачества над крестьянской беднотой была сильнее, чем в центре страны.

Колонизаторская политика царизма способствовала еще большему закабалению крестьянских масс. Проводниками такой политики явились черносотенцы; октябристы и кадеты шли на поводу у правительственных партий. Мелкобуржуазные партии — эсеры, меньшевики и другие по существу плелись в хвосте кадетов. Только большевистская партия во главе с В. И. Лениным защищала интересы трудящихся аула и села, отстаивая национализацию земли.

Под влиянием проникновения капиталистических и разложения феодально-родовых отношений усиливается процесс классовой дифференциации и классовой борьбы в ауле. Сохранилось господство основных двух классов докапиталистической эпохи: феодально-родовая знать и шаруа (крестьяне), а также зарождались и развивались два новых класса капиталистической эпохи: национальная буржуазия в лице баев нового типа и сельскохозяйственный пролетариат (батрачество). Первые два класса оставались основными, а последние — зарождающимися и развивающимися классами капиталистической эпохи.

Положение шаруа, особенно бедноты и батрачества, было исключительно тяжелым. Они испытывали гнет со стороны баев-феодалов, аульных буржуа и царской администрации. Бесчинствовали в ауле приспешники феодально-байской верхушки, получившие в народе название «аткамнеров».

С каждым годом в ауле все больше и больше обострялись аграрные противоречия, сказывалась земельная теснота. Земли, испокон веков принадлежавшие беднякам и середнякам коренного населения края, узурпировались феодально-родовой верхушкой и аульными буржуа, насильственно отнимались царским правительством в пользу атаманской верхушки казачьего войска,

или причислялись в переселенческие и запасные фонды.

Классовая борьба в ауле обострилась на почве аграрного вопроса, что видно из «прошений», заявлений и жалоб, исходивших из низов. Из этих источников видно, что аульная беднота не только жаловалась на свою горькую судьбу, но и решительно протестовала, выступала против богачей и царских колонизаторов. Нередко бывали случаи, особенно в годы первой русской революции, когда шаруа от пассивной формы борьбы переходили к активным действиям, нападая и громя аулы богачей-узурпаторов, а также чинов переселенческого управления.

Первая русская буржуазно-демократическая революция охватила и многонациональный казахский край. Наряду с поработенными массами других народностей в ней принимали участие казахские рабочие и шаруа. Но степень участия каждой из этих народностей была разной в силу различных социально-экономических и политических условий.

Казахские шаруа были опутаны пережитками средневековья, край являлся аграрным придатком царской империи, промышленность развита слабо и находилась в руках иностранных и русских капиталистов. Национальный пролетариат был крайне малочисленным, отсталым, а влияние мелкой буржуазии — сильным. Поэтому среди масс еще сильно было влияние мелкобуржуазной идеологии.

Влияние промышленного пролетариата в ауле почти отсутствовало. Местные социал-демократические организации по существу не добивались до аула, поэтому передовая мысль очень робко доходила до аульной бедноты, а газета «Урал», выходившая в Оренбурге, не получила широкого распространения в ауле ввиду того, что она издавалась недолго. Всеми этими обстоятельствами объясняется слабость, разрозненность движения казахского крестьянства в годы первой русской революции, тем более, что в колониальных окраинах, в том числе и в Казахстане, аграрное движение сочеталось с национально-освободительной борьбой.

Аграрный вопрос был основой первой буржуазно-демократической революции в России и в ее национальных окраинах. Казахские крестьяне боролись за землю, воду и равные с другими народами политические права.

Слухи о революционных событиях в центре страны доходили до казахских шаруа прежде всего через переселенческую бедноту. Наряду с этим во всех городах Казахстана нарастало революционное движение. Часто казахские крестьяне, приезжавшие в города, не только были свидетелями митингов, демонстраций городских трудящихся, но зачастую они и сами принимали активное участие в этих революционных событиях. К числу таких фактов, например, относятся совместные выступления казахских, русских крестьян и трудящихся в городе Каркаралинске, а также Омском уезде и в городе Омске в ноябре 1905 г.

Борьба казахских рабочих и крестьян носила антифеодальный, антиимпериалистический характер, следовательно, характер национально-колониальной революции.

Казахские шаруа поднимались на аграрно-революционную борьбу под влиянием борьбы русского рабочего класса и крестьянства, что видно даже из их петиций, как, например, «От киргиз — русским» и др. Гегемоном революции в Казахстане, как и во всей стране, был русский пролетариат во главе с большевистской партией.

Аграрно-революционная борьба казахских шаруа явилась составной частью буржуазно-демократической революции в стране. В ходе революционных событий росла и развивалась активность борющихся масс, укреплялась интернациональная солидарность, прочно складывалось боевое содружество рабочих и крестьян всех угнетенных царизмом народов, возглавлявшихся российским рабочим классом и его партией большевиков.

Примером такой интернациональной солидарности служит «Русско-киргизский союз», возникший в декабрьские дни 1905 г. на Успенском руднике.

Идеология казахского шаруа менялась в ходе революционной борьбы, а его мировоззрение постепенно росло и развивалось вследствие этой же борьбы.

Революция 1905 г. заставила царское правительство изменить свою тактику в аграрном вопросе вообще, в переселенческом — в частности. Оно решило приспособиться к капиталистическому развитию страны и, таким образом, искало опору в лице городской и сельской буржуазии. В этих целях царское правительство издава-

ло аграрные законы от 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г., по которым разрешалось крестьянам выйти из общины, стать собственниками своего надела и образовать хутора или отруба. Эти законы в истории получили название «столыпинщины».

Царские законы отвечали интересам помещиков и сельской буржуазии, полностью сохранилось помещичье землевладение. Это была вторая (после реформы 1861 г.) попытка царского правительства направить страну по прусскому пути развития капитализма; была последняя, как указывал В. И. Ленин, попытка открыть клапан для того, чтобы сохранить диктатуру помещиков, в союзе с крупной буржуазией ударить по надвигающейся новой революции. Путем переселения избыточного населения из центра страны на окраины, в том числе в Казахстан, царское правительство рассчитывало разрядить недовольство крестьян внутри страны, что ему не удалось.

На основании вышеупомянутых аграрных законов царское правительство разрабатывало и издавало «Правила о переселении на казенные земли»², по которым разрешалось всем крестьянам и мещанам-земледельцам выйти из общины, продать наделы и переселиться на окраины или посылать ходоков «в Азиатскую Россию для искания, осмотра и зачисления свободных казенных земель под переселение... причем ходокам этим предоставляется льготный железнодорожный проезд в избранные ими местности и обратно». В областях Казахстана, «по отношению к коим еще не установлено правил для окончательного земельного устройства коренного населения, — говорится в «Правилах», — земельные участки отводятся переселенцам в постоянное (бессрочное) пользование». В обязанность местных переселенческих учреждений входило «отмежевание особых хуторских отрубов из расчета по 45 десятин удобной и 15 десятин годной для выпаса земли. На юге Казахстана орошаемые земли «отводятся переселенцам в подворно-участковое пользование». Землеотводным партиям разрешалось выселять шаруа, а на их земли переселять крестьян и безвозмездно передать им ирригационные сооружения

² «Землеустройство» (Сб. законов и распоряжений), вып. V. СПб., 1914, стр. 312, 315, 317, 349, 359—360.

коренного населения. «Туркестанскому генерал-губернатору предоставляется, по соглашению с главноуправляющим землеустройством и земледелием, образовать из состоящих в ведении последнего казенных земель особые для переселенцев участки в тех местностях, где, по состоянию этих земель, доставку воды для их орошения, *хозяйственным и политическим условиям* (курсив наш. — Б. С.), нарезка этих участков будет признана возможною», — говорится в «Правилах».

После поражения революции 1905—1907 гг., особенно в период столыпинской реакции, переселенческое движение в Казахстан усиливалось. За 6 лет, с 1908 по 1913 год, в четыре степные области переселились 400 327 чел. мужского пола³, из них самое большое количество падает на Акмолинский переселенческий район (204 583 чел.), Тургайско-Уральский (142 993 чел.). Вместе с тем с каждым годом уменьшалось количество переселенцев, возвращавшихся к родным местам. Так, в 1911 г. возвратились из Акмолинского переселенческого района 5090 чел., Тургайско-Уральского — 6975, Семипалатинского — 2732; в 1912 г. — соответственно — 3289, 4468 и 1177; в 1913 г. — 1845, 3528 и 571 чел. Всего из трех названных переселенческих районов за эти годы возвратилось 29 675 чел. мужского пола.

В период первой мировой войны переселенческое движение в Казахстан сократилось.

Столыпинская аграрная политика, рассчитанная на притупление классового самосознания крестьян, создание новой социальной опоры царизма в деревне, провалилась.

Столыпинская реформа не уничтожила основного противоречия между развивавшимся капитализмом и остатками крепостничества, между крестьянами и помещиками, а наоборот, расчистила почву для нового революционного подъема; аграрный вопрос оставался нерешенным. Ухудшилось положение и переселенческого крестьянства, обострилась классовая борьба в деревне. Нарушились права землепользования местного населения национальных окраин, в том числе казахских шаруа. Еще более усилилась их ненависть к царизму.

³ В. А. Тресвятский. Указанные «Материалы...», стр. 41, 42. Здесь и далее в числе переселенцев указываются только мужчины.

Аграрная политика царизма потерпела крах, несмотря на то, что буржуазия служила самодержавию. «Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так, на деле, и контрреволюционный либерализм, — писал В. И. Ленин, — не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодозок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны»⁴.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 418.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. — Капитал, т. I—III, М., 1955.
- Теория прибавочной стоимости, ч. I и II. М., 1959.
 - Наемный труд и капитал. Избранные произведения в двух томах, т. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
 - Заработная плата, цена и прибыль. Избранные произведения в двух томах, т. I. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
 - Британское владычество в Индии. Избранные произведения в двух томах, т. II. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.
 - Будущие результаты Британского господства в Индии. Избранные произведения в двух томах, т. II. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.
 - Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Избранные произведения в двух томах, т. II. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.
 - К критике политической экономики. М., 1953.
 - Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат, ЦК ВКП(б), 1940.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Переписка с русскими политическими деятелями. М., 1951.
- Национализация земли. Сочинения, т. XIII, ч. I.
- Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II.
- Россия в Средней Азии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I.
 - Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I.
- Ленин В. И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. Сочинения, т. I.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. I.
- От какого наследства мы отказываемся? Сочинения, т. 2.
 - Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3.
 - Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье Г. Булгакова). Сочинения, т. 4.
 - Наша ближайшая задача. Сочинения, т. 4.

- Насущный вопрос. Сочинения, т. 4.
- Проект программы нашей партии. Сочинения, т. 4.
- Рабочая партия и крестьянство. Сочинения, т. 4.
- Аграрный вопрос и «критики Маркса». Сочинения, т. 5.
- Аграрная программа русской социал-демократии. Сочинения, т. 6.
- Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Сочинения, т. 6.
- Основной тезис против эсеров. Сочинения, т. 6.
- К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду. Сочинения, т. 6.
- Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России. Сочинения, т. 6.
- Национальный вопрос в нашей программе. Сочинения, т. 6.
- Революция в России. Сочинения, т. 8.
- Начало революции в России. Сочинения, т. 8.
- Революционные дни. Сочинения, т. 8.
- Первые уроки. Сочинения, т. 8.
- Две тактики. Сочинения, т. 8.
- Пролетариат и крестьянство. Сочинения, т. 8.
- О нашей аграрной программе (письмо III съезду). Сочинения, т. 8.
- Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Сочинения, т. 8.
- Аграрная программа либералов. Сочинения, т. 8.
- III съезд РСДРП 12 (25) апреля — 27 апреля (10 мая) 1905 года. Сочинения, т. 8.
- Победоносная революция. Сочинения, т. 8.
- Две тактики социал-демократии и демократической революции. Сочинения, т. 9.
- Черные сотни и организация восстания. Сочинения, т. 9.
- В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства. Сочинения, т. 9.
- Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Сочинения, т. 9.
- Первая победа революции. Сочинения, т. 9.
- Всероссийская политическая стачка. Сочинения, т. 9.
- Кровавые дни в Москве. Сочинения, т. 9.
- Пролетариат и крестьянство. Сочинения, т. 10.
- Этапы, направление и перспективы революции. Сочинения, т. 10.
- Пересмотр аграрной программы рабочей партии. Сочинения, т. 10.
- Доклад об объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим). Сочинения, т. 10.
- Кого выбирать в Государственную думу? Сочинения, т. 11.
- Социал-демократия и трудовые партии. Сочинения, т. 11.
- Задачи рабочей партии и крестьянство. Сочинения, т. 11.
- Аграрный вопрос и силы революции. Сочинения, т. 12.
- Сила и слабость русской революции. Сочинения, т. 12.
- Аграрный вопрос и «критики Маркса». Сочинения, т. 13.
- Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Сочинения, т. 13.

- Новая аграрная политика. Сочинения, т. 13.
- К оценке русской революции. Сочинения, т. 15.
- Аграрный вопрос в России к концу XIX в. Сочинения, т. 15.
- Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат. Сочинения, т. 15.
- Капиталистический строй современного земледелия. Сочинения, т. 16.
- Пятидесятилетие падения крепостного права. Сочинения, т. 17.
- По поводу юбилея. Сочинения, т. 17.
- «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. Сочинения, т. 17.
- О социал-демократической фракции II Думы. Изложение всего дела. Сочинения, т. 17.
- Памяти Герцена. Сочинения, т. 18.
- «Сущность аграрного вопроса в России». Сочинения, т. 18.
- Переселенческий вопрос. Сочинения, т. 18.
- Кадеты и аграрный вопрос. Сочинения, т. 18.
- Кадеты и демократия. Сочинения, т. 18.
- Кадеты и националисты. Сочинения, т. 18.
- Значение переселенческого дела. Сочинения, т. 19.
- Пробуждение Азии. Сочинения, т. 19.
- Еще о переселенческом деле. Сочинения, т. 19.
- Веховцы и национализм. Сочинения, т. 19.
- О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Сочинения, т. 19.
- Рабочий класс и национальный вопрос. Сочинения, т. 19.
- Крестьянство и рабочий класс. Сочинения, т. 19.
- Аграрный вопрос и современное положение России (Заметки публициста). Сочинения, т. 19.
- Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения, т. 20.
- О национальной гордости великороссов. Сочинения, т. 21.
- Социализм и война. Сочинения, т. 21.
- Доклад о революции 1905 года. Сочинения, т. 23.

* * *

Ку й б ы ш е в В. В. Избранные произведения. М., 1958.

Ф р у н з е М. В. Избранные произведения. М., 1934.

Х р у щ е в Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., 1956.

- Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1957 г. М., 1957.
- Речь на митинге во Дворце Центрального стадиона им. В. И. Ленина, посвященном возвращению Н. С. Хрущева из поездки по странам Азии. «Правда», 1960, 6 марта.
- Речь на совещании работников сельского хозяйства Казахстана. 28 июля 1956 г. «Казахстанская правда», 1956, № 177.
- Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства, т. 1—7. М., Госполитиздат, 1962—1963.

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, издание седьмое. Госполитиздат, 1954.
- XX съезд КПСС. Стенографический отчет. I, II. М., Госполитиздат, 1956.
- О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. М., Госполитиздат, 1956.
- К вопросу о культе личности. Издательство «Правда», 1956.
- Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года, в Бухаресте в июне 1960 года, в Москве в ноябре 1960 года. Госполитиздат, 1961.
- XXII съезд Коммунистической партии. Стенографический отчет I, II, III. Госполитиздат, 1962.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза (принятая единогласно XXII съездом КПСС). Госполитиздат, 1961.
- Устав Коммунистической партии Советского Союза (принятый единогласно XXII съездом КПСС). Госполитиздат, 1961.
- Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954). Одобрены ЦК КПСС. М., 1954.
- Пятьдесят лет первой русской революции (тезисы). М., 1955.
- История Коммунистической партии Советского Союза (издание второе, дополненное). Госполитиздат, М., 1962.
- Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963.

* * *

- Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. Алма-Ата, 1940.
- Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
- Аграрная декларация. «Степная жизнь», 1907, № 1.
- Александров Е. Из жизни степных уездов Сыр-Дарьинской области. «Туркестанские ведомости», 1884, № 51.
- Александров Е. Пути кочевков киргиз Малой орды Перовского и Қазалинского уездов. «Туркестанские ведомости», 1884, № 51.
- Александровский Ю. В. Закон 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». СПб., 1911.
- Алексеев П. Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 г. Журн.: «Пролетарская революция», 1928, № 8.
- Алехторов А. Е. Образ жизни киргизов. «Оренбургский листок», 1886, № 23.
- Образ жизни киргизов. «Оренбургский листок», 1890, № 16, 17.
- Киргизы. «Оренбургский листок», 1886, № 13—20, 22—25.
- Внутренняя Букеевская орда. Краткий исторический очерк. «Оренбургский листок», 1887, № 22, 24, 25, 26, 27, 29, 30.
- Скотоводство киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 17, 18, 19.

- Земледелие у киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 50, 51, 52.
- Очерки Внутренней Киргизской орды. «Известия Оренбургского отдела РГО». Оренбург, 1893, вып. II; 1894, вып. III.
- Алексеев В. В. и Шкапский О. А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Кустанайском и Актюбинском уездах Тургайской области, ч. I—III. СПб., 1907.
- Алтынсарин И. По поводу голода в Киргизской степи. «Оренбургский листок», 1880, № 16, 17, 20.
- Избранные произведения. Составил и подготовил к печати Б. С. Сулейменов. Алма-Ата, 1957.
- Астафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн. XVIII, вып. II. Омск, 1895.
- Азиатская Россия, т. I, II. СПб., 1914.
- Азиз Нияло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941.
- Аничков И. Забытый край, «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. 5. Ташкент, 1896.
- Очерк народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
- Упадок народного хозяйства в киргизских степях. «Русская мысль», кн. V. М., 1902.
- Аппасов А. О ростовщиках. «Киргизская степная газета», 1896, № 5.
- Аргинбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX веков (по материалам Восточного Казахстана). Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, т. 6. Этнография. Алма-Ата, 1959.
- Арсенов Р. С топорами выступали против вооруженной царской армии. «Социалистическая Караганда», 1936, 24 ноября.
- Асфендияров С. Д. История Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1935.
- Ахун М. и Маковский А. Военная работа большевиков в 1905—1907 гг. Л., 1941.
- Артемченко С. О наследственном землепользовании. «Киргизская степная газета», 1895, № 38, 39, 40.
- О наследственном землепользовании у киргизов. «Киргизская степная газета», 1895, № 38—40.
- К вопросу о киргизском землепользовании. «Киргизская степная газета», 1895, № 17, 18.
- Аэузова Л. М. Развитие земледелия у казахов в последний четверти XIX в. «Известия АН КазССР», серия истории, экономики, философии и права, вып. 2 (5), 1957.
- К вопросу о переселении крестьян и их роли в развитии земледелия. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (16), Алма-Ата, 1958.
- Аулиэ-Ата. «Русский Туркестан», 1898, № 24.
- Для чего существуют политические партии. «Степной голос», 1906, № 81.
- А. Н. Муллы в К-ском уезде. «Особое прибавление к Акмолинским Областным Ведомостям», 1889, № 20.
- А. П. Киргизская степь в хозяйственном отношении. «Экономический журнал», 1888, № 8.

- Балахонцев. Байгуши. «Семипалатинские областные ведомости», 1872, № 9.
- Балкашин Н. Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями. «Записки Запад.-Сиб. отдела ИРГО». Омск, 1881, кн. III.
- Балицкий Ю. Заметки о кочевом населении в Верненском уезде. «Туркестанские ведомости», 1873, № 6.
- Баллюзек Л. Ф. Новое административное деление в Тургайской области. «Записки Оренбургского отдела РГО». Казань, 1870, вып. I.
- Баранский Н. В рядах сибирского социал-демократического союза (воспоминание о подпольной работе 1897—1908 гг.). Ново-николаевск, 1923.
- Брагин С. и Шафиро Ш. Из истории революции 1905 г. в Семиречье. «Большевик Казахстана», 1935, № 12.
- Бекмаханов Е. О феодально-зависимых категориях рабов и тюленгутов. «Вестник АН КазССР», 1947, № 6.
- О социальной природе батыров (XIX в.). «Вестник АН КазССР», 1947, № 8.
- К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX в. «Вестник АН КазССР», 1950, № 2.
- Реакционная роль мусульманского духовенства (вторая половина XIX в. и начало XX в.). «Вестник АН КазССР», 1949, № 11.
- Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма. Алма-Ата, 1957.
- Джатаки. «Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», т. XIII, вып. 4 (история). Алма-Ата, 1950.
- Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
- Байское хозяйство в Казахстане и его особенности во второй половине XIX — начале XX вв. В кн.: «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения». М., 1961.
- Белявский. Исследование пути от залива Цисаревича (от Мертвого Культука) через Усть-урт до Конграда, произведенное в 1884 г. «Сборник географических материалов по Азии», вып. XV, 1885.
- Бенкович В. Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению. «Оренбургский листок», 1903, № 44, 45, 46.
- «Белая и черная кость» у киргизов (передовая статья). «Оренбургский листок», 1901, № 33.
- Бертгольд Г. В. Закон 14 июня 1910 года, содержащий в себе и высочайший указ 9 ноября 1906 г. о выходе из общины. М., 1912.
- Большевики против меньшевиков. «Уральский дневник», 1907, № 40.
- Березин И. Кочевники Средней Азии. «Научное обозрение», 1894, № 17.
- Берлин П. Экономическое положение наших инородцев. «Русская мысль», 1904, № 12.
- Богачев П. Письмо в редакцию. «Уральские войсковые ведомости», 1906, № 1.
- Бозанов У. Б. Описание зимовок и летовок киргиз Копальского уезда и кочевых дорог с зимних стойбищ на летние. «Труды 1-го

ветеринарного совещания врачей Семиреченской области». Верный, 1904.

Болотников Н. Из истории рабочего движения в Караганде. «Красный архив», 1939, № 53 (4).

Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891.

Будилович А. С. Вопрос об окраинах России, в связи с теорией самоопределения и требованиями государственного единства. СПб., 1914.

Бузурбаев Т. У. Крестьянское волнение в Алтайском округе в 1905—1907 гг. Новосибирск, 1939.

Бульин Н. 1905 год на Успенском руднике. «Социалистическая Караганда», 1939, 23 ноября.

Бушинский В. И. и Мантейфель В. А. Изыскания по орошению в Семипалатинской области, т. II. Материалы по изучению экономических условий Семипалатинской области, вып. I. Организация хозяйства при орошении в засушливых районах. СПб., 1915.

Брем А. Степные кочевники-скотоводы. «Нива», 1896, № 2.

Бродовский М. Очерк киргизской степи. «Землеведение», кн. III, 1913.

Ваганов О. А. Царизм и казахское байство (1906—1914 гг.). «Вопросы истории», 1946, № 5.

— Земельная политика царского правительства в Казахстане (1907—1914 гг.). «Исторические записки», кн. 31. М., 1950.

Валериан Владимирович Куйбышев. Материалы к биографии. М., 1936.

Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

— Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961.

Валь К. О. К истории экономических отношений у киргиз. «Научное обозрение», 1901, № 1.

Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915.

Васильев Николай. Кочевники Туркестана (опыт экономического обзора). Самарканд, 1890.

Введенский И. Переселение и аграрный вопрос. «Вопросы колонизации», СПб., 1909, № 5.

Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. ПСЗ, т. XVIII, 1868, № 46381.

Временные правила об ирригации Туркестанского края. Ташкент, 1877.

Веселовский Н. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. СПб, 1887.

Воронков В. По поводу о земельном устройстве туземного киргизского населения в Семиреченской области. Верный, 1808.

Воронцовский П. Хозяйство киргизов Тургайской области. «Тургайская газета», 1900, № 38, 39, 40.

Воротников В. Богара в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», СПб., 1910, № 6.

— Хуторские участки в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», СПб., 1910, № 3.

Вошинин В. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912.

- Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914.
- Гадаев. Тузтубинская волость Актюбинского уезда. «Тургайская газета», 1895, № 29.
- Корреспонденция. Тузтубинская волость Актюбинского уезда. «Тургайская газета», 1895, № 22.
- Галаявинский. Мендыгаринская волость Николаевского уезда. «Тургайская газета», 1895, № 1.
- Виноградский А. В. Таранчи. «Естествознание и География», 1907, ноябрь.
- Витевский В. Н. Н. И. Ильминский, директор Казанской учительской семинарии. Казань, 1892.
- Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь — декабрь 1905 г., часть третья, книга вторая, М., 1956.
- Вымирают ли киргизы? «Семипалатинский листок», 1906, № 48.
- Владимирский В. А. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние. Отчет ИРГО за 1901 год. СПб., 1902.
- Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
- Волостной управитель в роли судьи. «Степь» (Омск), 1906, № 74.
- Всероссийская конференция РСДРП. «Оренбургский вестник», 1906, № 13, 14.
- В четырех стенах. «Оренбургский вестник», 1907, № 16.
- Вульфсон Э. С. Киргизы. М., 1913.
- Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941.
- В. П. К вопросу о киргизском землеустройстве. «Туркестанский курьер», 1908, № 143.
- Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1911.
- Гвоздев Н. П. 1905 год на станции Чиили. «Советская степь», 1925, 30 декабря.
- Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. СПб., 1868.
- Гейер И. Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1892.
- По русским селениям Сыр-Дарьинской области. (Письма с дороги). Ташкент, 1893, т. I.
- Голод и колонизация. Сыр-Дарьинская область. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1894, т. 3.
- Ишаны, Баксы. «Окраина», 1894, № 20 от 16 марта.
- Туркестанские скитания. Ташкент, 1899.
- Туркестан. Ташкент, 1909.
- Гейнс А. К. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, № 1, 6, 7.
- Собрание литературных трудов, т. I, СПб., 1897.
- Герн В. Характер и нравы киргиз-казаков. Скотоводство киргизов. Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899.
- Гинс Г. К. Очерки из поездки по Семиречью. Таранчи и дунгане. «Исторический Вестник», СПб., 1911, № 8.
- В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. «Исторический Вестник», т. 84, СПб., 1913.
- Гришин М. 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925.

- Годы борьбы. Из истории Оренбургской областной партийной организации 1905—1925 гг. Вып. 1. Оренбург, 1959.
- Г л е б о в А. Что могут дать переселения крестьянству. СПб., 1907.
- Г о р б а н ь Н. В. Барометр показывает бурю. Алма-Ата, 1932.
- Г р о д е к о в Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889.
- Городские джатаки (корр. из Акмолинска). «Киргизская степная газета», 1895, № 14.
- Г р и г о р ь е в В. В. Русская политика по отношению к Средней Азии. СПб., 1894.
- Г о л о в а ч е в П. М. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири. «Земледелие», 1902, кн. 2, 3.
- Голос печати. «Степь», 1907, № 123.
- Государственная дума, III созыв. Стенографический отчет, сессия II, ч. III. СПб., 1909.
- Г. Заметка о хлебопашестве в Киргизской степи. «Газета для сельских хозяев», 1861, № 18.
- Г. Б. Положение Киргизского пролетариата. «Уралец», 1905, № 226.
- Д а н и л е н к о А. Дни побед и поражений в Уральске. «Красный архив», 1925, № 291.
- Д а у л е т о в Е. Ростовщичество и народный суд. «Киргизская степная газета», 1895, № 35.
- Д е н В. Сборник узаконений и распоряжений по землеустройству и землевладению крестьян. СПб., 1912.
- Десять заповедей социал-демократов. «Оренбургский вестник», 1906, № 5.
- Д е л е в и ч Б. Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края. Уральск, 1910.
- Д ж а й л а у (из киргизского быта). «Сибирская газета», 1886, № 51.
- Для чего существуют политические партии. «Степной пионер», 1906, № 81.
- Д и в а е в А. Баксы. «Окраина», 1894, № 16, 18, 19, 20.
- Несколько слов о благосостоянии наших киргизов. «Окраина», 1894, № 66.
 - Аткамнеры (страница из жизни киргиз). «Окраина», 1894, № 24.
 - Из области киргизского скотоводческого хозяйства. «Туркестанские ведомости», 1904, № 102; 1905, № 4.
- Д и н г е л ь ш т е д т Н. Наша колонизация Средней Азии. «Вестник Европы», т. VI. СПб., 1892.
- Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. ч. I, II. СПб., 1893 и 1895.
- Д о б р о с м ы с л о в А. И. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1893.
- Заметки о земледелии в Тургайской области. «Тургайские областные ведомости», 1893, № 28.
 - Крупный рогатый скот в Тургайской области. Оренбург, 1894.
 - Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1894.
 - Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.
 - Тургайская область (исторический очерк). Тверь, 1902.
 - Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904.

- Добросмыслов А. Общий вывод о скотоводстве киргиз Тургайской области. «Тургайская газета», 1895, № 5.
- Дорогие покойники. «Степь», 1906, № 100.
- Дорофеев А. Киргизское скотоводство. «Оренбургский листок», 1902, № 24.
- Думские думы об отношении к буржуазным партиям. «Степь», 1907, № 123.
- Дюйсембаев Р. Способы и приемы торгашей к обиранию киргизов. «Киргизская степная газета», 1895, № 40.
- Еренов А. К вопросу права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1956, № 5.
- Возникновение и развитие социалистических земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1963.
- Емельянов Н. Численность вакуфов Туркестанского края. «Туркестанские ведомости», 1887, № 1.
- Жакуп А. Областные киргизы. «Московские ведомости», 1890, № 173.
- Джанко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана (доклад, прочитанный на XXV конгрессе востоковедов). Издательство восточной литературы, М., 1960.
- Женщины у киргизов. «Оренбургский листок», 1901, № 32.
- Жеребятков Ф. А. К вопросу об особенностях феодальных отношений в дореволюционном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 10.
- Жизнь в степи (экономическое положение киргиз). Очерк Перовского уезда. Земли по Кувану. «Русский Туркестан», 1903, № 30.
- Жильцов А. Во мраке невежества. «Тургайская газета», 1896, № 71, 73, 77, 79, 80.
- «Журнал Совещания при Министерстве земледелия и государственных имуществ от 5. III 1905 г.» СПб., 1905.
- «Журнал совещания о землеустройстве киргиз». СПб., 1907.
- «Журнал совещания о порядке колонизации Семиреченской области». СПб., 1908.
- Забастовка почтово-телеграфных чиновников в Актюбинске. «Тургайская газета», 1905, № 48.
- Забота о переселенцах. «Степь», 1906, № 115.
- Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.
- Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь, т. III, М., 1867.
- Заряжский Г. Очерки Перовского уезда. «Туркестанская газета», 1872, № 29.
- Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1872, № 25, 27—32.
- Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. СПб., 1876.
- За землю. «Астраханский курьер», 1905, № 11.
- Заметки кустанайца. «Степь», 1906, № 98, 99.
- Заметки марксиста. «Простор», 1907, № 25, 30, 42.
- Запоздалая стыдливость людей нагайки. «Семипалатинский листок», 1905, № 273.
- Записки о состоянии Семиреченской области в 1908 году (составлена военным губернатором Семиреченской области ген.-лейт. Покартилло). Верный, 1909.
- Заселение киргизских степей. «Восточное обозрение», 1882, № 19.

- Захарова И. В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг. «Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. 6, Этнография, Алма-Ата, 1959.
- Зеланд Н. Киргизы. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», 1885, VII, 2.
- Земледелие у киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 50—52.
- Земледелие в Тургайской области. «Правительственный Вестник», 1897, № 262, 263.
- Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. «Сборник статей по Семипалатинской области». Семипалатинск, 1899.
- Землеустройство (сборник законов и распоряжений), вып. V. СПб., 1914.
- Землеустроительные законы, обнародованные по 1 января 1907 года. Издал В. Ржевский. Валуйки, 1907.
- Земельная реформа в киргизском крае. «Туркестанский курьер», 1909, № 184.
- Зенков И. Экономические заметки по киргизской степи от Иртыша до Иссык-Куля. «Туркестанские ведомости», 1874, № 46.
— Крестьянская колонизация в Семиречье. «Восточное обозрение», 1884, № 11.
- Зиманов С. З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 12.
— Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков, Алма-Ата, 1960.
К вопросу о праве феодальной собственности на землю в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1952, № 4.
- Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 12.
- Зобачев И. 1905 год в Сибири. Новосибирск, 1940.
- Зрячкин С. Летопись важнейших революционных событий 1907 года в Средней Азии (март—декабрь). «Историк-марксист», 1941, № 4.
- Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде. «Записки РГО по отделению этнографии», т. VIII, СПб., 1878.
- Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб., 1890.
- Иванов А. И. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. СПб., 1895.
— Колонизация Сибири в связи с переселенческим вопросом. СПб., 1900.
- Иванов Ф. Суд из-за калыма. «Тургайская газета», 1896, № 64.
- Избирательная борьба у киргизов (передовая статья). «Тургайская газета», 1895, № 22.
- Из жизни партии. «Оренбургский вестник», 1906, № 12, 13; 1907, № 18.
- Из жизни партии (наказы большевиков и меньшевиков). «Простор», 1907, № 32.
- Из жизни партии. «Наш путь», 1907, № 2, 9, 11.
- Из жизни партии. «Уральский дневник», 1906, № 157, 172.
- Из жизни партии. «Еженедельник труда», 1907, № 4, 5, 6.

- Из жизни партии (О черносотенных организациях). «Уральский дневник», 1906, № 172.
- Из жизни политических партий. «Степной пионер», 1906, № 141.
- Из истории революционного движения в Семипалатинской губернии. «Коммунист», 1923, № 1.
- Из прошлого. «Семипалатинский листок», 1906, № 1.
- Из Киргизской степи. (О заселении степи русскими переселенцами). «Оренбургский листок», 1880, № 2.
- Из тюрьмы. «Оренбургский вестник», 1906, № 8.
- Исторические перспективы. «Степь», 1906, № 100.
- И. А. Оседание кочевников и наше законодательство. «Окраина», 1896, № 62.
- История Казахской ССР. т. I. Алма-Ата, 1957.
- Итоги переселенческого движения в Туркестане, СПб., 1910.
- Итоги зачисления и водворения переселенцев за 1909 год. СПб., 1910.
- Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1914 год, ч. I, СПб., 1910; ч. 2, 1916.
- Кабеков Т. Корреспонденция из Тарбагатайских гор. «Киргизская степная газета», 1896, № 15.
- Кабиров М. Н. Переселение Илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1950.
- Казаки. «Уральский дневник», 1906, № 148.
- Казаки пробуждаются. «Степь», 1906, № 44.
- Казаки-мусульмане. «Степь», 1906, № 38.
- Казakov А. Переселенцы в Туркестанском крае. «Родина», 1880, март.
- Казалинск (Сыр-Дарьинская обл.). «Восточное обозрение», 1883, № 16.
- Каркаралинские события. «Семипалатинский листок», 1905, № 270.
- Каралдин. Земледелие в Тургайском уезде. «Тургайская газета», 1902, № 6, 20.
- Карбышев И. И. О начале земледелия и пчеловодства в Киргизской степи. «Земледельческий журнал», 1827, № 20.
- Карцов М. К вопросу о переходе туземцев из кочевого состояния в оседлое. «Туркестанские ведомости», 1896, № 15.
- Кауфман А. А. Отчет по командировке в Тургайскую область. СПб., 1898.
- К вопросу о колонизации Уральской области. СПб., 1903.
- К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903.
- Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910.
- К вопросу о хлебопашестве в киргизских степях. «Киргизская степная газета», 1894, № 3.
- К вопросу о постановке колонизационного дела в степных областях. «Степной край», 1897, № 74—75.
- К вопросу о прикреплении киргиз к земле. «На рубеже», 1908, № 30.
- К вопросу об инородцах. «Голос Оренбурга», 1906, № 94.
- К вопросу о беспартийности. «Наш путь», 1907, № 12.
- Киргизы. «Воскресный досуг», 1864, № 72, 73.
- Киргизы. Журн.: «Россия», 1888, № 21.
- Киргизский вопрос. «С-Петербургские ведомости», 1897, № 20.
- Киргиз. Киргизы-джатаки. «Русская речь», 1879, № 8.
- Киргизский суд и присяга. «Восточное обозрение», 1884, № 19.
- Киргизское обеднение. «Восточное Обозрение». СПб., 1885, № 6.

- Киргизская степь в хозяйственном отношении. «Экономический журнал», август, 1888.
- Киргизы-земледельцы Тургайской области. «Киргизская степная газета». Омск, 1897, № 28.
- Кирбицкий М. Воспоминание о событиях 1905—1906—1907 гг. «Пролетарий», 1923, № 2 (4).
- К истории перехода киргизов в оседлое состояние. «Оренбургская газета», 1898, № 357.
- К избирателям. «Простор», 1907, № 7.
- К истории выделения для единственного владения в Степном крае. «Семипалатинский листок», 1906, № 43, 44.
- Кияница А. П. Большевики Северного Казахстана в период первой русской революции. Алма-Ата, 1955.
- К нуждам деревни. «Трудовая жизнь», 1907, № 1.
- Кого выбирать рабочим? «Простор», 1907, № 1, 2.
- Кого выбирать в Государственную думу. «Оренбургский вестник», 1907, № 19.
- Коблов А. Споры и кляузы (из быта киргиз). «Тургайские областные ведомости», 1899, № 12.
- Вопрос об устройстве переселенцев Тургайской области. «Тургайская газета», 1900, № 36.
- Кое о чем. «Уралец», 1906, № 249.
- Козлов Т. С. Задачи большевизма в революционном движении Туркмени (1904—1916). Ашхабад, 1928.
- Колмогоров Г. Ф. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. СПб., 1857.
- Колонизация киргизских степей. «Голос Оренбурга», 1906, № 54.
- Колонизация Киргизской степи. «Уральский дневник», 1907, № 40.
- Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. Памятная книжка и адрес-календарь Семипалатинской области за 1898 год. Семипалатинск, 1899.
- Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска. Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 год. Семипалатинск, 1901.
- Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Очерк первый. Киргизы на казачьих землях. Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1901.
- Материалы для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области, кн. IV, вып. VI. Семипалатинск, 1902.
- Конопка С. Р. Туркестанский край. Ташкент, 1910.
- Корреспонденция из Кустанайского уезда (подпись З. Т.). «Тургайская газета», 1906, № 17, 18.
- Крамольник. «Уральский дневник», 1906, № 228.
- Краникфельд. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. Памятная книжка Уральской области на 1898 г. Саратов, 1898.
- Красовский М. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1868, ч. I.
- Крахалев А. Суд и следствие у киргизов Сибири. «Юридический вестник», ч. XXVIII, 1888.
- Крафт И. И. Султаны, тарханы, бии (историческая справка). «Тургайская газета», 1897, № 120.

- Собрания узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898.
- Крестьянский вопрос и министерская декларация. «Трудовая жизнь», 1907, № 1.
- К товарищам из «службы борцов». «Степь», 1906, № 42.
- К читателям. «Оренбургский вестник», 1906, № 1.
- Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
- Краснов А. Очерк быта семиреченских киргиз. Действ. чл. А. Н. Краснова (Читано в собрании Отделения Этнографии 27 марта 1887 г.). СПб., 1887.
- Кузнецов В. Результаты пересмотра норм земельного обеспечения киргизов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. СПб., 1908.
- Кустанай и арендаторские поселки. «Тургайские областные ведомости», 1894, № 14—15.
- Куфтин Б. Киргиз-казаки. Культура и быт. Применительно к обштановочному залу «Уголок кочевого аула в Казахстане» в Центральном музее народоведения. М., Изд. Центр. музея народоведения, 1926.
- К характеристике киргиз. «Туркестанские ведомости», 1912, № 223.
- К. Н. П. Положение переселенческого дела и переселенцев в Степном крае. «Северный вестник», кн. 4, СПб., 1892.
- Лебедев Ю. Т. Киргизы-адаевцы (современный очерк). «Оренбургский листок», 1897, № 1, 2, 3, 4, 5, 6.
- Левановский М. А. Очерки киргизских степей (Эмбенского уезда). «Земледелие», 1894, кн. 2, 3, 4.
- Леонтьев А. Обычное право киргиз. «Юридический вестник», 1890, № 5, 6.
- Лобысевич Ф. И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1891.
- Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I—II. Омск, 1886.
- Максимов Н. Народный суд у киргизов (суд биев). «Журнал Юридического общества при С.-Петербургском университете», 1897, кн. VII, отд. II.
- Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890.
- Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю, СПб., 1896.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины:
 - т. I. Кокчетавский уезд Акмолинской области. Воронеж, 1898;
 - т. II. Атбасарский уезд Акмолинской области. Воронеж, 1902;
 - т. III. Акмолинский уезд Акмолинской области. Воронеж, 1902;
 - т. IV. Павлодарский уезд Семипалатинской области. Воронеж, 1903;
 - т. V. Кустанайский уезд Тургайской области. Воронеж, 1903;
 - т. VI. Каркаралинский уезд Семипалатинской области. Воронеж, 1903;
 - т. VII. Актюбинский уезд Тургайской области. Воронеж, 1903;

- т. VIII. Зайсанский уезд Семипалатинской области. СПб., 1905;
- т. IX. Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской области. СПб., 1905;
- т. XI. Омский уезд Акмолинской области. М., 1902;
- т. XII. Петропавловский уезд Акмолинской области, Чернигов, 1908.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные по исследованию степных областей (Повторное исследование под руководством Кузнецова):

- т. I. Кокчетавский уезд Акмолинской области. СПб., 1909;
- т. II. Омский уезд Акмолинской области. СПб., 1910;
- т. III. Петропавловский уезд Акмолинской области. СПб., 1910;
- т. IV. Атбасарский уезд Акмолинской области. СПб., 1910.
- т. V. Акмолинский уезд Акмолинской области. СПб., 1910.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района:

- Уральский уезд. Оренбург, 1907, 1909;
- Темирский уезд. Оренбург, 1910;
- Тургайский уезд. Оренбург, 1911;
- Кустанайский уезд. Оренбург, 1912;
- Иргизский уезд. Оренбург, 1913.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева:

- т. I, вып. I, Лепсинский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1911.
- т. II. Копальский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913.
- т. III. Джаркентский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1912.
- т. IV. Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией под руководством П. А. Скрыплева:

- Чимкентский уезд. Ташкент, 1908;
- Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911;
- Перовский уезд. Ташкент, 1912;
- Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

Материалы к определению товарности киргизских хозяйств Актюбинской губернии. Под редакцией Я. Д. Левченко. Актюбинск, 1925.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. III. М., 1959.

Материалы для истории киргизов. «Сибирский справочный листок», 1907, № 23.

Международный гимн (Интернационал). «Степь», 1906, № 37.

Международное значение русского пролетариата. «Степь», 1906, № 111.

Международный Чубарагачский съезд. «Семипалатинский листок», 1906, № 123, 124, 125, 127, 128, 129.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб., 1865.

- Местные известия. Баян-Аул. «Особое прибавление к Акмолинским областным Ведомостям», 1890, № 7.
- Михайлов М. О Сыр-Дарьинских киргизах. «Неделя», 1866, № 3.
- Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900.
- Мордвинов Н. Администрация у оседлых инородцев Туркестана. «Русский вестник», 1899, № 11.
- Мусульманское пробуждение. «Голос Оренбурга», 1905, № 5.
- Мусульманский митинг. «Степь», 1906, № 95.
- Мякутин А. И. Юридический быт киргизов. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1911, в. 25.
- М. Т. Освобождение рабов в Киргизской степи. «Киргизская степная газета», 1895, № 43.
- На помощь голодающим. «Уралец», 1905, № 204.
- На смерть борца за свободу. «Простор», 1907, № 25.
- Народы России. Киргизы. СПб., 1893.
- Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. (Сборник документов). Ашхабад, 1946.
- Наше земледелие на границе с Китайской империей. «Восточное обозрение», 1890, № 4, 8.
- Нейштадт С. А. К вопросу об экономике колониального Казахстана. «Известия АН КазССР», серия экономическая, вып. I. 1949, № 65.
- Непроизводительность деятельности. «Уральские войсковые ведомости», 1906, № 6.
- Несколько заметок о предвыборной агитации в Семипалатинске. «Семипалатинский листок», 1906, № 15.
- Несколько слов о большевиках и профсоюзах. «Наш путь», 1907, № 17.
- Никольский В. К. Киргизы. «Сибирский наблюдатель», 1903, кн. 3.
- Новые плоды творчества семипалатинских политиков. «Семипалатинский листок», 1906, № 17.
- Носилов. Как отзывалась японская война в наших киргизских степях. «Уральские войсковые ведомости», 1904, № 14.
- Об арычном земледелии в Каркаралинском уезде. «Восточное обозрение», 1903, № 76.
- Обеднение киргизов (с санитарной точки зрения). «Акмолинские областные ведомости», 1890, № 37.
- Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г. СПб., 1914.
- Обзор Уральской области за 1880 г. Уральск, 1881.
- Обзор Акмолинской области за 1892 г. Омск, 1893.
- Обзор Тургайской области за 1892 г. Оренбург, 1893.
- Обзор Семипалатинской области за 1892 г. Семипалатинск, 1893.
- Обзор Семипалатинской области за 1906 г. Семипалатинск, 1907.
- Обзор Семиреченской области за 1907. Верный, 1908.
- Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов России за 1913 г. СПб., 1914.
- Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906—1910 гг. СПб., 1911.
- Об изменении системы денежных сборов с киргизов Внутренней Орды. Туркестанский сб., 1868, т. VI.

- О бийских решениях. «Киргизская степная газета», 1896, № 7.
- Об улучшении быта джатаков (корр. из Зайсана). «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 51; 1890, № 1.
- Огановский Н. П. Переселенческое дело в Уральской области на 1900 г. Уральск, 1900.
- О джатачестве в Киргизской степи. «Сибирская газета», 1887, № 13.
- Областная хроника. Общественные санные запасы в Тургайской области. «Тургайская газета», 1895, № 12.
- Обостряется сложный политический кризис. «Оренбургский вестник», 1906, № 8.
- Объявление военного губернатора Уральской области. «Уральские войсковые ведомости», 1906, № 68.
- Объявленное постановление военного губернатора Уральской области. «Уральские войсковые ведомости», 1906, № 69.
- О киргизском народном суде. «Киргизская степная газета», 1894, № 46.
- О киргизских зимовках. «Оренбургский листок», 1906, № 51.
- О муллах в Киргизской степи. Материалы для статистики Туркестанского края. «Ежегодник», 1874, т. III.
- О кадетской тактике. «Наш путь», 1907, № 11.
- Омская организация в первой русской революции 1905—1907 гг. (Сборник документов). Омск, 1956.
- О составе местного «Отдела союза русского народа». «Уральский дневник», 1907, № 80.
- Остафьев В. А. Очерк Акмолинской области. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1893, № 1—4.
- Островский В. Киргиз-землевладелец. «Туркестанские ведомости», 1897, 27 сентября.
- Землевание и земледелие Сибирского казачьего войска. «Труды Императорского вольного экономического общества», 1897, т. 2, № 4.
- Освобождение. «Семипалатинская жизнь», 1907, № 45.
- О современном положении киргизского хозяйства. «Киргизская степная газета», 1898, № 13.
- Опытное пчеловодство. «Тургайская газета», 1895, № 17.
- Опытное поле и лесной питомник в Актюбинском уезде (передовая статья). «Тургайская газета», 1895, № 20.
- О претензии бедных в Киргизской степи. «Астраханский вестник», 1898, № 2689.
- О положении джатаков. «Новости», 1894, № 319.
- Описание Западной Сибири. М., 1862.
- Описание Акмолинского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб., 1911.
- Описание Семиреченского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. СПб., 1911.
- Описание Семипалатинской области. СПб., 1914.
- Описание Тургайской и Уральской областей. СПб., 1916.
- Отвод наделов переходящим к оседлости киргизам и их переселение в скотоводческие районы. СПб., 1911.
- Ответ истинным сынам степей. «Семипалатинский листок», 1906, № 23.
- Отголоски печати. «Оренбургский вестник», 1906, № 10.

- От группы семипалатинских демократов. Газета «Телеграммы С.-Петербургского агентства», 1906, № 75.
- От киргиз Зайсанского уезда. «Семипалатинский листок», 1907, № 20.
- От киргиз — русским. «Уральский дневник», 1907, № 33.
- От партии народной свободы в г. Усть-Каменогорске. Газета «Телеграммы С.-Петербургского агентства», 1906, № 78.
- От союза 17 октября. «Голос Оренбурга», 1906, № 44.
- Отношение политических партий к ответственному министру. «Степной пионер», 1906, № 143.
- Очерк работ по заготовлению переселенческих участков за время с 1893 по 1899 гг. СПб., 1900.
- Очерк климата Тургайско-Уральского района, 1910.
- О чем писать? «Еженедельник труда», 1907, № 7.
- Орлов П. В. События 1905 года в Казахстане (по старым газетным и архивным документам и материалам Омского архива). «Мир труда», 1925, № 332.
- Отчет члена-сотрудника С. Рыбакова о поездке к киргизам летом 1896 г. по поручению императорского географического общества. «Живая старина», 1897, вып. II.
- Отчетные данные по Семиреченскому переселенческому району за 1907 г., вып. 50. СПб., 1908.
- Отчетные данные по Сыр-Дарьинскому переселенческому району за 1907 г., вып. 47, СПб., 1908.
- Отчетные данные по Семипалатинскому переселенческому району за 1907 г., СПб., 1908.
- Очнитесь. «Наш путь», 1907, № 90.
- Павлов К. К. История Туркестана в связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1910.
- Павлович М. П. Революция 1905 года и Восток. «Историк-марксист», 1926, № 1.
- Пален К. К. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана. Ч. 1 и 2. СПб., 1911.
- Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910.
- Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.
- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1897 год. Саратов, 1897.
- Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области за 1900 год. Уральск, 1901.
- Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год. Верный, 1898.
- Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 год. Верный, 1898.
- Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 год. Верный, 1901.
- Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Верный, 1901.
- Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г. Составил В. П. Никитин. Семипалатинск, 1897.
- Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 г. Семипалатинск, 1899.
- Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск, 1902.

- Партия народной свободы и Союз 17 октября. «Степной пионер», 1906, № 82.
- Партия народной свободы и Союз 17 октября. «Степной голос», 1906, № 82.
- Партийная жизнь. «Степной край», 1907, № 1.
- П а ш и н о П. И. О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области. «Известия РГО», т. 3, № 8, СПб., 1867.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область, СПб., 1904.
- Астраханская губерния. Тетрадь 1, СПб., 1899; тетрадь 2, СПб., 1904.
- LXXXII. Закаспийская область, СПб., 1904.
- LXXXIV. Семипалатинская область, СПб., 1905.
- LXXXV. Семиреченская область, СПб., 1905.
- LXXXVI. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905.
- LXXXVII. Тургайская область, СПб., 1904.
- LXXXVIII. Уральская область, СПб., 1904.
- Пер ву ш и н А. Податные тяготы у киргизов. «Туркестанские ведомости», 1882, № 41.
- По вопросу о хлебопашестве в киргизских степях. «Киргизская степная газета», 1844, № 3.
- Переселение в степной край в 1907 году. Справочная книжка о переселении в области Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. СПб., 1907.
- Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.
- Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911.
- Перовск (корреспонденция). «Степь», 1906, № 42.
- Пер лы г и н М. Киргизы Тургайской области и их коневодство. «Журнал коневодства», 1892, № 1.
- Песня наборщика. «Наш путь», 1907, № 98, 99, 101, 102.
- Петиция киргиз. «Семипалатинский листок», 1906, № 84, 85.
- Петиция. «Уралец», 1905, № 198, 200, 216, 244.
- Письмо в редакцию. «Степь», 1907, № 100.
- Письмо в редакцию. «Оренбургский вестник», 1907, № 20.
- Письмо члена Государственной думы И. И. Космодамианского. «Уральский дневник», № 83, 84, 85.
- Погорельский П. и Б а т р а к о в В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
- Пожертвование на голодающих. «Прииртышский край», 1907, № 1, 5, 7.
- Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.
- Полвека назад. Воспоминания участников революционных событий 1905—1907 гг. Саратов, 1955.
- Помощь голодающим. «Прииртышский край», 1907, № 9.
- По пасакам Усть-Каменогорского уезда. «Семипалатинская жизнь», 1907, № 45.
- Популярные беседы. «Степь», 1906, № 103, 104, 106, 108, 109.
- По пасакам Усть-Каменогорского уезда. «Семипалатинская жизнь», 1907, № 21, 22, 23, 24, 28, 34, 36, 45, 69, 74, 82, 84.

- Положение переселенческого дела и переселения в Степной край. «Северный вестник», 1892, № 4.
- Посев озимых хлебов киргизами. «Тургайская газета», 1895, № 5.
- Польферов Я. Я. Ярмарка в г. Актюбинске и ее социально-экономическое значение для края. «Тургайская газета», 1895, № 46.
- По России. К делу редактора «Русского Туркестана» М. В. Морозова. «Простор», 1907, № 44.
- Посвящается голодным. «Простор», 1907, № 10.
- Постановка переселенческого дела. «Степная жизнь», 1907, № 2.
- Польферов Я. Я. Земледелие в Тургайской области (очерк). Оренбург, 1896.
- Польферов Я. Я. Русская колонизация в киргизских степях. «Хозяин», 1897, № 49.
- Половцев И. Отчет чиновника особых поручений при МВД Половцева, командированного в 1896—1897 гг. для сбора сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. СПб., 1898.
- Положение киргизского пролетариата. «Уралец», 1905, № 226.
- Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Автономной Киргизской Социалистической Советской республики. Оренбург, 1924.
- Потанин Г. Н. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири. «Сельское хозяйство и лесоводство». СПб., 1883.
- Потапов А. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6.
- Полочанский Е. А. За новый аул — кстау. М., 1926.
- Политические программы. «Семипалатинский листок», 1905, № 251.
- Померанцев. Джатаки. «Семипалатинские областные ведомости», 1871, № 17.
- Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1901 г. Верный, 1901.
- «Пробуждение» (автор А. Б-н). «Уральский Дневник», 1906, № 151, 152, 153, 154.
- Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Ташкент, 1880.
- Проект всепод. отчета ген.-губ. К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губ. СПб., 1885.
- Протокол заседания особой комиссии при семиреченском областном правлении. Омск, 1889.
- Путевые записки, введенные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области в 1878 г. К. Словоцова. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXI. Омск, 1897.
- П. А. Киргизская степь в экономическом отношении. «Экономический журнал», 1888, № 8.
- Правда о каркаралинских беспорядках. «Степь» (Омск); 1906, № 11.
- Праздник труда. «Степной край», 1907, № 1.
- Предварительное статистическое исследование быта семипалатинских рабочих. «Семипалатинский листок», 1906, № 149, 150.
- Премии за знание туземных языков. «Оренбургский листок», 1905, № 13.

- Предвыборные дни в Семипалатинске. «Семипалатинский листок», 1906, № 6.
- Пробуждение. «Уральский дневник», 1906, № 151, 152, 153, 154.
- Проводы члена Думы И. М. Космодамианского. «Уральский дневник», 1907, № 37.
- Протест против удаления В. В. Зубкова и заявление приказчиков. «Простор», 1907, № 13.
- Профсоюзы и политические партии. «Наш путь», 1907, № 24.
- ПСЗ Российской империи. Сборник третий, т. IX, 1889.
- ПСЗ, т. XXX, № 23 039.
- ПСЗ, 2-е, т. XXIII, отд. 1, № 22 497.
- ПСЗ, 2-е, т. XXXIV, № 34 271.
- ПСЗ, 2-е, т. XXXVI, № 37 286.
- ПСЗ, 2-е, № 7141.
- ПСЗ, 3-е, т. IX, ст. 6198.
- Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг. (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1955.
- Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под редакцией А. М. Панкратовой, т. II (1861—1884), ч. II (1875—1884). Госполитиздат, 1950.
- Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1912.
- Распределение киргизских летовок. «Тургайская газета», 1895, № 23.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII и XIX. СПб., 1913.
- Революция 1905—1907 годов в Казахстане (сб. документов и материалов под редакцией Б. С. Сулейменова, составитель Ф. Киреев). Алма-Ата, 1949.
- Революционное движение в Астрахани и Астраханской губернии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Астрахань, 1957.
- Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Казань, 1957.
- Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии. Сборник документов. Томск, 1955.
- Революционное движение в Омске в годы первой русской революции. Сборник документов, Омск, 1957.
- Революция в Средней Азии (сборник), вып. 1. Издательство «Правда Востока», Ташкент, 1929.
- Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Прикаспийская коммуна», 1940, 22 января.
- Резолюция объединительного съезда РСДРП. «Степь», 1906, № 3.
- Репрессии. «Степная жизнь», 1907, № 2.
- Рыскулов Т. Туркестан и Казахстан (1905—1907 гг.) «Борьба классов», 1936, № 5.
- Розевич. Опытное поле на Илецкой ферме (отчет). «Тургайские областные ведомости», 1893, № 51, 52; 1894, № 7; «Тургайская газета», 1895, № 20.
- Румянцев П. П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. «Вопросы колонизации». СПб., 1909, № 5.
- Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1911.
- Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 г. по данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914.

- Русанов И. Ф. О кочевьях киргиз Акмолинской и Семипалатинской области: летние перекочевки по степи и зимние стойбища. «Томские губернские ведомости», 1870, № 41, 42.
- Русские переселенцы среди киргизов. «Тургайская газета», 1897, № 43 и 44.
- Рябиков Н. Каратургайская волость Тургайского уезда (корреспонденция). «Тургайская газета», 1895, № 18.
- «Сам Г.» Воспрещение меновой торговли в киргизских степях. «Тургайская газета», 1895, № 26.
- Самодержавие или народовластие. «Простор», 1907, № 3.
- Самохвалов Ф. Отголоски революции 1905 года среди казахов. «Советская степь», 1925, № 261.
- Самокусов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.
- Сапожников В. В. Очерки Семиречья, т. I. Верный, 1904; т. II, 1906.
- Сапожников В. Очерки Семиречья. 1—2, Томск, 1906.
- Сахаров М. Э. Оседание кочевых хозяйств Киргизии. М., 1914.
- Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.
- Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. V. Ташкент, 1896.
- «Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков». СПб., 1907.
- Свобода. «Уралец», 1905, № 261.
- Севастьянов С. Н. Кустанай и арендаторские поселки. Историко-экономический очерк. «Тургайские областные ведомости», 1892, № 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 26.
- Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургай. «Записки Оренбургского отдела РГО», вып. I. Казань, 1870.
- Сенькин А. Как мы печатали листовки в 1906 г. «Прикаспийская правда», 1937, 5 мая.
- Селицкий И. В. Сельскохозяйственная промышленность переселившихся из Илийского края в Семиреченскую область таранчей и дунган. «Киргизская газета», 1901, № 30, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 40, 42.
- Селицкий И. В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете». 1904, т. XX.
- Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1897.
- Семовский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование, т. II. Положение рабочих после 1870 г. СПб., 1898.
- Серебренников А. Г. Материалы по истории завоевания Туркестанского края, т. I—XVIII, 1914.
- Симонов Н. Ф. К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Туркестане. «Известия Узбекского филиала АН СССР», 1941, № 4.
- Первая маевка в Туркестане. Ташкент, 1940.
- Большевицкая печать в Туркестане (1905—1907 гг.). Ташкент, 1940.
- Скалов Б. Материалы по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Под ред. К. Д. Глинки, Б. А. Скалова.

- Описание средней части Тургайско-Уральского района. СПб., 1909.
- Сквозь колючую изгородь. «Еженедельник труда», 1907, № 6.
- Скотоводство киргизов. «Оренбургский листок», 1905, № 3.
- Скотоводство киргизов. «Оренбургский листок», 1888, № 16—17.
- Скрыплев П. А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. II. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909.
- Сладков Л. О земледелии у киргиз Каркаралинского уезда. «Степной край», 1896, № 63.
- Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905.
- Смесь. Доходы царской фамилии. «Трудовая жизнь», 1907, № 1.
- Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. СПб., 1887.
- Собрание мусульман. «Уральский дневник», 1907, № 69.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1891.
- Собрание мусульман «Уральский дневник», 1906, № 167, 169.
- Современный момент. «Простор», 1907, № 13.
- Соколовский К. Казахский аул. Ташкент, 1926.
- Соловьев А. Г. Революционное движение в Туркмени в 1908—1917 гг., кн. 4. Ашхабад, 1946.
- Со съезда социал-демократов. «Степная жизнь», 1907, № 3.
- Список прогрессивных кандидатов в выборщики, выставленных Оренбургской группой РСДРП. «Простор», 1907, № 2.
- Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год. СПб., 1911.
- Споры по выборам. «Тургайская газета», 1895, № 28.
- С. П. Хлопоты киргиз о переходе с кочевого на оседлое положение. «Туркестанское сельское хозяйство». Ташкент, 1914, № 5.
- Среди газет и журналов. Киргизские земли. «Прииртышский край», 1907, № 10.
- Статистика. «Прииртышский край», 1907, № 7.
- Степняк. Судебное дело в киргизской степи. «Оренбургский листок», 1901, № 28.
- Степняк. Голос степняка из Тургайского уезда (по поводу чрезвычайных съездов киргизских народных судей на новых основаниях). «Тургайская газета», 1895, № 22.
- Ст. Арыс. (корреспонденция) «Простор», 1907, № 42.
- Статистика Российской империи, т. XXVII, «Волости и населенные места 1893 г.» СПб., 1895.
- Сладков А. О земледелии у киргиз Каркаралинского уезда. «Степной край», 1896, № 63.
- Смирнов А. Быт и нравы киргизов. СПб., 1892.
- «Степное положение, высочайше утвержденное 25 марта 1891 г., об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской». Омск, 1895.
- Ступаков И. Итоги земледелия. «Туркестанское сельское хозяйство», 1909, № 1.
- Судебная реформа в степных областях и туркестанском крае. «Тургайская газета», 1896, № 67.
- «Судьба киргизских интернатов». «Сибирская газета», 1884, № 47.

- Сулейменов Б. С. Подготовка реформы 1867—1868 гг. в Казахстане. «Известия КФАН СССР, серия историческая», вып. 2, Алма-Ата, 1946.
- И. Алтынсарин и передовая общественная мысль в Казахстане во II половине XIX в. «Вестник АН КазССР». Алма-Ата, 1950, № 5.
 - Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867—1868 гг. «Вестник АН КазССР», 1951, № 2.
 - Казахстан в первой русской революции. Алма-Ата, 1949.
 - К вопросу о революции 1905—1907 гг. в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия историческая», вып. 5. Алма-Ата, 1950.
 - Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1955, № 3.
 - Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах А. Диваева. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», вып. I. Алма-Ата, 1959.
 - Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 11. Алма-Ата, 1961.
- Султан Салих Бабин. Корреспонденция. Аул № 1 Чубарланской волости Тургайского уезда. 16 декабря 1894 г. «Тургайская газета», 1895, № 1.
- Съезд Российской социал-демократической рабочей партии. «Простор», 1907, № 29.
- Тетеревников А. Н. Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПб., 1867.
- Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России. «Записки РГО», т. 4. СПб., 1874.
- Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876.
- Тимаев К. Киргизское землепользование. «Туркестанский курьер», 1909, № 234, 235.
- Тимофеев Н., Брайнин С. Большевицкая работа в Казахстане до Октябрьской революции. «Большевик Казахстана», 1938, № 1.
- Тимофеев Н. Возникновение большевицких групп в Казахстане. «Казахстанская правда», 1940, 11 ноября.
- Тиранам. «Простор», 1907, № 14.
- Типы хозяйства Туркестана (очерки сельского хозяйства Средней Азии). Ташкент, 1924.
- Тихонов Г. Хозяйственный быт киргизов Степного края. «Тургайская газета», 1901, № 11, 12.
- Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. Под ред. А. М. Авиغدора, ч. I. М., 1934.
- Тодефский Н. Странички из истории революционного движения в Петропавловске. «Советская степь», 1925, № 233.
- 1905 год в Акмолинской губернии (по документам Омского окружного архива). «Мир труда», 1925, № 231.
- Токайшвили. Материалы по истории революционного движения в Туркестане. 1905 год. «Коммунист», 1922, № 7—8.
- Толыбеков С. Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. «Вестник АН КазССР», 1951, № 8 (77).

- Толыбеков С. Е. Общественный строй казахов XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1957.
- Торговля верблюдами и продуктами, получаемыми от них у тургайских и оренбургских киргиз. «Киргизская степная газета», 1895, № 6.
- Толстых З. и Крупотов В. Первая маевка в Кустанае (1905 г.). «Сталинский путь», 1952, 1 мая.
- Толстов С. П. Генезис феодализма кочевых скотоводческих обществ. «Известия ГАИМК», вып. 103. Л., 1934.
- Тлеулин Р. Урочище Ханым-Жол Аман-Карагайской волости Николаевского уезда (корреспонденция). «Тургайская газета», 1895, № 1.
- Трегубов А. Л. По новым местам. СПб., 1913.
- Тресвятский В. А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I, Степной край. Петроград, 1917.
- Туда. «Оренбургский вестник», 1906, № 8.
- Туркестан. «Окраины России», 1906, № 8.
- Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Туркестанский край). СПб., 1903.
- Труды I-го областного съезда крестьянских начальников Уральской области в 1904 г. Уральск, 1905, апрель.
- Тургунов М. К. Переселение уйгур-таранчи из Китая в Семиречье и последующее их землеустройство. Л., 1950.
- Турсунбаев А. Б. Нерушимая дружба русского и казахского народов. Алма-Ата, 1950.
- Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.
- Тюря у киргизов (Ак-суек — «белая кость»). «Оренбургский листок», 1901, № 32.
- Усовершенствованное статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
- Успенский А. Влияние колонизации на киргизское хозяйство (по данным повторного исследования Аракарагайской волости Кустанайского уезда Тургайской области, произведенного Цабелем). «Вопросы колонизации», № 2.
- Уральск (местная хроника). «Степь», 1906, № 96.
- Уральский кружок помощи голодающим крестьянам. «Уралец», 1905, № 202.
- Уральское побоище. «Уральский дневник», 1906, № 143.
- Утро Сибири. «Семипалатинская жизнь», 1907, № 19.
- Участие чиновников в политических партиях. «Уральский дневник», 1906, № 165.
- У... Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898.
- Федоров Е. Аграрные недоразумения в Туркестанском крае. «На рубеже», 1909, № 230.
- Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
- 1905 год и коренное население Туркестана. «Новый Восток», 1925, № 10, 11; Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926.
- Отзвуки 1905 года в казахских степях. «Советская степь», 1930, № 18.

- Исторический, физико-географический и политико-экономический очерк Казахской АССР. Весь Казахстан. Справочная книга на 1932 год. Алма-Ата, 1932.
- О конкретном содержании формулы «от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм в Казахстане». «Большевик Казахстана», 1933, № 1.
- Революция 1905—1907 годов в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.
- Казахстан — колония в конце XIX и в начале XX столетия. «Ученые записки Алма-Атинского государственного и педагогического института им. Абая», т. 2. Алма-Ата, 1941.
- Фридерикс П. Туркестан и его реформы. «Вестник Европы», т. III, № 5, 6. СПб., 1869.
- Ф. Е. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область. «Русское богатство», 1894, № 2.
- Харузин А. Н. О джатачестве в киргизской степи. «Сибирская газета», 1887, № 13.
- Ханинсов Н. Я. Революционное движение в Сибири в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Новосибирск, 1957.
- Хворостинский П. А. Киргизский вопрос в связи с колонизацией. «Тургайская газета», 1906, № 21.
- Земледелие в Кошкаратинской, Самматаевской, Улусамской и 3-х адаевских волостях. «Известия Оренбургского отдела РГО», вып. XXII. Оренбург, 1911.
- Центральный съезд партии социал-демократов. «Уральский дневник», 1907, № 29.
- Чего хотят партии народной свободы. «Степной пионер», 1906, № 82.
- Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами. «Уралец», 1905, № 250.
- Чего добиваются кадеты? «Голос Оренбурга», 1906, № 72.
- Чермак Л. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 27.
- Вымирают ли киргизы. «Сибирские вопросы», 1906, № 2.
- Формы киргизского землепользования. «Сибирские вопросы», 1908, № 23, 24.
- Переселенцы в степном крае. «Сибирские вопросы», 1908, № 3 и 4.
- Киргизское хозяйство в степном крае (район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912.
- О скотоводстве киргизов Западной Сибири. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1883, № 1.
- Черная сотня. «Уралец», 1905, № 261.
- Черносотенные советы. «Семипалатинский листок», 1906, № 89.
- Черносотенное творчество. «Семипалатинский листок», 1906, № 86, 87.
- Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. 1908.
- Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи. «Вопросы колонизации», № 2.
- Что делать? «Семипалатинский листок», 1906, № 46.
- Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. «Уралец», 1905, № 216, 217.

- Что такое политическая свобода и какая политическая свобода нужна рабочим? «Простор», 1907, № 4, 5.
- Шафиро Ш. Я. Верный в годы первой русской революции. «Известия Казахского филиала Академии наук СССР, серия историческая», вып. 2. Алма-Ата, 1946.
- Шахматов В. Ф. К вопросу о расслоении казахского аула в первой половине XIX века. «Вестник АН КазССР», 1957, № 71 (148).
- Шапский О. А. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. «Русская мысль», кн. 6, СПб., 1897.
- Киргизы-крестьяне (из жизни Семиречья). СПб., 1905.
- Отчет о поездке в Семиреченскую область. СПб., 1906.
- Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906.
- Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. Сб. на сибирские темы. Под редакцией М. Н. Соболева. СПб., 1905.
- Экономическое положение оседлого и кочевого населения Степных областей. «Оренбургский листок», 1890, № 25—26.
- Экономический террор. «Еженедельник труда», 1907, № 1.
- Юзефович Б. О быте киргиз Тургайской области. «Русский Вестник», апрель, 1880, т. 146.
- Юлдашев А. М. Проникновение русского монополистического капитала в экономику Туркестана (1900—1917 гг.). Автореферат диссертации. Ташкент, 1961.
- 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925.
-

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Журналы

- «Айкап» (Троицк).
- «Большевик Казахстана».
- «Большевик Украины».
- «Борьба классов».
- «Вестник Европы».
- «Вестник АН КазССР» (Алма-Ата).
- «Вопросы истории».
- «Вопросы колонизации».
- «Железнодорожная заря» (Оренбург).
- «Живая старина».
- «Журнал коневодства».
- «Журнал юридического общества при С.-Петербургском университете».
- «Ежегодник».
- «Ежегодник» (Ташкент).
- «Еженедельник труда» (Оренбург).
- «Естествознание и география».
- «Записки Западно-Сибирского отдела РГО».
- «Записки РГО».
- «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО».
- «Земледелие».
- «Земледельческий журнал».
- «Известия АН КазССР, серия историческая».
- «Известия АН КазССР, серия экономическая».
- «Известия ГАИМК» (Л.).
- «Известия Оренбургского отдела РГО».
- «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».
- «Известия Узбекского филиала АН СССР».
- «Исторический вестник».
- «Исторический журнал».
- «Исторические записки» (орган Института истории АН СССР).
- «Красный архив».
- «Каторга и ссылка».
- «Коммунист».
- «Научное обозрение».

«Пролетарий» (М.).
«Россия» (художественно-литературный журнал, М.).
«Русский вестник» (СПб.).
«Русская мысль».
«Северный вестник» (СПб.).
«Сельское хозяйство и лесоводство».
«Советская Киргизия».
«Степной вестник» (Омск).
«Сибирский наблюдатель» (Омск).
«Туркестанское сельское хозяйство» (Ташкент).
«Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, серия историческая» (Алма-Ата).
«Ученые записки Казахского Государственного педагогического института им. Абая» (Алма-Ата).
«Экономический журнал».
«Юридический вестник».

Газеты

«Акмолинские областные ведомости».
«Астраханский дневник».
«Астраханский край».
«Астраханский курьер».
«Волжанин» (Астрахань).
«Восточные обозрения».
«Восточный досуг».
«Вперед».
«Газета для сельских хозяев».
«Голос Оренбурга».
«Голос Приуралья».
«Дала Уалинаты» (Омск).
«Закаспийское обозрение» (Ашхабад).
«Звезда».
«Казахстанская правда».
«Казахстан» (Уральск).
«Киргизская газета».
«Киргизская степная газета».
«Ленинское знамя» (Петропавловск).
«Мир труда» (Акмолинск).
«Московские ведомости».
«На рубеже».
«Наш путь» (Оренбург).
«Невская звезда».
«Неделя».
«Нива».
«Новая жизнь».
«Новый восток» (Ташкент).
«Новости».
«Оренбургский вестник».
«Оренбургская газета».
«Оренбургские епархиальные ведомости».
«Оренбургский листок» (Оренбург).

«Оренбургский край».
«Окраина» (Ташкент).
«Окраины России» (СПб.).
«Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям».
«Правда».
«Правительственный вестник».
«Прииртышский край» (Семипалатинск).
«Прикаспийская правда».
«Простор» (Оренбург).
«Профессиональный листок» (Астрахань).
«Пролетарии».
«Родина».
«Русское богатство».
«Русский вестник»
«Русский Туркестан» (Самарканд — Ташкент).
«Русская речь».
«С.-Петербургские ведомости».
«Семипалатинская жизнь».
«Семипалатинский листок».
«Сибирские вопросы» (Омск).
«Сибирский справочный листок» (Петропавловск).
«Советская степь».
«Солдатский листок — Правда» (Ташкент):
«Социалистическая Караганда».
«Сибирская газета» (Омск).
«Сибирский наблюдатель» (Омск).
«Сталинский путь» (Кустанай).
«Степь» (Оренбург).
«Степной голос» (Омск).
«Степной вестник» (Омск).
«Степной край» (Оренбург).
«Степной пионер» (Омск).
«Степное эхо» (Омск).
«Телеграммы С.-Петербургского агенства» (Семипалатинск).
«Томские губернские ведомости».
«Туркестанская газета».
«Туркестанские ведомости».
«Трудовая жизнь» (Семипалатинск).
«Тургайская газета» (Оренбург).
«Тургайские областные ведомости» (Оренбург).
«Туркестанский курьер» (Ташкент).
«Уралец».
«Урал» (Оренбург, на татарском языке).
«Уральские войсковые ведомости».
«Уральский дневник».
«Хозяин».
«Юридический вестник».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный государственный архив Казахской ССР

- ф. 4 — Оренбургской пограничной комиссии.
- ф. 5 — Оренбургского областного правления.
- ф. 15 — Семипалатинского областного правления.
- ф. 19 — Заведующего переселенческим делом в Семиреченском районе (г. Верный).
- ф. 25 — Тургайского областного правления.
- ф. 26 — Тургайского областного суда.
- ф. 29 — Заведующего Тургайско-Уральским переселенческим районом.
- ф. 41 — Верненского уездного управления.
- ф. 44 — Семиреченского областного правления.
- ф. 64 — Канцелярии степного генерал-губернатора.
- ф. 76 — Прокурора Верненского окружного суда
- ф. 78 — Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой.
- ф. 77 — Верненского окружного суда.
- ф. 86 — Троицкого окружного суда Тургайской области (г. Троицк).
- ф. 119 — Туркестанского уездного начальника.
- ф. 120 — Джаркентского уездного управления.
- ф. 124 — Чимкентского уездного управления.
- ф. 148 — Аулие-Атинского уездного поземельно-податного присутствия ведомства Туркестанской казенной палаты.
- ф. 175 — Податного инспектора Верненского участка Семиреченской области, ведомства Омской казенной палаты.
- ф. 317 — Заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе.
- ф. 318 — Тургайского статистического комитета.
- ф. 318 — Тургайского областного статистического комитета.
- ф. 334 — Акмолинского областного прокурора.
- ф. 342 — Омской казенной палаты.
- ф. 345 — Областного правления сибирских киргизов.
- ф. 354 — Кокчетавского уездного начальника.
- ф. 357 — Помощника начальника омского жандармского управления.
- ф. 369 — Акмолинского областного правления.
- ф. 370 — Уральского областного правления.
- ф. 382 — Управления командующего Сыр-Дарьинской линией.
- ф. 390 — Кустанайского уездного начальника.
ния в г. Петропавловске.
- ф. 393 — Акмолинского областного статистического комитета.
- ф. 453 — Прокурора Семипалатинского окружного суда.
- ф. 457 — Актюбинского уездного переселенческого управления Тургайско-Уральского переселенческого района.
- ф. 470 — Семипалатинского окружного суда.
- ф. 460 — Семипалатинского областного статистического комитета.
- ф. 479 — Павлодарского уездного переселенческого управления.
- ф. 501 — Акмолинско-Семипалатинского управления земледелия и государственных имуществ.

- ф. 510 — Податного инспектора Аулие-Атинского уезда (г. Аулие-Ата).
- ф. 534 — Семипалатинского областного суда.
- ф. 546 — Усть-Каменогорского уездного управления.
- ф. 562 — Податного инспектора Петропавловского уезда Акмолинской области.
- ф. 643 — Петропавловского уездного переселенческого управления.
- ф. 700 — Уральского областного статистического комитета.
- ф. 730 — Податного инспектора Акмолинского участка Акмолинской области Омской казенной палаты (г. Акмолинск).
- ф. 751 — Атбасарского уездного управления.
- ф. 769 — Иргизского уездного управления.
- ф. 829 — Семиреченского областного статистического комитета.

Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ)

- ф. 273 — Управления железной дороги Министерства путей сообщения.
- ф. 391 — Переселенческого управления.
- ф. 733 — Департамента народного просвещения.
- ф. 1126 — Хомутова Петра Ивановича (передан ЦГА УзССР).
- ф. 1273 — Комитета Сибирской железной дороги.
- ф. 1282 — Дела особой канцелярии министра полиции и министра внутренних дел.
- ф. 1291 — 8-го делопроизводства (инородческое) Земского отдела МВД.
- ф. 1396 — Ревизии сенатора Туркестанского края К. К. Палена.
- ф. — Государственного совета, департамента законов.
- ф. — Государственного совета, департамента экономии.

Центральный государственный архив СССР в Москве (ЦГИАМ)

- ф. 102 — Департамента полиции, особого отдела (ДП, ОО).
- ф. 124 — Министерства юстиции.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР в Москве (ЦГВИА СССР)

- ф. 1442—1444 — Управления Оренбургского военного округа.
- ф. 1448 — Управления Западно-Сибирского военного округа.
- ф. 1439—1440 — Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора.
- ф. 1391—1416 — Управления Туркестанского военного округа.
- ф. 2000 — Главного управления генерального штаба.

Центральный государственный архив Узбекской ССР (ЦГА УзССР, г. Ташкент)

- ф. 1, 11 — Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора.
- ф. 7 — Управления земледелия и Государственных имуществ Туркестанского генерал-губернаторства.

- ф. 10, 17 — Сыр-Дарьинского областного правления.
- ф. 12 — Туркестанского охранного отделения.
- ф. 47 — Управления учебными заведениями Туркестанского генерал-губернаторства.
- ф. 49 — Инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области.
- ф. 51 — Ташкентской судебной палаты.
- ф. 55 — Ташкентской судебной палаты.
- ф. 50, 128 — Ташкентского окружного суда.
- ф. — Переселенческого управления Сыр-Дарьинской области.
- ф. 336 — Военного губернатора Туркестанской области.

Центральный государственный архив Татарской АССР (г. Казань)

- ф. 968 — Ильминского Николая Ивановича.
- ф. — Казанского Учебного Округа.

Государственный архив Оренбургской области (г. Оренбург)

- ф. 6 — Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора.
- ф. 12 — Тургайского областного правления.
- ф. 21, 80 — Оренбургского губернского жандармского управления.
- ф. 22 — Жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги.
- ф. 25 — Дела канцелярии Оренбургской полиции.
- ф. 54 — Оренбургского пограничного суда Оренбургской губернии.
- ф. 57 — Оренбургского окружного суда.
- ф. 59 — Канцелярии Оренбургского губернского прокурора.
- ф. 73 — Канцелярии директора народных училищ Оренбургской губернии.
- ф. 74 — Канцелярии попечителя оренбургского учебного округа.
- ф. 126 — Оренбургско-Тургайского управления земледелия и государственных имуществ.
- ф. 142 — Управления Ташкентской железной дороги в г. Оренбурге.
- ф. 143 — 8-го участка пути и здании ташкентской железной дороги (ст. Челкар).
- ф. 148 — Заведующего Оренбургской телеграфной сетью.
- ф. 169 — Севастьянова.

Государственный архив Саратовской области (г. Саратов)

- ф. 5 — Поволжского охранного отделения.
- ф. 7 — Саратовской судебной палаты.

**Государственный архив Омской области
(ГАОО, г. Омск)**

- ф. 25 — Омской судебной палаты.
- ф. 190 — Прокурора Омской судебной палаты.
- ф. 270 — Омского жандармского управления.

**Архив всесоюзного географического общества
(Ленинград)**

- ф. — Рукописные личные.

Архив Академии наук СССР (Ленинград)

- ф. — Личные.

**Архив Казахского филиала ИМЭЛ — Института истории партии
при ЦК КП Казахстана (Алма-Ата)**

- ф. — Дублетные.

**Архив Института истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР (Алма-Ата)**

- ф. — Дублетные.

**Государственная публичная библиотека Узбекской ССР
им. Алишера Навои (г. Ташкент)**

Материалы Туркестанского сборника (53 тома).

**Государственная публичная библиотека СССР
им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)**

Рукопись купца Белова о хозяйстве казахов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава первая

Казахстан в составе Российской империи

1. Население и территория казахских земель	22
2. Завершение присоединения казахских земель к России	27
а) Политический строй	27
б) Подготовка реформы	33
в) Административное и судебное устройство	40

Глава вторая

Хозяйственное устройство колониального аула

1. Территориальное устройство аула	48
2. Скотоводство	58
3. Классовое расслоение	72
4. Налоговой гнет царизма	90

Глава третья

Аграрная политика самодержавия и переселенческое движение

1. Аграрная политика самодержавия	95
2. Аграрный вопрос в Государственной думе	108
3. Переселенческое движение	116
4. Социально-экономическое положение крестьян-переселенцев	126

Глава четвертая

Начало оседания колониального аула

1. Политика царизма	142
2. Казахские просветители об оседании шаруа	152
3. Начало оседания аула	157

Глава пятая

Развитие земледелия в ауле

1. Стремление шаруа к земледелию	172
2. Устройство оросительных сетей	186
3. Способ орошения	191
4. Полеводство	195
а) Способы полеводства	195
б) Уртачество	200
5. Земледельческие орудия	202
6. Развитие земледелия	205
а) Трудовое содружество шаруа и переселенческого крестьянства	205
б) Развитие земледелия	207
в) Товарность земледелия	223
г) Байская кабала	241
д) Хлебный рынок	247

Глава шестая

Обострение аграрных отношений и классовой борьбы в ауле

1. Массовое расхищение земель шаруа	250
2. Усиление борьбы за землю в колониальном ауле	264

Глава седьмая

Классовая борьба в Казахстане в годы первой русской революции

1. Начало распространения идеи марксизма-ленинизма в Казахстане накануне 1905 г.	285
2. В период подъема революции	292
3. В годы отступления революции	332
Заключение	367
Библиография	376
Список использованных периодических изданий	403
Список использованных архивных фондов	406